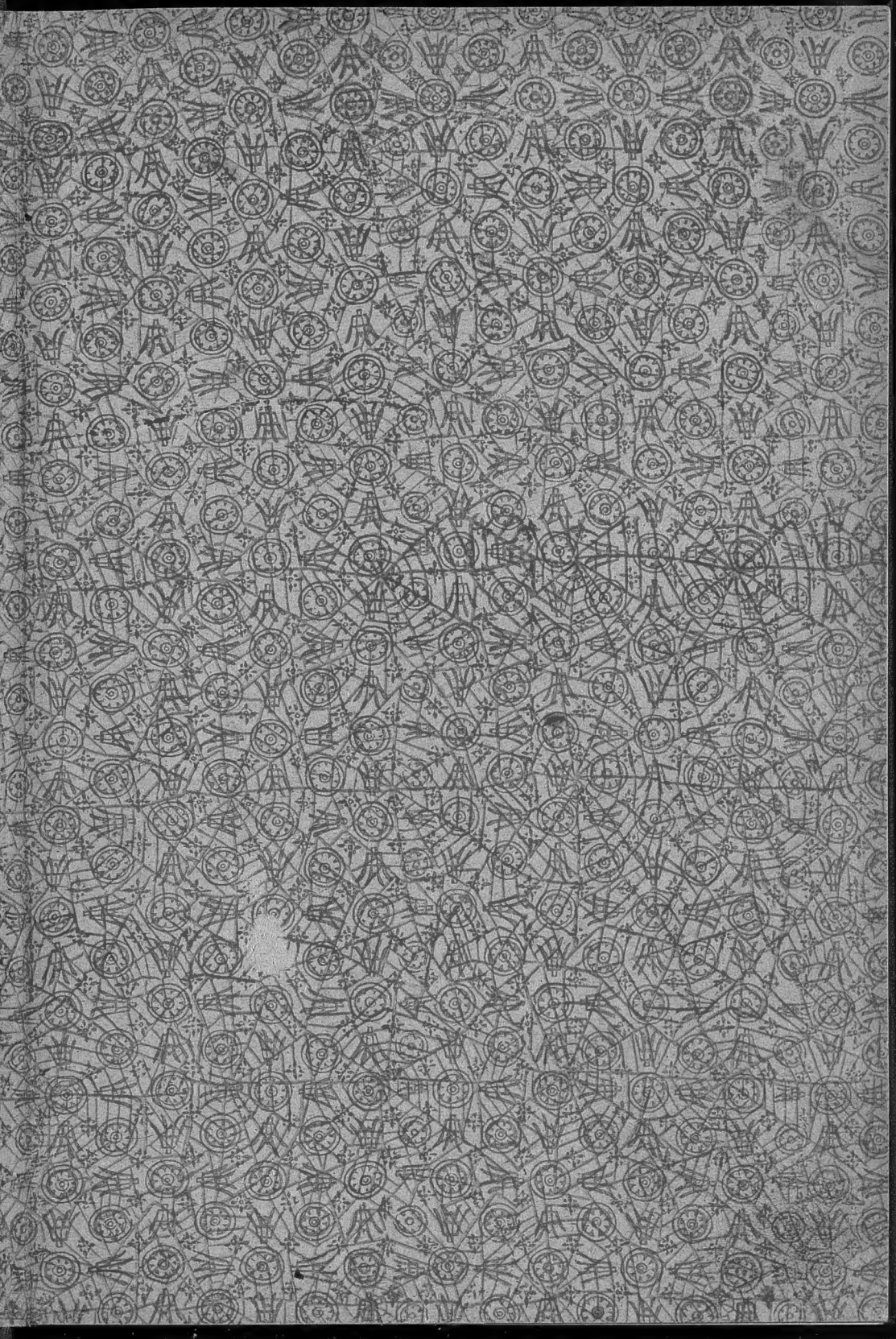
ДБ
30
А-13 Турк.
Абаза. К.К.
Завоевание
Туркестана



ДБ Турк
30
А 13

9 9
А 13

ЗАВОЕВАНІЕ

ТУРКЕСТАНА.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ ИСТОРІИ, ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ, БЫТА И НРАВОВЪ ТУЗЕМЦЕВЪ—ВЪ ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ.

Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгиль-тепе.

Составилъ **К. К. АБАЗА**.

ПОЧАЙНО
5/6(1)
35

Проверено 1937 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902.

КВ

3100

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
541985

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 іюля 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые очерки печатались въ ж. «Родникъ» за 1888—1900 гг. Издавая ихъ отдѣльной книгой, составитель разсчитывалъ, что они найдутъ читателей, интересующихся этой отдаленной окраиной, особенностями быта народовъ тамъ обитающихъ, наконецъ,—выдающимися трудами и подвигами русскихъ войскъ. Такое предположеніе имѣло за собой то вѣроятіе, что, при наличности весьма цѣнныхъ вкладовъ въ военно-историческую литературу, еще отсутствуетъ общедоступное изложеніе поступательнаго движенія русскихъ въ Средней Азіи съ первыхъ шаговъ до окончательнаго замиренія края. И если бы составителю удалось пополнить этотъ пробѣлъ, онъ считалъ бы себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Всѣ статьи являются здѣсь просмотрѣнными и значительно дополненными; повторенія, неизбѣжныя при разбросанности въ книжкахъ журнала, опущены; послѣдняя же статья составлена за-ново, такъ какъ вышедшая (въ ж. «Читальня») отдѣльнымъ изданіемъ брошюрка подъ тѣмъ же названіемъ предназначалась исключительно для начальныхъ школъ. Какъ и въ предыдущихъ трудахъ составитель держался той же системы въ обработкѣ матеріала, не позволяя себѣ вымысла или искаженія фактовъ, излагая событія по возможности просто и ясно, по-

тому что имѣлось въ виду дать книгѣ широкій доступъ—въ семью, школу и въ войсковыя части. Если въ этомъ отношеніи не вездѣ соблюдена должная равномѣрность, то это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ обилія или скудости пособій по ходу той или другой изъ экспедицій.

Пособіями въ данномъ случаѣ служили статьи, помѣщенныя въ журналахъ—«Военный Сборникъ» за 1863—1899 гг., «Вѣстникъ Европы» (Середы, Лобысевича, Терентьева, Росселя и др.), «Русскій Архивъ» (Захарьина), «Русскій Вѣстникъ» (Львова, Зиновьева, корреспонденціи Макъ-Гахана), «Историческій Вѣстникъ» (Полторацкаго, Кодинца), «Русская Старина» за 1873 г., № 2, «Всемірный Путешественникъ» 1873 г. («Хива и Туркменія»); книги Гродекова: «Хивинскій походъ 1873 года», его же «Ахалъ-текинскій походъ», его же «Киргизы и Кара-киргизы»; Макшеева: «Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе русскихъ»; Маслова: «Завоеваніе Ахалъ-теке»; «Военный Обзоръ» т. III; «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Заилійскомъ краѣ и журналъ осады коканской крѣпости Пишпекъ»; Иванина: «Описаніе зимняго похода въ Хиву», его же «Хива и Аму-Дарья»; Никольскаго: «Лѣтнія поѣздки по Туркестану»; С. Гедина: «Въ сердцѣ Азіи»; Галкина: «Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи»; Остроумова: «Сарты»; Реклю: «Земля и люди»; Котельникова: «Ферганская область»; Латкина: «Закаспійская область»; Вамбери: «Очерки Средней Азіи».

Рисунки заимствованы изъ коллекцій покойнаго Г. А. Колпаковскаго и бывшаго туркестанскаго епископа Неофита; изъ книгъ—генерала Гродекова, Иванина; изъ журналовъ – «Всемірная Иллюстрація» и «Развѣдчикъ».

К. Абаза.

23 Августа 1901 г.
г. Измаилъ.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ВЪ ХИВУ.

1. Походъ князя Бековича-Черкасскаго.

I.

Петръ Великій воевалъ со шведами на одной окраинѣ своего государства и въ то же время помышлялъ о другой, прилегающей къ морю Каспійскому. Тамъ нужно было сбить шведа, чтобы открыть морской путь въ Голландію, Англію и другія страны Запада; здѣсь онъ искалъ выгодныхъ путей въ страны восточныя. На этой окраинѣ, по мысли великаго царя, народы Европы съ одной стороны и народы Азіи съ другой — могли обмѣнивать свои товары, что шло бы на прибыль и русскимъ. Ближайшіе наши сосѣди со стороны Каспія, хивинцы и бухарцы, съ давнихъ временъ вели торгъ съ Казанью и Астраханью, гдѣ многіе изъ купцовъ имѣли свои дворы; ихъ караваны ежегодно ходили въ Азію и обратно; оттуда часто являлись послами гонцы хивинскіе или бухарскіе. Но Петръ Великій понималъ, что весь барышъ шелъ въ руки азіятцевъ. Голландцы, англичане не ждали къ себѣ купцовъ,

а сами развозили свои товары по бѣлому свѣту, оттого и богатѣли: почему же не могли разбогатѣть и наши?—Такъ думалъ царь и разсылалъ своихъ гонцовъ въ Китай, Персію, Индію. Эта послѣдняя привлекала еще больше, чѣмъ бѣдная Хива или Бухара. Не было завоевателя, не было купца, который бы не помышлялъ попасть въ Индію, страну диковинъ, въ надеждѣ поживиться ея богатствами. Думалъ объ этомъ и нашъ государь. Онъ ждалъ только случая; такой случай скоро представился.

Одинъ знатный туркменъ, по имени Ходжа Нефесъ, объявилъ астраханскому воеводѣ, что имѣетъ открыть государю дѣло великой важности. Отправленный въ Петербургъ, Ходжа Нефесъ сказывалъ, что въ странѣ, лежащей по рѣкѣ Аму, добывается песочное золото и что въ рѣку Аму можно попасть прямо изъ Каспія, если перекопать плотину, которую нарочно сдѣлали хивинцы, чтобы отвести рѣку въ Аральское море. Выслушавши эти рѣчи, царь припомнилъ, что лѣтъ 13 тому назадъ у него былъ хивинскій посолъ, который отъ имени своего хана просилъ принять Хиву въ подданство. Государь хотя и согласился тогда, но, въ заботахъ о шведской войнѣ, позабылъ объ этомъ. Теперь Хива представилась ему, какъ выгодная станція на длинномъ торговомъ пути между Индіей и нашей окраиной. Желая провѣдать этотъ путь и въ то же время провѣрить слова Ходжи Нефеса, а также уговорить хана на вѣчное подданство, царь приказалъ снарядить въ Хиву посольство подъ прикрытіемъ войска и съ участіемъ торговыхъ людей. Начальникомъ, и въ то же время главнымъ посломъ, царь выбралъ близкаго къ себѣ человѣка, родомъ изъ Кабарды, князя Бековича-Черкасскаго.—Ранней весной 1717 года въ астраханскихъ степяхъ началось движеніе: воеводы ближнихъ и дальнихъ городовъ высылали муку, крупу, сазановъ или осетровъ коренныхъ, вино, уксусъ, лѣкарства, пушки, порохъ, снаряды; изъ Оренбурга шли яицкіе казаки, съ Кавказа — гребенскіе; изъ Кабарды поднялись родные братья Бековича «мурзы черкасскіе» съ большой свитой; изъ Ногайской земли

шли потомки ордынцевъ. Все это направлялось въ Астрахань, гдѣ купцы уже вьючили свои товары, откуда выѣзжали въ разныя стороны гонцы и куда возвращались съ отвѣтомъ. Между прочимъ, посланные въ Хиву Иванъ Воронинъ и Алексѣй, по прозванію «Святой», доносили, что хотя отъ нихъ подарки и приняли, однако ихъ самихъ держатъ подъ стражей, на скудныхъ кормахъ и донимаютъ разспросами: «зачѣмъ это русскіе люди строятъ на ихъ землѣ крѣпости?» или: «зачѣмъ князь Бековичъ собираетъ конницу?» — Кромѣ того стало извѣстно, что ханъ разослалъ во всѣ попутныя кочевья приказъ, чтобы не только ни въ чемъ не помогали русскимъ, а напротивъ того, собирались бы съ силами и истребляли ихъ всѣми способами. Бековичъ не обратилъ вниманія на эти угрозы. На седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи онъ поднялъ свой отрядъ, собранный подъ Гурьевымъ городкомъ, въ степной походъ на Хиву. Не считая купцовъ, вожаковъ и прислуги, въ отдѣлѣ находилось три тысячи войска, въ томъ числѣ двѣ тысячи казаковъ, 400 человѣкъ пѣхоты, посаженной на лошадей да 600 драгунъ.

Степные походы всегда считались и считаются теперь самыми трудными, какъ по недостатку воды, кормовъ, такъ и потому, что приходится идти безъ дорогъ, куда ведетъ вожакъ; снаряжаясь въ степной походъ, надо запасаться всѣмъ, начиная съ хлѣба и кончая дровами.

Обремененный множествомъ верблюдовъ и повозокъ, военный отрядъ скорѣе похожъ на большой караванъ, который, подъ прикрытіемъ солдатъ, ползетъ медленно, съ опаской. Невидимый противникъ слѣдитъ за нимъ съ боку или насѣдаетъ сзади, и хотя бы пришлось съ нимъ встрѣтиться, онъ при первой неудачѣ готовъ исчезнуть, — лови его потомъ въ степи! Ночью непріятель можетъ подползти къ становищу, надѣлать кутерьмы или еще того хуже — отогнать верблюдовъ, лошадей: что тогда дѣлать? Степной походъ одинаково труденъ и лѣтомъ, и зимой. Въ закаспійской степи нѣтъ ни высокихъ горъ, ни лѣсовъ,

отчего зимой случаются такіе сильные бураны, которые срываютъ кибитки, разгоняютъ табуны, поднимаютъ тучи снѣга, мигомъ заносятъ живые слѣды. Бывали примѣры, что погибали цѣлые аулы. Суровую зиму смѣняетъ знойное лѣто; жары доходятъ до 45 градусовъ, что бываетъ лишь въ Сиріи, Африкѣ да сосѣднихъ съ ними странахъ. Въ сѣверной части степи еще растетъ ковыль, но, чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ корма скуднѣе; голая накаленная земля кишитъ ящерицами, змѣями, скорпіонами и прочими гадами; чуть что — они исчезаютъ, заползая въ трещины.

Киргизы, главные обитатели закаспійской степи, ранней весной перекочевываютъ на сѣверъ, къ зимѣ же удаляются на югъ, гдѣ нѣтъ такихъ страшныхъ бурановъ. Смышленые азіятскіе купцы, соображаясь съ этимъ, отправляли на сѣверъ свои товары съ весны, а возвращали ихъ къ зимѣ; имъ легче было нанимать верблюдовъ, потому что киргизы шли въ ту же сторону. Отъ Оренбурга до Хивы считается полторы тысячи верстъ, и малые караваны проходили иногда это разстояніе въ 30 дней. Сколько извѣстно о походѣ князя Бековича, онъ также шелъ быстро. Такъ, на восьмой день онъ былъ уже на рѣкѣ Эмбѣ, т.-е. сдѣлалъ болѣе 300 верстъ. Видимо, онъ хотѣлъ нагрянуть на Хиву внезапно, а можетъ быть, хотѣлъ проскочить степью, пока еще не наступила знойная пора. За Эмбой отрядъ углубился въ безводную пустыню, придерживаясь караваннаго пути, отъ колодца къ колодцу. По недостатку послѣднихъ, почти на каждой стоянкѣ измученные люди брались за лопаты и копали колодцы; малѣйшее промедленіе могло сгубить весь отрядъ. Были мѣста, гдѣ приходилось копать по 20, по 30 и даже 35 колодцевъ, каждый глубиной до 3-хъ саженъ. Почти на половинѣ пути бывшій *караванъ-баша*, или проводникъ отряда, по имени Кашка, да еще десять калмыковъ тайно покинули лагерь и скрылись; нѣкоторые изъ нихъ вернулись въ свои кочевья, а другіе, какъ увидимъ, пробрались въ Хиву. Ходжа Нефесъ, бывшій при отрядѣ, повелъ его дальше. За

8 дней пути отъ Хивы Бековичъ выслалъ впередъ сотню казаковъ съ дворяниномъ Корейтовымъ, чтобы увѣрить хана въ своей пріязни. Тогда и ханъ Ширгазы отправилъ на встрѣчу двухъ хивинцевъ съ подарками: кромѣ овощей и фруктовъ — обычный подарокъ въ Хивѣ — ханъ прислалъ коня и халатъ. Принявши подарки, Бековичъ еще разъ повторилъ передъ послами, что онъ идетъ не войной, а мирнымъ посломъ своего государя, а зачѣмъ идетъ, то объ этомъ скажетъ самому хану.

Подъ праздникъ Успенія, на 65-й день похода, русскій отрядъ сталъ въ предѣлахъ ханства, на урочищѣ Карагачъ, верстъ за полтораста отъ города Хивы.

На этомъ мѣстѣ, по приказанію царя, надо было выстроить укрѣпленіе, а потомъ отвести рѣку, пустивъ ее по старому руслу, на Каспій. Страшный путь былъ пройденъ; онъ обозначался трупами палыхъ верблюдовъ и лошадей. Даже привычные къ степнымъ походамъ казаки такъ измучили своихъ коней, что тѣ едва волочили ноги. Здѣсь же кругомъ росли деревья, зеленѣли поля, воды было вдоволь. Русскій солдатъ скоро забываетъ всѣ невзгоды, какъ бы ни были онѣ тяжки. Онъ забываетъ ихъ послѣ трудныхъ подъемовъ на обрывистыя скалы и снѣжныя вершины; онъ забывалъ ихъ послѣ опаснаго спуска съ обледенѣлыхъ высотъ, окруженныхъ пропастями. Такъ же было и теперь, когда осталась позади знойная пустыня, съ ея жгучимъ вѣтромъ, раскаленными песками и муками жажды. Сѣдые ветераны обмылись, отдохнули и мало-по-малу разговорились о томъ, что́ ждетъ ихъ впереди—почетная ли встрѣча, или битва съ трусливымъ хивинцемъ? Загорѣлыя, суровыя, изможденныя долгимъ страданіемъ лица освѣтились улыбкой; начались шутки, смѣхи, веселая перебранка; немного погодя— загремѣла русская пѣсня, впервые огласившая тихіе, сонные берега мутной рѣки. Страдальцы надѣялись, что они попируютъ въ ханскихъ шатрахъ, а ихъ ждалъ кровавый пиръ, подготовленный измѣной...

Калмыкъ Кашка, тотъ самый, который покинулъ отрядъ,

прибѣжавши въ Хиву, успѣлъ настроить хана противъ русскихъ. Дворянинъ Корейтовъ со всѣми казаками были разсажены по тюрьмамъ; всѣ кочевники, подвластные Хивѣ, получили приказаніе спѣшить на защиту страны. Скоро разошелся слухъ, что ханъ собралъ сто тысячъ войска, и этотъ слухъ проникъ въ лагерь, на Карагачъ. Бековичъ расположилъ свой отрядъ тыломъ (спиною) къ рѣкѣ и на всякій случай оградилъ стоянку повозками, арбами—всѣмъ, что составляло его обозъ.

Непріятель не замедлилъ явиться: густая толпа конницы помчалась съ мѣста въ карьеръ и, по мѣрѣ приближенія къ отряду, вытягивалась въ ленту. Вотъ впереди на своихъ лихихъ аргамакахъ несутся туркмены, въ рукахъ у нихъ сверкаютъ острыя какъ бритва дамаскія сабли; за ними — хивинцы въ высокихъ бараньихъ шапкахъ прилаживаютъ на всемъ скаку стрѣлы; тамъ — неуклюжіе киргизы и каракалпаки, выдвинувъ свои длинныя-предлинныя пики, съ широкими ножами съ боку... Густыя облака пыли скрыли на время эту дикую атаку: раздался дружный залпъ изъ ружей, и орда разсыпалась. Въ азіятскихъ войнахъ первый ударъ рѣшаетъ дѣло; стойкость всегда беретъ верхъ надъ пылкостью всадниковъ. Еще нѣсколько атакъ — и хивинцы отошли версты за двѣ, охвативъ русскій отрядъ полумѣсяцемъ. Положеніе послѣдняго становилось опаснымъ: припертый къ рѣкѣ, за 1400 верстъ отъ границы, безъ надежды на помощь — было о чемъ задуматься! Въ одну ночь русскіе насыпали валы, втащили 6 пушекъ и стали за ними, готовые умереть. Съ ранняго утра нападенія возобновились. Лихіе туркмены всегда неслись впереди, прикрывая толпы пѣшихъ, которыя разсчитывали вскочить на валъ. Выпустивъ тучу стрѣлъ, туркмены очищали фронтъ, но тутъ раздавался залпъ картечью [1]), за которымъ слышались стоны, проклятія— и поле очищалось. У хана было войска до 20-ти тысячъ. Онъ

---

[1]) Картечь—круглая жестянка, наполненная крупными пулями; стрѣляютъ на близкомъ разстояніи.

высылалъ новыя толпы... Неустанный бой продолжался до вечера. Кучка бойцовъ, запертыхъ въ окопахъ, изнемогала отъ усталости, отъ жажды; некогда было воды напиться; солнце жгло немилосердно, вѣтеръ поднималъ облака язвительной пыли и мелкаго песку; ружья до того накаливались, что ихъ нельзя было держать въ рукахъ.

Еще прошла тревожная ночь, никто не уснулъ ни минуты; каждый задавалъ себѣ мучительный вопросъ: «что́ же будетъ завтра?» — А завтра было то же, что и сегодня. Хивинцы никогда еще не встрѣчали такого сопротивленія. Они никакъ не могли повѣрить, чтобы эта горсть «урусовъ» могла устоять противъ всей ихъ рати! Однако это было такъ, и на 4-й день въ лагерь явился хивинецъ Ходжа Ишимъ, который объявилъ, что ханъ желаетъ мириться, что нападеніе на русскихъ сдѣлано безъ его ханскаго вѣдома. Пока шли переговоры, Ширгазы собралъ въ своей ставкѣ знатнѣйшихъ сановниковъ, и тутъ-то его казначей подалъ коварный совѣтъ заключить съ русскими миръ, а потомъ ихъ истребить. Сейчасъ же были отправлены къ Бековичу два знатныхъ хивинца, Ходжа Назаръ и Кулумбей, для подписанія мирнаго договора. Они цѣловали коранъ, Бековичъ присягнулъ на крестѣ. На другой день князь Черкасскій, окруженный дворянами и сильнымъ конвоемъ, выѣхалъ къ хану, какъ мирный посолъ русскаго царя. По азіятскому обычаю, его сначала угостили, дали отдохнуть, а потомъ повели въ ханскую ставку. Вручивъ царскую грамоту, Бековичъ поднесъ въ подарокъ цѣльныя сукна, сахаръ въ головахъ, связки соболей, серебряныя блюда, тарелки, ложки и разную мелочь. Ханъ принялъ русскаго посла очень ласково, увѣрилъ въ своей дружбѣ и самъ цѣловалъ свой коранъ, что будетъ сохранять мирный договоръ. Пріемъ закончился дружелюбнымъ пиромъ, во время котораго играли наши музыканты. Послѣ того Ширгазы со всѣмъ войскомъ и съ конвоемъ Бековича поднялся въ свою столицу, а въ русскій отрядъ было послано приказаніе слѣдовать сзади. Не доходя двухъ дней до Хивы, ханъ потре-

бовалъ, чтобы русскій начальникъ раздѣлилъ свой отрядъ на части, иначе, говоритъ, хивинцы не могутъ его продовольствовать. Бековичъ, ничего не подозрѣвая, послалъ приказаніе старшему изъ офицеровъ, маіору Франкенбергу, чтобы тотъ, раздѣливши отрядъ на пять частей, позволилъ развести ихъ по разнымъ городамъ, и самъ Бековичъ, оставивъ при себѣ только 200 человѣкъ, остальныхъ отпустилъ съ ханскимъ чиновникомъ. Между прочимъ, маіоръ Франкенбергъ, получивши приказаніе черезъ узбековъ, съ гнѣвомъ выгналъ ихъ вонъ, со словами: «Нашъ начальникъ Бековичъ, а не ханъ!» Однако приказаніе было повторено два раза, и наконецъ получено предписаніе съ угрозой, что если оно не будетъ исполнено, то виновный попадетъ подъ судъ. Старый служака съ горестью долженъ былъ исполнить приказаніе начальника, приказаніе, явно обрекавшее всѣхъ на гибель: узбеки повели русскихъ на убой.

Еще не успѣлъ Бековичъ слѣзть съ коня, послѣ того какъ отпустилъ большую часть своего конвоя, какъ началось повальное избіеніе; немногіе уцѣлѣли отъ кроваваго побоища. Они-то и принесли на родину потрясающую вѣсть. «Погибъ, какъ Бековичъ», сохранилась на Руси поговорка. Его и нѣсколькихъ офицеровъ зарубили въ глазахъ хана саблями, послѣ чего отсѣкли имъ головы; остальныхъ сподвижниковъ Бековича постигла такая же участь.

Совершивъ это злодѣйство, ханъ съ торжествомъ вступилъ въ свою столицу; Адарскія ворота были украшены головами князя Симонова и Экономова; голову же Бековича, какъ драгоцѣнный подарокъ, отослали къ Хану бухарскому. Содрогнулся отъ ужаса владѣтель Бухары, не принялъ подарка и приказалъ спросить у Ширгазы: давно ли онъ сталъ людоѣдомъ? — Нашелся и въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ человѣкъ, который возвысилъ свой голосъ за правду. Это былъ айхунъ, глава всѣхъ муллъ [1]). Ширгазы хотѣлъ дать своей столицѣ зрѣлище

[1]) Мулла—магометанскій священникъ.

казни: на главную площадь вывели 40 плѣнниковъ—голодныхъ, избитыхъ до полусмерти и покрытыхъ рубищами. Все было готово, толпы народа запрудили сосѣднія улицы, плоскія крыши домовъ покрылись высокими бараньими шапками, какъ въ эту минуту предсталъ передъ ханомъ высокій, худой и въ зеленой чалмѣ старикъ, украшенный длинной бородой. Айхунъ, весь дрожа отъ гнѣва, упрекалъ Ширгазы въ вѣроломствѣ, въ нарушеніи клятвы, данной передъ Аллахомъ, чему повѣрили чужеземцы и довѣрчиво, какъ овцы, пошли на закланіе... «Зачѣмъ же ты отягощаешь свою совѣсть новымъ злодѣяніемъ?» спросилъ проповѣдникъ, указавъ пальцемъ на кучку плѣнныхъ, прижатыхъ къ столбамъ. Наморщились ханскія брови, глаза заметали искры, однако онъ промолчалъ. Тогда айхунъ склонился съ мольбой и долго его уговаривалъ освободить невинныя жертвы. Ханъ приказалъ убрать орудія казни и накормить плѣнныхъ; народъ молча разошелся по домамъ.

Послѣ ужъ допытались, что Бековичъ въ самый день выступленія въ походъ узналъ, что его жена и двѣ дочери утонули въ морѣ. Къ тяжелому семейному горю прибавились душевныя муки за судьбу довѣреннаго ему отряда, изнуреніе отъ трудовъ и безсонныхъ ночей; понемногу онъ сталъ мѣшаться въ умѣ и, должно быть въ болѣзненномъ состояніи, отдалъ приказъ, погубившій и его самого, и вѣрное войско. — Говорили, что царь, умирая, на смертномъ одрѣ завѣщалъ месть Хивѣ.

II.

Страна, извѣстная подъ именемъ Хивы, тянется на 300 верстъ въ длину и 80 въ ширину по берегамъ рѣки Аму, или, что то же, Аму-Дарьи. Она окружена безплодными степями, въ лучшихъ мѣстахъ которыхъ кочуютъ подвластные ей въ ту пору киргизы и каракалпаки около Аральскаго моря, а туркмены—возлѣ Каспія. Во время частыхъ разливовъ многоводная Аму поднимается выше береговъ почти на сажень и тогда про-

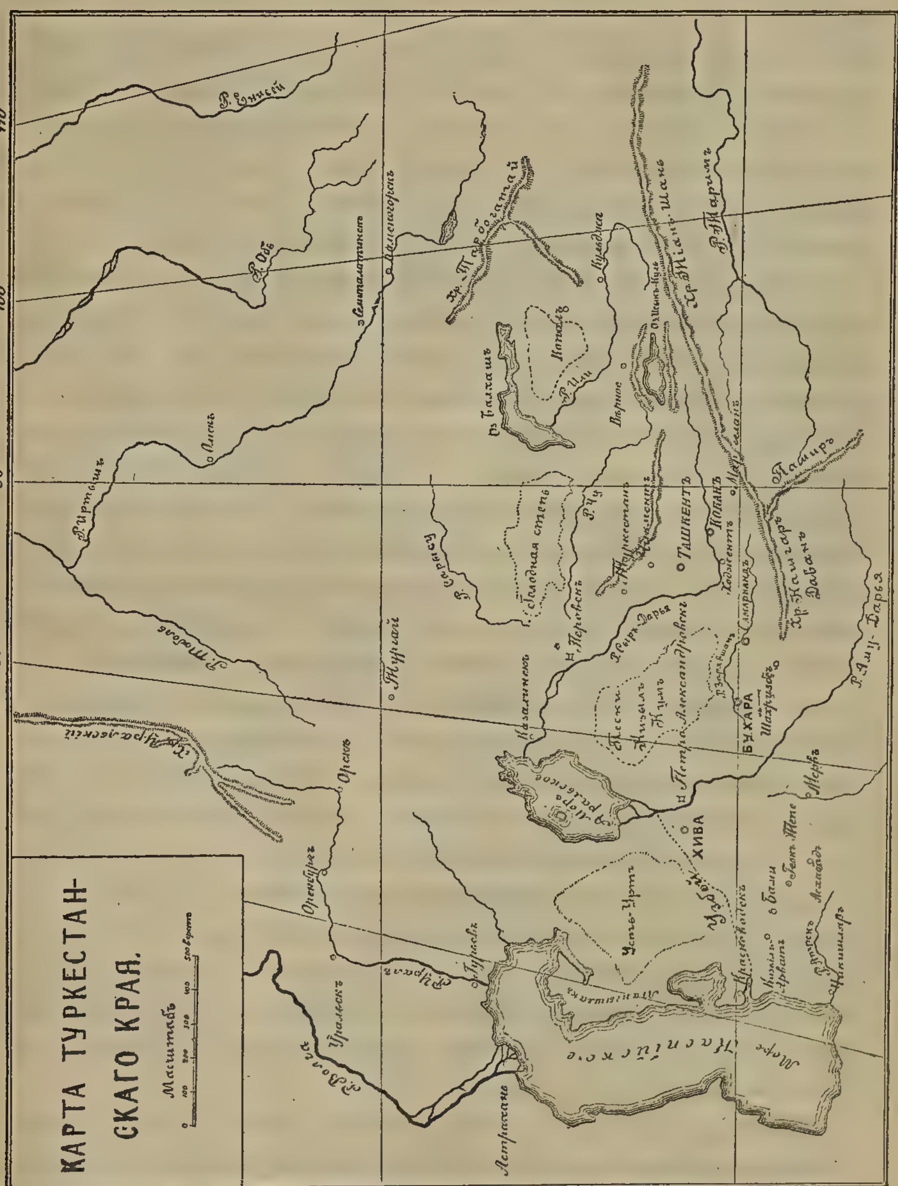
никаетъ въ каналы, покрывающіе всю Хиву, какъ сѣтка. Большіе каналы, или главные, тянутся верстъ на сто; ихъ называютъ «ханскими», остальные—«мірскими», или общественными. Вынутую изъ каналовъ землю кладутъ по обѣ стороны, отчего образуются насыпи, валы, предохраняющіе страну отъ наводненія. Каждый земледѣлецъ можетъ напустить воды въ свой садъ или въ свое поле, для чего ему стоитъ только раскопать отверстіе или же открыть заслонку въ деревянной трубѣ, проложенной въ насыпи. Благодаря такой искусной системѣ орошенія, сухая, безплодная почва Хивы покрыта роскошною зеленью, фруктовыми деревьями, обильна водой. Богачей тамъ мало; большинство земледѣльцевъ владѣютъ кускомъ земли въ 3—4 десятины, обрабатывая ихъ своей семьей, съ помощью одного или двухъ работниковъ. Почти каждый хозяинъ обноситъ свой дворъ глиняной высокой стѣной около двухъ саженъ вверхъ и раздѣляетъ его на двѣ половины. Въ передней, которая выходитъ на дорогу, стоитъ домъ для пріема гостей и разныя хозяйственныя пристройки; на задней сторонѣ—домъ для жилья, кладовыя и, если мѣсто высокое, ямы для зерна. Дома кладутъ также изъ глины, съ плоскими крышами и отверстіемъ для дыма. Земляной полъ устланъ коврами или же кошмами (войлоки), посединѣ — яма для огня; убранство комнатъ сходное съ киргизскимъ: прямо противъ дверей стоитъ подъ стѣной сундукъ, сверхъ котораго развѣшена одежда; направо и налѣво—полки съ посудой. Позади двора почти у каждаго хивинца разведенъ плодовый садъ, гдѣ, кромѣ нашихъ фруктовъ, зрѣютъ абрикосы, персики, гранаты, шептала, урюкъ (абрикосы), виноградъ. По вечерамъ тамъ слышенъ соловей, поющій среди розъ. Хивинцы живутъ особнякомъ, по 2—3 родича-сосѣда, и такими заселками или хуторами покрыта вся Хива; большихъ селеній или, что то же, городовъ у нихъ мало, да и города какіе-то особенные: простоитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, потомъ разойдется, точно кочевье.

Сухопутное сообщеніе въ странѣ хуже котораго не бываетъ:

дороги или грязныя, или по колѣно пыльныя и всегда узкія, такъ что разъѣхаться двумъ арбамъ дѣло не легкое; черезъ большія канавы перекинуты дрожащіе дырявые мостики, а малые арыки переѣзжаютъ прямо въ бродъ. Хивинцы чаще всего путешествуютъ верхомъ. Воды же они не любятъ, даже боятся. Какъ только, бывало, русскіе поднимутъ на рѣкѣ парусъ и лодка начнетъ двигаться, хивинцы падаютъ на землю съ крикомъ: «Шайтанъ! Шайтанъ!» (чортъ). Однажды (1858 г.) нашъ смѣлый морякъ Бутаковъ неожиданно подошелъ на всѣхъ парахъ къ хивинскому городу Кунграду и сталъ на якорь. Все населеніе такъ было напугано, что разбѣжалось, и только самые смѣлые запрятались въ камыши, откуда высматривали съ любопытствомъ, что дѣлаетъ русскій «шайтанъ». На обратномъ же пути множество народа, подобравъ халаты, бѣжало въ перегонки берегомъ, пока пароходъ не скрылся. Настоящаго бичевника на Аму, какъ, напримѣръ, у насъ на Волгѣ, нѣтъ: тянутъ лодку съ грузомъ бурлаки черезъ кусты, черезъ промоины; прилягутъ отдохнуть—ихъ заѣдаютъ москиты. Правый берегъ Аму, который нынче принадлежитъ Россіи, издавна служитъ перепутьемъ для каравановъ, идущихъ изъ Кокана и Бухары въ главные рынки оазиса. Было время, когда по обоимъ берегамъ Аму, теперь пустыннымъ и малонаселеннымъ, царила суетолока—сновали гонцы, двигались воинскіе отряды, выступали тысячи верблюдовъ съ тюками дорогихъ товаровъ: то процвѣталъ Ховарезмъ, могущественное государство Средней Азіи; рѣка Аму-Дарья несла въ ту пору свои воды прямо въ Каспійское море. Помимо торговли и воинской доблести, страна славилась своими школами, изъ которыхъ выходили ученые, извѣстные всему міру. Все это погибло подъ руками безжалостныхъ монголовъ. Послѣдній владѣтель Ховарезма, покинувъ семью и всѣ свои несмѣтныя богатства, нашелъ пріютъ на одномъ изъ пустынныхъ острововъ Каспійскаго моря, и полководцы Чингисъ-хана, преслѣдуя его, въ первый разъ появились на окраинахъ русскихъ земель. Нѣсколько позже, когда монголы уже успѣли поработить

русскую землю, купцы изъ Ховарезма взяли у хановъ на откупъ сборъ дани съ нашихъ предковъ. На Руси ихъ называли «бесерменами». Малую частицу могучаго Ховарезма и занимаетъ нынѣшній хивинскій оазисъ; лѣтъ приблизительно черезъ 300 послѣ татарскаго погрома оазисъ захватили кочевники-узбеки, настоящіе хозяева Хивы. Давнымъ давно исчезли тѣ добрые нравы, гостепріимство, прямодушіе и честность, которыми отличались жители Ховарезма; съ воцареніемъ узбековъ страна стала разбойничьимъ притономъ; всѣ бѣглецы, бродяги окрестныхъ пустынь находили въ Хивѣ радушный пріютъ. Нравы сдѣлались жестоки. Торговля упала, обмѣнъ товаровъ сталъ ничтожнымъ.

Наши плѣнные прозвали Хиву «маятной» землей, потому что тамъ нѣтъ такого перерыва въ работѣ, какой дѣлаетъ русская зима. Съ осени приготовляютъ поземъ для удобренія полей — это смѣсь песку съ землей и навозомъ; ранней весной начинаетея очистка канавъ. На ханскіе каналы выгоняютъ все мужское населеніе, при чемъ лѣнивыхъ работниковъ забиваютъ палками до смерти. Покончивши съ канавами, вывозятъ на поля поземъ въ размѣрѣ отъ 300 до 1.000 возовъ на нашу десятину, смотря по назначенію поля. Подъ хлопчатникъ почти не удобряютъ, а подъ рисъ вмѣсто позема кладутъ илъ изъ канавъ. Нѣкоторыя поля, напримѣръ подъ пшеницу, дыни, джугару, рисъ, перепахиваютъ до десяти разъ и по нѣскольку разъ напускаютъ воды. Для хлопчатника, кунжута, изъ сѣмянъ котораго дѣлаютъ масло, для кукурузы и проса сначала напускаютъ воду, а потомъ уже сѣютъ, 2—3 раза запахиваютъ и наконецъ боронятъ. Пшеницу хивинцы сѣютъ осенью, а марену, что идетъ на приготовленіе краски, и кормовую траву люцерну — во всякое время года. Съ половины лѣта начинается уборка хлѣба, которая съ молотьбой тянется почти до декабря; потомъ — приготовленіе позема, расчистка канавъ, и такъ круглый годъ. Земля родитъ тамъ хорошо: пшеница даетъ самъ-шестьдесятъ, рисъ самъ-сорокъ, десятина хлопчатника даетъ до 75-ти пудовъ превосходнаго хлопка, кромѣ сѣмянъ, изъ котораго выжимаютъ


КАРТА ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.
Масштабъ
ТАШКЕНТЪ
БУХАРА
ХИВА
КОКАНЪ
Памиръ
Аральское море
Море Каспійское
оз. Балхашъ
Голодная степь
Оренбургъ
Астрахань
Семипалатинскъ
Тургай
Казалинскъ
Самаркандъ
Мервъ
Кульджа
Вѣрное
Ходжентъ
Р. Аму-Дарья
Р. Сыръ-Дарья
Р. Чу
Р. Или
Р. Обь
Р. Енисей
Р. Тобол
Р. Урал
Р. Волга
Хр. Тянь-Шань
50
40
80
90
100
110

масло; джугара въ хорошій годъ родитъ самъ-триста. Зерна джугары замѣняютъ овесъ, а стебли — сѣно. Климатъ въ Хивѣ вообще здоровый; кромѣ горячекъ и лихорадокъ, да и то отъ неумѣреннаго употребленія фруктовъ, другихъ болѣзней не знаютъ. Народъ тамъ рослый, видный и сильный; многіе старики доживаютъ до ста лѣтъ и болѣе. Зима въ Хивѣ короткая; снѣгъ, если и выпадаетъ, лежитъ дня 3 — 4, но Аму замерзаетъ почти ежегодно, иногда аршина на полтора.

Въ каждомъ мѣстечкѣ бываютъ базары, на которыхъ можно купить все, начиная съ верблюда и кончая серпомъ. Подъ широкими навѣсами сидятъ невозмутимо, поджавъ подъ себя ноги, купцы съ товаромъ, провожая глазами пеструю снующую толпу. Тутъ, въ темномъ проходѣ между двумя рядами торгашей, покупаютъ и продаютъ, пьютъ и ѣдятъ, кричатъ и преважно бесѣдуютъ, протискиваются конные и пѣшіе,—сутолока базарная, чисто восточная. Базаръ для восточнаго человѣка любимое развлеченіе: онъ тутъ узнаетъ всѣ новости, распоряженія властей, цѣны на хлѣбъ; одна и та же вѣсть съ быстротой хорошей почты пролетаетъ страну, благодаря базарамъ. А хивинцы, какъ и всѣ азіятцы, очень любопытны. Изъ русскихъ товаровъ въ Хиву требуется: желѣзо и чугунъ — для выдѣлки оружія, серповъ, сошниковъ, заступовъ; потомъ — квасцы и купоросъ для окраски матерій; наконецъ — посуда, сахаръ, кожи, ситцы, сундуки, самовары, замки. Къ намъ же привозятъ: пшеницу, марену, бумажныя матеріи, превосходныя дыни, яблоки. Въ Хивѣ всякій воленъ торговать, лишь бы исправно выплачивать подати и выставлять работниковъ на очистку канавъ. У нихъ только «ходжи», какъ потомки Магомета, не платятъ податей и свободны отъ повинностей; живутъ они особнякомъ, передавая свои права по наслѣдству.

Хивинцы благороднаго происхожденія носятъ названіе *узбековъ:* это потомки завоевателей, которые захватили себѣ лучшія земли и наживныя мѣста; остальное населеніе ханства называется *сартами*: это земледѣльцы, торгаши. Въ ту пору былъ

еще многочисленный классъ рабовъ или невольниковъ. Какъ узбеки, такъ и сарты одинаково трудолюбивы, выносливы, но въ то же время лукавы, корыстолюбивы и жестоки; подозрѣвая европейцевъ въ шпіонствѣ, они скрытны и никогда не скажутъ правды. Узбека можно отличить какъ по его смуглой физіономіи съ острыми скулами и черной бородой, такъ равно и по одеждѣ. Узбеки носятъ коническія мѣховыя шапки, неуклюжіе изъ юфти сапоги; лѣтомъ—длинную рубаху. Женщины носятъ на головѣ тюрбаны изъ 15 или 20 бумажныхъ платковъ; закутанныя въ толстую одежду, въ тяжелыхъ сапогахъ, онѣ исполняютъ всѣ домашнія работы; въ самый томительный зной должны таскать воду въ огромныхъ кувшинахъ. Женщина — тотъ же волъ, на которомъ работаютъ безъ отдыха; въ полевыхъ работахъ она должна помогать мужу, ходить за собаномъ—въ родѣ нашей сохи—или стоять на бревнѣ, которымъ боронятъ землю. Мало-мальски зажиточный узбекъ ничего не дѣлаетъ, разъѣзжаетъ по базарамъ и вообще рѣдко сидитъ дома; узбеки большіе охотники до музыки, и во всемъ Туркестанѣ нѣтъ такихъ музыкантовъ на дутарѣ (гитара въ 2 струны) и кобосѣ (лютня), какъ въ Хивинскомъ оазисѣ.

До прихода русскихъ Хива считалась самымъ выгоднымъ рынкомъ для сбыта плѣнниковъ. Туркмены, киргизы, калмыки—всѣ кочевники промышляли этимъ выгоднымъ ремесломъ. Какъ то еще до Царя Петра Великаго калмыки выжгли на правомъ берегу Волги болѣе 100 селъ; все населеніе было тогда продано въ рабство. Одинъ итальянецъ, побывавшій въ Хивѣ и Бухарѣ, говорилъ нашему Царю, что въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 5 т. русскихъ томятся въ неволѣ. Когда калмыки смирились, ихъ дѣло продолжали Туркмены, и, можно сказать, до послѣдняго времени. Не задолго до похода Перовскаго, о чемъ будетъ разсказано ниже, въ одной Хивѣ насчитывали около 3 т. русскихъ плѣнниковъ. Разбойники, захвативъ рабочихъ гдѣ-нибудь въ степи или на морскомъ промыслѣ, связывали по нѣсколько человѣкъ и, сами будучи конные, подгоняли несчастныхъ плетьми или острымъ

копьемъ, спѣша поскорѣе укрыться. Многіе падали отъ изнуренія; такихъ бросали умирать въ мукахъ голода и жажды. Русскіе плѣнники цѣнились въ Хивѣ дороже, чѣмъ, напримѣръ, персіяне и нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось занять почетное положеніе въ ханствѣ, но большею частью ихъ назначали смотрителями надъ работами. Всѣ же остальные — это были люди простые, робкіе—попадали въ рабство. Хозяева заставляли ихъ работать съ утра и до поздней ночи; за малѣйшую провинность били плетьми; если хозяинъ замѣчалъ охоту сбѣжать, то подрѣзывалъ у плѣнника икры, потомъ присыпалъ раны конскимъ рубленымъ волосомъ. Въ жизни и смерти плѣнника хозяинъ былъ воленъ. Одинъ русскій плѣнникъ такъ разсказывалъ свое горемычное житье: «Каждому невольнику отпускается по пуду пшеницы, пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ смели, да еще фунтовъ пять отдай за помолъ. Много ли тебѣ останется? Ни дровъ, ни щепы, ни досуга не даютъ. Дрова своруешь у сосѣдей да и печешь лепешки по ночамъ. Не украдешь — съ голоду помрешь, надѣть тебѣ нечего. Разъ вышла старая ханша въ садъ, я и говорю ей: «Вамъ де, сударыня, кажись, на насъ бы и глядѣть стыдно, ходимъ мы почитай нагишомъ; что же ханъ не одѣнетъ насъ?» — А она мнѣ на это: «Чего стыдно? На тебя глядѣть, что на собаку, все одно: не одѣвшись она ходитъ».—Таково-то жилось ханскимъ невольникамъ; остальнымъ и того хуже. Хивинскій народъ нисколько не воинственный, хотя, подобно всѣмъ азіятцамъ, имѣетъ склонность къ грабежу, къ мелкому хищничеству. Въ случаѣ войны ханъ приказываетъ объявить по базарамъ, чтобы въ назначенный срокъ и въ такомъ-то мѣстѣ собирались всѣ записанные въ войско, на добрыхъ коняхъ, съ оружіемъ, съ запасами. Тогда начинаются сборы, обыкновенно довольно продолжительные, такъ что ханъ, или же его братъ, выступивъ въ степь съ ближайшимъ отрядомъ, со свитой, гдѣ-нибудь поджидаетъ дней 15, пока соберутся остальные. Въ походное время войска не получаютъ продовольствія; чаще всего случается, что 2 или 3 воина поку-

паютъ верблюда, на котораго вьючатъ припасы мѣсяца на полтора или на сколько тамъ придется; бѣдняки возили свое скудное продовольствіе на той же лошади, на которой ѣхали сами. Истребивши эти запасы, они жили воровствомъ: рѣзали по дорогѣ чужихъ лошадей и скотъ. Лучшіе стрѣлки, какъ въ походѣ, такъ и въ сраженіи, окружаютъ хана; когда-то ихъ считалось около тысячи. Вообще хивинцы плохо стрѣляютъ, да и ружья у нихъ были въ ту пору такія тяжелыя, что надо было класть ихъ на подставку и воспламенять не куркомъ, а при помощи фитиля. При войскѣ обыкновенно слѣдовало около десятка орудій, которыя не заслуживали названія артиллеріи. Для каждаго пригоняли особые снаряды, при чемъ ихъ запихивали, обернувъ сначала войлокомъ или тряпками. Такіе снаряды не попадали въ цѣль даже на разстояніи ста саженъ, да это и не требовавалось: хивинцы разсчитывали только *напугать* непріятеля громкой пальбой. Артиллерійскую прислугу составляли преимущественно русскіе плѣнники, а одно время начальникомъ всей артиллеріи былъ русскій крестьянинъ, захваченный на рыбныхъ ловляхъ въ Каспійскомъ морѣ. Его звали Лаврентьевымъ. Хивинцы потому довѣряли русскимъ, что они никогда не покидали своихъ пушекъ, какъ это часто случалось съ храбрыми узбеками. Несмотря на то, что къ хивинскому войску присоединялись подвластные хану кочевники — туркмены, киргизы, каракалпаки—это войско не могло удержать наступленія русскихъ, даже во время похода, а выдержать битву—и того менѣе, хотя хивинскіе ханы могли двинуть въ поле отъ 20 до 25 т. всадниковъ, вооруженныхъ саблями и копьями. Хивинцы бросались въ битву запальчиво, но если встрѣчали отпоръ, то обращались въ бѣгство и уже неспособны были повторить атаку. На всѣ большіе набѣги высылались обыкновенно туркмены и киргизы. Храбрецы, или «батыри», получали отъ хана награды, смотря по тому, сколько онъ отрубитъ головъ. Вотъ прибыла на площадь изъ дальняго похода сотня всадниковъ. У каждаго изъ нихъ привязаны къ лукѣ сѣдла или лошадиному хвосту по

541985

нѣскольку плѣнниковъ; черезъ сѣдло перекинутъ мѣшокъ съ отрубленными головами. Прежде всего всадникъ сбываетъ плѣнныхъ, потомъ развязываетъ мѣшокъ и высыпаетъ головы къ ногамъ пріемщика, точно это арбузы или картофель. Особые рабочіе сносятъ головы въ одну кучу, а храбрымъ воинамъ выдаются квитанціи, по которымъ они и получаютъ награды.

Хивинскіе ханы управляли страной, какъ имъ вздумается, не соблюдая никакихъ законовъ и даже нарушая обычаи. Были между ними и такіе, которые не могли насытиться человѣческою кровью; другіе отличались жадностью къ наживѣ и совсѣмъ мало такихъ, которые бы заботились о нуждахъ своего народа. Вотъ почему Хива была и остается страной самой невѣжественной, чего нельзя сказать, напримѣръ, про Бухару. Въ Хивѣ нѣтъ и помина о любви народной къ своему хану; повинуются ему только страха ради, и ханъ не въ безопасности отъ своихъ подданныхъ, хотя бы то были самые близкіе ему люди, напримѣръ жены, его министры или родственники; особенно онъ долженъ остерегаться духовенства, которое зорко слѣдитъ за исполненіемъ обрядовъ своей вѣры.

Чтобы попасть въ жилище хана, окруженное двойнымъ рядомъ стѣнъ, надо было пройти два двора: первый дворъ бывалъ обыкновенно наполненъ сарбазами, т.-е. пѣхотными солдатами, одѣтыми въ красныя бумажныя куртки; второй дворъ просторнѣе перваго. На одномъ его концѣ постройка въ родѣ сарая, гдѣ засѣдаютъ ханскіе совѣтники, лѣвѣе — караулка, въ которой ожидаютъ приказаній палачи и полицейскіе, а между обѣими постройками — ханскій дворецъ, такая же мазанка какъ и всѣ жилища узбековъ, и такъ же раздѣляется на двѣ половины — гаремъ и «селямликъ» (пріемная). Внутри дворца разосланы ковры, стоятъ диваны со множествомъ подушекъ, но больше всего сундуковъ съ разнымъ добромъ. Мѣстопребываніе повелителя Хивы можно узнать только потому, что въ пріемной толкутся съ ранняго утра придворные, состоящіе въ разныхъ должностяхъ. Главный смотритель за рабами и ханскимъ столомъ

называется достарханджи, (что значитъ въ переводѣ — разстилающій скатерть), потомъ — мехремъ, въ родѣ лакея, но на самомъ дѣлѣ самый близкій къ хану человѣкъ, даже подаетъ ему совѣты по важнымъ дѣламъ; еще нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ готовитъ кушанье, другой подаетъ его къ столу, третій приготовляетъ чай, шербетъ (шербетши) и разныя лѣкарства. Какъ только ханъ проснулся, являются къ нему въ спальню особые прислужники: стоя на колѣняхъ, одинъ держитъ лоханку, а въ это время «кумганджи» льетъ воду изъ серебрянаго кувшина; въ то же время полотенщикъ держитъ кончиками пальцевъ полотенце, которое онъ ловко набрасываетъ своему повелителю на руки; когда тѣ двое исчезнутъ, особый цирульникъ брѣетъ голову, при чемъ долженъ умѣть искусно обжимать черепъ, что особенно любятъ жители Азіи. Когда ханъ сильно утомленъ дѣлами, призывается костоправъ, на обязанности котораго потоптать колѣнями спину и вообще размять всѣ члены хозяина. При наступленіи ночи постельничій долженъ послать войлоки или матрацы для ночлега. Великолѣпная верховая сбруя и оружіе находятся подъ надзоромъ казнаджи; при торжественныхъ выѣздахъ онъ всегда сопровождаетъ хана, и во главѣ его свиты идетъ скороходъ съ султаномъ изъ перьевъ.

Кушанье, одежда ханская мало чѣмъ отличаются отъ пищи и одежды зажитсчныхъ узбековъ. Ханъ носитъ такую же баранью шапку, сапожищи, такой же ситцевый или шелковый халатъ, подбитый толстымъ слоемъ ваты и пригодный развѣ только для холодныхъ странъ Сибири.

Какъ и всякій правовѣрный, ханъ, вставши съ постели до восхода солнца, долженъ молиться вмѣстѣ со всѣми, что продолжается около получаса. Къ утреннему чаю приглашаются ученые муллы, которые даютъ свои толкованія на разные тексты священнаго закона. Если подъ мудреные толки случится хану всхрапнуть, то муллы удаляются: это называется утреннимъ отдыхомъ. По пробужденіи начинается селямъ (пріемъ) министровъ и разныхъ чиновниковъ: рѣшаются государственные во-

просы, напримѣръ: какъ поступить съ сосѣдомъ, не сдѣлать ли на русскую границу набѣгъ и т п.; сюда же призываются беки, сборщики податей для представленія отчетовъ. За малѣйшую ошибку въ отчетѣ можно поплатиться головой. Затѣмъ, хану подается завтракъ; присутствующіе должны почтительно стоять, а по окончаніи завтрака любимцы получаютъ отъ хана приглашеніе сыграть съ нимъ въ шахматы. Такъ время проходитъ до полуденной молитвы. Послѣ этого намаза ханъ выходитъ на передній дворъ, садится на возвышеніе и начинается публичный судъ: всякій воленъ принести жалобу, хотя бы изъ-за краденой курицы. Народъ толпится у воротъ—шумъ, гамъ, но впускаютъ поодиночкѣ. Бывали случаи, что жалобщикъ переспоритъ и самого хана, но за то ханъ однимъ кивкомъ головы можетъ приговорить другого къ смертной казни. Палачи тутъ же приводятъ приговоръ въ исполненіе. Покончивши съ судомъ, ханъ ѣдетъ прокатиться, но къ солнечному закату ему надо быть дома, чтобы принять участіе въ общей молитвѣ. Остальное время до ночлега ханъ проводитъ съ самыми ему близкими. Подается роскошный ужинъ, появляются пѣвцы, музыканты; только настоящей веселости тамъ нѣтъ. Узбекъ слишкомъ важенъ, чтобы веселиться, а тѣмъ пуще хохотать; всякія забавы, по его мнѣнію, могутъ тѣшить только женщинъ или ребятъ.

Жена хана не имѣетъ никакихъ титуловъ; все ея отличіе заключается въ томъ, что ей прислуживаютъ дочери чиновниковъ; невольницы для нея набирались изъ плѣнныхъ персіянокъ или покупались въ Аравіи. Свободой ханша пользуется меньше чѣмъ жены другихъ владѣтелей Востока. Обычай требуетъ, чтобы ковры, одѣяла, подушки, халаты и вообще всѣ домашнія вещи хана были приготовлены руками жены. Если ханша захочетъ проѣздиться въ одинъ изъ лѣтнихъ дворцовъ, то она выѣзжаетъ не верхомъ, какъ это принято въ Персіи, а въ размалеванномъ рыдванѣ, обвѣшанномъ коврами. Впереди и сзади рыдвана ѣдутъ нѣсколько всадниковъ съ бѣлыми палками. При проѣздѣ ея всѣ

поднимаются съ мѣстъ и отвѣшиваютъ низкіе поклоны, хотя лица своей повелительницы не могутъ видѣть изъ-за ковровъ. Лѣто ханское семейство проводитъ не въ столицѣ, а въ лѣтнихъ дворцахъ, выстроенныхъ среди садовъ, съ бассейномъ воды, украшенныхъ небольшими кусочками зеркалъ, что у хивинцевъ считалось большою роскошью.—Таковы властители Хивы.

Сама она была страшна не войсками, а своей отдаленностью отъ нашихъ окраинъ и тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ, окруженная пустынями. Въ обитаемыхъ же частяхъ этихъ пустынь кочевали народы, платившіе дань хивинскому хану, слѣдовательно ему подвластные.

Царь Петръ намѣтилъ въ глубь средней Азіи два пути: одинъ на Хиву, по которому шелъ Бековичъ, со стороны Каспія. Этотъ путь, какъ увидимъ, былъ извѣданъ еще разъ. Другой путь—со стороны Сибири. Одновременно съ Бековичемъ отсюда былъ также направленъ русскій отрядъ подъ начальствомъ капитана Бухгольца, который на окраинѣ киргизскихъ степей заложилъ два укрѣпленія: Ямышевское и Омское, нынѣ городъ Омскъ. Въ слѣдующемъ году была заложена также на Иртышѣ Семипалатинская крѣпость, а въ годъ смерти царя (1725) — Усть-Каменогорская крѣпость, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Иртышъ выходитъ изъ Алтайскихъ горъ. Линія иртышскихъ укрѣпленій ограждала край отъ набѣговъ кочевниковъ; вслѣдъ за войскомъ и казаками шли земледѣльцы и селились навсегда подъ охраной крѣпостей. Наступая съ двухъ сторонъ, подчиняя по пути кочевниковъ, русскіе люди углублялись все дальше и дальше; лѣтъ черезъ полтораста они уже прямо столкнулись съ Хивой, завладѣвъ ближайшими къ ней путями. Только тогда наступилъ ей конецъ.

Лишь немногіе люди способны глядѣть въ даль вѣковъ, какъ бы указывая путь грядущимъ поколѣніямъ. Вотъ вочему исторія признаетъ такихъ людей великими, государственными людьми, причисляя къ нимъ по всей справедливости и нашего царя — Великаго Петра.

2. Зимній походъ графа Перовскаго, въ 1839—1840 гг.

Первый русскій отрядъ, отправленный въ Хиву подъ начальствомъ Бековича, былъ истребленъ, и это осталось безъ наказанія; хивинцы стали съ тѣхъ поръ надменны и дерзки, не смотря даже на то, что наши государи какъ бы желали забыть ихъ вѣроломство. Хива превратилась въ разбойничій притонъ, жившій грабежомъ торговыхъ каравановъ и ловлей людей въ неволю. Когда киргизы, каракалпаки и ближайшіе туркмены присягнули Бѣлому Царю на подданство, хивинцы то силой, то хитростью вымогали у нихъ подати, подучали ихъ нападать на наши крѣпости, отгонять казачьи табуны или на взморьѣ жечь наши суда. Русскимъ караванамъ, куда бы они ни шли, было приказано слѣдовать на Хиву, гдѣ ихъ обирали, какъ хотѣли; тѣ же караваны, которые надѣялись миновать Хиву, подвергались разграбленію, при чемъ часть добычи всегда поступала въ ханскую казну. А нужно сказать, что въ это же самое время хивинскіе купцы невозбранно торговали въ Россіи; ихъ караваны ежегодно приходили и уходили съ Оренбургской Линіи. Съ нашими чиновниками и послами въ Хивѣ обходились въ противность всѣмъ правиламъ, издавна признаннымъ между народами. Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины по просьбѣ самого хана былъ посланъ въ Хиву ученый докторъ Бланкеннагель. Помочь больной глазами ханшѣ ему не удалось: оказалось поздно, и докторъ хотѣлъ-было возвратиться, но его сначала задержали, а потомъ тайкомъ приговорили къ смерти, чтобы онъ не разсказалъ чего лишняго про Хиву. Узнавъ о злодѣйскомъ умыслѣ отъ нашихъ плѣнныхъ, докторъ тайно бѣжалъ къ туркменамъ, которые его благополучно доставили на Мангишлакъ. Другой разъ былъ отправленъ въ Хиву съ письмомъ отъ нашего министра Нессельроде одинъ мусульманинъ по имени Мендіязъ Бенчуринъ, старикъ 70 лѣтъ. Министръ требовалъ вознаградить нашихъ купцовъ за ограб-

ленные товары. Несмотря на сѣдины единовѣрца, его продержали 4 мѣсяца подъ стражей въ «унизительномъ мѣстѣ», послѣ чего, не выслушавъ даже, зачѣмъ онъ прибылъ, отправили обратно въ Россію, безъ всякаго отвѣта.—Въ 1833 г. Оренбургскимъ губернаторомъ и Командующимъ войсками былъ назначенъ генералъ Перовскій. 18-ти лѣтъ онъ уже участвовалъ въ Бородинской битвѣ; при выступленіи французовъ изъ Москвы попалъ къ нимъ въ плѣнъ, пѣшкомъ, при обозѣ маршала Даву, прошелъ весь путь отъ Москвы и пробылъ во Франціи, пока не вступили туда русскія войска; въ турецкую войну 1828 г. Перовскій былъ раненъ подъ Варной пулей въ грудь. Молодой, красивый, любимый солдатами, Перовскій умѣлъ покорять сердца людей его окружавшихъ; кромѣ того, былъ любимцемъ царской семьи. Его приводило въ негодованіе, что кочующіе за Уралomъ киргизы, наши подданные, забираютъ при малѣйшей оплошности въ плѣнъ русскихъ людей и тотчасъ продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю. Промыселъ этотъ они производили совершенно безнаказанно, потому что всегда успѣвали скрываться въ глубь необозримыхъ степей. Старожилы разсказывали Перовскому, что когда Императоръ Александръ I посѣтилъ Оренбургъ—что было въ послѣдній годъ его царствованія—пріѣхала поглядѣть на Государя вдова-офицерша съ двумя дѣтьми. Помѣщенія въ городѣ не нашлось, и она заночевала въ тарантасѣ на берегу Урала, гдѣ нынѣче архіерейскій садъ. Ночью бивакъ вдовы окружила конная шайка киргизовъ; офицершу схватили въ одной сорочкѣ, связали, перекинули черезъ сѣдло и бросились вплавь черезъ рѣку. Ни дѣтей, ни прислуги киргизы не тронули. Пока оторопѣлые люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти вырядили казаковъ, совсѣмъ разсвѣло: хищниковъ и слѣдъ простылъ; они скрылись по направленію къ Хивѣ. Въ этотъ же день прибылъ въ Оренбургъ Государь, и когда ему разсказали о печальномъ событіи, онъ приказалъ пріютить дѣтей, а вдову выкупить на свой счетъ. Его преемникъ покойный Николай Павловичъ уже прямо

разрѣшилъ ежегодно отпускать 3 т. рублей на выкупъ плѣнныхъ. Только эта мѣра нисколько не помогла, потому что въ Хивѣ отрубили бы голову тому хозяину, который согласится продать невольника. Спастись же бѣгствомъ, какъ мы видѣли, рѣдко кому удавалось изъ этихъ страдальцевъ. Тогда Перовскій присовѣтовалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока хивинцы не выдадутъ плѣнныхъ.

По Высочайшему повелѣнію лѣтомъ 1836 года было задержано въ Астрахани и Оренбургѣ болѣе 500 хивинскихъ купцовъ да товаровъ при нихъ милліона на полтора. Хивинцы взмолились, и ханъ Аллакулъ выслалъ на первый разъ 25 плѣнныхъ: всѣ они оказались люди старые, прожившіе въ плѣну по 30—40 лѣтъ, а одинъ старикъ выжилъ 55 лѣтъ. За нихъ вернули пять торговцевъ,—только. Въ слѣдующемъ году хивинцы прислали еще 5, потомъ сразу 80; они прослышали о постройкѣ въ степи новыхъ укрѣпленій и приготовленіяхъ къ походу. Дѣйствительно, въ это время уже состоялось Высочайшее распоряженіе «о воинскомъ поискѣ въ Хиву, дабы принудить хана силою оружія выдать всѣхъ русскихъ и доставить нашей карованной торговлѣ полную свободу». Послѣ уже дознались, отчего ханъ такъ упорствовалъ: англичане обнадежили его помощью на тотъ случай, если Россія объявитъ войну.

Почти два года прошли въ приготовленіяхъ къ новому походу. За это время были выстроены въ степи два укрѣпленія: одно на рѣкѣ Эмбѣ, за 500 верстъ отъ Оренбурга, другое, подъ названіемъ Акъ-Булакъ (Пять Ключей), за 175 верстъ дальше; ихъ снабдили продовольствіемъ и фуражомъ. Такіе же запасы были доставлены въ приморское укрѣпленіе Александровское,— все это назначалось для отряда по пути его слѣдованія въ Хиву. Однако предстоящій путь былъ мало извѣстенъ. Почти передъ самымъ походомъ инженеръ, который строилъ укрѣпленія, вернувшись, донесъ, что мѣстность отъ Эмбы до Акъ-Булакъ низменная, солончаковая, почва самая бѣдная и безводная. Какъ послѣ оказалось, и мѣста для укрѣпленія тоже

были выбраны неудачно: возлѣ Эмбинскаго поста подножные корма были плохи, а въ укрѣпленіи Акъ-Булакъ вода для питья негодная. Дальнѣйшій путь до Аму знали только по разсказамъ плѣнныхъ: тамъ предстояло подняться на Усть-Уртъ. Это плоская возвышенность до 100 с. надъ уровнемъ моря, которая круто обрывается своими берегами, извѣстными подъ именемъ «чинка». Перовскій раньше такъ и намѣтилъ свой путь—

Пѣхота Оренбургскихъ Линейныхъ батальоновъ въ зимней походной одеждѣ.

черезъ Усть-Уртъ къ берегу Аральскаго озера, оттуда чинкомъ Усть-Урта на хивинскій городъ Куня-Ургенчъ, всего 1320 верстъ. Перемѣнять намѣченный путь уже было поздно, укрѣпленія построены, сдѣлано распоряженіе о доставкѣ въ Акъ-Булакъ припасовъ. Перовскій разсчитывалъ тамъ выждать, пока Усть-Уртъ покроется снѣгомъ и будетъ сдѣлана развѣдка для подъема. Войскъ было собрано побольше, чѣмъ въ экспедицію Бековича,

а именно 3½ баталіона пѣхоты, 2 полка уральскихъ и 3 сотни оренбургскихъ казаковъ, всего около 5 тысячъ, кромѣ того 22 орудія. Солдатъ выряжали по-зимнему; каждому дали киргизскій полушубокъ, куртку изъ молодыхъ овчинокъ, теплую шапку и широкіе длинные сапоги. Для подстилки, вмѣсто постелей, заготовили войлоки, а чтобы было гдѣ укрываться отъ стужи—джуламейки, или круглыя войлочныя палатки. Такъ какъ отрядъ поднималъ съ собой, кромѣ всего этого, боевые припасы, сѣно, овесъ и шестимѣсячный запасъ продовольствія, то согнали со степи болѣе 12 тысячъ верблюдовъ. Вьючили по 14 пуд. на каждаго: 7 пуд. на одной сторонѣ, 7 на другой; два такихъ вьюка прикрѣпляли къ верблюжьему сѣдлу, послѣ чего ихъ покрывали войлокомъ. Въ тяжелыя орудія, въ арбы для больныхъ и въ бударки (крытыя повозки) также впрягали верблюдовъ. Такимъ образомъ выряжался огромнѣйшій караванъ, тяжелый на подъемъ, грузный на ходу: это-то его и сгубило.

14-го ноября 1839 года на городской площади Оренбурга собралось войско, выступавшее въ походъ. Послѣ молебствія былъ прочитанъ приказъ Перовскаго:

«Товарищи! Насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ трудности дальняго степного и зимняго похода... Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля; Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую и вѣроломную сосѣдку. Черезъ два мѣсяца, дастъ Богъ, будемъ въ Хивѣ и въ первый разъ еще въ столицѣ Ханства передъ крестомъ и евангеліемъ русскіе будутъ приносить теплыя молитвы за Царя и Отечество!

«Честь и Слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ!»

Въ тотъ же день началось выступленіе колоннъ, одна за другой; уральцы изъ Калмыковской крѣпости пошли прямо на Эмбу. Войска потянулись долиной Илека, при чемъ каждая изъ четырехъ колоннъ шла особнякомъ. Впереди ея авангардъ изъ сотни казаковъ, который уже отъ себя отдѣлялъ впередъ и въ

стороны по три казака; версты двѣ сзади — главная колонна, самая грузная часть. Впереди ея въ одну шеренгу (линію) ѣхали 30 казаковъ; каждый изъ нихъ велъ свою «нитку» верблюдовъ—такъ называется цѣлый рядъ верблюдовъ, привязанныхъ одинъ за другимъ и навьюченныхъ чѣмъ-нибудь однимъ: одна нитка—овсомъ, другая—сухарями и т. д. За передними нитками шагали верблюды 2-й линіи, за нею 3-й, а всего 90 нитокъ, или 3 тысячи верблюдовъ въ каждой колоннѣ. Посерединѣ верблюжьей колонны везли арбы и тяжелыя пушки, тутъ же шла пѣхота и ѣхали казаки, выдвинувшись уступомъ. За версту вправо и влѣво — опять небольшая кучка казаковъ со своими передними и боковыми разъѣздами (одиночки). Наконецъ версты двѣ сзади—полсотни казаковъ въ арьергардѣ; они должны были подбирать отсталыхъ и беречь тылъ колонны.

На первыхъ порахъ все шло хорошо: погода стояла осенняя съ легкимъ морозцемъ; но уже на четвертый день похода задулъ холодный вѣтеръ и морозъ усилился, а съ праздника Введенья начались бураны (степныя метели), которые стали постоянными спутниками отряда. Долиной р. Илека корма хотя и были прикрыты снѣгомъ, но неглубокимъ, такъ что, прикармливая сѣномъ, дѣлали отъ 15 до 30 верстъ въ день. По пути киргизскихъ кочевокъ попадались стоги сѣна, запасы дровъ, заготовленныхъ еще лѣтомъ; попадались плетеные заборы и крыши, какъ защита скоту: по крайней мѣрѣ можно было гдѣ укрыться, отогрѣться кашицей или напиться горячаго сбитня. За недѣлю до праздника св. Николая бураны забушевали во всю силу; степь завалило снѣгомъ на аршинъ глубины, морозы доходили до 40°, при рѣжущемъ вѣтрѣ. Люди, измученные непривычной ходьбой по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами, патронташами, скоро уставали и въ сильной испаринѣ садились на верблюдовъ, послѣ чего скоро остывали—одинъ отморозилъ себѣ руки, другой ноги. Начались заболѣванія; въ холодныхъ войлочныхъ кибиткахъ рѣзали отмороженные члены. Не лучше того было съ верблюдами. Пробивая ледяную кору, они рѣзали

себѣ ноги до колѣнъ и если падали, то не могли уже подняться. Бѣдныхъ животныхъ бросали, а вьюки растаскивали запасливые казаки; кули, веревки, каждую тряпку берегли на топливо. Наканунѣ Царскихъ именинъ войска дошли до урочища Бишъ-Тамакъ (пять устьевъ), за 250 верстъ отъ Оренбурга. Поставили походную церковь, чтобы на другой день отслужить обѣдню и молебенъ, но когда собралось начальство, пришелъ батюшка, то увидѣли, что долгой службы не выстоять: морозъ 32° и леденящій вѣтеръ. Отслужили только краткій молебенъ о здравіи Государя. Холодъ былъ такой, что у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ. За урочищемъ Бишъ-Тамакъ раскинулась широкая киргизская степь безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья. Кустики тальника уже встрѣчались рѣдко, камышъ—и того рѣже; для топлива приходилось дергать корешки. Не успѣла первая колонна отойти верстъ 7 или 8, какъ рванулъ сѣверный вѣтеръ; сразу все завертѣлось, въ глазахъ затуманило: начался буранъ. Кто стоялъ противъ вѣтра, тотъ не могъ дышать, потому что сжимало горло; холодъ пробиралъ до костей; зубъ не попадалъ на зубъ. Лошади и верблюды сбились въ кучи, всякій порядокъ исчезъ, движеніе стало невозможнымъ. Буранъ бушевалъ всю ночь и стихъ на другой день только послѣ полудня. Войска провели это время въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Нужда въ топливѣ была такая, что Перовскій разрѣшилъ выдать лодки для варки пищи, а также дроги, на которыхъ ихъ возили; выдать всѣ факелы, канаты, запасные кули, веревки—все, что́ можетъ горѣть. Больше выдавать было нечего. Солдаты переносили все: они спали на мерзлой землѣ, прикрытой кошмами, защищенные отъ вѣтра джуламейкой, но разъ прекратился огонь и горячая пища, они упали духомъ; всѣ заговорили о неудачѣ. Полушубки изъ овечьей шерсти, наклеенной на холстъ, не защищали отъ вѣтра, а шинели и вовсе не влѣзали; сапоги плохо грѣли, потому что были узкіе, только шапки, подбитыя телячьимъ мѣхомъ, съ назатыльниками, оказались въ

пригодѣ. И выходило, что голова постоянно въ теплѣ, а все остальное въ холоду. Придутъ на ночлегъ, сейчасъ же ложатся въ снѣгъ. Которые посильнѣе, тѣ ставятъ джуламейки, другіе идутъ рыть корешки, для чего надо разгрести снѣгъ, потомъ рубить землю мотыгами, комья разбивать обухомъ топора, и наконецъ выбирать окоченѣлыми пальцами мелкіе корешки. Пока все это наладится, усталые лежатъ на снѣгу да простуживаются. Больныхъ собирали въ фургоны, а когда всѣ фургоны были переполнены, то стали класть больныхъ въ койки, подвѣшенныя на верблюдахъ. Тутъ ихъ докачивало до безчувствія. Многіе умирали просто отъ изнуренія. Покойниковъ хоронили тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ вырытыхъ мотыгой. Однако ропота не было, не таковъ русскій солдатъ, хотя всѣ были увѣрены, что не увидятъ больше родимой стороны.

Казаки были одѣты теплѣе и продовольствовались лучше. Они знали раньше степь, всѣ ея невзгоды, почему, какъ увидимъ дальше, съумѣли сберечь и себя, и своихъ лошадушекъ. Собственно для охраны Перовскаго былъ составленъ особый отрядъ, собранный изъ разныхъ полковъ русской кавалеріи подъ названіемъ сводnаго дивизіона Уфимскаго полка. Онъ терпѣлъ больше чѣмъ пѣхота. Красивыя рослыя лошади едва переступали въ глубокомъ снѣгу, рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, а главное не умѣли добывать подножнаго корма; овса же получали мало. Въ концѣ похода не осталось ни одной лошади. Послѣдняя пала красавица «Пѣна», бѣлая лошадь штабъ-трубача, сильно имъ любимая. Это было уже недалеко отъ Эмбы. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной верблюдами, на ней сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный десятками двумя кавалеристовъ уцѣлѣвшихъ отъ всего дивизіона. Они также шли пѣшкомъ. Вдругъ «Пѣна» споткнулась, сильно вздрогнула и упала. Трубачъ быстро соскочилъ, солдаты захлопотали около своей любимицы, отпустили подпруги—ничего не помогало: лошадь медленно и тяжело дышала, слегка вздрагивая. Трубачъ

сбѣгалъ въ арьергардъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, насыпалъ на чистое полотенце вблизи головы, потомъ разсѣдлалъ, поклонился лошади въ землю, зарыдалъ, какъ малый ребенокъ—и медленно пошелъ догонять «землячковъ-товарищей». Не долго пережилъ трубачъ свою любимицу: онъ умеръ на обратномъ походѣ. Изъ всей гвардіи Перовскаго вернулось въ Оренбургъ только 20 человѣкъ.

Вотъ такимъ образомъ шелъ несчастный отрядъ по безконечной степи, въ трескучіе морозы, по колѣно въ снѣгу, безъ горячей пищи, оставляя за собой слѣдъ — холмы-могилки надъ покойниками, и круглыя бѣлыя горки надъ павшими верблюдами. Всѣ одинаково терпѣли — генералы, офицеры, солдаты. Самъ Перовскій ночевалъ въ такой же холодной кибиткѣ. Вплоть до Эмбы онъ ѣхалъ верхомъ, выступая одновременно съ колонной, слѣзалъ съ лошади, когда колонна останавливалась на ночлегъ. Несмотря ни на какую погоду, генералъ объѣзжалъ въ 11 ч. колонну, которая растягивалась иногда верстъ на 8 и болѣе. Часто ночью онъ самъ провѣрялъ всѣ посты особенно съ того времени какъ узналъ о появленіи въ степи хивинцевъ. Однажды часовой едва не закололъ генерала штыкомъ; онъ уже поднялъ ружье, а Перовскій спасся только тѣмъ, что сказалъ пароль. Когда въ отрядѣ начались бѣдствія, Перовскій все рѣже и рѣже объѣзжалъ колонны; его красивая курчавая голова опускалась все больше, взглядъ становился болѣе и болѣе суровымъ. Онъ поручился передъ Государемъ за успѣхъ похода—только потому Николай Павловичъ и согласился. Выходило теперь такъ, что въ случаѣ неудачи вся вина падала на него.

Обыкновенно отрядъ поднимался рано, часа въ два ночи. Если съ вечера успѣвали запастись топливомъ, то кашевары приготовляли кашицу; если же нѣтъ — поднимались, закусивъ мерзлымъ сухарикомъ. Въ потьмахъ начиналась работа: одни убирали джуламейки, увязывали ихъ, навьючивали на войсковыхъ верблюдовъ, другіе навьючивали мѣшки съ овсомъ, ящики съ порохомъ и прочія тяжести, а третьи укладывали больныхъ.

Жалобные крики верблюдовъ, ржаніе коней, многоязычный говоръ людей—ихъ крики, понуканья—сливались въ гулъ, заглушаемый лишь бурными порывами вѣтра. Вотъ верблюды наконецъ поднялись: ихъ вытягиваютъ въ нитку, выѣзжаютъ казаки въ разныя стороны, расходятся по мѣстамъ солдаты. Заиграли походъ, и отрядъ тронулся. «Стой!» кричатъ. У верблюда свалился тюкъ: верблюда надо вывести, положить, поправить вьюкъ, потомъ снова поднять. Другой верблюдъ выбился изъ силъ, свалился: опять «стой!» — вся нитка разстроилась. Надо верблюда развьючить, потребовать запасного; а пока все это наладится, люди стоятъ да стынутъ на вѣтру, на морозѣ.

Съ такими-то задержками отрядъ медленно подвигался по занесенной снѣгомъ пустынѣ, слѣдуя за своими вожаками. Этихъ послѣднихъ не смущала ночная тьма, не сбивали съ пути самые жестокіе бураны. Киргизъ-вожакъ зналъ родную ему степь, какъ пахарь свое поле. Часа за два до захода солнца отрядъ останавливался, при чемъ старались выбрать мѣсто, гдѣ росли кустики или виднѣлся камышъ. Но чаще всего воду замѣнялъ снѣгъ, а топливо—корешки травъ; для того же чтобы покормить верблюдовъ, надо было расчищать для каждаго мѣстечко въ нѣсколько саженъ — это была самая трудная, египетская работа. Степныя киргизскія лошади привычны съ малолѣтства добывать себѣ кормъ, разгребая снѣгъ твердыми копытами, а верблюдъ этого не можетъ. Пробовали выдавать киргизамъ муку для лепешекъ, чтобы подкармливать верблюдовъ, но вожаки вмѣсто лепешекъ варили себѣ особое кушанье, похожее на галушки, а голодные верблюды только облизывались!

Отрядъ располагался на бивакъ такъ, что всегда былъ готовъ встрѣтить непріятеля, откуда бы онъ ни проявился: снаружи вьюки, въ серединѣ артиллерія, верблюды и лошади; спереди и сзади, на линіи вьюковъ, дежурныя части, готовыя по первой тревогѣ стать въ ружье; кругомъ — казачьи пикеты. Когда солдаты надергаютъ корешковъ, начинаютъ варить ужинъ—кашу съ бараниной или съ говядинкой; но пока растаетъ въ

котелкахъ снѣгъ — глядятъ, ужъ и топлива нѣтъ! А тутъ стемнѣло: одному надо на часы, другому къ верблюдамъ... Припасовъ не жалѣли, было всего вдоволь, и особенно заботилось начальство, чтобы больные ни въ чемъ не нуждались: имъ варили щи изъ сушеной капусты и огурцовъ, не то бульонъ; ихъ поили виномъ — за этимъ слѣдилъ самъ Перовскій. Такъ или иначе—съ ужиномъ или безъ ужина—а часовъ въ 8—9 вечера все смолкало, лагерь засыпалъ. Подъ жалобный вой вѣтра перекликались одинокіе часовые; за-полночь, когда морозъ крѣпчалъ, оклики становились все рѣже и рѣже—кто засыпалъ до трубы, а кто на вѣки. Бдительные казаки не разъ слышали замиравшіе крики: «Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Заме-е-ерзъ!..» Были ночи, когда замерзала въ градусникахъ ртуть, что означало морозъ не менѣе, какъ въ 32 градуса.

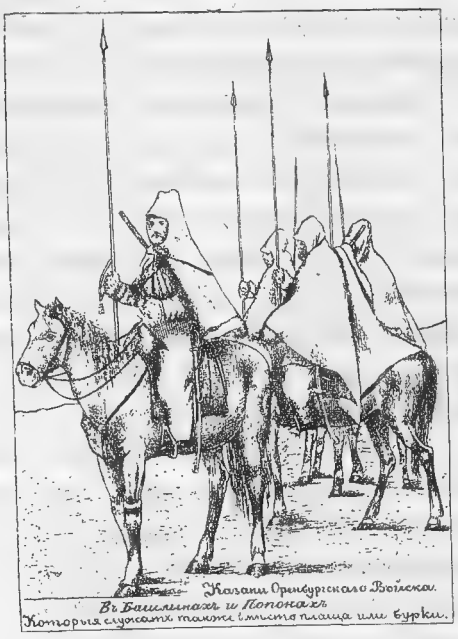
За недѣлю до Рождества отрядъ пришелъ на Эмбу, на 34-й день похода, изъ нихъ только 15 прошли безъ бурановъ. Кругомъ на далекое разстояніе разстилалась плоская равнина, занесенная снѣгомъ. И вотъ на ней вблизи самаго укрѣпленія расположились въ джуламейкахъ всѣ 4 колонны, затѣмъ подошли уральцы. Больныхъ положили въ свѣтлыя землянки, и они стали понемногу поправляться. Люди лакомились печенымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали больше мѣсяца; они ходили на кухни обѣдать, ужинать и тутъ два раза въ день отогрѣвались.

Уцѣлѣвшіе лошади и верблюды тоже отдохнули, такъ какъ сѣна и овса было заготовлено вдоволь. Отрядъ простоялъ тутъ болѣе двухъ недѣль, собираясь съ силами для дальнѣйшаго похода. Тутъ впервые услыхали о хивинцахъ.

Дѣло было такъ. 18 декабря, рано утромъ, появилась передъ укрѣпленіемъ Акъ-Булакъ конная толпа, въ числѣ около двухъ тысячъ всадниковъ. Раздѣлившись на двѣ части, они сразу накинулись на укрѣпленіе, но маленькій гарнизонъ — всего-то съ больными 160 человѣкъ—зналъ свое дѣло; живо всѣ стали по мѣстамъ, грянули изъ пушекъ и отбили приступъ. Еще раза два кидались туркмены съ такой же удачей; тогда они

попытались поджечь скирды съ сѣномъ, стоявшія сзади, — и тутъ казаки ихъ выслѣдили да встрѣтили залпомъ. На другой день провѣдали хивинцы, что къ укрѣпленію идетъ небольшой русскій отрядъ и скрылись. Дѣйствительно, Перовскій выслалъ съ Эмбы транспортъ изъ верблюдовъ и повозокъ, чтобы забрать изъ Акъ-Булака больныхъ и нѣкоторыя тяжести. Прикрытіе состояло изъ одной пѣхотной роты (140 чел.) подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ерофеева. Отрядъ прошелъ весь путь, но за 20 верстъ отъ укрѣпленія его засталъ страшный буранъ. Пришлось остановиться, гдѣ случилось, да къ тому же не распорядились выставить посты; даже ружья находились въ тюкахъ, каждый хлопоталъ о томъ, какъ бы поскорѣе пріютиться. Едва въ отрядѣ успокоились, какъ изъ-за пригорка выскакала партія туркменъ съ гикомъ и криками «Алла! Алла!» У переднихъ всадниковъ торчали длинныя пики, остальные были вооружены шашками, лишь у немногихъ висѣли сзади тяжелыя ружья. Къ великому счастью отряда на краю бивака стоялъ ротный барабанщикъ: онъ выхватилъ палки и забилъ тревогу. Раскаты барабанной дроби испугали лошадей; они взвились на дыбы или сворачивали въ стороны, сметая всадниковъ. Прошло 2—3 минуты, казаки успѣли выхватить изъ чехловъ ружья, дали залпъ, а пѣхота достала изъ тюковъ свои ружья. Однако туркмены отбили 30 верблюдовъ, стоявшихъ въ сторонкѣ, при чемъ зааркапили и нашего солдата. Теперь на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, они занялись раздѣломъ добычи, а у насъ въ это время устроили каре изъ тюковъ и саней, насыпали снѣговой валъ, привели въ порядокъ ружья. Подкрѣпившись пищей, туркмены повторили атаку: ихъ подпустили на ружейный выстрѣлъ, дали одинъ залпъ, потомъ другой. Ружья клались на тюки, стрѣляли на-вѣрняка въ густую толпу. Кстати и буранъ сталъ утихать. Когда разсѣялся дымъ, увидѣли наши, что многіе лежали на снѣгу, кони барахтаются, остальная толпа мчится на бугоръ. Тамъ они о чемъ-то посовѣщались, потомъ, раздѣлившись на двѣ партіи, опять пустили

коней вскачь. Эта атака также была отбита—около 30 туркменъ остались на мѣстѣ; ихъ кони носились по снѣжной пустынѣ безъ всадниковъ. Вновь съѣхались они въ большую толпу, покричали, покричали, послѣ чего половина партіи спѣшилась и погнала передъ собой нашихъ же верблюдовъ; около 200 человѣкъ шли съ пиками отдѣльно. Верблюды должны были надѣлать сумятицы, а эти прикалывать нашихъ солдатъ. Ни то, ни другое не удалось. Въ отрядѣ уже явилась увѣренность въ



своей непобѣдимости, посыпались на счетъ туркменъ шутки, остроты, раздавался и задорный хохотъ. Послѣ двухъ залповъ толпа съ громкими воплями скрылась за пригорокъ. Ерофеевъ скомандовалъ на молитву: всѣ сняли шапки, возблагодаривъ Господа за свое спасеніе. Наступила ночь, въ каре запылали костры, стала закипать кашица. Вдругъ, въ ночной тишинѣ, раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій—одинъ казакъ свалился, двое были ранены. Тогда Ерофеевъ приказалъ потушить

костры. Ночь была звѣздная, тихая; зоркій урядникъ замѣтилъ что шаговъ за 100 отъ каре растетъ снѣжный валъ: то туркмены дѣлали себѣ закрытіе. Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ: откликнулось 10 человѣкъ, съ унтеръ-офицеромъ. Они бросились на завалъ, трехъ туркменовъ тутъ же закололи, одного взяли живьемъ, остальные со страху разбѣжались.—Прошла тревожная ночь; на утро казаки въѣхали на бугоръ, откуда увидѣли, что туркмены обходнымъ движеніемъ направились на Хиву. На мѣстѣ ихъ стоянки нашли нашего солдата, сожженнаго на медленномъ огнѣ. Въ отрядѣ оказалось 5 убитыхъ и 13 раненыхъ. Почти подъ самымъ укрѣпленіемъ Акъ-Булакъ наши наткнулись на трупъ киргиза, котораго послалъ Перовскій, съ почтой. Туркмены, потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами укрѣпленія, сорвали злобу на этомъ почтарѣ. Они разрубили его пополамъ, ноги поставили отдѣльно, туловище отдѣльно, ротъ набили бумагами.—Тѣмъ и кончились подвиги хивинскихъ войскъ.

Барабанщикъ, охотники и казаки получили георгіевскіе кресты, унтеръ-офицеръ былъ произведенъ въ офицеры, а Ерофеевъ получилъ Владиміра 4 степени съ бантомъ и слѣдующій чинъ.

Послѣ дознались, что хивинскій ханъ, провѣдавъ о постройкѣ укрѣпленій и выступленіи русскихъ, вырядилъ болѣе 2 тыс. испытанныхъ и надежныхъ всадниковъ изъ туркменскаго племени Іомудовъ, на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, съ наказомъ—ѣхать быстро, нигдѣ не останавливаться, взять оба укрѣпленія, при чемъ отрѣзать у защитниковъ головы и переслать ихъ въ Хиву; послѣ того, спѣшить на встрѣчу отряда, идти по его пятамъ, тревожить днемъ и ночью, наконецъ во время бурана истребить всѣхъ до единаго. Начальствовать надъ этимъ отрядомъ вызвался самъ Кушъ-беги, военный министръ. Онъ похвалялся, что доставитъ русскихъ живьемъ. Послѣ схватки съ Ерофеевымъ Кушъ-беги едва унесъ ноги; изъ 2 т. всадниковъ вернулось въ Хиву лишь 700, остальные или замерзли, или перемерли отъ голода.

Отпраздновавъ на Эмбѣ водосвятіе, отрядъ генерала Перовскаго двинулся дальше, въ глубь снѣжной пустыни. Для облегченія верблюдовъ впереди шла конница, протаптывая путь; въ глубокихъ мѣстахъ она возвращалась по нѣскольку разъ; случалось расчищать путь даже лопатами. Несмотря на это, обезсиленные верблюды безпрестанно падали, задерживая ходъ колонны. Перевьючка изнуряла людей больше, чѣмъ самый походъ: приходилось работать утопая въ снѣгу чуть не по поясъ. Упавшіе верблюды рѣдко поднимались; ихъ обходили, вытаптывая солдатскою грудью новыя дорожки. Мѣстами попадался такой твердый снѣгъ, что выдерживалъ тяжелыя пушки, не проваливался подъ тяжестью верблюдовъ, а мѣстами вся колонна погружалась и мѣсила ногами какую-то рыхлую кашу. Бывали дни, когда отрядъ успѣвалъ сдѣлать не болѣе четырехъ верстъ. Весь пройденный путь сталъ обозначаться покинутыми верблюдами и павшими лошадьми, брошенными тюками, повозками, санями. Вслѣдъ за отрядомъ подвигались стаи голодныхъ волковъ, чуявшія, что на каждомъ шагу ихъ ожидаетъ богатая добыча...

Въ концѣ января колонны собрались возлѣ укрѣпленія Акъ-Булакъ на урочищѣ «Чушка-куль» (свиное озеро). Маленькое, занесенное снѣгомъ укрѣпленіе, съ темными сырыми землянками, въ которыхъ лежали больные солдаты здѣшняго гарнизона, глядѣло непривѣтливо, мало подавая надежды на отдыхъ. Кругомъ него разстилались солончаки, покрытые жесткою травой, которую верблюды ѣдятъ только въ голодуху; лишь по оврагамъ рѣчки Чегана росли мѣстами камыши да тальникъ; вода въ укрѣпленіи — скверная, вонючая. Тамъ, къ сторонѣ Хивы, темнѣлъ поясокъ угрюмыхъ скалъ, лишенныхъ снѣга: то виднѣлась окраина Усть-Урта. Сколько туда ни глядѣли въ подзорныя трубы, не покажется ли хивинскій всадникъ? — нѣтъ, ничего не видѣли: дичь и безлюдье кругомъ. Голодные степные волки поднимали по ночамъ ужаснѣйшій вой, они раскапывали свѣжія могилы, поѣдая покойниковъ. Нужда въ топливѣ была такъ

велика, что въ отрядѣ ничего не могли уберечь: пропадали лопаты, веревки, колья, цыновки — все, что могло еще горѣть. Перовскій страдалъ больше всѣхъ и за всѣхъ; кромѣ невыносимыхъ душевныхъ мукъ, у него открылись старыя раны. Еще на Эмбѣ прошелъ слухъ, что генералъ моритъ себя голодомъ, отказывается отъ пищи; онъ затосковалъ, осунулся, пересталъ выходить изъ кибитки. Его спасъ русскій солдатъ. Однажды, проходя поздно вечеромъ между джуламейками, Перовскій услышалъ разговоръ, при чемъ было названо его имя. Говорилъ старый унтеръ-офицеръ: «Все это не бѣда, братцы, морозы стали легче, бурановъ вовсе нѣтъ... Кашица горячая есть... А вотъ плохо: самъ-то онъ, орелъ нашъ черноокій, захирѣлъ. Вотъ это, други, такъ бѣда!

— Мы вчера узнавали потихоньку, отвѣчалъ другой голосъ, отъ пищи, сказываютъ, отсталъ: не ѣстъ, не пьетъ, никого до себя не допущаетъ.

— Да, вотъ это бѣда!—сказалъ унтеръ-офицеръ упавшимъ голосомъ: когда самъ помретъ, тогда пропали и наши головушки...

Генералъ перекрестился; бодрый, веселый прошелъ въ свою кибитку, и съ той поры все пошло своимъ чередомъ, толки прекратились.—Такъ разсказывали ветераны хивинскаго похода.

За 8 дней пребыванія въ укрѣпленіи Перовскій убѣдился, что пробиваться дальше было-бы безуміемъ, сегодня какъ вчера, завтра надо ждать того же. Морозы все крѣпчали да крѣпчали. По утрамъ горѣли на небѣ столбы радужныхъ цвѣтовъ, или же по бокамъ настоящаго солнца сіяло два другихъ, почти такимъ же багрянымъ, зловѣщимъ блескомъ. Такой лютой зимы не запомнятъ старожилы Киргизской степи. Въ хивинскомъ оазисѣ померзли тогда всѣ виноградники, погибли молодыя животныя.

До жилыхъ мѣстъ Хивы оставалось еще 800 верстъ, а половина верблюдовъ уже погибла; остальные были изнурены до крайности. Прошло два мѣсяца, какъ въ отрядѣ не снимали

одежи, не мыли бѣлья; больныхъ съ каждымъ днемъ все прибывало; заболѣвшіе простудой почти всегда умирали, потому что никакое лѣченіе невозможно въ такую стужу. Къ довершенію бѣды въ отрядъ пришла печальная вѣсть о гибели транспорта съ продовольствіемъ, который шелъ изъ Александровскаго укрѣпленія на 600-хъ верблюдахъ. Киргизы, по наущенію хивинцевъ, связали начальника, корнета Аитова, и повезли его въ Хиву, а верблюдовъ отогнали въ аулы.

Тогда Перовскій приказалъ поразвѣдать пути въ Хиву и, узнавши, что впереди то же самое, снѣгу на Усть-Уртѣ еще больше, чѣмъ здѣсь, а подъемы очень круты, отдалъ слѣдующій приказъ:

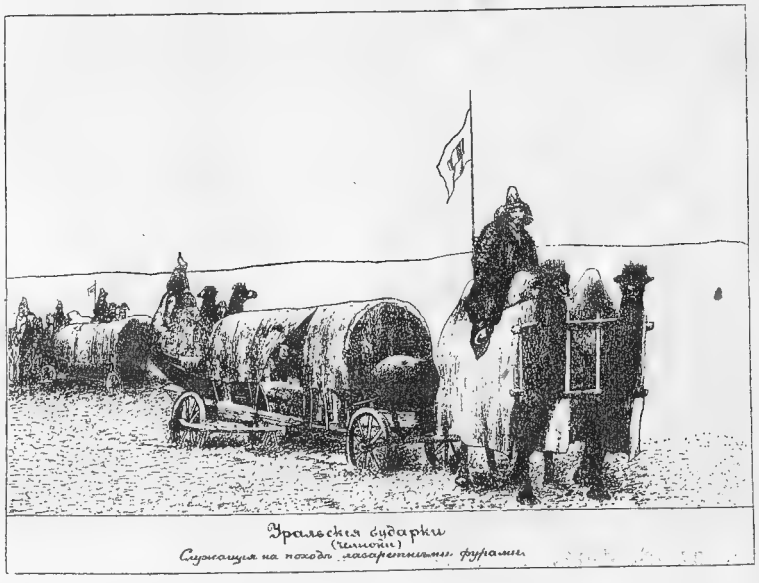
«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями... Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля... Не взирая на всѣ труды, вы свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы обильны, одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ уже погибла, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ожидать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе»...

Съ горестью услыхали войска о возвращеніи: они надѣялись встрѣтить хивинцевъ, разгромить ихъ на славу и отомстить за старыя обиды. Особенно скорбѣли уральцы, что не удалось выручить изъ неволи своихъ братьевъ. Отрядъ вернулся на Эмбу. Но прежде чѣмъ добраться до нея, люди вынесли все, что только могутъ вынести русскія войска. Не смотря на февраль, морозы продолжали держаться при страшныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонны останавливались безъ всякаго порядка. Какъ только скомандуютъ: «Стой!» солдаты

ставили свои джуламейки, гдѣ кого застала команда. Одни лишь уральцы не боялись морозовъ. Однажды офицерскій деньщикъ уронилъ въ прорубь ломъ. Уралецъ за полштофа водки согласился его достать. Онъ раздѣлся, обвязался веревкой, спустился въ прорубь, нащупалъ тамъ ломъ и вскорѣ вынырнулъ. Это было при 29° мороза. Отъ лютыхъ морозовъ не спасалъ ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; люди оживали только послѣ двухъ-трехъ стакановъ чаю, согрѣвались, становились бодрѣе.

9 февраля отрядъ по обыкновенію выступилъ съ ночлега. Утро было тихое, прекрасное, морозъ 4°. Черезъ 2 часа начался вѣтеръ, вскорѣ перешелъ въ такой сильный и порывистый, что сваливалъ съ ногъ; ни лошади, ни верблюды не могли идти; морозъ все крѣпчалъ и дошелъ до 27°. Подъ конецъ замела вьюга, все скрылось во тьмѣ; кто гдѣ стоялъ, тамъ и оставался до утра, объ огнѣ и думать было нельзя. Многіе готовились къ смерти, думали, что пришелъ послѣдній часъ. Къ счастью, утромъ буря стихла. Прежде чѣмъ выступать, похоронили нѣсколько покойниковъ. Лишь маленькіе снѣжные бугры могли повѣдать буйнымъ вѣтрамъ о тѣхъ страданіяхъ, какія пришлось вынести въ эту ночь. Впослѣдствіи, во время пребыванія Перовскаго въ Петербургѣ, Государь Императоръ, выслушавъ разсказъ про эту ночь, былъ растроганъ до слезъ. Не утихни буранъ, ни одинъ человѣкъ не вернулся бы на Эмбу. Въ половинѣ февраля отрядъ собрался и пробылъ здѣсь, пока не расцвѣла весна и не прекратилась цынга, заѣдавшая подъ конецъ похода бѣдныхъ солдатъ. Когда стали подсчитывать, чего стоилъ этотъ безпримѣрный зимній походъ, то оказалось, что изъ 12,000 верблюдовъ осталось только 1,500; изъ 5,000 солдатъ и казаковъ вступили на Линію менѣе 4,000, въ томъ числѣ 600 считалось больныхъ; тысячѣ же человѣкъ вовсе не довелось увидѣть родимую землю. Уральцы, какъ привычные къ степнымъ походамъ, пострадали меньше всѣхъ остальныхъ войскъ. Вотъ что разсказывалъ одинъ изъ старыхъ уральскихъ казаковъ, вернувшись съ похода:

«Коли мы собираемся въ степные походы, то всякой всячиной запасаемся, ничѣмъ не брезгуемъ, а главное—на щегольство не смотримъ; оно хоть съ виду неказисто, зато тепло, уютно. Главная статья—не мерзлое войско. Сидишь, бывало, на лошади—ѣдешь. Какъ ни укутанъ ты, а морозъ мало-по-малу пробираетъ; чувствуешь это—и сейчасъ съ коня долой. Пройдешь сколько-нибудь, чувствуешь, что нагрѣваешься—тутъ ужъ бойся, какъ бы не взопрѣть. Сейчасъ остановишься, тулупъ съ



Уральскія бударки
(челноки)
Служащія на походѣ лазаретными фурами.

зипуномъ долой; останешься въ полушубкѣ. Идешь, а самъ, какъ воръ, смотришь по сторонамъ: нѣтъ ли гдѣ чего пользительнаго. Видишь, торчитъ изъ-подъ снѣгу кустикъ травы—и сейчасъ къ нему: разгребешь ногами снѣгъ, сорвешь кустикъ, тонкія вѣточки, обломаешь и сунешь въ ротъ лошади; та разумѣется рада: въ одинъ мигъ схватитъ и съѣстъ, а что покрѣпче, потолще, примѣрно стебельки, корешки, это свяжешь въ пучокъ, да и въ торока: значитъ на дрова. Пройдешь такимъ манеромъ съ версту, нагрѣешься—опять въ хламиду и опять

на лошадь. И выходитъ, что всю дорогу въ занятьи: то себя грѣешь, то дровами запасаешься, то лошадкѣ даешь вольготу и случай пощипать травки. Приходишь теперь на стоянку, смотришь, почитай у каждаго товарища въ торокахъ пучокъ травы, а у иного цѣлое беремя. Чего еще надо? Значитъ, на первый разъ дрова есть. Сейчасъ хламиды долой, полушубки долой, схватишь лопаты—и работа закипитъ. Буранъ ли тамъ, морозъ ли, намъ дѣла нѣтъ, наплевать! Мы знаемъ, что черезъ двѣ-три минуты будетъ у насъ защита. И точно: не успѣетъ, какъ говорится, дѣвка стриженой косы заплести, а у насъ готова джуламейка, у насъ горитъ-пылаетъ костеръ.

«У насъ вездѣ и во всемъ сноровка. Къ примѣру мнѣ очередь въ караулъ, въ разъѣздъ или въ табунъ верблюжій. Въ такомъ случаѣ товарищи не допустятъ меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, чтобы не взопрѣлъ: буранъ и морозъ сейчасъ пронижутъ того человѣка, который взопрѣетъ. То же и насчетъ пищи. Товарищи покормятъ по горлышко: любой кусочекъ мясца подсунутъ, себя обдѣлятъ. А для чего? Для того, что человѣка съ сытымъ брюхомъ и морозъ уважаетъ, не такъ ужъ донимаетъ, какъ голоднаго: не сможетъ, значитъ. А вотъ насчетъ солдатиковъ нельзя этого сказать, всякъ думаетъ о самомъ себѣ. Да что солдатики? Оренбургскіе казаки, что были въ походѣ, и тѣ въ этомъ случаѣ не лучше солдатиковъ. Варятъ, напримѣръ, кашу артелью, а мясо порознь, то есть, каждый казакъ привяжетъ къ своему куску—кто нитку, кто мочалку, а послѣ, когда дѣло дойдетъ до ѣды, поднимутъ споръ, шумъ; одинъ кричитъ: «Это мой кусокъ!» а другой ему въ отвѣтъ: «Врешь, это мой!» И грѣхъ, и смѣхъ: право, не лгу!»

Не смотря на полную неудачу, походъ Перовскаго все-таки принесъ пользу русскому дѣлу. Долгое пребываніе отряда на Эмбѣ имѣло такой видъ, что войска какъ будто приготовляются къ новому походу. Испытавъ уже силу нашего оружія подъ Акъ-Булакомъ, хивинцы этого боялись, и ханъ Аллакулъ уви-

дѣлъ, что нужно смириться. Онъ издалъ фирманъ (приказъ), которымъ запрещалъ всѣмъ подданнымъ подъ страхомъ смертной казни грабить и полонить русскихъ. Затѣмъ онъ освободилъ всѣхъ невольниковъ. Каждый плѣнникъ получилъ отъ хана по золотому, по мѣшку муки и по верблюду на двухъ человѣкъ. Еще велѣлъ передать Перовскому, что онъ, ханъ, готовъ исполнить всѣ требованія русскихъ. Дѣйствительно, въ половинѣ августа прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Аитовъ, тотъ самый, который сопровождалъ транспортъ съ верблюдами. Еще черезъ нѣсколько дней явилось 416 плѣнниковъ, въ сопровожденіи хивинца Атаніаса. Имъ устроили радушную и торжественную встрѣчу: сначала отслужили молебенъ, потомъ угостили обѣдомъ. Почти весь городъ собрался на площадь. Въ сѣдомъ согбенномъ старцѣ иная старушка узнавала своего красавца мужа, уведеннаго въ Хиву 25 лѣтъ тому назадъ; въ больномъ искалѣченномъ парнѣ по какой-нибудь примѣтѣ мать признавала похищеннаго у нея ребенка. Много было радостей, еще больше слезъ. Въ концѣ того же 1840 года прибыли и остальные русскіе плѣнные, такъ что въ Хивѣ осталось нѣсколько десятковъ, которыхъ принудили принять мусульманство: они сами не пожелали вернуться. Съ своей стороны и Перовскій вырядилъ въ Хиву посольство, которому удалось выговорить, чтобы наши купцы могли во всякое время наѣзжать въ Хиву, держать тамъ свои склады, даже нанимать землю для посѣвовъ.

Съ той поры хивинцы какъ будто поняли, что худой миръ лучше доброй ссоры; когда же они стали забывать это мудрое правило, то пришлось имъ еще разъ напомнить, что безводная пустыня—ненадежная защита отъ русскаго солдата, который проходитъ ее и въ знойное лѣто, и въ студеную зиму. Этотъ третій и послѣдній походъ былъ совершенъ уже недавно, можно сказать, на нашей памяти, когда русскія войска наступали не съ одной стороны, какъ бывало прежде, а одновременно съ трехъ: отъ береговъ Каспія—такъ же шелъ Бековичъ, потомъ изъ Оренбурга—примѣрно путемъ Перовскаго, и наконецъ новымъ

путемъ—съ береговъ Сыръ-Дарьи. Таковъ былъ завѣтъ Великаго Петра. Но, чтобы его исполнить, пришлось втянуться въ степи, выдержать долгую 20-тилѣтнюю войну и разгромить Коканъ да Бухару, два среднеазіятскія владѣнія, прикрывавшія Хиву со стороны Сибири. Подвиги русскихъ войскъ въ этихъ далекихъ странахъ увѣнчались завоеваніемъ обширной страны, извѣстной нынѣ подъ именемъ Туркестана: о немъ рѣчь впереди.

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ.

Обширная полоса земли отъ береговъ нижней Волги до р. Тарима и отъ низовьевъ Аму-Дарьи до р. Иртыша, равная половинѣ Европейской Россіи, занята кочевьями киргизовъ, гдѣ они водворились съ давнихъ временъ. Нѣкогда киргизскіе ханы выставляли въ поле по 300 тысячъ всадниковъ; было время, когда они громили Бухару, владѣли такими большими городами, какъ Ташкентъ, но это продолжалось недолго. Они ослабили свои силы усобицей, а также борьбой съ сосѣдними кочевниками, напримѣръ калмыками, которые вытѣснили ихъ лѣтъ полтораста тому назадъ къ границамъ Россіи.

И для насъ, и для соплеменниковъ особенно было тревожное въ степи время, когда властвовалъ султанъ Кенисара Касимовъ, внукъ «мудраго» Аблая. Это былъ не только лихой наѣздникъ, но знаменитый предводитель, способный повелѣвать цѣлой ордой. Съ врагами онъ былъ жестокъ, а въ подчиненныхъ умѣлъ вселить обожаніе и готовность слѣдовать за нимъ куда угодно. Его стремительные набѣги, подобно бурнымъ ураганамъ, продол-

жались 6 лѣтъ, поочередно тревожили то границы Сибири, то Оренбургскія степи, при чемъ Кенисара умѣлъ ловко хитрить, притворяться покорнымъ и обманывать наши власти, особенно въ Оренбургѣ, гдѣ ему больше вѣрили, чѣмъ въ Омскѣ. Нужно сказать, что часть киргизовъ, признававшихъ нашу власть, была подчинена Оренбургскому Генералъ-губернатору, другая же причислена къ управленію Генералъ-Губернатора Западной Сибири. Кенисара, подобно всѣмъ вождямъ-кочевникамъ, видѣлъ спасеніе вольности народной лишь въ дружбѣ съ единовѣрной Хивой: платить хану небольшую дань, считаться его данникомъ, изрѣдка помогать ему войскомъ, во всемъ же остальномъ—полная воля.

Назвавъ себя султаномъ, Кенисара объявлялъ войны, заключалъ союзы, собиралъ зякетъ, чинилъ судъ и расправу; однимъ словомъ, поступалъ какъ полновластный повелитель. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ величалъ себя въ своихъ посланіяхъ: «Отъ великаго побѣдителя и храбрѣйшаго витязя Кенисары хана вашего султанамъ Габдулфанзу и Кучуку изъявляется благоволеніе и желаніе благоденствія».

Болѣе успѣшно боролись съ Кенисарой сибирскія власти, гдѣ его раньше распознали; тамъ громилъ его лихой казачій полковникъ Кривоноговъ, неутомимый, знавшій отлично всѣ сноровки лукаваго киргиза. Когда въ Оренбургѣ извѣрились въ немъ и пришла пора дѣйствовать оружіемъ, оказалось, что зауральскія степи никому неизвѣстны, тогда какъ Кенисара подобно ястребу перелеталъ съ мѣста на мѣсто, не даваясь въ руки. Во главѣ скопища въ 10 т. всадниковъ онъ по нѣсколько разъ въ день мѣнялъ стоянки: остановится, бывало, на ночлегъ, потомъ вдругъ среди ночи подыметъ станъ и уходитъ за 10 верстъ впередъ или назадъ. Самые вѣрные наши лазутчики никогда не знали, гдѣ ночуетъ Кенисара. Въ то же время русскія войска бродили точно въ потьмахъ, боялись измѣны, пуще всего боялись попасть въ безводныя мѣста и остаться тамъ навсегда, безъ проводниковъ, безъ воды. Порядокъ и дисциплина въ ско-

пищѣ Кенисары были удивительные, напоминавшіе времена такого полководца, какъ Чингисъ-Ханъ. Скопище было раздѣлено на отряды, хорошо вооруженные, снабженные въ изобиліи продовольствіемъ и подъ начальствомъ султановъ, изъ родственниковъ Кенисары или своихъ же прирожденныхъ султановъ-правителей. Въ станѣ Кенисары находились маркитанты, мирно торговали 2 казанскихъ купца, подъ особымъ его покровительствомъ.

Въ 1843 г. два небольшихъ оренбургскихъ отряда углубились въ степь въ поиски за Кенисарой. Онъ заставилъ ихъ гоняться безъ устали, чѣмъ изнурялъ безъ пользы и людей, и лошадей. Если случалось встрѣтить Кенисару, онъ, завязавши перестрѣлку, начиналъ отступать. Ни казаки, ни союзные намъ киргизы никогда его не преслѣдовали — тѣ отъ изнуренія, а киргизы просто не хотѣли. Стояла дождливая холодная осень; побродивши въ такое ненастье 1½ мѣсяца, войска возвратились въ Оренбургъ. Со стороны Сибири дѣла шли удачнѣе. Знакомый со степной войной, полковникъ Кривоноговъ съ отрядомъ сибирскаго войска напалъ на аулы, съ которыми кочевалъ султанъ, разбилъ ихъ послѣ продолжительной битвы, при чемъ захватилъ въ плѣнъ двухъ родственниковъ Кенисары и его жену Кульши-Джанъ; самъ султанъ въ ту пору былъ въ отсутствіи. Несмѣтныя его богатства были брошены въ степи, войска Кривоногова ничего не тронули. По веснѣ слѣдующаго года оренбургскій отрядъ выступилъ подъ начальствомъ подполковника Лебедева. Этотъ офицеръ также понималъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, зналъ его силы, сноровки. Отрядъ Лебедева, раздѣленный на три части, могъ передвигаться чрезвычайно быстро, потому что вмѣсто верблюдовъ провіантъ перевозился лошадьми, на одноколкахъ; изъ пѣхоты были выбраны лучшіе стрѣлки и посажены на лошадей. Изъ лазутчиковъ Лебедевъ довѣрялъ только тѣмъ, которые почему-нибудь были озлоблены противъ Кенисары, лучше слѣдили за нимъ, навѣрняка знали его силы и мѣсто кочевокъ: это давало Лебедеву возможность

часто съ нимъ встрѣчаться и никогда не позволить застать себя въ расплохъ. Лебедевъ прослылъ среди киргизовъ «батыремъ»; имъ казалось просто чудомъ, какъ это онъ такъ успѣшно могъ преслѣдовать «непобѣдимаго отца величія!» Къ сожалѣнію Лебедева отозвали въ Оренбургъ, а на его мѣсто назначили полковника Дуниковскаго. Дерзость Кенисары сейчасъ же обнаружилась: на рыбныхъ ловляхъ въ степи были захвачены русскіе крестьяне; у одного преданнаго намъ султана отбито болѣе 5 т. лошадей и самъ онъ увлеченъ въ плѣнъ. Наконецъ, разузнавъ о мѣстѣ стоянки русскаго отряда, Кенисара въ ночь на 21 іюля напалъ на авангардъ, составленный изъ почетныхъ ордынцевъ, перерѣзалъ всѣхъ султановъ, ихъ дѣтей, біевъ и, покончивъ съ ними, сейчасъ скрылся. Пока казаки вооружились, Кенисара былъ уже далеко. Въ напрасныхъ поискахъ нашъ отрядъ бросался то въ одну, то въ другую сторону, а неуловимый Кенисара въ это время напалъ на наши форпосты, откуда увелъ 120 плѣнныхъ. Гибель султановъ, почетныхъ стариковъ, находившихся подъ защитой русскаго отряда, подорвало въ степяхъ вѣру въ могущество Россіи.—Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока ожесточенная война въ Туркестанѣ отвлекла Кенисару отъ русскихъ границъ. Онъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ, сталъ искать мира, изъявлялъ покорность. Въ ту пору къ нему съѣхались послы Хивы и Бухары, изъ которыхъ каждая старалась заручиться его помощью. Бухарскій эмиръ прислалъ въ подарокъ султану 60 ружей, 15 горныхъ пушекъ, боевые снаряды; хивинскій ханъ — 15 чудныхъ аргамаковъ, 2 залитыхъ золотомъ сѣдла, 2 пушки и верблюдовъ, навьюченныхъ порохомъ; кромѣ того, предлагалъ любое мѣсто въ своихъ владѣніяхъ, для кочевокъ. Кенисара принялъ пословъ съ подобающею важностью, но рѣшительнаго отвѣта не далъ. Онъ надѣялся, что Бухара и Хива истощатъ въ борьбѣ свои силы, и тогда онъ безъ труда овладѣетъ Ташкентомъ. Надменность и дерзость Кенисары были таковы, что онъ Оренбургскому Губернатору Обручеву писалъ письмо безъ обычнаго титула, а

просто «проживающему въ Оренбургѣ генералу»; въ этомъ письмѣ просилъ его идти общими силами войной противъ сибирскаго губернатора князя Горчакова. Въ слѣдующемъ году (1846) со стороны Сибири и Оренбурга одновременно выступили отряды, чтобы дѣйствовать безостановочно, преслѣдовать Кенисару днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой. Тогда же были заложены укрѣпленія—Оренбургское на р. Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ и Карабутакское на р. того же имени. Преданные намъ кочевники могли спасаться подъ защиту этихъ укрѣпленій; кромѣ того, изъ укрѣпленій легче было наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ степи и своевременно подавать вѣсти ближайшему начальству. Въ виду дружнаго наступленія русскихъ войскъ Кенисара откочевалъ съ ордой къ границамъ Китая; но уже въ ту пору многіе джигиты его покинули, не вынося его жестокости. Покончивъ съ китайскими киргизами, онъ ворвался въ горныя страны дико-каменныхъ киргизовъ, обитавшихъ въ долинахъ Алатау. Это было племя воинственное; оно обитало на мѣстности пересѣченной, удобной для упорной обороны. Сохранилось сказаніе, что Кенисара разсчитывалъ съ покореніемъ этого племени идти на Коканъ и занять ханскій престолъ. Послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ стычекъ киргизы прислали къ нему посольство съ изъявленіемъ покорности. Мстительный Кенисара неудовольствовался этимъ заявленіемъ, предалъ пословъ мучительной казни и объявилъ, что намѣренъ истребить весь ихъ родъ. Послѣ занятія какого-либо аула сгоняли всѣхъ жителей къ кострамъ, на которыхъ заранѣе подогрѣвалась въ котлахъ вода. Плѣнные киргизы, связанные по рукамъ и ногамъ, должны были смотрѣть, какъ «теленгуты»—въ родѣ гвардіи султана—бросали въ кипятокъ женщинъ и дѣтей, затѣмъ предавалось не менѣе мучительной казни все мужское населеніе аула. Такое неслыханное варварство одушевило уцѣлѣвшее населеніе на кровавую месть. Въ одномъ изъ мрачныхъ ущелій киргизы напали на султана: завязался смертельный бой, въ которомъ палъ самъ Кенисара, его братъ и весь трехтысячный отрядъ. Кир-

гизы отрубили Кенисарѣ голову, возили ее воткнутою на пику по ауламъ, а потомъ отправили въ Омскъ; тѣло искрошили на мелкіе кусочки. Сообщникъ Кенисары киргизъ Нысанбай сложилъ въ честь его пѣсни, которыя и понынѣ распѣваются въ аулахъ. Кромѣ пѣсенъ, думъ, мудрыхъ изреченій ничего не осталось у киргизовъ отъ богатырскихъ временъ.

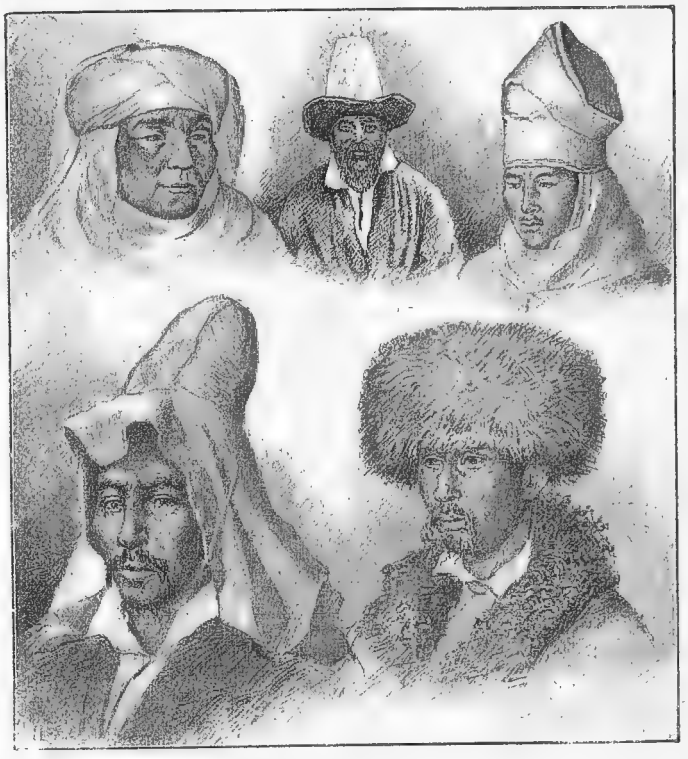
Теперь киргизы — мирный пастушескій народъ, хотя и не прочь при случаѣ *побарантовать*, т.-е. пограбить, поживиться на счетъ сосѣда. Впрочемъ сами о себѣ они думаютъ иначе. «Мы», говорятъ киргизы, «потомки тѣхъ, что завоевали съ Чингисъ-ханомъ полъ-свѣта; на насъ нельзя просто смотрѣть: у насъ Чингисъ-ханова ясà (законы), его обычаи, — словомъ, мы узбеки: чего же больше!» Тѣ, которые ведутъ свой родъ отъ Чингисъ-хана, почитаются людьми высшей породы, «бѣлою костью», и носятъ почетный титулъ султановъ; прочее дворянство причисляется къ «черной кости»; теленгутами же называютъ бѣглыхъ чужеземцевъ или потомковъ невольниковъ: они пасутъ хозяйскія стада, обрабатываютъ землю. Киргизы принадлежатъ къ поклонникамъ Магомета, но считаются плохими мусульманами; грамотные у нихъ за рѣдкость. Мальчишка растетъ все равно, что щенокъ: никто не научитъ его молиться, соблюдать посты, совершать омовенія; онъ знаетъ только, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и что Магометъ Его пророкъ. Слѣды языческой вѣры удержались и понынѣ: киргизы вѣрятъ въ колдуновъ, боятся шайтана или злого духа, вѣрятъ въ заклятья, различаютъ худыя и хорошія примѣты. Особеннымъ почетомъ у нихъ пользуются могильные курганы, обозначенные воткнутыми пиками съ развѣвающимися конскими хвостами или гривами. Проѣзжая мимо такой могилы, киргизъ преклоняетъ колѣни и оставляетъ что-нибудь для бѣдныхъ — деньги, одежду или припасы. Память о своихъ умершихъ родичахъ, особенно *батыряхъ*, которые прославились удалыми набѣгами, они чтутъ свято, слагая въ честь ихъ пѣсни.

Киргизы думаютъ, что душа умершихъ цѣлый годъ со дня

смерти обрѣтается среди живущихъ родичей. Если о покойникѣ дурно говорятъ, то душа его страдаетъ и будетъ страдать до тѣхъ поръ, пока всѣ родные не помирятся съ нимъ. Вотъ почему въ годовщину смерти дѣлаются большія поминки ради примиренія съ покойникомъ. На праздникъ приглашаются всѣ родные и знакомые изъ самыхъ дальнихъ ауловъ, при чемъ заранѣе оповѣщаются призы, которые будутъ раздаваться на скачкѣ. Могутъ являться и постороннія лица. Въ назначенный день юрта покойника ставится гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, украшенная коврами, оружіемъ и прочимъ добромъ умершаго; у дверей юрты водружается шестъ съ чернымъ флагомъ; если же умершій былъ старикъ, то навѣшивается бѣлый флагъ. Вокругъ юрты разставляютъ любимыхъ покойникомъ верблюдовъ и лошадей. Призы назначаются довольно цѣнные, напримѣръ, тысяча барановъ, 50 лошадей или верблюдовъ; всѣхъ призовъ 9, послѣдній—одна лошадь или 25 барановъ. Обыкновенно гости для облегченія хозяевъ привозятъ свою провизію, даже кумысъ, и все это разставляютъ вокругъ той же юрты. Хозяева, кромѣ того, припасаютъ свое угощенье: закалываютъ лошадей, барановъ, выставляютъ множество посуды съ кумысомъ. Такія поминки обходятся въ нѣсколько тысячъ. Праздникъ начинается тѣмъ, что мулла прочитываетъ молитву; всѣ присутствующіе при этомъ всхлипываютъ, причитаютъ, добромъ поминая покойника. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго начинаются разныя игры и скачки на призы. Когда призы розданы, снимается съ шеста флагъ: это значитъ всѣ примирились съ покойникомъ. Шестъ разламывается на куски и сжигается въ юртѣ покойника. Тотъ, кто разводилъ костеръ, получаетъ въ награду его лучшій халатъ. Такъ совершаются поминки у богатыхъ киргизовъ; у бѣдняковъ обходится дѣло проще, но это одинъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ въ быту кочевника.

Подобно всѣмъ кочевникамъ, киргизы по мѣрѣ выпаса травъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто со своими стадами, семьями, со

всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Даже киргизы-землевладѣльцы не покидаютъ своихъ старыхъ привычекъ: обмолотивши хлѣбъ, они забираютъ его, сколько потребуется до будущей весны, остальную часть зарываютъ въ землю и уходятъ на привольную степь. Перекочевка — это лучшее время, праздникъ киргизскій: мужчины, женщины, дѣвушки, даже дѣти ѣдутъ верхомъ, при



Типы киргизовъ и киргизокъ.

чемъ лошади убраны по-праздничному, вьючные верблюды обвѣшаны бухарскими коврами или пестрыми киргизскими войлоками, украшены страусовыми перьями, лентами, бубенчиками. Молодежь обоего пола гарцуетъ. Всѣ радуются въ ожиданіи полакомиться жирной бараниной. Женщины и дѣвушки наряжаются въ лучшія одежды; замужнія женщины прикрѣпляютъ

сзади пояса разноцвѣтныя попоны, прикрывающія у лошадей крупы; мужчины подпоясаны кушаками въ серебряной оправѣ, въ рукахъ дорогія нагайки; щегольскія уздечки и сѣдла сплошь покрыты золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями.

Походъ открываютъ старшины, знакомые съ мѣстомъ перекочевки; за ними гонятъ стада барановъ, рогатаго скота, табуны лошадей и верблюдовъ; сзади — все мужское населеніе, женщины и вьючныя животныя; въ хвостѣ каравана — работники. Въ какой-нибудь часъ, много два, веселый и нарядный караванъ превращается въ аулъ, т.-е. подвижное селеніе, состоящее изъ одного или двухъ десятковъ юртъ, поставленныхъ полукружіемъ. Жильемъ киргиза служитъ юрта (она же *кибитка*): округленная палатка, основой которой служатъ деревянныя рѣшетки, прикрытыя войлоками, съ отверстіемъ наверху. Знатные и богатые киргизы употребляютъ бѣлый войлокъ, а у нѣкоторыхъ султановъ юрты бываютъ обтянуты краснымъ сукномъ и подбиты шелковыми тканями; земля устлана коврами или же войлоками. Тутъ стоятъ большія чашки, котлы, деревянныя изголовья для подушекъ и особые ящики для храненія мѣшковъ съ кумысомъ. Главную одежду киргиза составляетъ халатъ—*чапанъ*, бумажный или полушелковый. Киргизы особенно любятъ русскій ситецъ, расписанный разными цвѣтами; хоть и гнилой товаръ, зато дешевый, а главное шумитъ: «чохъ-чохъ!» Это нравится имъ больше всего. Халаты дѣлаютъ длинные-предлинные и необыкновенно широкіе; рукава на цѣлый аршинъ длиннѣе, потому что когда кочевникъ ѣдетъ въ гости или къ начальнику, руки его должны быть скрыты—того требуетъ приличіе. Всѣ халаты подбиты ватой, даже лѣтомъ, а зимой, если холодно, киргизъ надѣваетъ другой халатъ, сверху третій. Если спросишь: «что на дворѣ сегодня?» киргизъ отвѣтитъ: «холодно, въ два халата», или скажетъ: «въ четыре халата», смотря по морозу. Богатые носятъ подъ халатомъ длинную рубашку до пятъ; на бритой головѣ *тюбетейка*, а на ней шапка—лѣтомъ войлочная, зимой мѣховая; на кожаномъ поясѣ

подвѣшены мѣшочки, сумочки съ ножомъ, огнивомъ и кремнемъ, печать, или *тамга*, которую прикладываютъ вмѣсто под-

Перекочевка.

писи, и т. п. мелочь. Киргизки одѣваются такъ же, какъ и мужчины, только покрываютъ голову бѣлымъ покрываломъ.

Заглянемъ въ юрту степняка. Печально въ ней проходитъ зимній день. Настало утро. Повылѣзли на свѣтъ Божій изъ-подъ халатовъ, войлоковъ и разнаго тряпья всѣ ея обитатели и первымъ долгомъ раскладываютъ костеръ. Притащили воды, не для умыванья—киргизы никогда не моются,—а для варки. Хозяйка промыла просо, налила въ *казанъ* (котелъ) воды и повѣсила на треножникъ. Все время, пока идетъ стряпня, мужское населеніе юрты, сидя вокругъ огня, жадно поджидаетъ конца. Но вотъ *бутка* (каша) готова. Часть ея съѣдается тутъ же, остальное завертывается въ кушаки: это суточный паекъ киргиза. Иногда, покончивъ съ кашей, киргизка опять подвѣшиваетъ казанокъ и, пока онъ накаливается, замѣситъ тѣсто, изъ котораго напечетъ на горячихъ стѣнкахъ казанка лепешки, или *кульчи*. Остальное время дня киргизъ попиваетъ *айранъ*, т.-е. кислое молоко, разведенное водой. Вечеромъ снова варится бутка, только въ меньшемъ количествѣ и жидкая. Праздничнымъ кушаньемъ считается *пилавъ*, т.-е. баранина съ рисомъ. Богачи ѣдятъ его, разумѣется, когда вздумается.

Натерпѣвшись отъ морозовъ и бурановъ, киргизы съ восхищеніемъ встрѣчаютъ весну. Длинный лѣтній день киргизъ или спитъ, или упивается кумысомъ, который приготовляютъ изъ кобыльяго молока; пара лепешекъ, иногда замѣшанныхъ на бараньемъ салѣ, замѣняютъ ему и обѣдъ, и ужинъ. По ночамъ киргизы собираются вмѣстѣ, пируютъ, разсказываютъ другъ другу сказки или слушаютъ своихъ музыкантовъ. За нихъ трудятся жены. Женщина постоянная работница въ семьѣ: шерстяныя веревки, арканы, ковры, войлоки, шляпы, тканая армячина—это все дѣло ея рукъ. Киргизъ же только возитъ ихъ продавать. Ребятишки цѣлый день гоняются за звѣремъ, котораго сбываютъ бухарскимъ караванщикамъ. Въ разныхъ мѣстахъ киргизскихъ кочевокъ водятся различные звѣри, начиная съ такихъ большихъ, какъ тигръ, дикій кабанъ, медвѣдь, маралъ, дикая коза, сайга и кончая куницей, хорькомъ, тушканчикомъ. Любимѣйшее развлеченіе киргиза ловля звѣрей при по-

мощи выученныхъ птицъ: беркута, ястреба или сокола. Птица, накрытая чехломъ, сидитъ у киргиза на сѣдлѣ; когда охотникъ снимаетъ чехолъ, беркутъ летитъ и впивается когтями въ добычу, будь то заяцъ, лисица, дикая коза, даже волкъ—до тѣхъ поръ, пока подъѣдетъ хозяинъ и докончитъ звѣря плетью или своимъ копьемъ. На маленькихъ звѣрей выпускаютъ соколовъ, ястребовъ. Охота производится больше осенью, лучшее время въ степи, когда совершаются дальнія перекочевки, когда въ темную

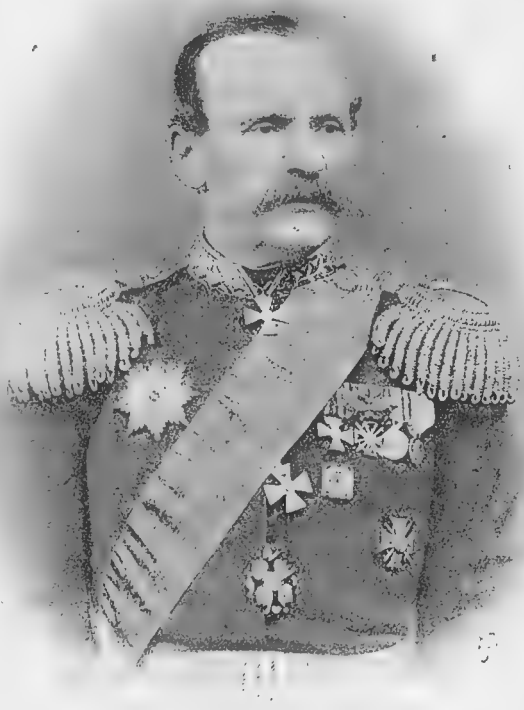
Байга.

ночь производится злой умыселъ—баранта, или грабежъ. Предметомъ грабежа служатъ верблюды, овцы, скотъ, лошади—однимъ словомъ, все, что составляетъ главное богатство кочевника. Нѣтъ другой страны въ мірѣ, гдѣ было бы больше овецъ. Богачи-киргизы насчитываютъ въ своихъ стадахъ до 10 и даже 20 т. овецъ. Киргизскія овцы сильны, крѣпки и высоки, вѣсятъ до 5 пудовъ, темнорыжаго цвѣта, съ длинной шерстью и жир-

нымъ хвостомъ, изъ котораго вытапливаютъ отъ 20 до 30 ф. сала. Киргизскія лошади отличаются легкостью и быстротою бѣга; онѣ легко пробѣгаютъ по сту верстъ въ сутки, а на скачкахъ дѣлаютъ въ оба конца не менѣе 50 верстъ. Скачки самое обычное развлеченіе киргизовъ и устраиваются при каждомъ удобномъ случаѣ: свадьба ли, рожденіе первенца, поминки—тотчасъ оповѣщаются всѣ сосѣдніе аулы, собираются родичи, знакомые; цѣлыя толпы праздныхъ киргизовъ собираются поглядѣть на *байгу*. У богатыхъ наѣздниковъ есть *карабаиры*, особая порода лошадей, ведетъ свой родъ отъ туркменскаго аргамака, а этотъ сродни арабу. Когда киргизы во времена своей вольности вели междоусобную борьбу, дѣлали ради грабежа набѣги, то во всѣхъ этихъ дѣлахъ могли успѣвать лишь сидя на выносливыхъ и быстроногихъ коняхъ. Ихъ военный кликъ «атанъ, аблай!» [1]) знали даже эти благородныя животныя. Чтобы добыть «карабаира» киргизъ готовъ былъ на все. Когда дѣдъ Кенисары «мудрый» Аблай задумалъ идти на дикихъ киргизовъ, онъ отдалъ приказъ, чтобы каждыя 10 кибитокъ доставили ему одного коня или кобылицу изъ породы аргамакъ. Приказаніе грознаго хана было исполнено: составился цѣлый табунъ, названный «жемчужиною ханства», который содержался особо подъ самымъ строгимъ присмотромъ. Чистой породы карабаиръ горячъ, не знаетъ устали. Разсказываютъ, что уральскій казакъ Василій Струняшевъ, спасаясь изъ киргизскаго плѣненія, проскакалъ о-дву-конь въ короткую лѣтнюю ночь 200 верстъ, но одинъ изъ его аргамаковъ не вынесъ такого подвига, упалъ за-мертво. Теперь чистые карабаиры уже считаются за рѣдкость, перевелись, большинство же выѣзжаетъ на своихъ, доморощенныхъ: низкія, въ родѣ казачьихъ, съ некрасивой головой и толстыми ногами. На байгѣ, кромѣ скачекъ, бываютъ различныя конныя игры, напримѣръ: ловятъ барана, джигитуютъ. Сидятъ на лошади киргизы некрасиво, сгорбив-

[1]) Ат—лошадь, атан—садись на коня.

шись, а ѣздятъ лихо, не уступятъ и калмыкамъ. Это не мѣшаетъ разсказывать про трусость киргизовъ. Ѣхалъ однажды русскій офицеръ одинъ, безъ конвоя. Вдругъ, откуда ни возьмись, выскочила партія киргизовъ и съ крикомъ пустилась въ погоню. Офицеръ сталъ было хлестать свою лошаденку, да ви-



Генералъ-адъютантъ Колпаковскій.

дитъ, что далеко на ней не уѣдетъ, остановился, вынулъ изъ чехла подзорную трубку и навелъ на хищниковъ. Тѣ сразу осадили лошадей, перекинулись двумя-тремя словами и повернули назадъ, на утекъ: они приняли подзорную трубу за пушку, готовую сейчасъ же выпалить.

Особенно диковинно киргизы прокармливаютъ свои стада зимой. Сначала они пускаютъ лошадей, которыя разгребаютъ копытами снѣгъ и сгрызаютъ верхи; за лошадьми на то же пастбище выгоняютъ верблюдовъ и скотъ: они съѣдаютъ траву безъ малаго до корешковъ; наконецъ овцы доѣдаютъ остальное. Такой способъ зимовки называется *тебеневкой*.

Отбить отъ стада верблюдовъ, угнать овецъ или зааркапить лучшаго въ табунѣ аргамака всегда считается у хищныхъ азіятовъ дѣломъ удальства, подвигомъ. Награбить и не быть пойманнымъ, разбогатѣть на добычѣ и заслужить почетъ отъ сплеменниковъ—значитъ прославить себя батыремъ, о которомъ заговоритъ вся степь; въ честь его складывалась пѣсня—правда, заунывная, какъ всѣ киргизскія пѣсни, но подробно исчислявшая всѣ его наѣзды и количество добычи. По возвращеніи съ набѣга у киргизовъ былъ обычай одарять всѣхъ родичей частью добычи. И если напримѣръ джигиту удалось сорвать карманные часы, онъ, недолго думая, взламывалъ ящъ и раздавалъ всѣмъ по колесику. Стада киргизскія въ свою очередь возбуждали жадность ихъ сосѣдей-хивинцевъ. А близость русской границы вызывала нападеніе соединенныхъ силъ тѣхъ и другихъ на наши караваны, рыбныя ловли и передовыя укрѣпленія. Въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I огромный русскій караванъ съ военнымъ прикрытіемъ въ 600 чел. былъ окруженъ на Яны-Дарьѣ киргизами и хивинцами вмѣстѣ. Двѣ недѣли отбивались русскіе солдаты отъ скопища хищниковъ, наконецъ, выбившись изъ силъ, покинули товары—а ихъ было на 600 тысячъ—и вернулись на Линію. Другой разъ 2000 хивинцевъ переправились черезъ Сыръ-Дарью, напали и разграбили до тысячи кибитокъ; черезъ мѣсяцъ та же партія явилась въ пескахъ Кара-Кумъ, перерѣзала стариковъ и увела въ неволю всѣхъ женщинъ, разбросавъ по степи трупы младенцевъ. Русскія власти, оберегавшія границу, не могли спокойно смотрѣть на эти безчинства, да и сами киргизскіе султаны, не видя иного исхода, стали обращаться къ намъ за помощью,

даже просили занять часть ихъ земель. Явилась необходимость углубляться въ Киргизскую степь какъ со стороны Сибири, такъ и со стороны Урала.

Черезъ 6—7 лѣтъ послѣ похода Перовскаго построено укрѣпленіе Копальское, нынѣ городъ Копалъ, въ Семирѣченской области, а въ устьѣ Сыръ-Дарьи—Казалинское. Тутъ на Сыръ-Дарьѣ наши столкнулись съ коканцами, у которыхъ на этой рѣкѣ были построены свои укрѣпленія, между прочимъ Акъ-Мечеть, самое сильное. Прикрываясь ими, коканцы свободно проникали въ земли подвластныхъ намъ киргизовъ, брали съ нихъ *зякетъ* (подати), въ случаѣ сопротивленія жгли, грабили, убивали, а прослышавъ о приближеніи русскихъ войскъ, немедленно скрывались. Въ 1850 году они угнали до 20 т. головъ скота, въ другой разъ еще 26 т., въ слѣдующемъ году 75 т.—и такъ безъ конца. Обнищавшіе киргизы взмолились о защитѣ, и тогда рѣшено было идти вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, а семирѣченскимъ войскамъ двинуться на встрѣчу, чтобы такимъ образомъ замкнуть обширное степное пространство. Начало этому сближенію было положено со стороны Оренбурга графомъ Перовскимъ, а со стороны Сибири отважнымъ и тогда еще молодымъ офицеромъ Колпаковскимъ.

Въ 1853 году Перовскій осадилъ Акъ-Мечеть, гдѣ было сосредоточено главное управленіе всѣхъ коканскихъ крѣпостей. Здѣсь постоянно кочевали до 5000 киргизскихъ кибитокъ да приходило на зиму изъ русскихъ предѣловъ до 3000. Всѣ они подвергались насиліямъ и поборамъ. Хотя эта глиняная крѣпостца имѣла всего 300 защитниковъ, но осада ея затянулась дольше, чѣмъ она того стоила. Перовскій, извѣдавъ неудачу въ хивинскомъ походѣ, дѣйствовалъ весьма осторожно, велъ осаду по всѣмъ правиламъ военной науки, точно бралъ сильную европейскую крѣпость. Это ободрило коканцевъ; среди же киргизовъ прошелъ слухъ, что русскимъ никогда не взять Акъ-Мечети. Сначала они упорно отказывались доставлять скотъ, отчего оказался недостатокъ въ мясѣ. Киргизы думали, что если русскіе

и возьмутъ крѣпость, то разорятъ ее и уйдутъ себѣ за Линію, а коканцы всю злобу выместятъ на нихъ. Они успокоились только тогда, когда Перовскій приказалъ заготовлять для крѣпости запасъ сѣна и топлива, значитъ, имѣлъ намѣреніе оставить ее за собой. Послѣ этого распоряженія киргизы начали пригонять скотъ, 150 человѣкъ даже нанялись на земляныя работы. Отъ скуки солдаты забирались въ крѣпостной ровъ и тамъ въ прохладѣ располагались на отдыхъ; одинъ солдатъ 4-го линейнаго батальона, по фамиліи Григорьевъ, работавшій постоянно съ саперами, замѣтилъ, что на откосѣ обвала лежатъ мѣшки съ землей. Среди бѣла дня, подъ выстрѣлами коканцевъ, онъ взобрался на обвалъ, преспокойно выпорожнилъ мѣшки и благополучно возвратился съ ними въ траншею. Когда его притянули къ отвѣту, онъ оправдался тѣмъ, что мѣшки понадобились ему для исподнихъ. Бывшіе при отрядѣ калмыки еще меньше обращали вниманія на грозныхъ защитниковъ: днемъ они совсѣмъ открыто ходили между траншеями (ровики съ присыпкой изъ земли) или забирались въ коканскіе огороды подъ самой крѣпостью, гдѣ воровали арбузы и дыни; отъ выстрѣловъ съ крѣпости калмыки закрывались лопатой: деревянную лопату держали плашмя, а желѣзную ребромъ, чтобы коканецъ «не испортилъ казенную вещь». И нашихъ солдатъ они учили такъ закрываться. По ночамъ коканцы освѣщали наши ночныя работы факелами изъ деревянныхъ шестовъ, обмотанныхъ насаленными тряпками. Перовскій приказалъ освѣщать такимъ же способомъ крѣпостныя стѣны, чтобы заранѣе приготовиться къ встрѣчѣ. Дѣло въ томъ, что коканцы оказались мастера на вылазки. Первую вылазку они сдѣлали днемъ: спустились по веревкамъ со стѣны и бросились съ саблями на головную (ближайшую) траншею: двухъ солдатъ успѣли зарубить.

Послѣ трехъ недѣль осады Перовскій пустилъ солдатъ на штурмъ: они взяли Акъ-Мечеть въ 20 минутъ. По Высочайшему повелѣнію крѣпость переименована въ фортъ «Перовскій»—названіе, подъ которымъ она извѣстна и теперь. Два

раза пытались коканцы вернуть свой оплотъ на Сыръ-Дарьѣ. Въ томъ же году стало извѣстно черезъ лазутчиковъ, что правитель Ташкента Сабданъ-Ходжи выступилъ съ семитысячнымъ скопищемъ по направленію къ Акъ-Мечети. Отсюда выслали уральскаго старшину Бородина съ командой въ 275 ч., при трехъ орудіяхъ. За 25 верстъ, при урочищѣ Кумъ-Суатъ Бородинъ встрѣтилъ коканцевъ. Едва нашъ отрядъ успѣлъ выстроиться, какъ былъ атакованъ толпой конницы. Ихъ отразили картечью и дружнымъ залпомъ изъ ружей. Съ 11 ч. утра вплоть до сумерокъ коканцы повторяли свои наѣзды, наконецъ, утомленные боемъ, потерявъ много раненыхъ и убитыхъ, расположились на ночь кругомъ русской позиціи. Наши потери были невелики: 5 убитыхъ да 2 раненыхъ. Бородинъ вырядилъ ночью трехъ киргизовъ съ двумя казаками, чтобы дать знать въ крѣпость, и, дѣйствительно, на утро уже показалось подкрѣпленіе; завидя его, коканцы поспѣшно стали сниматься. Въ декабрѣ того же года приблизилось къ крѣпости скопище уже въ 12 или 13 т., съ 17 пушками. Три дня коканцы палили въ крѣпость, пытаясь въ то же время со всѣхъ сторонъ ее окружить. На 4-й день комендантъ выслалъ 550 ч., съ 4 орудіями и 2 ракетными станками, подъ начальствомъ маіора Шкупа. Въ густомъ туманѣ онъ придвинулся къ непріятельскому лагерю и, занявъ песчаные бугры, открылъ бѣглый артиллерійскій огонь. Коканцы отвѣчали изъ своихъ орудій, послѣ чего стали кидаться то съ одной, то съ другой стороны. Скоро маленькій отрядъ, окруженный сильными конными толпами, очутился въ крайности. Но старый и опытный маіоръ не потерялся. Замѣтивъ, что число непріятельской прислуги при орудіяхъ сильно поубавилось, онъ приказалъ ударить бой къ атакѣ и подъ мѣрный тактъ барабановъ двинулъ впередъ 2 роты, сбилъ стрѣлковъ, захватилъ всѣ 17 орудій и обозъ, потомъ зажегъ коканскій лагерь. Въ это же время изъ крѣпости вышли на выручку два небольшихъ отряда. Около 12 ч. дня коканцы быстро отступили, покинувъ всѣ свои пушки и 130 пудовъ пороха.

Потерпѣвъ неудачу на этомъ концѣ, коканцы стали тревожить сибирскую границу, въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куль, куда русскіе незадолго передъ тѣмъ проникли и по просьбѣ самихъ киргизовъ построили укрѣпленіе Вѣрное (1854 г.). Коканцы, желая утвердиться здѣсь болѣе прочно, въ свою очередь построили на степной р. Чу, впадающей въ названное озеро, рядъ укрѣпленій, или такъ называемыхъ *кургановъ*, на разстояніи 50—70 верстъ одно отъ другого. Прикрываясь ими, они дерзко вторгались въ аулы подвластныхъ намъ киргизовъ, брали съ нихъ зякетъ и открыто поддерживали между ними баранту. Въ началѣ 1860 года разошелся слухъ, что съ восходомъ травъ будетъ сдѣлано нападеніе на нашу границу. Дѣйствительно, въ укрѣпленія подвозили запасы; ихъ гарнизоны были увеличены. Кромѣ Вѣрнаго, мы имѣли здѣсь фортъ Кастекъ, съ небольшимъ гарнизономъ. Въ концѣ августа полковникъ Циммерманъ съ отрядомъ пѣхоты и конницы въ 1750 чел., при 15 орудіяхъ, перешелъ р. Чу и появился передъ курганомъ Токмакъ. Съ приближеніемъ отряда гарнизонъ разбѣжался, осталось 70 защитниковъ. На требованіе сдачи комендантъ отвѣчалъ, что драться ему нѣтъ охоты, но сдать укрѣпленіе всетаки не можетъ и проситъ два дня срока, чтобы списаться съ начальствомъ. Черезъ часъ послѣ отвѣта Циммерманъ приказалъ открыть пальбу. Тогда появился на стѣнѣ парламентеръ съ извѣстіемъ, что комендантъ по требованію гарнизонныхъ бабъ сдаетъ укрѣпленіе... Глиняныя стѣны Токмака были разрушены, оружіе отобрано, 2 чугунныя пушки сняты, а что составляло собственность жителей—осталось нетронутымъ. Это послѣднее не мало удивило азіятцевъ, не привыкшихъ къ подобному обращенію. Другое коканское укрѣпленіе Пишпекъ готовилось къ отпору. Хотя по размѣрамъ оно было гораздо больше, чѣмъ Токмакъ, имѣло стѣны около 2 саж. высотой и до 5 саж. толщиной, гарнизона же 500 чел.—однако послѣ пятидневной осады также сдалось. Но коканцы не унялись: они вновь построили свои курганы, а въ слѣдующемъ году въ числѣ 20.000

появились въ Заилійскомъ краѣ; въ половинѣ октября ихъ передовыя части окружили Узунъ-Агачскій постъ, охраняемый сибирскими казаками. На защиту края выступилъ изъ Вѣрнаго подполковникъ Колпаковскій, имѣя подъ начальствомъ 3 роты пѣхоты, 4 сотни сибирскихъ казаковъ, 6 орудій и 2 ракетныхъ станка. Въ Узунъ-Агачъ былъ посланъ хорунжій Ростовцевъ съ 60-ю казаками передать спѣшное приказаніе. Не доѣзжая пяти верстъ, Ростовцевъ былъ окруженъ толпами конницы, только что отхлынувшей отъ поста. У казаковъ была съ собой простая телѣга, которую они мигомъ превратили въ пушку. Какъ только непріятель наѣзжалъ, Ростовцевъ зычнымъ голосомъ командовалъ: «Орудіе съ передковъ»! Казаки раздвигались, снимали задокъ телѣги съ передка и поворачивали его, такъ же какъ поворачиваютъ артиллеристы орудіе, жерломъ къ непріятелю. Въ этотъ страшный моментъ коканцы разсыпались. Благодаря этой хитрости, казаки благополучно добрались до Узунъ-Агача, потерявъ лишь трехъ человѣкъ раненыхъ. Между тѣмъ, потерпѣвъ неудачу здѣсь, коканцы расположились около рѣчки Кара-Кастекъ на мѣстности волнистой и пересѣченной широкими логами. Какъ только нашъ отрядецъ сблизился на пушечный выстрѣлъ, капитанъ Обухъ открылъ огонь изъ 6 орудій, чѣмъ заставилъ коканцевъ отступить за рѣчку. Колпаковскій сейчасъ же двинулъ весь отрядъ по ихъ слѣдамъ. Въ одно и то же время наши увидѣли вправо, на ближайшей высотѣ густую колонну сарбазовъ (коканская пѣхота), толпу всадниковъ, а сзади изъ боковой лощины высыпала еще толпа пѣшихъ коканцевъ, которые насѣли на роту Сярковскаго. Онъ быстро повернулъ свою роту налѣво—кругомъ, разсыпалъ ее въ цѣпь и открылъ пальбу. Коканцы, сверхъ всякаго ожиданія, настойчиво лѣзли впередъ. Тогда солдаты собрались въ кучки, къ нимъ подоспѣла сотня казаковъ съ ракетными станками—и коканцы были отброшены. Теперь весь отрядецъ вытянулся уже лицомъ къ непріятелю: въ 1-й линіи 2 роты пѣхоты, 3 сотни казаковъ, 6 орудій; рота Сярковскаго съ сотней казаковъ стала

противъ лощины на случай появленія коканцевъ отсюда. Это былъ рѣдкостный бой, когда приходилось сражаться на два фронта, въ одно время и наступать, и обороняться. Послѣ усиленной пальбы по высотамъ Колпаковскій повелъ отрядецъ впередъ: сарбазы не выдержали, бѣжали. Тогда наши втащили почти что на рукахъ 4 орудія на гору и открыли огонь по отступавшимъ. Но вотъ съ сосѣдней высоты спустилась другая колонна пѣшихъ сарбазовъ, съ барабаннымъ боемъ, трубными звуками, распущенными знаменами и, смѣло наступая, приближалась къ правофланговой ротѣ. Линейцы остановились, дали залпъ и бросились въ штыки. Послѣ короткой рукопашной схватки сарбазы стали отходить сначала медленно, потомъ бросились вразсыпную и въ концѣ концовъ попали подъ огонь орудій. Вообще, въ этомъ памятномъ бою коканцы дѣйствовали смѣло, настойчиво, нѣсколько разъ бросались въ рукопашную. По случаю сильнаго утомленія войскъ преслѣдованія не было, тѣмъ не менѣе по словамъ лазутчиковъ коканцы потеряли до $1^1/_2$ т. человѣкъ, у насъ же былъ убитъ одинъ и ранено 26; самъ Колпаковскій получилъ контузію. Когда Государь узналъ изъ донесенія подробности Узунъ-Агачскаго боя, то собственноручно изволилъ написать: «Славное дѣло. Подполковника Колпаковскаго произвести въ полковники и дать св. Георгія 4-й степени». Обухъ получилъ тогда же золотую саблю.

Эта замѣчательная побѣда и сраженіе подъ фортомъ Перовскимъ показали явный перевѣсъ русскаго оружія и военнаго искусства. Наши генералы скоро изучили своего непріятеля, поняли, въ чемъ заключается его слабость. Оказалось, что бухарцы, коканцы и вообще всѣ азіятскія войска не имѣютъ духа стать лицомъ къ лицу съ русскими войсками; они уклоняются отъ натиска самой слабой колонны, если она идетъ на нихъ смѣло, рѣшительно. Одинъ видъ наклоненныхъ штыковъ приводитъ въ трепетъ азіятскія орды. Появляясь въ открытомъ полѣ, онѣ стараются окружить нашъ отрядъ, отрѣзать его отъ воды, отбить табунъ, нахватать побольше одиночекъ. Въ атаку

азіятцы несутся нестройной толпой; встрѣченные огнемъ, особенно картечью, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. У нихъ есть задоръ, но нѣтъ отваги и стойкости; побѣда надъ ними дается легко, хотя такой побѣдѣ и цѣна малая: разсыпавшись, азіятцы такъ же легко опять собираются... Чтобы закрѣпить побѣды, нужно брать у нихъ города и крѣпости, подчинять своей власти населеніе.

Такой способъ веденія войны втягивалъ русскія войска противъ воли въ завоеваніе края. Какъ ни желали наши военачальники избѣжать столкновеній, уладить дѣло мирно, они поневолѣ должны были идти впередъ и впередъ, пока не уперлись въ горы... Побѣдоносное движеніе въ глубь Средней Азіи облегчалось тѣмъ, что глиняныя крѣпости, не смотря на высоту стѣнъ и глубину рвовъ, не могли остановить русскаго солдата; Черняевъ называлъ эти крѣпости «глиняными горшками». Разъ, что крѣпость была взята, защитники уже не думали сопротивляться: они выдавали оружіе, сбрасывали туфли и, подобравъ полы халатовъ, бѣжали, куда глаза глядятъ. Одинъ видъ русскаго солдата на крѣпостной стѣнѣ устрашалъ толпу ея защитниковъ, не знавшихъ, что такое долгъ гражданина, честь воина, слава подвига. Все это замѣнялъ приказъ бека: велѣно стоять и палить—они палятъ; велѣно умирать—они всѣ перемрутъ, какъ безотвѣтныя овцы, безъ вздоховъ и стоновъ; а нѣтъ приказа — значитъ, можно бѣжать. И крикъ «отечество въ опасности!» не остановитъ, не вернетъ безумную толпу, объятую страхомъ: такого слова нѣтъ и въ обиходѣ туземцевъ того края.

ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ И ПОПУТНЫЕ ГОРОДА.

I.

Сибирскіе батальоны, наступая вверхъ по р. Чу, пошли на-встрѣчу оренбургскимъ батальонамъ, подвигавшимся вверхъ по Сыръ-Дарьѣ. Первыхъ велъ Черняевъ, вторыхъ Веревкинъ. Одинъ взялъ Ауліе-ата, другой городъ Туркестанъ, и черезъ 3 года послѣ Узунъ-агачскаго погрома оба отряда уже соединенными силами брали г. Чимкентъ. Чуйская и Сыръ-Дарьинская линія сомкнулись. Мы какъ бы замкнули степи, вышли на хлѣбородныя мѣста, прославленныя еще въ глубокой древности. Огромная полоса земли, которая носитъ названіе своего главнаго города Туркестана, тянется въ одну сторону на полторы тысячи, а поперекъ на тысячу верстъ и упирается краями въ горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; тамъ, еще дальше, за горами, лежатъ владѣнія китайцевъ, полуразбойничій Афганистанъ и персидскія владѣнія. Край совсѣмъ особый, со всѣхъ сторонъ замкнутый. Широкія раздольныя его степи вдругъ переходятъ въ предгорья, потомъ поднимаются цѣлыя горы — то голыя, скалистыя, то покрытыя вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ; еще

выше — ледяныя поляны и вѣчный снѣгъ. Тутъ-то, въ этихъ ледникахъ, берутъ начало какъ большія, такъ и малыя рѣки Туркестана; онѣ изливаютъ свои воды не въ открытыя моря, а въ озера или же просто теряются въ пескахъ. Горные потоки шумятъ, брызжутъ, пѣнятся; зато большія рѣки, какъ, напр., Сыръ-Дарья, Аму-Дарья, въ своихъ пустынныхъ берегахъ омываютъ тысячи верстъ. Тамъ, въ Туркестанскомъ краѣ, безводныя пустыни чередуются съ благодатными уголками, гдѣ произра-

Жители средней Азіи.
Таджичка. Сартянка.
Таджикъ. Узбекъ.

стаютъ самые нѣжные фрукты, растетъ хлопчатникъ, поля покрыты сочной густой зеленью: это оазисы. Они не велики, всѣ наперечетъ; но изъ-за нихъ и шла кровавая война въ продолженіе многихъ вѣковъ, пока не явились воины Бѣлаго Царя. Здѣсь побывалъ Александръ Македонскій, здѣсь основалъ свое царство Тимуръ, или Тамерланъ, «владыка царей», какъ онъ самъ себя называлъ.

Почва въ Туркестанѣ больше глинистая или же песчаная, не то солончаковая. Дожди идутъ рѣдко, сухіе вѣтры губятъ

всякій ростокъ; но въ оазисахъ, какъ мы уже видѣли на Хивинскомъ, воду отводятъ изъ рѣкъ при помощи особыхъ канавъ (арыковъ), а скудную почву покрываютъ особымъ удобреніемъ. Каждое дерево, каждая травка требуетъ попеченія. «Гдѣ вода—тамъ жизнь», говорятъ въ Туркестанѣ, «гдѣ нѣтъ воды—тамъ смерть». Главная забота земледѣльца, чтобы хлѣбъ не высохъ, и если онъ хорошій работникъ, то его трудъ вознаграждается сторицей: яровая рожь, ячмень и пшеница даютъ самъ-55, бухарская пшеница и джугара самъ-100, просо — 200. На остальномъ пространствѣ земля покрывается зеленью только ранней весной; съ половины же мая солнце начинаетъ такъ припекать, что вся трава выгораетъ. Тощую чахлую зелень можно встрѣтить только около рѣчекъ и колодцевъ да въ горахъ. Лѣтомъ все пусто, мертво; лишь вольный вѣтеръ гуляетъ на просторѣ, поднимая тучи песка и пыли. И деревья тамъ особыя, не болѣе трехъ саженъ высоты. Растетъ джида — съ гладкими листочками и красными ягодами, которыми питаются фазаны; растетъ еще саксаулъ—безъ листьевъ, и до того крѣпокъ, что его не беретъ ни пила, ни топоръ; упадетъ на землю, разобьется въ куски, такой хрупкій. Берега Сыръ-Дарьи мѣстами покрыты саксауловымъ лѣсомъ на сотни верстъ; ближе къ морю они окружены болотами и зарослями густого камыша, гдѣ скрываются барсы, тигры, дикіе кабаны.

Самое же страшное въ Туркестанскомъ краѣ не это, а его песчаныя пустыни. Ихъ тамъ три: «Кизыль-кумъ» (Красные пески), «Акъ-кумъ» (Бѣлые пески) и «Кара-кумъ» (Черные пески); впрочемъ есть еще четвертая, такъ называемая «Голодная» степь. Далеко, куда ни взглянешь, поднимаются барханы, крутые съ одной стороны, покрытые рябью съ другой, навѣтренной. Песокъ накаляется здѣсь до того, что если накрыть его рукой, она покрывается пузырями. Въ горячемъ степномъ воздухѣ носятся миріады насѣкомыхъ, а при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимается песчаная пыль, которая забиваетъ ротъ, носъ и уши, — нечѣмъ дышать. Нога погружается въ

песокъ по колѣно; кругомъ подъ ногами бѣгаютъ тарантулы, ползаютъ ядовитые жуки или шныряютъ скорпіоны и отвратительныя мохнатыя фаланги. Тамъ и сямъ валяются въ пустынѣ скелеты верблюдовъ, палыхъ лошадей. Вотъ такимъ-то путемъ шли наши солдаты, когда брали Хиву. Какъ ни жутко въ пескахъ, однако солончаки еще того хуже. Въ пескахъ можно докопаться до воды; песчаные бугры даютъ хотя нѣкоторую защиту отъ вѣтра, почему киргизы охотно здѣсь кочуютъ, даже зимой; въ солончакахъ же ничего нѣтъ, кромѣ противной соленой и ѣдкой пыли: это дно высохшихъ озеръ. Частымъ гостемъ пустыни являются зимой бураны, лѣтомъ вихри, или смерчи. Низовые бураны не что иное, какъ мятели: сильный вѣтеръ поднимаетъ снѣгъ, крутитъ его въ воздухѣ; но верховые бураны—страшные бураны. Даже киргизы, которые проведутъ васъ въ самую темную ночь, куда угодно, и тѣ теряютъ голову. Случалось, люди замерзали въ городахъ, на улицахъ, возлѣ своихъ домовъ. До сихъ поръ киргизы вспоминаютъ разсказы отцовъ о страшномъ буранѣ, бывшемъ 75 лѣтъ тому назадъ (1827 г.): съ неслыханною силою онъ свирѣпствовалъ цѣлую недѣлю на сотни верстъ кругомъ. Испуганный скотъ шарахнулся на сѣверъ, въ Саратовскую губернію, и частью замерзъ въ голой степи, частью свалился въ овраги и балки. Много его тогда погибло, болѣе 75 т. да около 300 т. лошадей и почти милліонъ овецъ. Если вѣтеръ разыграется лѣтомъ, тоже бѣда: песокъ летитъ, кружится, саксаулъ трещитъ, ломается; все небо покрывается какими-то песчаными облаками; горячій песокъ бьетъ въ лицо, сбиваетъ съ ногъ. А тамъ вдали несутся навстрѣчу 2 или 3 песчаныхъ вихря, точно огромныя воронки, конца которыхъ даже не видно. Онѣ быстро кружатся то наклоняясь, то выпрямляясь отъ порывовъ вѣтра, при чемъ отбрасываютъ облака пыли. Такіе вихри ничего не щадятъ: они уносятъ палатки, людей, лошадей, верблюдовъ; скотъ скачетъ, сломя голову, пока не передохнетъ или не перекалѣчится.

Выходитъ, что большая часть принадлежащаго намъ нынѣ

Туркестана состоитъ изъ пустынь и пастбищъ; приблизительно только пятидесятая часть можетъ быть воздѣлана. Если же расширить орошеніе страны, то можно тамъ прокормить десятки милліоновъ людей. Это значило бы возстановить былое: почти все пространство между Сыромъ и Аму было нѣкогда покрыто цвѣтущими полями и садами.—Населеніе Туркестана разнородное: тутъ смѣшались потомки монголовъ съ сосѣдями и разными другими народностями, временно перебывавшими на тучныхъ пастбищахъ или хлѣбородныхъ оазисахъ. Даже узбеки, о которыхъ было уже сказано, на длинномъ протяженіи страны мало похожи другъ на друга: есть, напримѣръ, совсѣмъ какъ татары—глаза косы, лицо плоское, а борода такая же роскошная, какъ у персовъ. Почти всѣ разбойники, но также всѣ мусульманскіе святые того края изъ племени узбековъ, тогда какъ духовное сословіе вербуется изъ таджиковъ. Не смотря на то, что узбеки нѣсколько столѣтій распоряжались страной, они остались простыми честными и лучше держатъ свою вѣру, чѣмъ прочія народности Туркестана. Сохранилось сказаніе, что одна принцесса обѣщала свою руку тому, кто проретъ арыкъ черезъ Голодную степь. Узбекъ добросовѣстно взялся за эту работу и довелъ ее до водопада, существующаго понынѣ; дальше вести у него не хватило ни времени, ни силъ. Хитрый таджикъ поступилъ иначе: онъ разостлалъ камышевыя цыновки вдоль песчаной пустыни, и когда принцесса взошла на башню, онъ показалъ ей блестящую полосу точно струившейся воды. Несчастный узбекъ съ отчаянія раскроилъ себѣ голову. Изъ родственныхъ имъ народовъ въ Туркестанѣ обитаютъ, кромѣ Киргизовъ, Каракалпаки, что на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи и Туркмены. Слово «таджикъ» значитъ «увѣнчанный», вѣрно, они когда-то властвовали. Сами они не называютъ себя таджиками, а «парсиванъ», и въ самомъ дѣлѣ мало чѣмъ отличаются отъ персіянъ; ихъ больше всего въ Бухарѣ, Коканѣ и Хивѣ. Съ перваго взгляда легко отличить ловкаго и деликатнаго таджика отъ неуклюжаго узбека. У таджика длинная го-

лова, высокій лобъ, умные глаза, лицо румяное, волосы свѣтло-русые и роскошная борода. Это классъ имущій: кулаки, купцы, землевладѣльцы; узбеки работаютъ у нихъ въ садахъ и виноградникахъ. У таджиковъ еще сохранились древнія повѣрья. Такъ, напримѣръ, они зажигаютъ по ночамъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ, какъ и у насъ на Ивановъ день. Больные должны обойти три раза вокругъ огня, затѣмъ уже перешагнуть, также три раза. Если чающій исцѣленія не сможетъ это продѣлать, то долженъ по крайней мѣрѣ смотрѣть на огонь, пока надъ нимъ произносятся заклинанія, изгоняющія болѣзнь «къ пустынямъ и озерамъ». Въ горныхъ странахъ существуетъ еще повѣрье, что на огонь нельзя дуть, ибо нечистое дыханіе человѣка не должно прикасаться къ пламени; тамъ гасятъ лучины размахивая рукой. Сартами называютъ въ Туркестанѣ осѣдлыхъ жителей городовъ и деревень; они также сродни персамъ. Нѣкоторые смѣшиваютъ таджиковъ съ сартами, называя такъ все населеніе Туркестана. «Когда гость приходитъ къ тебѣ и ѣстъ твой хлѣбъ, называй его таджикомъ; когда онъ будетъ далеко, можешь сказать, что у тебя былъ сартъ»—такъ порѣшили ихъ различать, чтобъ не обидѣть ни того, ни другого. Когда киргизъ или узбекъ покидаетъ бродячую жизнь, построитъ въ городѣ домъ и займется промысломъ или торговлей, его дѣтей уже называютъ сартами. Однако языкъ сартовъ разнится по мѣсту ихъ жительства: въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ они говорятъ по-турецки, въ Ходжентѣ и Самаркандѣ такъ же какъ и таджики—по-персидски. Киргизы ихъ презираютъ; они говорятъ: «сары-итъ», что значитъ «желтыя собаки». Киргизъ ни за что не выдастъ свою дочь за сарта; онъ обезчестилъ бы этимъ весь свой родъ. По природѣ сарты трусливы, лукавы, по языку и по наружному облику похожи на евреевъ, также любятъ гешефты, въ качествѣ мѣнялъ и ростовщиковъ. Мало-по-малу они забираются въ горы, гдѣ заводятъ цвѣтущія поселенія.

Земля, которую орошаетъ пахарь—будь то таджикъ, сартъ

или киргизъ—даетъ обильные урожаи во всѣхъ оазисахъ. Земледѣльческія орудія въ странѣ самыя простыя, грубыя, но почва такъ аккуратно вспахивается, переворачивается и напитывается водой, что вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, какъ нигдѣ. Въ нѣкоторыхъ оазисахъ, какъ, напримѣръ, въ Бухарѣ, садовъ и огородовъ больше чѣмъ полей, которыя встрѣчаются на большомъ пространствѣ лишь по скатамъ холмовъ и горъ.

Дерево въ Туркестанѣ рѣдкость; для построекъ нѣтъ другого матеріала кромѣ глины, изъ которой лѣпятъ катышки или кирпичи и потомъ сушатъ на солнцѣ. Кровли дѣлаются изъ тростника, прикрывая его сверху тою же глиной, а не то дерномъ. Пока сухо, все хорошо, но во время сильныхъ дождей разбухшая земля проламываетъ жидкую настилку и все разомъ проваливается. Осенью надо зорко слѣдить за такой крышей, чтобы не остаться подъ открытымъ небомъ, тѣмъ болѣе, что у сартовъ нѣтъ ни печей, ни дымовыхъ трубъ. Огонь раскладывается такъ же, какъ у хивинцевъ на полу. Если нужно погрѣться, то въ яму кладутъ угли, сверху ставится табуретка, которую покрываютъ ватнымъ одѣяломъ, и вся семья садится кругомъ, засовывая ноги подъ табуретку, на перекладины ножекъ. Дымъ выходитъ черезъ окно или дверь; полы въ домахъ или смазаны глиной, или вымощены плитками кирпича. Съ прибытіемъ русскихъ, зимы въ краѣ стали суровѣе, и туземцы видятъ въ этомъ благоволеніе Аллаха, которому вѣдомо, что «урусъ» любитъ снѣгъ, безъ мороза жить не можетъ.

Чистотой нравовъ населеніе городовъ, отчасти и деревень, не можетъ похвастаться, а главнымъ образомъ это происходитъ оттого, что женщинѣ нѣтъ мѣста среди мужчинъ. Закутанная съ ногъ до головы, въ длинномъ синемъ халатѣ, съ лицомъ покрытымъ черной сѣткой, она, точно воронье пугало, скрывается отъ взоровъ людскихъ и точно боится самое себя. Мужчины, не находя развлеченій дома, въ семьѣ, ищутъ ихъ на улицахъ, площадяхъ, базарахъ. Здѣсь горожанинъ готовъ толкаться цѣлый день, слушать подъ открытымъ небомъ какого-

нибудь мудреца или повѣствователя былыхъ временъ. Базаръ для туземца—кладъ; чай-ханэ (чайная), особенно съ балагуромъ да балалайкой—сущій рай. Чай-ханэ всегда биткомъ набиты. Тамъ развлекаются пѣснями, плясками, фокусами; ѣдятъ пилавъ съ морковью и изюмомъ, пельмени, сушеный урюкъ, каленыя фисташки, изюмъ, финики, дыню вялеными ломтиками, миндаль и прочія сласти. Въ такихъ развлеченіяхъ коротаютъ дни и ночи праздные горожане.

Въ ту пору, какъ мы стали на рубежѣ страны, въ ней была неурядица: повсюду бродили шайки коканскихъ войскъ; такіе большіе города, какъ Ташкентъ, пользовались независимостью; ханъ коканскій ополчался противъ русскихъ, а эмиръ бухарскій собиралъ свои войска противъ коканцевъ... Между тѣмъ, русскіе вступили въ край съ нѣсколькими линейными батальонами. Опаленныя знойнымъ вѣтромъ киргизскихъ степей, суровыя лица старыхъ солдатъ говорили ясно, что они прошли тяжелую школу. Какъ поучительна, напримѣръ, исторія 4-го Оренбургскаго батальона! Еще во время графа Перовскаго онъ выступилъ изъ Оренбурга и болѣе не возвращался на родину. Прошли десятки лѣтъ, а батальонъ медленно, шагъ за шагомъ, подвигался отъ Оренбурга въ глубь киргизскихъ степей, работая то штыкомъ, то лопатой. Сегодня линеецъ лежитъ въ канавѣ съ ружьемъ, отстрѣливается отъ коканцевъ, завтра становится землекопомъ, роетъ рвы, насыпаетъ бруствера, рубитъ деревья. Сегодня по зыбкой лѣстницѣ онъ штурмуетъ высокія стѣны коканской крѣпости, а завтра мѣситъ глину, дѣлаетъ кирпичъ, выводитъ стѣны, кладетъ своды. На длинной линіи фортовъ и укрѣпленій встрѣчаются пароходныя пристани, церкви, госпитали, казармы, сады—все это построено или насажено солдатскими руками. Каждый камень, каждая щепотка земли дѣло ихъ рукъ. Такъ прошла жизнь нашихъ линейцевъ, трудовая, исполненная лишеній и подчасъ страданій. Имъ приходилось голодать, терпѣливо сносить зной и жажду, холодъ и зимнія вьюги. Зато какихъ-нибудь 7 линейныхъ батальоновъ не

только покорили, а обстроили пограничную линію отъ Урала до китайской границы. Рядомъ съ линейнымъ солдатомъ шелъ казакъ, этотъ его вѣрнѣйшій другъ, окрещенный именемъ «Гаврилыча». Послѣдній никогда не отказывалъ подѣлиться хлѣбушкомъ или подвезти усталую «крупу»—такъ называютъ пѣхотнаго солдата—на своей лошаденкѣ. Казакъ берегъ его сонъ, указывалъ ему путь, добывалъ баранину, рядомъ съ нимъ ковырялъ землю, стоялъ на валу. Вѣрные стражи далекихъ русскихъ окраинъ, казаки сроднились со степью, знали всѣ ея невзгоды, изучили всѣ сноровки хищныхъ сосѣдей и теперь явились вѣрными сподвижниками и вожаками линейцевъ.

Надо замѣтить, что вслѣдъ за войскомъ шли въ Туркестанъ мирные поселенцы, выбирали себѣ мѣста по привольнѣе, селились и принимались за хозяйство. Со стороны Сибири заселеніе шло шибче, чѣмъ отъ Оренбурга. Здѣсь надо было копать арыки, чтобы добыть изъ почвы посѣвъ, а въ Семирѣченскомъ краѣ—мѣста болѣе годныя для земледѣлія по обилію угодій, луговъ и лѣсовъ. Вотъ, напримѣръ, Лепсинская станица на р. Лепсѣ, населенная бывшими алтайскими казаками. Кругомъ нея еловые и березовые лѣса; низкія лѣсистыя долины покрыты черноземнымъ суглинкомъ; орошенія не требуется, потому что перепадаютъ частые горные дожди. Сѣнокосовъ много, есть и пашни—весеннія ниже лѣсной полосы, а лѣтнія выше лѣсовъ. Но лучшее угодье сибирскихъ казаковъ—это обиліе цвѣтовъ и дуплистыхъ деревьевъ, потому что казаки охотники до пчелъ. И въ прочихъ мѣстахъ казаки, занятые службой, не такъ охотно пашутъ землю, а отдаютъ предпочтеніе пчеловодству. Зато великоруссы и малороссы садятся прочнѣе. Многіе являются сюда безъ гроша денегъ и поступаютъ на работы; скопивши деньжонокъ, ставятъ мельницы, хутора; сначала они нанимаютъ землю у киргизовъ, потомъ пріобрѣтаютъ ее за безцѣнокъ въ собственность. Ретивые поселенцы сами учатся, какъ орошать поля, а своихъ работниковъ, изъ киргизовъ же, пріучаютъ пахать землю по-русски, сохой или плугомъ. Обжившись, устроившись, они

вызываютъ съ родины земляковъ и односельчанъ. Такъ изъ маленькихъ хуторовъ или поселковъ возникаютъ большія села, съ

I. Улица сартскаго Ташкента. II. Уличный костюмъ сартянокъ. III. Дѣвочки-сартянки. IV. Внутренній видъ жилища. V. Сартскіе домики.

Божьими храмами. Первые поселенцы со стороны Урала занимались больше промысломъ, рыболовствомъ.

Пока въ этихъ дальнихъ углахъ Туркестана укрѣплялось русское населеніе, вся страна, какъ уже сказано, терпѣла отъ неурядицы, и вступленіе русскихъ войскъ являлось благодѣяніемъ. Настоящими владѣтелями страны считались не ханъ коканскій или эмиръ бухарскій, а ихъ беки, которымъ отдавались богатые многолюдные города какъ бы на откупъ. Они вносили въ ханскую казну положенную сумму, и всю ее выбирали потомъ съ народа, при чемъ не соблюдали никакой мѣры: брали вдвое, втрое, сколько вздумается. Богачи привыкли скрывать свое добро, выходили на улицу всегда оборванцами; развѣ бекъ позоветъ кого-либо изъ нихъ въ гости, тогда ужъ поневолѣ приходилось облекаться въ нарядный, чаще жалованный халатъ. По праздникамъ всѣ богачи являлись сами къ нему на поклонъ. День восшествія хана на престолъ праздновался всеобщимъ угощеніемъ на счетъ тѣхъ же богачей; бекъ въ этотъ день ѣздилъ съ богатыми подарками къ хану. Вмѣсто него празднествомъ распоряжались чиновники. Въ одномъ мѣстѣ плясуны маршировали по канату, въ другомъ фокусники выдѣлывали разныя штуки на шестѣ, козлы ходили по канату; тамъ боролись, здѣсь бѣгали взапуски или джигитовали. По мѣрѣ занятія края эти зрѣлища прекращались, но съ другой стороны перестали рѣзать людямъ носы и уши, не рубили у нихъ пальцевъ. Прекратились стоны и крики несчастныхъ, которыхъ прежде таскали по улицамъ, какъ приговоренныхъ къ истязаніямъ или смертной казни; перестали сажать людей въ ямы, перестали обирать ихъ до нитки, а требовали лишь того, что полагается по закону. Въ прежнее время услышитъ, бывало, сартъ, что бекъ желаетъ его посѣтить, сейчасъ же отправляется къ нему съ приглашеніемъ и знаетъ навѣрно, что получитъ отвѣтъ: «ладно, будетъ свободно, пріѣду!» Еще раза четыре онъ долженъ явиться съ приглашеніемъ, пока не назначатъ ему день и часъ. Тогда въ домѣ сарта начинается приборка: все, что подороже прячется по сосѣдямъ, а оставляютъ лишь подарки для бека и его челяди. На первыхъ порахъ и Черняевъ посѣ-

щалъ сартовъ, не брезгая ихъ угощеньемъ, но отъ него ничего не прятали, зная, что русскій «джандаралъ» (генералъ) не возьметъ подарковъ. Быстрое движеніе русскихъ въ глубь Азіи породило множество слуховъ, усердно распространяемыхъ муллами, казіями и ханскими чиновниками, вообще, всѣми тѣми, которые могли лишиться своего завиднаго положенія. Они говорили, напримѣръ, будто русскіе насильно обращаютъ мусульманъ въ христіанскую вѣру. Когда же одинъ сартъ обратился въ Ташкентъ къ благочинному отцу Малову съ просьбой окрестить его, то батюшка наотрѣзъ ему отказалъ, потому что сартъ, не зная русскаго языка, не можетъ понять, въ чемъ заключаются обязанности христіанина. Другой слухъ, что будутъ брать рекрутъ, также скоро пересталъ пугать населеніе: сарты сами убѣдились, что, по сравненію съ нашими солдатами, они къ военной службѣ не годны. Затѣмъ еще разсказывали на базарахъ, что будутъ увеличены подати; Черняевъ же первымъ дѣломъ по занятіи края объявилъ, что русскіе будутъ брать лишь десятую часть доходовъ: прежде взималась половина, треть. О чемъ не перестали говорить, такъ это то, что русскіе не удовольствуются Туркестаномъ, а непремѣнно отнимутъ у «инглисовъ» (англичанъ) Индію. Кромѣ того, у сартовъ, какъ и вообще у всѣхъ средне-азіятскихъ народовъ сохранилось древнее сказаніе о подчиненіи всего Востока Бѣлому Царю. «Настанутъ дни, когда два народа соберутся у семи ручьевъ и сразятся. На первый разъ урусъ будетъ побѣжденъ инглисомъ (англичаниномъ); но подойдутъ новыя рати, и онъ, урусъ, нагрянетъ всею своею силою на инглиса въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ семь рѣкъ сливаются въ одну большую рѣку. Будутъ они рѣзаться семь дней, и рѣка обагрится кровью невѣрныхъ: инглисы побѣгутъ, урусъ станетъ править міромъ»... Такимъ образомъ, можно сказать, что воины Бѣлаго Царя являлись давно-жданными, желанными гостями. Они вносили въ страну, обуреваемую безначаліемъ, блага мира—порядокъ, тишину, довольство, охрану личности и нажитого добра.

II.

Туркестанъ—первый туземный городъ по пути въ Среднюю Азію. Какъ и всѣ мусульманскіе города, онъ обнесенъ стѣною, имѣетъ цитадель и большую мечеть: это знаменитая мечеть Азрета, почему и самый городъ часто называется «Азретъ-султанъ». Мечеть стоитъ на этомъ мѣстѣ 500 лѣтъ, построенная еще Тимуромъ въ честь святого Азретъ-Яссави, котораго могила находится тутъ же. Сохранилось преданіе, что у грознаго завоевателя скончалась въ юныхъ годахъ его прелестная правнучка Рабига-Бигемъ, которую Тимуръ любилъ до безумія. Желая почтить ея память, Тимуръ приказалъ надъ могилой Азрета воздвигнуть вѣковѣчный храмъ и возлѣ святого положить тѣло покойницы. Вызваны были лучшіе мастера, которые трудились много лѣтъ и успѣли кончить храмъ почти въ одно время со смертью Тимура. Мечеть сдѣлана изъ отличнаго жженаго кирпича, сложеннаго на алебастрѣ; верхи украшены лѣпной работой, а снаружи вся мечеть покрыта прекрасной изразцовой мозаикой. Кромѣ Рабиги-Бигемъ здѣсь погребены высшія духовныя лица, киргизскіе султаны и туземные правители. Мечеть очень богата и пользуется въ народѣ большимъ уваженіемъ. Расположенная на высокомъ мѣстѣ, она кажется чудомъ, особенно издали, со степи; окружена стѣной, вооруженной въ ту пору пушками, почему также участвовала въ защитѣ города. Когда же нѣсколько нашихъ снарядовъ задѣли ея куполъ, испуганный шейхъ-эль-исламъ, т.-е. глава духовенства, не побоялся самъ взойти на минаретъ для того, чтобы выкинуть бѣлый флагъ: это означало сдачу. Городъ же весь глиняный: стѣны, цитадель, прочія мечети, дома—все глиняное. Стѣны крѣпости такъ толсты, что на нихъ могутъ разъѣхаться нѣсколько всадниковъ. Изъ главныхъ воротъ идетъ большая широкая улица къ серединѣ города, гдѣ находится торговая площадь. И площадь, и улицы унизаны множествомъ лавчонокъ, въ которыхъ про-

дают предметы первой необходимости. Дома непрочны, неуклюжи, покривились, того и гляди, что вот-вот развалятся.

Городъ Туркестанъ.—Фасадъ мечети султана Ахмета Ясави.

Каждый хозяинъ живетъ особнякомъ: посерединѣ дворъ, а на улицу выходитъ только узкая калитка, всѣ же окна—во дворъ. Крыши на домахъ плоскія, присыпанныя землей и глиной; тутъ

лежатъ собаки, живутъ куры, сохраняется сѣно и другіе запасы. Туркестанъ весь окруженъ садами, что придаетъ ему чрезвычайно привлекательный видъ. Недалеко отъ города сохранилась куча обломковъ, на которую указываютъ какъ на мѣсто нахожденія города Отрара, гдѣ умеръ Тамерланъ. Вообще, это страна развалинъ; часто попадаются остатки многочисленныхъ крѣпостей, защищавшихъ нѣкогда теченіе Сыръ-Дарьи. Еще болѣе чѣмъ Туркестанъ славится своими садами Чимкентъ, «Зеленый» городъ, въ 150 верстахъ отъ Туркестана. Онъ расположенъ кругомъ горы, по склонамъ которой растутъ сады, а вершина увѣнчана цитаделью. Каждый садъ обнесенъ глиняной стѣной; вдоль нея для защиты отъ вѣтра стоятъ рядами тополь, карагачъ или тальникъ. Въ серединѣ сада обыкновенно большой прудъ; отъ него въ разныя стороны расходятся арыки, по берегамъ которыхъ и произрастаютъ фруктовыя деревья: яблоки, груши, сливы, персики, гранаты, абрикосы, виноградъ, тутовое дерево и др. Однако фрукты здѣсь неважные—или водянистые, или деревянистые. Отъ Чимкента въ одну сторону прямой путь къ Ташкенту и далѣе къ Самарканду, другая дорога ведетъ къ Вѣрному, въ Семирѣченскій край. Въ Ташкентѣ сходились пути коканской, кашгарской и бухарской торговли съ Россіей. Обширный городъ, съ населеніемъ вчетверо больше, чѣмъ Бухара, стоялъ на пути русскимъ войскамъ, и занятіе его обезпечивало умиротвореніе края.

За малолѣтствомъ хана Коканомъ управлялъ тогда мулла Алимкулъ, воинственный и отважный; но войска его, какъ видно изъ предыдущихъ встрѣчъ, не заслуживали иного названія, какъ нестройныхъ ордъ. Пѣхота, или сарбазы, числомъ около 2 т., набирались изъ бездомныхъ бродягъ и частью преступниковъ. Половина сарбазовъ была одѣта въ красныя куртки съ желтыми чембарами, другая въ синіе суконные сертуки съ персидскими шапками. Впослѣдствіи на базарахъ Ташкента коканцы охотно скупали русскіе мундиры выслуженныхъ сроковъ, чтобы обрядить въ нихъ свою пѣхоту. Вообще коканцы думали,

что сила русскихъ воиновъ заключается въ мундирѣ съ блестящими пуговицами или въ тихой мѣрной маршировкѣ, почему спѣшили такъ же одѣть свою пѣхоту и учили ее маршировкѣ, не щадя при этомъ палокъ. Вооруженіе сарбазовъ состояло изъ сабель и ружей самаго разнообразнаго устройства. Жалованья они не получали, но пользовались содержаніемъ, впрочемъ очень скуднымъ: въ годъ куртка или халатъ и пара сапогъ; на день 2 лепешки изъ муки—вотъ и все довольствіе. Обученіемъ занимались или русскіе плѣнные, или бѣглые; даже всѣ команды произносились на ломаномъ русскомъ языкѣ. Въ случаѣ войны каждый кушъ-бегъ, т.-е. правитель города, обязанъ былъ выставить конное ополченіе, которое собственно и составляло главную вооруженную силу. Почти всю артиллерію коканцевъ захватилъ тогда бухарскій эмиръ: она состояла изъ 30 маленькихъ пушечекъ на неуклюжихъ лафетахъ. Кромѣ того коканцы употребляли родъ желѣзныхъ крѣпостныхъ ружей съ фитилями, возимыхъ на верблюдахъ («шахмалы») и лошадяхъ («язаили»);

Генералъ-лейтенантъ М. Г. Черняевъ.

послѣднія утверждали при помощи болтовъ на оси одноколокъ. Всѣ вооруженныя силы Кокана не превышали 15 или 20 т.

Вскорѣ послѣ занятія г. Туркестана коканцы подняли зеленое знамя Пророка, что возвѣщало объявленіе священной войны, когда каждый правовѣрный обязанъ стать въ ряды; бухарскій эмиръ прекратилъ грабежи и наѣзды на Коканъ; въ Чимкентѣ Алимкулъ собиралъ грозныя силы. Черняевъ поспѣшно выступилъ съ 1300 чел. изъ Ауліе-ата, а Веревкинъ выслалъ изъ-подъ Туркестана 300 ч. пѣхоты, 3 орудія и 20 казаковъ подъ начальствомъ капитана Мейера. Этотъ маленькій отрядъ шелъ, очертя голову, и чуть было не погибъ, не выручи его Черняевъ. На урочищѣ Акъ-Булакъ, вдали отъ воды, онъ былъ окруженъ коканцами, занявшими сосѣднія высоты. Утромъ 14 іюля густыя толпы конныхъ и пѣшихъ враговъ, спустившись внизъ, сдѣлали подрядъ нѣсколько атакъ. Маленькое каре, по угламъ котораго стояли орудія и ракетные станки, прикрытое сверхъ того мѣшками съ провіантомъ, отстрѣливалось сначала ядрами и гранатами, потомъ, когда непріятель сталъ насѣдать ужъ очень дерзко — картечью и ружейнымъ огнемъ. Будучи не въ силахъ сломить «сердитое» каре, коканцы разсыпались по сосѣднимъ оврагамъ, откуда открыли пальбу. Тогда, по вызову Мейера, явились охотники и выгнали ихъ штыками. Тѣмъ не менѣе огонь съ дальнихъ дистанцій не умолкалъ ни на минуту: 3 орудія кидали съ высотъ одну гранату за другой. У насъ падали убитые, появились тяжело раненые. Наступила ночь. Солдаты за неимѣніемъ лопатъ или мотыгъ рыли землю штыками, тесаками и за ночь кое-какъ успѣли окопаться. Съ разсвѣтомъ коканцы снова открыли огонь, а къ полудню скопились въ густыя толпы и двинулись въ атаку съ пальбой, съ оглушительнымъ крикомъ. Казалось, что скопище вотъ-вотъ раздавитъ маленькую кучку «бѣлыхъ рубахъ», точно вросшихъ въ землю. Нѣтъ, вышло иначе: каре, окутанное дымомъ, оглушенное ревомъ бушующихъ полчищъ, огрызалось картечью и ружейными залпами... Около тысячи распростер-

тыхъ труповъ убѣдили коканцевъ, что имъ его не сдвинуть. Послѣ недолгихъ переговоровъ коканцы согласились на уборку своихъ убитыхъ, а въ это время вдали послышалась канонада. То приближался отрядъ Черняева, извѣщеннаго объ опасности. Онъ шелъ днемъ и ночью, чтобы спасти Мейера и когда до его слуха стали доходить звуки выстрѣловъ, онъ, чтобы подать о себѣ вѣсть, приказалъ палить изъ пушекъ. Полсотни сибирскихъ казаковъ и 75 конныхъ стрѣлковъ съ двумя орудіями понеслись было впередъ; но коканцы не допустили ихъ къ отряду и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, держали въ осадѣ болѣе пяти часовъ. На выручку своихъ полетѣлъ съ киргизской милиціей самъ Черняевъ—и онъ не могъ пробиться: конное скопище преградило ему дорогу. Тутъ выручилъ ихъ всѣхъ остававшійся сзади подполковникъ Лерхе: онъ приказалъ свалить съ телѣгъ всю кладь и подвезъ на нихъ полуроту стрѣлковъ. Тогда только удалось соединиться съ казаками, которые подъ начальствомъ войскового старшины Катанаева все это время отбивались съ вершины занятаго ими холма. По соединеніи оба отряда, Мейера и Черняева, выдержали еще встрѣчу съ коканцами подъ стѣнами Чимкента, послѣ чего разошлись къ своимъ мѣстамъ.

Черезъ 2 мѣсяца начальство надъ всѣми войсками на Коканской линіи было передано генералу Черняеву. Съ тѣхъ поръ завоеваніе края пошло гораздо быстрѣе. Черняевъ выступилъ вторично подъ Чимкентъ, и на этотъ разъ съ болѣе значительнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ $10^1/_2$ ротъ пѣхоты, 18 орудій, $2^1/_2$ сотенъ казаковъ и тысячи киргизовъ. При всемъ томъ Черняевъ не рѣшился штурмовать городъ, на стѣнахъ котораго стояло 32 орудія, а число защитниковъ простиралось до 10 т. Въ этомъ числѣ находилась такъ называемая «Золотая рота», составленная изъ бѣглыхъ. Одинъ полякъ увѣрилъ коканцевъ, что онъ знаетъ, какъ вести оборону по всѣмъ правиламъ науки. Эта-то «наука» ихъ и погубила. Когда наши насыпали батарею и открыли огонь, коканцы тоже насыпали передъ своими во-

ротами одинъ валъ, потомъ другой, втащили пушки, стали отстрѣливаться и даже собирались на вылазку. Черняевъ хотѣлъ было уже переходить на другую сторону города, какъ получилъ извѣстіе отъ подполковника Лерхе, что на плечахъ коканцевъ можно ворваться въ крѣпостныя ворота. Тогда Черняевъ отрядилъ къ его четыремъ ротамъ маленькую помощь, а самъ пошелъ на цитадель, стоявшую сбоку, надъ обрывомъ рѣки. Цитадель оказалась неприступна, но наши замѣтили родъ длиннаго ящика, перекинутаго черезъ ровъ и входившаго въ сводчатое отверстіе стѣны, къ счастью ничѣмъ не прикрытое: это былъ водопроводъ. Черняевъ первый пустился по немъ бѣжать; одинъ по одному, сильно пригнувшись, пробирались солдаты черезъ отверстіе въ стѣнѣ и, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, появились въ цитадели. Гарнизонъ до того растерялся, что не сдѣлалъ ни одного выстрѣла; многіе бросались со скалы, при чемъ разбивались на смерть. И колонна Лерхе имѣла удачу. При первомъ же «ура!» коканцы бросились къ воротамъ, солдаты—за ними, и послѣ короткой сѣчи часть гарнизона осталась на мѣстѣ, другая разбѣжалась; сарты, побросавъ оружіе, искали спасенія на деревьяхъ. Непріятель покинулъ въ городѣ, кромѣ орудій, множество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, а также свои бунчуки, знамена, значки.

Путь на Ташкентъ былъ теперь открытъ. Бодро и весело прошли наши войска около 100 верстъ по удобной, густо населенной дорогѣ, среди садовъ и между зеленыхъ полей. Вотъ и громадный стотысячный городъ, раскинувшійся въ одну сторону на 6, въ другую на 4 версты. Ташкентъ расположенъ точно въ серединѣ вѣнка изъ садовъ, примыкавшихъ къ городскимъ стѣнамъ еще на 6 верстъ въ ширину. Посланный въ городъ парламентеръ съ предложеніемъ сдачи вернулся безъ отвѣта. Прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, генералъ произвелъ обычную въ этихъ случаяхъ рекогносцировку, т.-е. подробный обзоръ крѣпости. Въ это-то время былъ выдвинутъ въ сторону маленькій отрядъ изъ 2 ротъ и 4 орудій, подъ начальствомъ

подполковника Обуха, съ приказаніемъ открыть огонь, чтобы тѣмъ занять непріятеля. Скоро имъ удалось пробить въ стѣнѣ брешь, и, получивъ разрѣшеніе, Обухъ вмѣстѣ съ Лерхе бросились на штурмъ. Коканцы встрѣтили ихъ такимъ жестокимъ огнемъ, что пока солдаты добѣжали до стѣны, они потеряли всѣхъ своихъ начальниковъ; Обухъ получилъ смертельную рану. Явился на помощь Черняевъ, но было уже поздно: онъ увидѣлъ печальные слѣды только что отбитаго штурма—валялись убитые, умирали раненые, а оставшіеся въ живыхъ безпомощно столпились во рву. Около 80 чел. заплатили жизнью за отвагу своихъ начальниковъ; самъ виновникъ искупилъ свою вину въ предсмертныхъ мукахъ. Загремѣли 12 нашихъ орудій и подъ прикрытіемъ этого огня удалось выручить остатки штурмовой колонны. Отрядъ отступилъ. Невесело возвращались солдаты Черняева въ Чимкентъ, смолкли пѣсни, веселый говоръ, каждый понималъ, что коканцы возликуютъ.

Такъ оно и было. Слава русскаго оружія, какъ будто, померкла: коканцы возмечтали уже о возвращеніи всѣхъ русскихъ завоеваній, а главное «Азретъ-султана», т.-е. города Туркестана съ его святыней. Мулла Алимкулъ дѣйствовалъ быстро, рѣшительно, но крайне осторожно, вѣрнѣе: хитро. Онъ распустилъ слухъ, что идетъ домой, а между тѣмъ собралъ армію въ 10 или 12 тысячъ, съ артиллеріей, обозомъ, боевыми запасами и двинулъ ее, минуя Чимкентъ, прямо на Туркестанъ. Время стояло зимнее, глухое, никто не ожидалъ отъ коканцевъ такой прыти. Между тѣмъ комендантъ Туркестана, прослышавъ о появленіи въ степи какихъ-то бродячихъ шаекъ, выслалъ изъ города на развѣдку сотню уральскихъ казаковъ подъ начальствомъ есаула Сѣрова. Не подозрѣвая, какая грозитъ ей опасность, сотня вышла 4 декабря налегкѣ съ однимъ горнымъ единорогомъ и небольшимъ запасомъ провіанта. Отъ встрѣчныхъ киргизовъ Сѣровъ узналъ, что сел. Иканъ, отстоящее въ 20 верстахъ отъ города, уже занято непріятелемъ, но въ какомъ именно числѣ—киргизы не знали. Стало темнѣть, когда сотня

подходила къ Икану, правѣе котораго горѣли огни. Посланный киргизъ Ахметъ вернулся съ извѣстіемъ, что коканцевъ «такъ же много, какъ камыша въ озерѣ». Раздумывать было некогда, казаки заняли канавку, развьючили верблюдовъ и окружили себя завалами изъ мѣшковъ съ провіантомъ; лошадей уложили въ середину. Не успѣли они еще приладиться, какъ конная толпа коканцевъ, приблизившись «тихимъ молчаніемъ», вдругъ съ визгомъ и крикомъ бросилась въ атаку. Уральцы дали залпъ изъ ружей, артиллеристы угостили картечью, что́ сразу охладило азіятскій пылъ. Однако, оправившись, они опять повторили ударъ—опять та же встрѣча: мѣткій губительный огонь, навалившій ряды труповъ. Коканцы кидались еще раза 2 — 3, наконецъ расположились станомъ недалеко отъ казаковъ. Вскорѣ у нихъ запылали костры. Положеніе казаковъ, заброшенныхъ вглубь страны, лицомъ къ лицу съ непріятельской силой, казалось отчаяннымъ. Но это были люди закаленные въ невзгодахъ, встрѣчавшіе не разъ киргизовъ и коканцевъ; были между ними и такіе, которые пережили тяжелые дни севастопольской осады. Бодрость и надежда такихъ людей не покидаютъ; къ тому же офицеры знали свое дѣло и распоряжались отлично. Такъ началось трехдневное отсиживаніе. Непріятель палилъ всю ночь; съ разсвѣтомъ огонь усилился. Гранаты, ядра все чаще и чаще ложились въ отрядъ, убивали лошадей, ранили людей. Казаки также не сидѣли безъ дѣла: они мѣтили въ артиллеристовъ, снимали съ лошадей джигитовъ, подъѣзжавшихъ ради удальства поближе, или же били начальниковъ, отличавшихся нарядной одеждой и убранствомъ коней. Многіе вызывались кинуться въ атаку, но Сѣровъ не позволилъ. Имъ и въ голову не приходило, что передъ ними не шайка бродячая, какихъ въ Туркестанѣ бывало ину пору много, а цѣлая армія, снабженная всѣмъ необходимымъ для продолжительныхъ дѣйствій. Коканцы тоже, видно, не сразу оцѣнили силу казаковъ; знай они составъ сотни, едва ли бы держали ее 3 дня въ осадѣ. Какъ бы тамъ ни было, а дѣло ихъ не выгорѣло, потому что тай-

ный умыселъ Алимкула самъ собой разоблачался. Чтобы скорѣе покончить, онъ приказалъ плести хворостяные щиты, и пока подвозили хворостъ, пальба не смолкала ни на минуту. Уже 4 артиллериста полегли у своего единорога; ихъ мѣста заступили казаки. Около 2 ч. пополудни уральцамъ послышались со стороны города орудійные выстрѣлы. Не было никакого сомнѣнія, что то приближается выручка. Здоровые встрепенулись, ободрились; раненые приподнялись, стали прислушиваться. Пальба то стихала, то снова возобновлялась. Вотъ-вотъ совсѣмъ близко — и вдругъ сразу замолкла. Какъ ни напрягали слухъ уральцы,— нѣтъ ни звука, точно хотѣли ихъ только подразнить. А дѣло было такъ. По выстрѣламъ отъ Икана въ городѣ догадались, что казаки отбиваются, почему комендантъ выслалъ на утро небольшой отрядъ съ приказаніемъ, если непріятель окажется черезчуръ силенъ, то въ бой отнюдь не вступать, а отойти назадъ. Въ такомъ большомъ городѣ какъ Туркестанъ всего-то находилось 2½ роты, почему каждый защитникъ былъ на счету. Маленькій отрядъ, не дойдя версты 3 до казаковъ, былъ окруженъ коканцами, угрожавшими отрѣзать его отъ города. Тогда онъ повернулъ назадъ, съ трудомъ уже пробился къ Туркестану, а въ 6 ч. вечера преслѣдовавшій ето непріятель разсыпался въ городскихъ садахъ.

Алимкулъ сдѣлалъ попытку склонить казаковъ на измѣну. Онъ прислалъ Сѣрову такую записку: «Куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, высланный изъ Азрета, разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи (!) твоихъ не останется ни одного,—сдайся и прими нашу вѣру: никого не обижу!» Доблестный командиръ сотни не отвѣчалъ; за него отвѣтили казаки усиленной пальбой. Всѣ думали, какъ одинъ; розни не было. Наступила ночь. Два казака—Борисовъ и Черняевъ—да вѣрный киргизъ Ахметъ выряднлись въ опасный путь. Получивъ отъ сотника записку, они сѣли на лошадей и среди добрыхъ пожеланій товарищей скрылись во тьмѣ. На нихъ возлагалась послѣдняя надежда; они должны были или умереть, или пробраться въ Туркестанъ.

Просидѣли въ истомѣ удальцы другую ночь; приближался праздникъ заступника русской земли — Николая Чудотворца. Не радостно встрѣтили его казаки. Истомленные голодомъ и жаждой, измученные трудомъ и бдѣніемъ, они глядѣли страшно, точно выходцы съ того свѣта; лишь воспаленные глаза дико блуждали, ни на чемъ не останавливаясь. Смерть для многихъ была бы отрадой, спасеніемъ—и она стерегла свои жертвы. Въ 7 ч. утра закипѣлъ отчаянный бой. Непріятель палилъ жарко, наступалъ съ трехъ сторонъ разомъ. Всѣ лошади были перебиты; 37 чел. лежали уже мертвыми; остальные отбивались въ какомъ-то чаду. Отбивъ 4 атаки, одну за другой, уральцы поднялись, крикнули, что было мочи: «ура!» и пошли напроломъ. Отчаяніе придало этимъ людямъ нечеловѣческую силу. Коканцы, не встрѣчавшіе ничего подобнаго, разступились передъ горстью людей, готовыхъ умереть... Бодро и мужественно подвигалась кучка казаковъ по направленію къ Туркестану, но хищные коканцы скоро сообразили, что ихъ можно перестрѣлять, не подвергая себя ни малѣйшей опасности. Конные сажали на крупы лошадей пѣшихъ сарбазовъ и подвозили ихъ на близкій выстрѣлъ. Если кто изъ уральцевъ падалъ, истекая кровью, то конные налетали, какъ ястребы, на свою жертву и спѣшили отрѣзать голову. Часто мѣткая пуля снимала такого хищника въ минуту его торжества, когда онъ поднималъ свою добычу. При видѣ такого поруганія раненые казаки тащились изъ послѣднихъ силъ, скрѣпя зубами; другихъ вели подъ руки. Сотнику Абрамичеву пуля попала въ високъ—онъ пошелъ подъ руку; другая ударила въ бокъ—онъ продолжалъ переступать; наконецъ разомъ двѣ пули прострѣлили ему ноги. «Рубите скорѣе голову, не могу идти!» вскрикнулъ сотникъ отчаяннымъ голосомъ, склонясь къ землѣ. Послѣ едва узнали его истерзанный трупъ.

Зимній день кончался, начинало темнѣть. Напрягая послѣднія силы, уральцы все шли да шли. Уже совсѣмъ подъ городомъ они услыхали ружейные выстрѣлы, понатужились, прибавили шагу и вскорѣ завидѣли бѣгущихъ навстрѣчу солдатъ: то

была вторая выручка, высланная какъ разъ во́-время, чтобы принять на руки уцѣлѣвшихъ бойцовъ. Ихъ уложили на подводы и отвезли прямо въ лазаретъ. »Иканская« сотня, какъ ее стали называть, потеряла половину своего состава; сверхъ того 36 ч. было ранено. Этою сравнительно ничтожною потерею они заплатили за спасеніе края. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась затѣя Алимкула, не задержи его уральцы. Ихъ подвигъ остановилъ походъ коканскихъ полчищъ; онъ прогремѣлъ на всю Среднюю Азію и возстановилъ славу русскаго оружія.

Государь императоръ пожаловалъ всѣмъ участникамъ Иканскаго боя знаки отличія Военнаго ордена, а есаулу Сѣрову Георгія 4 степени, кромѣ того, слѣдующій чинъ. Многіе изъ героевъ этой сотни здравствуютъ и понынѣ.

ЗАНЯТІЕ ТАШКЕНТА.

Послѣ неудачнаго набѣга подъ г. Туркестанъ Алимкулъ выместилъ свою досаду на жителяхъ Икана: онъ перегналъ ихъ въ Ташкентъ за то, что они встрѣчали русскихъ радушно. Теперь Ташкентъ сталъ сборнымъ пунктомъ коканцевъ. Однако торговое сословіе этого города держало сторону русскихъ и призывало Черняева, ручаясь ему за успѣхъ; муллы и вообще все духовенство тянуло къ Бухарѣ; часть населенія стояла за подчиненіе Кокану, а четвертая и наиболѣе многочисленная партія вовсе не желала чужеземной власти. Она-то и оказала самое сильное сопротивленіе.

Въ концѣ апрѣля слѣдующаго 1865 года передъ садами, окружающими городскія стѣны, вторично появился небольшой русскій отрядъ, силою въ $9^1/_2$ ротъ при 12 орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Черняева. Хотя изъ Петербурга не было прямого приказанія занять Ташкентъ, Черняевъ рѣшился имъ овладѣть на свой страхъ, будучи увѣренъ въ храбрости войскъ.

Черняевъ еще во время пребыванія въ Чимкентѣ получилъ свѣдѣнія, что бухарскій эмиръ затѣваетъ поднять все населеніе

Средней Азіи, объявивъ «газаватъ», или священную войну, и двинуть его во имя пророка противъ русскихъ. Были даже слухи, какъ будто, часть его полчищъ уже выступила по направленію къ Ташкенту. Такимъ образомъ начальнику отряда, заброшеннаго за 2 тысячи верстъ отъ Оренбурга, пришлось выбирать одно изъ двухъ: или оставаться въ Чимкентѣ и спокойно выжидать, пока соберутся силы обоихъ ханствъ—Кокана и Бухары, или идти впередъ, занять Ташкентъ, предупредить своихъ враговъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, спасая этимъ не только ввѣренный ему отрядъ, но и судьбу всего края; оберегая честь и достоинство Россіи, потратившей немало денегъ и крови, чтобы стать твердою ногой на границѣ степей.

Азіятскій завоеватель, въ родѣ Тамерлана, глядя на эту кучку воиновъ, разбившихъ свой лагерь на высокомъ курганѣ Сары-тюбе, одѣтыхъ въ гимнастическія рубахи, въ красные кожаные штаны и шапки, прикрытыя сзади бѣлыми чехлами,—глядя, говоримъ, на нихъ, невозмутимый суровый монголъ, навѣрное, презрительно улыбнулся бы. Онъ никогда бы не повѣрилъ, что эта горсть «бѣлыхъ рубахъ» пришла брать Ташкентъ, эту твердыню, опаясанную крѣпкою стѣною въ 24 версты кругомъ, вдоль которой разставлено 63 орудія и которую стерегутъ 30 тысячъ защитниковъ; окружность садовъ простиралась на 70 верстъ. Дѣйствительно, для правильной осады Ташкента требовалась армія не менѣе 100 тысячъ; но у Черняева расчетъ былъ иной. О старыхъ солдатахъ, которые прошли киргизскую степь, мы говорили раньше. И молодые батальоны, напримѣръ Туркестанскій стрѣлковый, глядѣли не хуже; по своему мужественному виду они напоминали боевыя войска Кавказа. Все у нихъ прилажено, приспособлено къ далекимъ степнымъ походамъ. На ремнѣ черезъ плечо у каждаго виситъ бутылка для воды, обшитая войлокомъ или сукномъ. Передъ боемъ туркестанцы надѣваютъ подъ правую руку башлыкъ, куда кладутъ патроны. Въ мѣшкѣ у нихъ хранится запасъ чая, а вмѣсто сахара фунта два изюма: онъ тамъ дешевле, 2 или 3

копейки фунтъ, и не подмокнетъ. На привалѣ или ночлегѣ чашка-другая чая придаетъ сразу бодрость, подкрѣпляетъ силы, хорошо утоляетъ жажду. Желѣзный котелокъ для приготовленія чая виситъ особо, въ холщевомъ чехлѣ. Ходятъ туркестанскіе солдаты, какъ нигдѣ; развѣ только ходили такъ зуавы въ Африкѣ, когда вели войну съ арабами. Бывали случаи, что не найдя воды у колодцевъ, отрядъ дѣлалъ не останавливаясь еще одинъ переходъ, т.-е. проходилъ по 60, по 70 верстъ въ сутки. Такія войска тѣмъ и грозны, что являются вдругъ, точно изъ-подъ земли, тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ждутъ. Ознакомившись съ верблюдами, туркестанцы зачастую исполняли обязанности верблюдовожатыхъ, при чемъ обращались съ этими кроткими и выносливыми животными совершенно такъ же, какъ настоящіе лаучи.

На разсвѣтѣ Николина дня Алимкулъ сдѣлалъ вылазку. Кромѣ 15 т. конныхъ и пѣшихъ ополченій, у него находилась «золотая» рота, составленная изъ русскихъ бѣглецовъ и 12 вновь отлитыхъ изъ мѣдной посуды орудій по образцу нашего единорога, взятаго подъ Иканомъ. Алимкулъ поставилъ эти орудія ночью за 400 саж. отъ русскаго лагеря и, какъ только разсвѣло, открылъ пальбу разрывными снарядами. Однимъ изъ осколковъ оторвало верхъ кибитки Черняева, потомъ расщепило близстоявшее дерево; въ палатку священника, только что собравшагося попить чайку, влетѣлъ другой осколокъ и разбилъ его стаканъ вдребезги. Отрядъ быстро выстроился. Съ фронта, прямо черезъ рисовыя поля, двинулись 4 роты съ дивизіономъ артиллеріи (4 орудія), а другая маленькая колонна ударила во флангъ. Коканцы не выдержали, смѣшались, а когда узнали, что храбрый мулла сраженъ на смерть, и вовсе побѣжали, покинувъ 2 пушки. Непріятель скрылся въ городъ. Но эта побѣда все-таки намъ не открыла городскихъ воротъ.

Въ первыхъ числахъ іюня въ Ташкентъ вступила тайно партія бухарцевъ, и предводитель ея Искандеръ-бекъ, родомъ афганецъ, принялъ на себя начальство надъ крѣпостью; жите-

лямъ было объявлено, что скоро прибудетъ и главное войско. Черняеву не хотѣлось затѣвать войну съ эмиромъ, да и отступить онъ не желалъ: могли подумать, что наши сробѣли. Оставалось одно средство: взять городъ штурмомъ; Черняевъ, желая знать на этотъ счетъ мнѣніе своихъ подчиненныхъ, собралъ военный совѣтъ.

Туркестанецъ съ верблюдомъ.

Абрамовъ совѣтовалъ пробить въ стѣнѣ брешь и черезъ готовое отверстіе штурмовать городъ. Черняевъ не соглашался на брешь, потому что противникъ, не зная, откуда долженъ ожидать нападенія, теперь разбросался по всей стѣнѣ, отчего въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ онъ слабъ, слѣдовательно его легко сбить; если же заранѣе намѣтить мѣсто для атаки, то онъ сосредоточитъ тамъ и свою артиллерію, и свою пѣхоту. Тутъ кстати поручику Макарову удалось незамѣченнымъ пробраться садами къ самой стѣнѣ: онъ вымѣрялъ ровъ, вышину стѣнъ и доложилъ Черняеву, что штурмовать можно, и легче всего со

стороны Камелакскихъ воротъ, только надо приготовить высокія лѣстницы. Стѣны оказались безъ малаго $3^1/_2$ сажени. Мѣсто, указанное Макаровымъ, было выгодно еще въ томъ отношеніи, что здѣсь именно жили торговцы, расположенные къ русскимъ. Между тѣмъ Черняевъ, передвигая отрядъ съ мѣста на мѣсто, знакомился съ расположеніемъ города, что еще болѣе вводило въ заблужденіе ташкенцевъ, незнакомыхъ съ первыми пріемами осады. Приготовленія къ штурму шли своимъ чередомъ: тамъ готовили лѣстницы, здѣсь обучали, какъ ихъ нести, какъ ставить и карабкаться на стѣну. Лишь немногіе переживали эти дни въ тревогѣ и сомнѣніи; большинство же вѣрило въ удачу, въ счастливую звѣзду начальника.

Наступила роковая ночь съ 14 на 15 іюня 1865 года. Въ 2 часа утра штурмовая колонна Абрамова изъ $2^1/_2$ ротъ тихо подошла къ садамъ; за версту сзади двигался маіоръ де-ла-Кроа, еще за нимъ—подполковникъ Жемчужниковъ. Колеса орудій были обмотаны войлокомъ. Солдаты сняли съ верблюдовъ штурмовыя лѣстницы и потащили ихъ на рукахъ, осторожно пробираясь между садами по обѣ стороны дороги; впереди двигались стрѣлки. Непріятельскій караулъ, стоявшій у самыхъ воротъ, даже не замѣтилъ, какъ колонна подкралась къ стѣнѣ. Начинало свѣтать. Охотники съ лѣстницами стояли въ сотнѣ шаговъ отъ воротъ: это были самые удалые туркестанцы, готовые заплатить жизнью, лишь бы побывать на городской стѣнѣ; опушку садовъ занимали стрѣлки, разсыпанные цѣпью. Священникъ Маловъ тихо обходилъ ряды солдатъ, благословляя ихъ крестомъ на предстоящій подвигъ. Гробовая тишина царила вокругъ соннаго города; казалось, онъ вымеръ передъ кровавой развязкой. Первымъ попался часовой: замѣтивъ бѣлыя рубахи, онъ бросилъ ружье и скрылся за ограду. Тогда охотники догадались, что въ стѣнѣ должна быть лазейка. Они стали будить караульныхъ штыками, и тѣ, не пытаясь защищаться, бросились къ лазейкѣ, завѣшенной кошмой. Этого только и надо было. По ихъ слѣдамъ охотники, одинъ за другимъ, про-

скочили черезъ отверстіе и поднялись на барбетъ (присыпка изъ земли для установки орудій), защищавшій ворота: въ одинъ

Городъ Ташкентъ. Ворота въ крѣпость.

мигъ орудія были сброшены, полусонная прислуга переколота. Не прошло и минуты, какъ остальные охотники съ ротмистромъ Вульфертомъ вскарабкались на стѣну по лѣстницамъ;

съ ними поднялись унтеръ-офицеръ Хмѣлевъ, юнкеръ Завадовскій. Ворота съ двумя башнями и пушками были взяты безъ потерь; когда раздались первые выстрѣлы защитниковъ, было уже поздно. Нашихъ все прибывало да прибывало; но минутный успѣхъ не затуманилъ головъ: одни побѣжали къ воротамъ, чтобы открыть входъ Абрамову, стрѣлки заняли ближайшія сакли, чтобы прикрыть его вступленіе. Непріятельскій караулъ, силою около 500 чел., уже разбѣжался, распространяя всюду тревогу: «урусъ на стѣнахъ! урусъ ворвался!» Ротмистръ Вультфертъ съ десяткомъ солдатъ бросился вправо по стѣнѣ, но на сосѣдней насыпи, защищенной пушкой, уже встрѣтилъ сопротивленіе; только послѣ жаркой схватки орудіе досталось въ наши руки. Тутъ подошли резервы. Абрамовъ, собравши около 250 чел., двинулся съ ними также вправо, но уже по улицѣ, имѣя въ виду открыть сосѣднія ворота, чтобы впустить колонну Краевскаго. Скоро онъ наткнулся на 4 пушки; 200 сарбазовъ, прикрывшись турами, упорно палили, не жалѣя зарядовъ. Съ крикомъ «ура!» наши овладѣли этими пушками и пошли дальше. Еще встрѣтили три насыпи съ пушками—и тѣ взяли натискомъ, а прочія были покинуты раньше.

Не доходя до Коканскихъ воротъ, наши услышали за стѣною шумъ людей и пальбу изъ пушекъ. Оказалось, что это колонна Краевскаго: его солдаты съ крикомъ «ура!» карабкались на стѣну. Товарищи имъ помогли, стали ихъ поднимать при помощи ружей, лямокъ или что тамъ попало подъ руку. Пока головная часть (шедшіе впереди) собиралась на стѣнѣ, за стѣной разгорѣлся бой. Краевскій узналъ, что у него на правомъ флангѣ появилась непріятельская конница, удиравшая изъ города. Онъ схватилъ бывшія въ его отрядѣ 4 конныхъ пушки, горсть казаковъ и поскакалъ съ ними на перерѣзъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью заставили коканцевъ разсыпаться, послѣ чего казаки—всего-то 39 челов.—пустились имъ въ догонку. Изъ города показались новыя толпы всадниковъ. Ихъ встрѣтили также картечью. Масса ошалѣвшихъ всадниковъ, примѣрно

тысячъ въ пять, скакала безъ оглядки, кидая по дорогѣ свое оружіе, сѣдла, знамена. Она неслась на переправу черезъ рѣчку Чирчикъ, гдѣ произошла страшная давка: люди топили другъ друга, лошади топили людей. Послѣ того Краевскій со своимъ отрядомъ безпрепятственно вошелъ въ городъ.

Пока это происходило за стѣнами, Абрамовъ, присоединивъ къ себѣ поднятыхъ на стѣну солдатъ, продолжалъ двигаться

Генералъ-лейтенантъ А. К. Абрамовъ.

дальше и такимъ образомъ обошелъ болѣе половины города. Сдѣлавши около 15 верстъ, онъ повернулъ къ базару, въ середину города. Улицы тутъ глухія, узенькія и такія путаныя, что наши съ трудомъ подвигались. Каждый шагъ впередъ давался съ боя: то встрѣчались загражденія изъ арбъ или срубленныхъ деревьевъ, за которыми сидѣли стрѣлки,—надо было кидаться въ штыки, а потомъ разбирать баррикады; то одиночные защитники подстерегали солдатъ въ своихъ сакляхъ, у

калитокъ, на каждомъ изгибѣ кривой улицы. Отрядецъ двигался ощупью и раздѣлившись на части. Вмѣстѣ съ прочими подвигался и отецъ Андрей Маловъ, имѣя на груди дароносицу, въ рукахъ крестъ. По одеждѣ и вдохновенному виду непріятель принималъ его за старшаго начальника; уже не одна пуля, предназначенная въ его сѣдую голову, прожужжала мимо. Среди рѣзни, бранныхъ кликовъ и свиста пуль то тамъ, то тутъ раздавался слабый голосъ: «батюшка, прими послѣдній вздохъ!..» Отецъ Андрей слѣзалъ съ коня, наклонялся къ раненому, читалъ молитву и, подкрѣпивъ страдальца теплыми словами вѣры и любви, снова садился на коня. Черезъ нѣсколько шаговъ опять зовутъ: «батюшка, напутствуй: не доживу!..» И снова видѣли отца Андрея склонившимся къ землѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ узкій переулокъ выходилъ на площадь, нахлынула толпа съ крикомъ, съ угрожающими жестами. Сподвижники отца Андрея было попятились, стали отходить назадъ. «Стой, братцы!» крикнулъ онъ, поднявъ распятіе: «неужели этотъ крестъ отдаете на поруганіе?».. Солдаты бросились впередъ, толпа разсѣялась.

Наконецъ колонна Абрамова прошла черезъ огромные крытые базары, съ тысячами лавчонокъ, гдѣ въ мирное время кипитъ бойкая торговля; отсюда она направилась къ цитадели съ ханскими дворцами. Цитадель оказалась уже занятой: въ 7 час. утра сюда вступили де-ла-Кроа и Жемчужниковъ. Однако цитадель не спасала отъ выстрѣловъ изъ сосѣднихъ садовъ; кромѣ того, коканцы подожгли ханскія службы, огонь угрожалъ пороховому складу. Всѣ сосѣднія сакли, лавки были заняты стрѣлками: всякій изъ нашихъ, кто выходилъ за ворота цитадели, подвергался разстрѣлу. Выйти изъ нея оказалось труднѣе, чѣмъ войти. Отецъ Андрей первый подалъ примѣръ; онъ крикнулъ: «За мной, братцы!» Солдаты бросились за нимъ, очистили штыками берегъ смежнаго арыка, а потомъ, замѣтивъ въ концѣ улицы базарчикъ, побѣжали туда, чтобы перехватить чего-нибудь съѣстнаго; отецъ Андрей остался одинъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, 4 сарбаза перепрыгнули арыкъ и бросились прямо

къ нему. Шаговъ за 5 или за 6 передній сарбазъ поднялъ ружье, прицѣлилъ—осѣчка. «Братцы, прощайте!» крикнулъ, сколько было силы, священникъ: «возьмите крестъ!» Сарбазъ щелкнулъ второй разъ—опять осѣчка! Тогда онъ подбѣжалъ къ о. Андрею и ударилъ его прикладомъ по плечу. Тутъ, къ счастью, явились на выручку и наши: почтенный пастырь былъ спасенъ, отдѣлавшись сильнымъ ушибомъ. Между тѣмъ коканцы, прозѣвавъ наши переднія колонны, стали собираться въ силахъ. Они скопились на двухъ ближайшихъ улицахъ, ведущихъ къ базару, съ намѣреніемъ задержать нашъ главный отрядъ. Въ толпѣ непріятеля забили барабаны, раздались крики: «Аллахъ! Аллахъ!» Шумной безпорядочной ватагой коканцы двинулись впередъ. Черняевъ выслалъ противъ нихъ ракетную команду и 50 стрѣлковъ съ поручикомъ Макаровымъ: защитники разбѣжались, обѣ улицы были очищены.

Хотя къ вечеру половина города очутилась въ нашихъ рукахъ, однако положеніе маленькихъ, разбросанныхъ отрядовъ, какъ бы затонувшихъ среди стотысячнаго населенія, становилось опаснымъ, и тѣмъ болѣе, что коканцы, судя по всему, намѣревались продолжать сопротивленіе. Правда, въ тотъ же день явилась къ генералу депутація отъ торговцевъ съ обѣщаніемъ, что завтра прибудутъ всѣ старшины и сдадутъ городъ, но изъ ближнихъ саклей стрѣльба продолжалась; на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ снова появились загражденія; сообщеніе между отрядами прервалось. Наконецъ стало извѣстно, что на базарѣ собралось 15 т. защитниковъ, которые поклялись умереть. Одно время даже положеніе Черняева было опасно, потому что онъ, разославъ свои войска, оставался у воротъ лишь съ конвоемъ изъ 8 человѣкъ. Всѣмъ отряднымъ начальникамъ было послано приказаніе собраться къ Камелакскимъ воротамъ. Отсюда Черняевъ посылалъ въ разныя стороны небольшія команды, встрѣчавшія самое ожесточенное сопротивленіе; каждую саклю приходилось брать штыками; были случаи, что 1 — 2 человѣка бросались съ айбалтами (топоръ на длинной рукояткѣ) на

цѣлую роту и умирали на штыкахъ. Артиллерійскій сотникъ Ивановъ*) былъ высланъ съ 50 солдатами очистить улицу, которая вела къ главному кошу (базару). Ивановъ взялъ первую баррикаду, при чемъ овладѣлъ орудіемъ. Не успѣли солдаты ее разобрать, какъ ихъ осыпали картечью изъ второй баррикады; тамъ за арыкомъ стояло 2 пушки; ближнія двухъэтажныя сакли обстрѣливали это мѣсто перекрестнымъ огнемъ. «Ура!» крикнулъ Ивановъ, бросился самъ, за нимъ побѣжали солдаты—овладѣли и 2-й баррикадой. Къ сожалѣнію, храбрый сотникъ получилъ контузію; его мѣсто заступилъ Макаровъ. Общими усиліями удалось вторично очистить всѣ улицы. Выдвинули отъ воротъ на цѣлую версту внутрь города артиллерію и открыли огонь гранатами (граната—разрывной снарядъ), отчего во многихъ мѣстахъ начались пожары. Мало-по-малу они слились въ широкую дугообразную полосу огня, которая отдѣляла отъ непріятеля весь отрядъ Черняева, собранный къ ночи у Камелакскихъ воротъ. Всѣ были измучены до того, что съ трудомъ передвигали ноги: предыдущую ночь никто не спалъ, цѣлый день на ногахъ—въ огнѣ или рукопашномъ бою да еще подъ палящими лучами туркестанскаго солнца. Отрядъ расположился тѣсной кучкой впереди воротъ; густая цѣпь стрѣлковъ съ сильными резервами расположилась ближе къ саклямъ небольшимъ полукружіемъ. Подъ ея прикрытіемъ солдаты похлебали горячей пищи и захрапѣли. Ночью непріятель пытался уничтожить нашъ отрядъ: то небольшими партіями онъ пытался проскользнуть сквозь цѣпь, то кидался толпой, но каждый разъ попадалъ подъ пули нашихъ стрѣлковъ.

Прошла тревожная ночь, наступилъ разсвѣтъ. Сопротивленіе еще продолжалось, однако не съ тою уже силою; очевидно, ташкентцы потеряли вѣру въ успѣхъ. При всей своей многочисленности они все-таки оказались слабы въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, нападали ли, или защищались. Вездѣ храбрость и искусство русскихъ брали верхъ надъ численностью. Въ этотъ

*) Нынѣ генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа.

день Краевскій еще разъ прошелъ весь городъ, сбилъ встрѣчныя баррикады, взорвалъ цитадель и благополучно вернулся въ отрядъ. Улицы были окончательно очищены. Передъ закатомъ солнца явились посланные отъ аксакаловъ (старшинъ) *) объявить, что завтра непремѣнно они явятся сами. Дѣйствительно, 17 іюня рано утромъ аксакалы и почетные жители города, собравшись къ Камелакскимъ воротамъ, смиренно передали судьбу своего города во власть Черняева и подчинились всѣмъ его требованіямъ. Черняевъ приказалъ доставить всю артиллерію и ручное оружіе. Городъ успокоился, населеніе принялось за свои домашнія дѣла. Въ нашъ лагерь было доставлено 63 орудія, около 2 т. пудовъ пороха, до 10 т. снарядовъ; кромѣ того множество оружія. Потери же наши, сравнительно съ такимъ громаднымъ успѣхомъ, по числу были ничтожны: 25 убитыхъ да 90 раненыхъ—что возможно только въ Азіи.

Черняевъ, одинъ, безъ конвоя, въ сопровожденіи старшинъ, отправился черезъ самыя населенныя части города въ бани. Жители были поражены смѣлостью русскаго генерала: съ изумленіемъ они глядѣли, какъ тихо и спокойно ѣдетъ побѣдитель, еще вчера державшій въ страхѣ окрестности Ташкента; теперь онъ раскланивается направо и налѣво, мирно вступаетъ въ жилище старѣйшаго муллы Хакима-ходжи, принимаетъ отъ него угощеніе, ласково съ нимъ бесѣдуетъ. Ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Ташкентъ, они не слыхали и не видали. Возвратившись такимъ же порядкомъ въ лагерь, онъ отправилъ въ столицу свое донесеніе, которое заканчивалось слѣдующимъ образомъ: «Съ покореніемъ Ташкента мы пріобрѣли положеніе въ Средней Азіи, сообразное съ достоинствомъ имперіи и мощью русскаго народа».

Прошло 25 лѣтъ, тревоги войны давно забыты, край успокоился, русская власть утвердилась прочно на всемъ обширномъ

*) Ак—бѣлый, сакал—борода.

пространствѣ туркестанскихъ владѣній. За это короткое время точно изъ-подъ земли выросъ въ Ташкентѣ новый, русскій городъ — обширный, богатый, нарядный. Въ немъ болѣе тысячи домовъ европейской постройки, утопающихъ въ зелени густыхъ садовъ, большіе магазины, гостинницы, казармы, для прогулокъ — общественные сады. Съ ранняго утра туземцы-разносчики выкрикиваютъ свои товары уже по-русски; въ праздничные и царскіе дни раздается торжественный звукъ колоколовъ, призывающій православныхъ людей въ храмы Божіи. Когда же спадетъ полуденный зной, щегольскія коляски снуютъ по широкимъ мощенымъ улицамъ, обсаженнымъ рядами рослыхъ тополей..... Въ эти времена мира и тишины возвращался какъ-то въ Ташкентъ изъ дальней поѣздки одинъ изъ его почтенныхъ обывателей, пережившій осаду города, помнившій старые порядки. Ночь была тихая, звѣздная, но безлюдная — кругомъ безконечная степь. У арыка Искандеръ-ханъ ташкенецъ догналъ женщину-единовѣрку, съ маленькими дѣтьми. Она несла на головѣ корзину съ хлопкомъ. Очевидно, это была бѣдная вдова. Ташкенецъ придержалъ лошадь и спросилъ: «Куда ты, одинокая, идешь и какъ ты не боишься пускаться въ путь ночью по такой пустынной мѣстности?» Бѣдная женщина отвѣчала: «Я собрала днемъ немного хлопка; теперь спѣшу на базаръ, чтобы купить на эти деньги муки. Я знаю, меня никто не обидитъ, иначе не пошла бы въ эту темень».—Такой отвѣтъ успокоилъ ташкенца. «Хвала Аллаху! подумалъ онъ про себя: дождались мы временъ, когда даже бѣдная вдова идетъ одинешенька по безлюдной степи! И самъ я ѣду въ ночной тишинѣ, не боясь разбойниковъ. Прежде не только что женщинѣ, но и вооруженному мусульманину, на добромъ конѣ, нельзя было отважиться ѣхать одному да еще ночью».—Подумавъ это, ташкенецъ слѣзъ съ лошади и вознесъ ко Всевышнему усердную молитву за Государя Императора, подъ покровомъ котораго мусульмане наслаждаются полною безопасностью. — Такъ разсказывалъ объ этомъ событіи самъ ташкенецъ.

ЗАРЯВШАНЪ, ИЛИ ЗЛАТОНОСНАЯ ДОЛИНА.

Если четыреугольный столъ обставить кругомъ двумя рядами стульевъ съ высокими спинками, то получится нѣчто похожее на «крышу міра», Памиръ, что возвышается на границѣ нашихъ владѣній съ Китаемъ и Афганистаномъ. Это приподнятый кусокъ материка, который со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженъ снѣжными кряжами высочайшихъ горъ—страна ледниковъ, водопадовъ, каменистыхъ горъ, изрытыхъ трещинами. Въ ея глубокихъ долинахъ шумятъ и брызжутъ рѣки Мургабъ, Гунтъ и Пянджъ, питающія Аму-Дарью. Тутъ на Мургабѣ, какъ грозный стражъ нашей границы, расположенъ памирскій постъ, примѣрно на высотѣ версты. Укрѣпленіе возникло недавно, когда съ одной стороны стали надвигаться на бывшія коканскія владѣнія китайцы, а съ другой стороны афганцы. Стѣны его сложены изъ дерна и мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ: онѣ окружаютъ просторный дворъ, гдѣ стоятъ офицерскіе флигеля, землянки съ бревенчатыми крышами, лазаретъ, баня, мастерскія. Запасы продовольствія хранятся въ вой-

лочныхъ кибиткахъ. Южная стѣна укрѣпленія идетъ по краю высокой террасы, съ вершины которой открывается равнина Мургаба. Въ угловой башнѣ гордо развѣвается русскій флагъ. Лѣсъ и вообще необходимый для постройки матеріалъ доставляли на лошадиныхъ вьюкахъ изъ Ферганы. Въ ожиданіи его 2-я рота Туркестанскаго баталіона ютилась въ киргизскихъ кибиткахъ; ихъ часто опрокидывали свирѣпые бураны, обдававшіе будущихъ строителей пескомъ и снѣжной пылью. Это еще было ранней осенью; большую же часть года памирцы проводятъ такъ же какъ бы проводили въ полярныхъ странахъ. Кругомъ тишь, безлюдье; населеніе русскаго Памира рѣдкое, потому что въ странѣ такихъ холодовъ и вѣтровъ подножныхъ кормовъ мало и очень они скудны. Привольно живется лишь горнымъ орламъ, да еще обитателямъ скалъ, архарамъ (горные бараны), хотя и они зачастую подвергаются опасности: степные голодные волки ждутъ гдѣ-нибудь подъ скалой, пока у архара онѣмѣютъ ноги и свалится онъ имъ прямо въ раскрытыя пасти. Охота за архаромъ—опасная въ этихъ трущобахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и завлекательная—доставляетъ отрѣзаннымъ отъ міра памирцамъ нѣкоторое развлеченіе; разъ въ недѣлю они получаютъ вѣсти изъ Россіи: одинокій всадникъ доставляетъ почту изъ сосѣдней Ферганы, за 300 верстъ отъ поста. Ежегодно являются сюда кашгарскіе купцы съ товаромъ, вымѣниваютъ ихъ у сосѣднихъ киргизовъ на овецъ, которыхъ гонятъ потомъ въ Фергану, гдѣ и сбываютъ ихъ съ барышемъ.

Русское укрѣпленіе расположено почти что на серединѣ памирской выси; на западной же ея сторонѣ раскинулось ледяное поле, примѣрно верстъ на 60 или 70 сверху внизъ. Покрытое камнями, ледяными шпилями, оно изъ года въ годъ сползаетъ понемногу въ долину, какъ и всѣ горные ледники. Изъ-подъ него также струятся ручейки, скопляются вмѣстѣ и даютъ начало рѣкѣ Зарявшану—«златоносной» рѣкѣ, одной изъ важнѣйшихъ въ Туркестанскомъ краѣ. Зарявшанъ протекаетъ долиной между двухъ горныхъ хребтовъ—то узкой, какъ тре-

щина, то мѣстами широкой, покрытой арыками для орошенія полей. Есть арыки по 70 верстъ длиной: это цѣлыя рѣчки.

Не доходя 8 верстъ до Самарканда, Зарявшанъ дѣлится на 2 рукава, которые сливаются недалеко отъ г. Бухары. Вся долина Зарявшана, благодаря обильному орошенію и наносной почвѣ, славится своимъ плодородіемъ. Если глядѣть на нее съ нѣкоторой высоты, то передъ глазами вьется красивая зеленая лента, испещренная, какъ кружево, сѣтью арыковъ и усѣянная купами деревьевъ, кишлаками, цвѣтущими городами.

Островъ между двумя рукавами Зарявшана составляетъ самую богатую и населенную часть долины. Здѣсь нѣтъ клочка земли, который пропадалъ бы даромъ. Поля покрыты хлопчатникомъ, рисомъ, пшеницей, ячменемъ, просомъ, люцерной, дынями, арбузами; по межамъ они обсажены деревьями. Тамъ на вольномъ воздухѣ произрастаетъ миндаль, персики и абрикосы; между деревьями вьется сочный, сладкій виноградъ. Въ садахъ, обнесенныхъ глиняными стѣнами, обыкновенно растетъ посерединѣ густой и темный карагачъ, скрывающій своими раскидистыми вѣтвями бассейнъ съ водою—самое прохладное и тѣнистое мѣсто.

Вначалѣ многоводный и быстрый, Зарявшанъ дальше постепенно становится мельче и мельче, вслѣдствіе отвода водъ въ арыки. За г. Бухарой онъ теряется въ пескахъ, не доходя сотни верстъ до Аму-Дарьи. Лѣтъ 30 тому назадъ здѣсь стояли еще цвѣтущія поселенія, но губительный песокъ пожралъ ихъ понемногу, и теперь въ этой пустынѣ торчатъ лишь засохшіе стволы высокихъ деревьевъ да лежатъ развалины построекъ. 16 т. семействъ покинули тогда свои зарытые въ сугробахъ песку дома, чтобы искать счастья на чужбинѣ. Жгучій вѣтеръ «теббадъ» устрашаетъ даже верблюдовъ, этихъ прирожденныхъ животныхъ пустыни: съ жалобнымъ ревомъ они опускаются на землю и прячутъ головы въ песокъ; за ними присѣдаютъ, скорчившись люди. Эта мертвая пустыня служитъ съ востока защитой для владѣній бухарскаго эмира и его столицы Бухары.

Тамъ, въ этихъ далекихъ окраинахъ, рядомъ оазисъ и пустыня, жизнь и смерть. Но трудомъ человѣка и пустыня можетъ быть обращена въ оазисъ. Лѣтъ 30 тому назадъ нѣкій таджикъ Мулла-Керимъ задумалъ возстановить орошеніе безводной степи Соврakъ-Софіанъ, возлѣ г. Пенджекента. На поверхности ея видны были слѣды колодцевъ, засыпанныхъ землей, и для того, чтобы ихъ снова открыть, а потомъ соединить между собой галлереями, требовалось много труда и еще больше денегъ. Мулла-Керимъ не унывалъ. Онъ то совѣтовался съ своими односельчанами, то ѣздилъ въ степь, вымѣривалъ, высчитывалъ, опять совѣтовался. Бывшій тогда начальникомъ Зарявшанскаго округа генералъ-маіоръ Абрамовъ, тотъ самый, который водилъ на штурмъ Ташкента головныя колонны, не только разрѣшилъ провести воду изъ р. Маргіанъ, но пожертвовалъ на это дѣло тысячу рублей. Ранней весной жители Пенджекента и всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ принялись за работу. Раздѣлившись по 10 человѣкъ на каждый колодецъ, рабочіе сначала углублялись въ землю по расчету, сколько было нужно, потомъ отрывали между колодцами старыя галлереи и отъ времени до времени пропускали по этимъ галлереямъ воду. Цѣлый годъ—лѣто и зиму—продолжалась работа безъ всякаго надзора со стороны властей, и къ веснѣ 1872 года было отрыто 80 колодцевъ, до 20 саж. глубиной, и готова подземная галлерея—арыкъ въ 3 версты длиной да безъ малаго въ сажень высотой. Пустыня, заброшенная въ теченіе трехсотъ лѣтъ, снова расцвѣла прежней жизнію, покрылась богатою пашней, дающей ежегоднаго дохода 15 т. рублей. Въ долинѣ Зарявшана есть арыки, проходящіе въ туннеляхъ скалистыхъ горъ, откуда вода стекаетъ внизъ по деревяннымъ желобамъ и проводится дальше, въ поля, скрытыми галлереями. И все это дѣло трудолюбивыхъ рукъ.

Главными работниками въ странѣ являются таджики. Они занимаются рѣшительно всѣмъ—садоводствомъ, хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, скотоводствомъ; они же торгаши, ремеслен-

ники, поденщики. Узбеки во всемъ имъ уступаютъ. Пашни таджиковъ лучше обработаны, сады даютъ болѣе нѣжные фрукты; ихъ ремесленныя издѣлія самой тонкой работы. Кто бы ни былъ зажиточный таджикъ—купецъ ли, мулла, или старшина—онъ

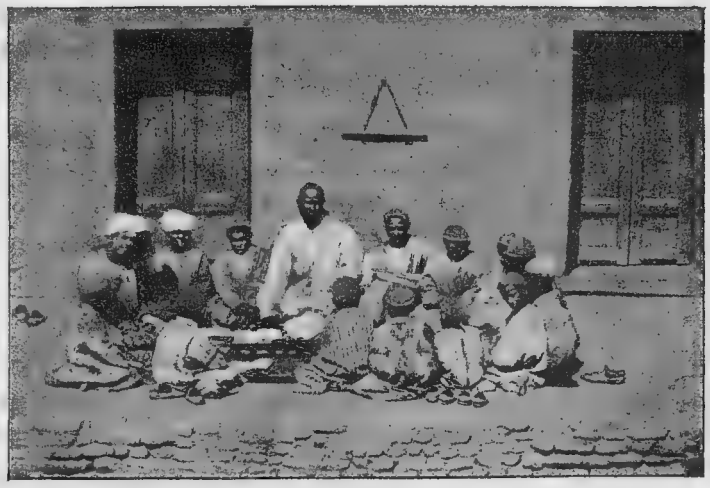
Бухарскій эмиръ Музафаръ и его ближайшій совѣтникъ.

непремѣнно владѣетъ кускомъ земли; если не занимается самъ, то отдаетъ ее въ аренду своему же брату—таджику, но не узбеку. Таджики держатся особнякомъ, своими купами. У нихъ отдѣльныя мечети, свои муллы, аксакалы. Полей они между

собой не дѣлятъ и скотъ пасутъ вмѣстѣ. Самое любимое занятіе таджика — это торговля. Торгуютъ всѣ — старики, молодые, мальчишки, женщины, духовные. Въ самомъ маленькомъ городкѣ имѣется множество лавчонокъ и торгашей. Послѣдніе не имѣютъ обыкновенія запрашивать втридорога, а довольствуются малымъ процентомъ, лишь бы поскорѣе обернуть свой капиталъ. Если пріѣзжій боится, чтобы его не обманули въ лавкѣ, онъ покупаетъ не самъ, а черезъ сосѣда-купца. Этотъ послѣдній возьметъ себѣ за трудъ небольшой процентъ, но всегда скажетъ настоящую цѣну: онъ ваше довѣренное лицо, «уакиль», и постыдится солгать. Таджикъ легко мѣняетъ предметъ своей торговли: сегодня онъ, напримѣръ, сидитъ за краснымъ товаромъ, завтра торгуетъ желѣзомъ,—на что больше спросъ, за то онъ и берется. Дѣти богатыхъ купцовъ или же муллъ почти всегда продолжаютъ занятія своихъ отцовъ. Дѣти мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ или земледѣльцевъ при первомъ удобномъ случаѣ стараются выйти въ люди, т.-е. сдѣлаться муллой или мурзой. Узбеки смотрятъ на таджиковъ свысока, обзываютъ ихъ *сартами*; но таджики не обращаютъ на это вниманія. «Узбеки», говорятъ они, «безъ насъ не могутъ жить, а потому мы ихъ держимъ въ рукахъ. Они неучи, даже сами не могутъ думать за себя. Мы имъ даемъ одежду, учимъ, что́ и съ чѣмъ лучше съѣсть, какъ прилично одѣваться, учимъ ихъ въ школахъ, даемъ имъ судей, муллъ, святыхъ, учимъ ихъ мастерствамъ и снабжаемъ всякимъ товаромъ». Узбеки же предпочитаютъ военную службу, какъ болѣе выгодную, особенно въ прежнее время, въ пору силы и славы бухарскаго эмира.

Мѣстопребываніе эмира, городъ Бухара, «шерифъ», или благородная, какъ ее величали на монетахъ, отличается отъ прочихъ городовъ долины тѣмъ, что имѣетъ много двухъэтажныхъ саклей; зато эти сакли стоятъ еще тѣснѣе, улицы такія же кривыя, узенькія, какъ и вездѣ. Вмѣсто садовъ, украшающихъ прочіе города, здѣсь обиліе кладбищъ: жилища мертвыхъ и живыхъ перемѣшаны. Живые тѣснятся въ низкихъ грязныхъ

конуркахъ, слѣпленныхъ изъ глины; мертвые покоятся въ могилахъ, сложенныхъ изъ обожженаго кирпича. Бухара издавна славится своими базарами, своей торговлей; ея купцы объѣзжаютъ самые дальніе рынки Азіи и Россіи. Для склада товаровъ выстроены щегольскіе караванъ-сараи, въ которыхъ, какъ напр. въ русскомъ, можетъ вмѣщаться по 2 тысячи и болѣе верблюдовъ. Русскіе товары съ давнихъ поръ нашли здѣсь выгодный сбытъ. Зайдите въ «Даванъ-беги»—такъ называется одинъ изъ лучшихъ городскихъ прудовъ, обсаженный деревьями,



Бухарская школа.

въ тѣни которыхъ расположены чайныя лавчонки: тутъ вѣчно кипятъ русскіе самовары, на полочкахъ разставлены наши чайники, чашки; висятъ на гвоздикахъ тѣ же расписные подносы. Если завернете въ домъ къ бухарцу—встрѣтите, кромѣ посуды, яркіе сундуки, окованные желѣзомъ, со звонкими замками, небольшія головки сахара, приготовляемыя собственно для подарковъ; на дверяхъ увидите наши замки, петли и т. п. Самъ бухарецъ одѣтъ въ халатъ изъ русскаго ситца, обутъ въ сапоги изъ русской кожи; пашетъ онъ землю русскимъ желѣзомъ;

бухарскій солдатъ вооруженъ тульскимъ ружьемъ и пистолетомъ. Сама Бухара фабрикуетъ прекрасныя бумажныя полосатыя матеріи («аладжи»), кожаный товаръ съ тисненными узорами и шелковые платки, ткань которыхъ «похожа на паутину». Кромѣ торговли Бухара гордится своими школами, своею ученостію. Сюда являются ученики не только изъ Персіи, Индіи, Афганистана, но даже изъ поволжскихъ губерній. Изучивъ священныя книги пророка и его послѣдователей, ученики повязываютъ себѣ головы тюрбанами и, возвратившись во-свояси, становятся муллами, учеными. Бухара считается самымъ правовѣрнымъ городомъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ; нигдѣ, говорятъ, такъ не крѣпки обряды, нигдѣ муллы и монахи (ишаны) не пользуются такимъ почетомъ и властью. Бухара—учитель. Еще до восхода солнца улицы покрываются неумытыми, сонными людьми, бѣгущими въ мечети, чѣмъ собственно и начинается день въ столицѣ эмира. Эта бѣготня поднимаетъ на ноги всѣхъ собакъ, исхудалыхъ и вѣчно голодныхъ. Вмѣстѣ съ собаками просыпаются прокаженные, которымъ живется не лучше собакъ; несчастные прозябаютъ гдѣ-нибудь въ закоулкахъ или жалкихъ палаткахъ; никто о нихъ не заботится и чтобы не умереть съ голода, они должны просить милостыни. — По мѣрѣ того, какъ солнце поднимается, улицы Бухары все болѣе и болѣе оживляются. Народъ толпами возвращается изъ мечетей; со всѣхъ воротъ проникаютъ въ узкія кривыя улицы кучки ословъ, навьюченныхъ дровами, хлѣбомъ, травой, большими горшками съ творогомъ или молокомъ. Громкія понуканья погонщиковъ, крики продавцовъ и покупателей сливаются со страшнымъ ревомъ ословъ. Въ этой толчеѣ такъ и кажется, что все полетитъ на землю: дрова обольются молокомъ, трава перемѣшается съ творогомъ, хлѣбъ съ углями—нѣтъ, все обходится благополучно, хотя иногда доходитъ до драки. — Послѣ молитвы бухарецъ непремѣнно долженъ выпить чашку чаю. Они пьютъ кирпичный чай, съ молокомъ или же бараньимъ жиромъ, при чемъ накрошатъ въ чашку столько хлѣба, что получается мѣсиво. Буха-

рецъ и днемъ не можетъ равнодушно пройти мимо чайной, чтобы не присѣсть хоть на часокъ. Нужно сказать, что у каждаго бухарца виситъ на поясѣ «кошбагъ», кусокъ кожи, разрѣзанный на полоски, къ которымъ привязывается пара ножей, зубная щеточка, сумочка для денегъ, мѣшечекъ съ чаемъ, разная мелочь. По цѣнѣ этихъ вещишекъ судятъ о достаткахъ и образованности ихъ хозяина. Такъ, вотъ, входя въ чайную, бухарецъ передаетъ щепотку своего чая, такъ что платитъ только за теплую воду. Днемъ чай пьется жидкій, безъ сахару, съ двумя-тремя лепешками. Дуть на чай считается неприличнымъ, даже грѣхомъ, почему надо плескать горячій чай въ чашкѣ, пока онъ не простынетъ, и дѣлать это надо умѣючи, иначе назовутъ невѣждой. Послѣ чаю всѣмъ посѣтителямъ подаются въ видѣ лакомства вываренные листочки: каждый беретъ столько, сколько можетъ захватить двумя пальцами.

Вотъ засновали по улицамъ носильщики съ товарами. Это значитъ, открывается базаръ. Товары ежедневно по вечерамъ убираются, а поутру снова выносятся. Медленно и важно проходятъ вереницы навьюченныхъ верблюдовъ. Смотря по лаучамъ можно узнать, откуда и какой товаръ прибылъ: изъ Индіи и Афганистана приходитъ чай, красильныя вещества, москательный товаръ, глиняная посуда, книги, дорогая ткань «кабули»; изъ Персіи—книги, оружіе; изъ Мерва также оружіе; изъ Герата—нѣжные фрукты, шерсть... Прежде чѣмъ товаръ успѣютъ распаковать, уже начинается торгъ: афганцы, персіяне, таджики—купятъ-ли не купятъ — но накричатся вдосталь, чуть не до драки. Пока базаръ въ полномъ разгарѣ, ученики высшихъ школъ сидятъ въ медресе, а мальчишки за букварями. Эти маленькія школки помѣщаются по серединѣ базара, окруженныя десяткомъ кузницъ, гдѣ съ утра до ночи мѣдники колотятъ здоровенными молотами. Учитель и дѣтишки, надрываясь отъ крика, сидятъ красные какъ раки; только по раскрытымъ ихъ ртамъ да по набрякшимъ жиламъ можно догадаться, что они учатся.

Около полудня какъ базаръ, такъ и улицы немного стихаютъ: это часъ омовенія и молитвы, послѣ того городъ оживаетъ уже не надолго: бухарцы шабашуютъ рано; только евреи и индусы работаютъ до темноты. Евреи занимаются преимущественно окраской шелка. За 2 или за 3 часа до захожденія солнца зажиточные бухарцы отправляются въ монастыри («ханки») послушать проповѣдь; многіе изъ нихъ умиляются душеспасительной бесѣдой, вздыхаютъ, пыхтятъ, — того требуетъ приличіе,—но нисколько не становятся лучше: всѣ лицемѣрятъ и это никому не ставится въ вину.

Не успѣютъ послѣдніе лучи солнца скрыться на западѣ песчаной пустыни, какъ столица начинаетъ отдыхать. Усядутся облака удушливой пыли, легче дышать; улицы, гдѣ близко водоемы или канава, поливаютъ водой, отчего становится прохладнѣе. Послѣ вечерняго намаза бухарцы садятся за пилавъ и, насытившись вдоволь, немедленно ложатся спать. Черезъ 2 часа послѣ захожденія солнца на улицахъ остаются только «миршебы» (полицейскіе), на обязанности которыхъ ловить воровъ, вообще, хватать всякаго, кто осмѣлится переступить черезъ порогъ послѣ того, какъ барабанъ пробилъ зорю. Таковъ приказъ самого эмира.

Изъ удовольствій самое большое для бухарцевъ поѣздки за городъ, на могилы святыхъ, или поѣздки въ Чихарбагъ-Абдулаханъ, гдѣ подъ тѣнью высокихъ деревьевъ, на берегу канала собираются по пятницамъ съ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ чайнымъ котелкомъ ученики многочисленныхъ медресе. Это мѣсто славится еще тѣмъ, что здѣсь можно видѣть бой барановъ, до котораго бухарцы большіе охотники. Когда барановъ выпускаютъ на площадку, бухарцы бьются объ закладъ, какой именно баранъ больше выдержитъ ударовъ. Бываютъ случаи, что баранъ убѣгаетъ съ арены — его провожаютъ хохотомъ; если одинъ изъ бойцовъ падаетъ съ раскроеннымъ черепомъ— тоже довольны, никому не жаль бѣдное животное.

Мусульманская вѣра, нѣкогда горячая въ Бухарѣ, обрати-

лась теперь въ ханженство, лицемѣріе; подъ личиной набожности скрываются притворство и обманъ. Всѣ предписанія муллъ исполняются въ точности; бухарцы всегда носятъ на себѣ завернутый въ чалму погребальный саванъ, но чалма все таки повязывается такъ, какъ того требуетъ мода; они аккуратно читаютъ молитвы, преклоняютъ колѣни, ходятъ на богомолье, но въ то же время продаютъ вѣроломно друзей, искусились въ доносахъ, страшно скупы и себялюбивы; кромѣ того, преданы многимъ порокамъ. Народъ тамъ обремененъ налогами, забитъ; пріученный вѣками выносить тяжелое иго властей, онъ мало чѣмъ отличается отъ рабовъ. При теперешнемъ эмирѣ Музафарѣ бухарцамъ жилось особенно худо, потому что онъ съ молодыхъ лѣтъ отличался жестокостью и жадностью.

Еще до первыхъ встрѣчъ съ русскими войсками Музафаръ задумалъ возстановить царство Тамерлана во всемъ его блескѣ. Не имѣя на то ни силы, ни талантовъ «владыки царей», онъ прибѣгалъ къ насилію, коварству. Разсказываютъ, что Музафаръ видѣлъ однажды во снѣ возстановленіе царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Крымскаго и что всѣ эти улусы принадлежатъ ему. Онъ увѣровалъ въ свой сонъ и началъ кровожадныя войны съ ближайшими сосѣдями. Оставшись побѣдителемъ, Музафаръ сталъ еще болѣе надменнъ; онъ думалъ, что если русскій генералъ обращается къ нему привѣтливо, дѣлаетъ ему въ чемъ-нибудь уступку, значитъ онъ его боится, трепещетъ его грозныхъ полчищъ. Надменный побѣдитель афганцевъ и туркменъ написалъ Черняеву письмо слѣдующаго содержанія: «Я здоровъ. Требую, чтобы ты отступилъ, иначе объявляю священную войну». Генералъ Черняевъ ему отвѣчалъ: «Я тоже здоровъ и съ помощью Божіей буду скоро въ твоей столицѣ».

Когда Черняевъ наступалъ къ Джизаку, Музафаръ приказалъ коканскому хану двинуть 10-тысячное войско, чтобы отвлечь русскихъ. Худояръ-ханъ, страшась послѣдствій, въ походъ не пошелъ, а отписалъ, что ему такого войска не собрать. Получивъ это донесеніе, Музафаръ велѣлъ закопать несчастнаго

гонца по горло въ песокъ. Между тѣмъ полчища эмира вовсе не были такъ страшны, какъ онъ объ нихъ думалъ: число пѣхоты не превышало 12 батальоновъ, а въ началѣ войны и того меньше. Здѣсь служили плѣнные персіяне, бѣглецы изъ русскихъ и туземцы. Новобранцу выдается ружье съ патронными сумками, куртка, штаны изъ бараньей кожи, 4 рубля на сапоги и черная мерлушка на шапку. Это годовое содержаніе *сарбаза*-пѣхотинца. Онъ обязанъ служить до смерти, развѣ забѣжитъ куда-нибудь далеко. На его мѣсто всегда найдется охотникъ. О военномъ искусствѣ бухарскіе военачальники не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Учителями военнаго дѣла являлись разные проходимцы или же плѣнные русскіе солдаты, которыхъ принуждали къ тому силой. Кто изъ учителей больше отсчитывалъ бѣдному сарбазу палокъ, тотъ считался мастеромъ своего дѣла. Одно время командовалъ всей бухарской пѣхотой персидскій выходецъ мурза Шахрузъ. За первую же неудачу при встрѣчѣ съ русскими Шахрузъ поплатился головой. Его мѣсто занялъ бѣглый сибирскій казакъ Османъ, который увѣрилъ эмира, что обученіе надо начать сызнова, по русскому уставу. Онъ взвалилъ все обученіе на плѣнныхъ и бѣглецовъ изъ магометанъ. Каждый изъ нихъ училъ на свой ладъ. Такъ, одинъ нашъ артиллеристъ только и командовалъ: «жай!» — больше онъ ничего не зналъ, прослуживши весь свой вѣкъ при пушкѣ. Такіе-то учителя замѣняли и ротныхъ командировъ, потому что свои оказывались еще хуже. Въ случаѣ недостатка въ учителяхъ эмиръ приказывалъ вербовать купцовъ, бывавшихъ по торговымъ дѣламъ въ Россіи, предполагая, что они должны же быть знакомы и съ нашими военными уставами. Пошла мода на все русское: командныя слова произносили по-русски, старались достать русскіе мундиры, особенно дорожа мѣдными пуговицами. Въ одномъ сраженіи бухарцы были свидѣтелями, какъ русскіе солдаты, перейдя глубокій арыкъ, прежде чѣмъ броситься въ атаку, ложились на спину и болтали ногами, что́ дѣлалось по весьма простой причинѣ: надо было вы-

лить воду, попавшую за голенища. Съ того времени въ бухарской пѣхотѣ былъ введенъ особый сигналъ, по которому бѣжавшіе по плацу солдаты сразу останавливались, бросались на землю и болтали ногами. Они были увѣрены, что «урусъ», именно благодаря этому пріему, и одержалъ побѣду.

О военной доблести бухарцевъ не можетъ быть и рѣчи: у нихъ нѣтъ никакой охоты къ военному дѣлу. Сарбазы, живя

Обученіе грамотѣ.

за городомъ, имѣютъ тамъ свои дома, хозяйства; въ досужее время промышляютъ на заработкахъ, иначе имъ не прокормиться. Съ ранняго утра плетутся сарбазы на плацъ, сидя на ослахъ и держа подъ мышкой форменную одежду. Они надѣваютъ ее только тогда, когда нужно становиться во фронтъ. Собрались, построились въ 2 шеренги. Первая шеренга съ ружьями, старыми да ржавыми, вторая шеренга — съ пистолетами, пиками

или *батиками*. Батикъ—длинная палка съ желѣзнымъ зубчатымъ шаромъ. Кромѣ того обѣ шеренги вооружены саблями или шашками. Это прежнее вооруженіе; теперешнее болѣе однообразное. Начинается ученье — шумъ, гамъ. Наконецъ проходитъ урочное время, 2 часа. Если *топчи-баши* (главнокомандующій) вздумаетъ оставить на лишніе полчаса, чтобы пострѣлять холостыми патронами, сарбазы недовольны: они ворчатъ. Зато какъ торопливо они возвращаются домой, какъ усердно понукаютъ своихъословъ!

Особенно не любятъ сарбазы походовъ. Въ мирное время они ежегодно уходятъ въ Шахрисябзь, куда переселяется на все лѣто эмиръ. Вотъ назначенъ день: выступаютъ батальоны нехотя, съ проклятіями; больше всѣхъ достается, конечно, эмиру. Идутъ безъ всякаго порядка, вразсыпную; кто усталъ, тотъ садится на осла, потому что безъ этого животнаго ни одинъ сарбазъ не выступаетъ въ походъ. Доволенъ и ликуетъ лишь одинъ маркитантъ: онъ знаетъ, что каждый сарбазъ во время лагерей съѣстъ у него въ день по крайней мѣрѣ 3 лепешки, чашку гороха и запьетъ все это чаемъ; многіе покупаютъ арбузы, дыни, виноградъ, а ужъ всѣ непремѣнно—табаку для жвачки. Маркитантъ такъ и ставитъ свои шалаши-лавчонки о-бокъ съ лагеремъ. Послѣдній скорѣе можно назвать цыганскимъ таборомъ, чѣмъ военнымъ станомъ, потому что палатки разставляются не рядами, а какъ попало, больше кучками, между которыми свободно располагаются верблюды, ослы, арбы и т. п. Только и можно признать лагерь по разбросаннымъ турецкимъ барабанамъ да ружьямъ, подвѣшеннымъ на колышкахъ у каждой палатки. Вечеромъ и утромъ трубачъ играетъ зорю, почти такую же, какъ и наша. Ежедневныя занятія тѣ же, что и на плацу въ Бухарѣ. Лагерная жизнь подъ конецъ становится тяжелой. Съ наступленіемъ холодовъ въ горахъ сарбазамъ негдѣ и нечѣмъ обогрѣться: отъ казны отпускается одна кошма на человѣка да десятокъ угольковъ. Какъ только объявятъ выступленіе, солдаты забываютъ все на свѣтѣ; они покидаютъ ла-

герь и возвращаются въ столицу длинной вереницей, кто пѣшкомъ, кто на ослѣ. Иные уходятъ верстъ по 60—70 въ сутки!

Артиллеристы всѣ изъ персіянъ; народъ рослый, здоровый, одѣты въ длинные зеленые кафтаны, подпоясанные кожаной портупеей, на которой виситъ шашка. Въ началѣ войны бухарская артиллерія состояла изъ 80 полевыхъ орудій; нѣсколько позже число ихъ удвоилось.

Служба въ конницѣ считается болѣе почетною. Сюда поступаютъ преимущественно узбеки. Такъ называемые «галябатыри» принимаются на службу съ собственнымъ конемъ и вооруженіемъ—шашкой и пикой; одѣваются, какъ и дома, въ халаты, кожаные штаны, узбекскіе сапоги съ острыми каблуками, на головѣ чалма или баранья шапка. Глядя на такого чалмоносца, не вѣрится, что онъ «царскій галябатырь-вояка», какъ онъ себя величаетъ. «Хасабардары», также обязанные имѣть свою шашку или батикъ, получаютъ отъ казны чугунный фальконетъ вѣсомъ въ 50 ф.—на двухъ человѣкъ одинъ. Изъ такой махины полагается стрѣлять на 300 саж., разумѣется съ подставки. Тѣхъ и другихъ всадниковъ насчитывалось въ ту пору до 30 сотенъ. Во время войны собирались ополченія, также преимущественно конныя; одинъ выѣзжалъ опоясанный саблей, другой шашкой, иные съ пистолетомъ,—смотря по вкусу и достаткамъ. Этихъ набирается до ста тысячъ.

Съ такимъ-то новымъ непріятелемъ пришлось имѣть дѣло нашимъ войскамъ, и мощный русскій духъ взялъ верхъ надъ его многочисленными и нестройными толпами. Въ странѣ рабства и шпіонства, тамъ, гдѣ каждый дрожалъ за свою голову, не могутъ имѣть мѣста сплоченность и довѣріе,—въ чемъ главная сила русскаго войска. Самъ эмиръ не довѣрялъ своей особы этимъ войскамъ. Его гвардія, «кулъ-батчи», что̀ значитъ «дѣти невольниковъ», набиралась куплею дѣтей на невольничьихъ рынкахъ или отъ хозяевъ бухарцевъ. Всѣ они природные персіяне. Равно всѣ высшія должности по управленію и командованію войсками заняты персіянами: своимъ нѣтъ вѣры.

ВОЙНА СЪ БУХАРЦАМИ.

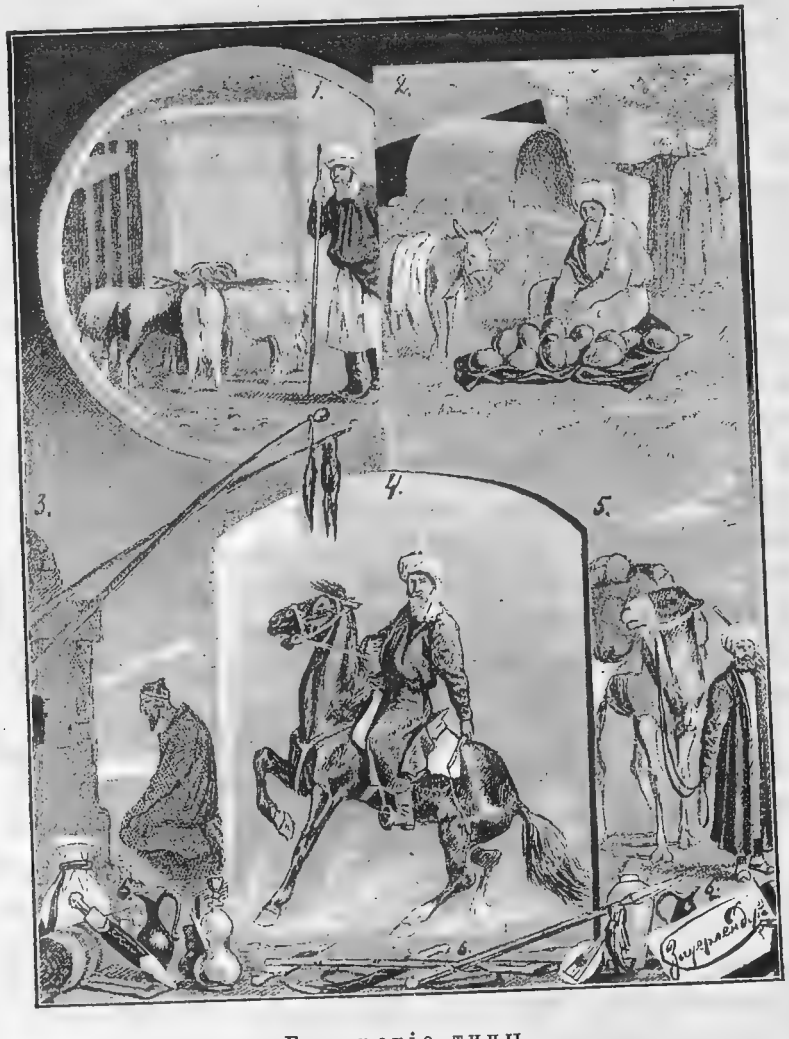
юня 15-го 1865 года генералъ Черняевъ взялъ г. Ташкентъ, а послѣ того эмиръ бухарскій написалъ Черняеву письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы русскіе покинули этотъ городъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ Коканомъ составляетъ часть его владѣній. Получивши отказъ, эмиръ напалъ на владѣнія коканцевъ и посадилъ здѣсь ханомъ своего тестя Худояра; затѣмъ, слѣдуя правиламъ азіятской политики, онъ не прямо объявилъ намъ войну, а въ ожиданіи, пока соберется съ силами, разрѣшилъ своимъ подданнымъ разбойничать и грабить за чертой своихъ владѣній. Онъ даже притворился, что желаетъ войти съ нами въ мирное соглашеніе и вырядилъ посольства: одно въ Петербургъ, другое въ Ташкентъ; вскорѣ пріѣхалъ сюда и третій посолъ съ просьбой, чтобы и наши офицеры были отправлены для переговоровъ въ Бухару.

Черняевъ не отказалъ въ этой чести: онъ отправилъ чиновника Струве и нѣсколькихъ офицеровъ. Встрѣтили ихъ тамъ съ почетомъ, но уже въ концѣ ноября стало извѣстно, что не только всѣ русскіе подданные съ ихъ товарами, но даже и самое

посольство задержаны. Три раза увѣрялъ владѣтель Бухары, что послы отпущены, что они уже выѣхали,—и всѣ три раза лгалъ. А съ наступленіемъ весны въ нашихъ владѣніяхъ открыто появились шайки бухарцевъ: онѣ грабили киргизовъ, перехватывали почту, уничтожали на Сыръ-Дарьѣ запасы топлива и стрѣляли съ берега въ наши пароходы. Это продолжалось до мая, когда были получены свѣдѣнія, что эмиръ собралъ значительныя силы, какъ конныя, такъ и пѣшія, съ пушками, и что часть ихъ уже переправилась черезъ Сыръ-Дарью, слѣдовательно въ тылъ нашему отряду, стоявшему тогда въ Чиназѣ. Противъ 40-тысячной арміи бухарцевъ мы могли выставить не болѣе 4 т., остальныя 11 тысячъ были разбросаны по линіи, занимая гарнизонами большіе города и крѣпости; къ тому же доблестный вождь туркестанскихъ войскъ, Черняевъ, въ ту пору былъ уже отозванъ: его смѣнилъ генералъ Романовскій. Тѣмъ не менѣе наступленіе являлось необходимостью. Чиназскій отрядъ, въ составѣ 14 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ, 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ выступилъ въ степь къ урочищу Ирджару; на пароходѣ везли на 10 дней продовольствіе. Другимъ берегомъ двигался параллельно главному отряду небольшой отрядъ Краевскаго.

Былъ май 1866 г. Жары стояли страшные, туркестанское солнце прожигало насквозь; но отрядецъ шелъ бодро и сдѣлалъ первый переходъ въ 30 верстъ, до колодцевъ Мурза-рабатъ. До Ирджара оставалось не болѣе 20 верстъ, когда на разсвѣтѣ начали показываться конныя партіи. Казаки ихъ сбили, отрядъ поднялся съ ночлега; въ 12 ч. уже была выдвинута артиллерія, не прекращавшая огня до конца боя. Послѣ небольшого привала впереди всѣхъ двинулся капитанъ Абрамовъ съ 6 ротами и 8 пушками; правѣе его подполковникъ Пистелькорсъ съ казаками, ракетными станками и 6 орудіями; сзади, въ резервѣ, 3 стрѣлковыхъ роты съ 4 орудіями подъ начальствомъ маіора Пищемуки; наконецъ обозъ, подъ особымъ прикрытіемъ. Тотчасъ же небольшой русскій отрядъ былъ окруженъ толпами конныхъ бу-

харцевъ и киргизовъ. Особенно сильно они насѣдали на нашъ обозъ, гдѣ подполковникъ Фовицкій долженъ былъ въ одно



Бухарскіе типы.

1.—Продавецъ скота, 2.—Торговецъ арбузами. 3.—На вечерней молитвѣ. 4.—Бухарскій наѣздникъ. 5.—Перевозка кладей на верблюдахъ. 6.—Домашняя утварь и оружіе.

время и отбиваться, и продолжать движеніе, чтобы не отставать отъ прочихъ. За $1^1/_2$ версты отъ непріятельской позиціи войска

были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ огнемъ изъ окоповъ. Подъ свистъ ядеръ и дикіе побѣдные крики наши колонны, точно ладьи, пробили себѣ путь черезъ клокочущія волны бухарской конницы, пестрѣвшей значками и разноцвѣтными халатами. Это были не сотни или тысячи, а десятки тысячъ всадниковъ, бѣшено повторявшихъ атаку за атакой. Прошло около часа, пока исходъ боя ясно обозначился: непріятельская конница перестала давить, и наши колонны перешли въ наступленіе. Колонна Абрамова стройно, точно на ученьи, двинулась на завалы, а черезъ полчаса они уже были въ нашихъ рукахъ. Пистелькорсъ смѣло проскакалъ между завалами, занялъ впереди позицію. Быстро переходилъ съ позиціи на позицію этотъ храбрый офицеръ, пока наконецъ не увидѣлъ, какъ вся грузная непріятельская армія обратилась въ бѣгство. Огромный лагерь былъ покинутъ со всѣмъ имуществомъ. Тутъ въ котлахъ варилась еще пища, дымились кальяны, пыхтѣли самовары. На другой день — это былъ праздникъ Николая Чудотворца — наши добрались и до другого лагеря, гдѣ помѣщалась ставка эмира. Здѣсь нашли множество ковровъ, диванов, ханскую кухню и между прочимъ донесеніе самаркандскаго бека съ передовой позиціи, что русскіе уже окружены и скоро будутъ всѣ въ плѣну... Особенно много досталось тогда бухарскихъ палатокъ. Солдаты рвали ихъ на части и шили себѣ новыя рубахи или же чинили ими старыя. Послѣ Ирджарскаго дѣла часто случалось встрѣчать половину синей рубахи, половину красной или же зеленой съ какими-нибудь драконами, не то птицами или причудливыми цвѣтами. Такъ и щеголяли въ нихъ весь походъ.

Кромѣ 10 пушекъ, т.-е. половины всей артиллеріи, подобранныхъ по пути бѣгства, бухарцы покинули большіе запасы пороха, патроновъ и снарядовъ.

Романовскій не пошелъ вслѣдъ за эмиромъ, къ Самарканду, а двинулся вверхъ по Сыръ-Дарьѣ. 17 мая нашъ отрядъ приблизился къ Ходженту.

Ходжентъ очень древній городъ; по преданію, онъ построенъ дочерью Адама, славился своею неприступностью, гордился тѣмъ, что не признавалъ власти ни Кокана, ни Бухары и никогда не былъ въ рукахъ непріятеля. Жители Ходжента сохранили воспоминаніе объ одномъ изъ своихъ военачальниковъ, по имени Тимуръ-Меликъ. Исторія его любопытна. Это было давно, тогда еще, когда нахлынули сюда полчища монголовъ подъ предводительствомъ могущественнаго Чингисъ-хана. Берега Сейхуна, нынѣшней Сыръ-Дарьи, также усѣянные въ ту пору цвѣтущими городами, огласились воплями несчастныхъ жертвъ, поголовно избиваемыхъ свирѣпыми кочевниками. Бухара пылала въ огнѣ; несчастный царь хоразмійскій, о которомъ было уже упомянуто, бросался то въ ту, то въ другую сторону своихъ обширныхъ владѣній. Въ это-то время отрядъ изъ 5 т. конницы Чингиса приблизился къ Ходженту. Тимуръ-Меликъ, желая, вѣроятно, спасти свой городъ отъ погрома, удалился съ тысячью отборныхъ воиновъ на сосѣдній островъ, гдѣ былъ построенъ крѣпкій замокъ. Туда не могли долетать съ берега ни камни, ни стрѣлы. Монголы не останавливались ни передъ какими препятствіями: они рѣшились устроить плотину, чтобы соединить островъ съ берегомъ, для чего согнали до 50 т. плѣнниковъ, и работа закипѣла. Плѣнные, раздѣленные на десятки и сотни, подъ надзоромъ монгольскихъ офицеровъ, таскали день и ночь камни изъ ближайшихъ горъ, запружая ими рѣку. Но мужественный Тимуръ-Меликъ устроилъ 12 судовъ, покрытыхъ сверху войлоками и обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины; онъ подъѣзжалъ на этихъ плотахъ къ берегу, разгонялъ непріятеля и разрушалъ его работы. Враги боролись за каждый камень, за каждую пядь земли. Когда монголы усилили свой отрядъ до 20 т. и нагнали новыя толпы плѣнныхъ, Тимуръ-Меликъ ясно увидѣлъ, что дальнѣйшая защита становится безполезною. Онъ задумалъ спуститься рѣкой въ Аральское море и черезъ устье Джейхуна, нынѣшняя Аму-Дарья, выйти къ городу Ургенчу. На 70 гребныхъ судахъ отплыли удѣ-

лѣвшіе защитники Ходжента, но вскорѣ они узнали, что дальнѣйшій путь имъ прегражденъ: Джучи, старшій сынъ Чингиса,

Сыръ-Дарья подъ Ходжентомъ.

громившій берегъ Сейхуна, приказалъ построить мостъ у

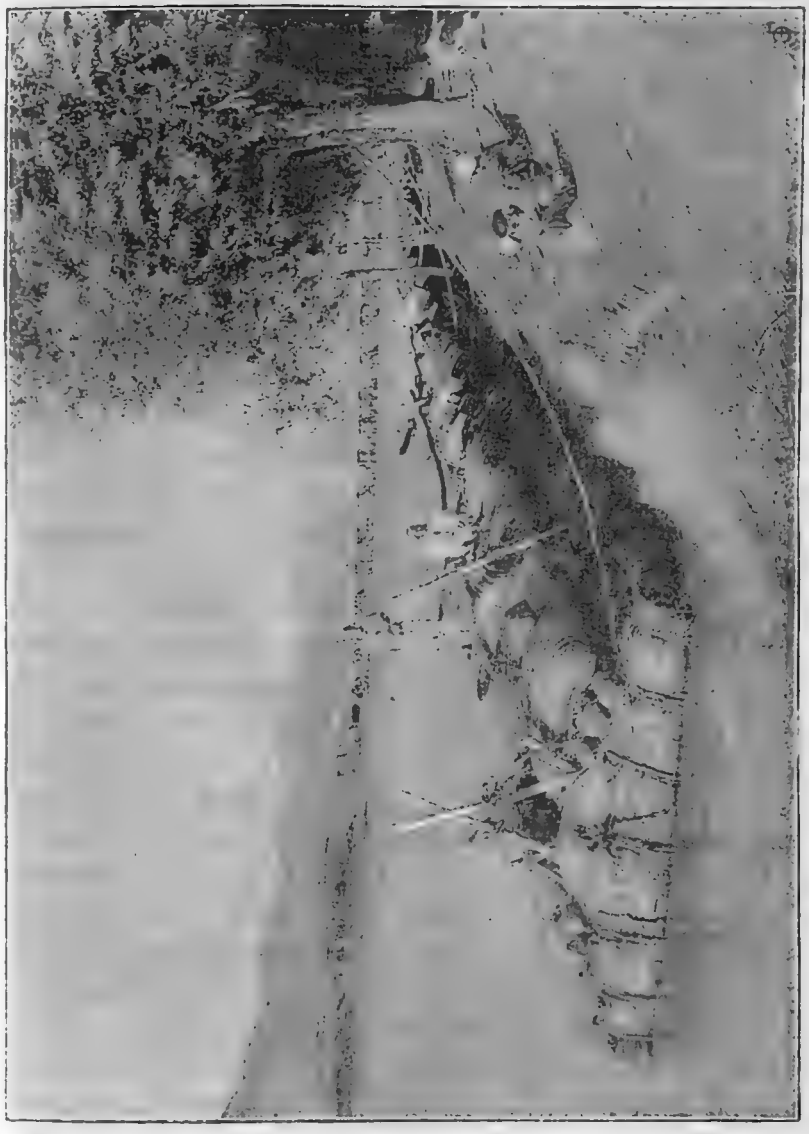
г. Дженда и укрѣпить его машинами, метавшими камни. Тогда отважный Тимуръ-Меликъ присталъ къ берегу и пробился къ г. Ургенчу сухимъ путемъ; тамъ онъ присоединился къ сыну своего государя—Джелалъ-уд-дину, защищавшему со славой имперію отца: вмѣстѣ съ нимъ Тимуръ-Меликъ прославилъ свое имя въ геройской неравной борьбѣ съ монголами.

Въ Ходжентѣ, какъ и вездѣ въ Средней Азіи, туземцы при основаніи города селились вдали отъ главной рѣки. Имъ нужно имѣть подъ рукой оросительные каналы для орошенія полей и садовъ, и потому гораздо легче справляться съ такою маленькою рѣчонкой какъ Ходжа-Бакарчанъ, чѣмъ съ грознымъ потокомъ Сыръ-Дарьи. Лѣтомъ въ этомъ городѣ нестерпимая удушливая жара: степные вѣтры нагоняютъ облака пыли; бѣлыя скалы горы Моголъ-тау, возвышающейся на противоположномъ берегу, отражаютъ лучи южнаго солнца прямо на городъ, похожій тогда на жаровню. Часто рѣчка Ходжа пересыхаетъ, и тогда женщины принуждены ходить за водой на Сыръ-Дарью, гдѣ надо спускаться съ крутого берега и съ тяжелою ношей снова взбираться. Тѣмъ не менѣе въ торговомъ отношеніи городъ расположенъ весьма удобно, въ самомъ узлѣ среднеазіятскихъ путей: дороги расходятся во всѣ стороны въ видѣ радіусовъ. Онѣ обсажены шелковичными деревьями; между ними—плантаціи хлопчатника и виноградники, среди которыхъ высятся тамъ и сямъ сторожевыя башни. Здѣсь произрастаютъ въ изобиліи рисъ, хлопокъ, тутовыя и персиковыя деревья, нѣжный виноградъ, урюкъ (абрикосы).

Цвѣтущіе сады и плантаціи, богатство жителей, наконецъ положеніе Ходжента на торговомъ перепутьи внушало всегда зависть алчнымъ завоевателямъ Востока; изъ-за временного обладанія Ходжентомъ на его рисовыхъ поляхъ происходило много кровавыхъ битвъ, забытыхъ, конечно, даже старожилами.

При приближеніи русскихъ окружающія городъ поля и многочисленныя постройки были брошены, нѣкоторыя дороги запружены изъ арыковъ, а ближайшіе къ стѣнамъ сады сруб-

лены подъ корень. По всему было видно, что жители рѣшились защищаться: нашихъ парламентеровъ они встрѣтили вы-



Камышевый плотъ съ кладью и мостъ черезъ Сыръ-Дарью

стрѣлами. Городская ограда, тянувшаяся на 11 верстъ, со сто-

роны поля состояла изъ двойного ряда высокихъ толстыхъ стѣнъ, усиленныхъ башнями и земляными присыпками. Послѣ оказалось, что ходжентцы, несмотря на всѣ усилія и принесенныя жертвы, не успѣли, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ защитѣ, чѣмъ наши войска отлично воспользовались. Ходжентъ достался въ наши руки, только благодаря быстротѣ наступленія.

Въ ночь съ 19 на 20 мая были заложены двѣ батареи на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ отрядѣ Краевскаго, и двѣ на лѣвомъ; съ разсвѣтомъ онѣ открыли огонь изъ 20 орудій, въ томъ числѣ 2 мортиры. Палили цѣлый день до 10 ч. вечера. Въ городѣ поднялась суматоха, начались пожары. Въ 3 ч. слѣдующаго дня штурмовыя колонны уже шли на приступъ. Не успѣли онѣ втянуться въ сады, какъ были встрѣчены депутатами; старшій между ними, Ходжи-Газаматъ, объявилъ, что городъ сдается. Войска отошли назадъ, на прежнія позиціи. Однако прошло послѣ того болѣе сутокъ, ворота не отворялись; наши парламентеры, уже вмѣстѣ съ Газаматомъ, были встрѣчены огнемъ. Оказалось, что сторонники войны взяли верхъ, а всѣхъ стоявшихъ за миръ упрятали въ тюрьмы. Подобные обманы, равно какъ и всякая проволочка заранѣе рѣшеннаго успѣха, дѣйствуютъ на войска очень дурно: солдаты ожесточаются и какъ бы вымещаютъ на томъ же непріятелѣ даромъ потерянное время. Снова загремѣли орудія, и на этотъ разъ кононада продолжалась 3 дня подъ рядъ. Въ праздникъ Ивана Купала, среди бѣла дня, штурмовыя колонны подошли, незамѣченныя непріятелемъ, къ крѣпостной стѣнѣ, и когда сѣверо-восточная ея часть, примыкавшая къ рѣкѣ, стала рушиться подъ ударами снарядовъ, поданъ былъ сигналъ къ общему штурму. Офицеры, а вслѣдъ за ними и солдаты поднялись по лѣстницамъ вверхъ, сбили послѣ жаркой схватки защитниковъ, спустились внизъ, выломали ворота, чтобы пронести лѣстницы, и опять стали карабкаться на внутреннюю стѣну. Тутъ подоспѣли резервы, подскакали казаки, съ того берега подплыли на баркасахъ стрѣлки Краевскаго,—и въ нѣсколько часовъ какъ стѣны, такъ

и улицы, загражденныя баррикадами, были очищены отъ непріятеля; цитадель занята резервомъ. Только на другой день утромъ явилась депутація аксакаловъ, принося повинную въ безполезномъ пролитіи крови.

Природное русское добродушіе высказалось тутъ, какъ всегда послѣ штурма туркестанскихъ городовъ. Толкаясь по базарамъ, солдаты при встрѣчѣ съ сартами, хлопали ихъ по рукамъ, по животу и привѣтствовали знакомымъ словомъ «тамыръ» (пріятель); обиды, грабежи случались очень рѣдко. При встрѣчахъ съ офицерами сарты прикладывали руки къ папахѣ, что выходило очень забавно; или, придерживаясь нашихъ обычаевъ, протягивали офицеру руку со словами: «аманъ-тура!» Даже мальчишки въ этихъ случаяхъ соблюдаютъ вѣжливость, не пропуская никого безъ обычнаго привѣтствія.

Наша побѣда подъ Ирджаромъ прогремѣла въ Средней Азіи, а взятіе Ходжента, считавшагося оплотомъ, произвело на умы еще болѣе сильное впечатлѣніе. Жители признавались послѣ, что никогда не могли повѣрить, чтобы эмиръ, такой могущественный владыка, могъ потерпѣть пораженіе. Послѣдній все-таки не созналъ своего ничтожества въ сравненіи съ могущественною державой Сѣвера. Подыскивая себѣ союзниковъ и собирая подъ рукой войска, онъ еще вѣрилъ въ возможность успѣха и, видимо, затягивалъ время въ безплодныхъ переговорахъ; сегодня чувство страха и лесть подсказывали ему одно, завтра высокомѣріе и азіятская кичливость брали верхъ. Назначили эмиру срокъ для высылки условій,—срокъ прошелъ, отвѣта не было. Подъѣхавшій на ту пору оренбургскій генералъ-губернаторъ приказалъ открыть военныя дѣйствія наступленіемъ на бухарскія крѣпости Ура-тюбе и Джизакъ,—это «ключи», которые нѣкогда защищали Тамерлановы ворота, на сѣверо-востокъ отъ Самарканда. Взятіемъ этихъ крѣпостей мы прочно утверждались въ долинѣ Сыръ-Дарьи и кромѣ того окончательно разъединяли нашихъ враговъ, Бухару отъ Кокана.

Ура-тюбе досталось намъ сравнительно легко, Джизакъ

труднѣе. Онъ расположенъ на единственномъ удобномъ пути въ долину Зарявшана и считался одно время самою сильною крѣпостью въ Средней Азіи. Большая часть города была обнесена въ ту пору тройнымъ рядомъ стѣнъ, въ 4 саж. толщиной, въ $3^1/_2$ высотой; по нимъ совершенно свободно могли ѣздить арбы. На наружной стѣнѣ и промежуточныхъ башняхъ стояло 53 пушки, съ зарядными ящиками, со всею принадлежностью; для дѣйствія же при орудіяхъ были вызваны искусные афганцы. Кромѣ того, гарнизонъ города составляли 2 т. сарбазовъ, нѣсколько сотенъ туркменъ, остальное сарты, всего не менѣе 10 т., подъ начальствомъ Алаяръ-хана, съ титуломъ «таксабъ-перваначи»—нѣчто въ родѣ нашего фельдмаршала; при немъ состояло 19 бековъ. Внутри крѣпости, какъ водится, стояла «урда», цитадель, но, по словамъ перебѣжчика, такая ненадежная, что ее можно было прошибить палкой. Между первой и второй стѣной шла улица шириной около 60 саж.; здѣсь Алаяръ-ханъ расположилъ лагеремъ все свое разношерстное войско; вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ всѣ трое городскихъ воротъ завалить на-глухо, чтобы никто и подумать не смѣлъ о возможности бѣгства. Мѣстность вокругъ крѣпости была очищена приблизительно на 100 саженъ, для лучшей обороны.

Выбравши мѣсто подъ лагерь, наши расположились у самаго выхода ущелья по дорогѣ въ Самаркандъ; затѣмъ приступили къ осаднымъ работамъ: дѣлали лѣстницы, плели туры, вязали фашины, а въ то же время малые отряды приближались къ крѣпости, чтобы высмотрѣть удобныя мѣста для осадныхъ батарей.

Покинутая часть города стала любимымъ мѣстомъ прогулокъ нашихъ солдатъ. Городскія сакли оказались такія же маленькія, какъ и деревенскія: въ одну или двѣ, рѣдко въ три комнатки; крохотныя окна безъ рамъ, безъ стеколъ; половъ вовсе нѣтъ; потолокъ изъ тоненькихъ жердочекъ, поверхъ насыпана глина. Каждая сакля окружена высокимъ заборомъ, у котораго лѣпятся кормушки. Вездѣ глина и глина. На плос-

кихъ крышахъ навалены запасы колючки, идущей на кормъ верблюдовъ иословъ; она же служитъ и топливомъ.

Нѣсколько ознакомившись съ этимъ мѣстомъ, наши солдаты находили ямы засыпанныя ячменемъ, пшеницей; иногда такіе запасы попадались и въ сакляхъ, при чемъ дверь была искусно замазана глиной. Счастливая находка становилась извѣстною всему лагерю: набѣгали фуражиры, усердно наполняли мѣшки, саквы; даже рубахи и панталоны превращались въ мѣшки, переполненные зерномъ. На базарѣ, въ его укрытыхъ соломой галлереяхъ, солдаты копошились съ утра до ночи: кто шарилъ въ лавкахъ, кто бродилъ изъ любопытства. Одному посчастливило напасть на кипы табаку. Каждый солдатъ непремѣнно воткнетъ штыкъ, повертитъ-повертитъ и потомъ ужъ набиваетъ карманы, не справляясь съ ихъ величиной. Въ другомъ мѣстѣ нашарили мѣшки съ изюмомъ: это добро живо расхватали по карманамъ, потому что ячмень, клеверъ, табакъ и изюмъ—предметы первой важности въ солдатскомъ быту; пшеница же и просо валялись безъ призрѣнія, развѣ кто поохотится на мѣшокъ, чтобы выкроить изъ него на досугѣ портянки.

Однако сарты не дремали, и чуть только покажется на улицѣ бѣлая рубаха, посылали нѣсколько пуль, не то и ядро. Эта угроза только потѣшала солдатъ, скрытыхъ навѣсами, откуда вслѣдъ за выстрѣломъ раздавался взрывъ хохота. Въ Ура-тюбе ружья и пушки по ночамъ молчали; здѣсь же по ночамъ разгоралась самая жестокая стрѣльба, особенно къ разсвѣту. Ура-тюбинскіе бѣглецы, вѣрно, разсказали, что «урусъ» именно въ эту пору лѣзетъ на стѣны. Кромѣ того, каждую ночь выходилъ изъ крѣпости отрядъ и съ криками «Аллахъ! Уръ!» бросался на наши пикеты. Однажды проскочило въ горы 10 всадниковъ, при чемъ закололи пиками нашего солдата; другой разъ сарты сдѣлали вылазку, подожгли ближайшія сакли и тотчасъ вернулись. Въ Ура-тюбе ничего подобнаго не было.

15 октября передъ вечеромъ потянулись изъ лагеря арбы, нагруженныя турами и фашинами. Не смотря на огонь изъ крѣ-

пости, арбы подъѣхали саженъ на 200 и свалили все въ одномъ изъ переулковъ. Въ 7 ч. выступили войска и саперы: одна колонна изъ 4-хъ ротъ при 8 орудіяхъ, подъ начальствомъ Михайловскаго—къ ура-тюбинскимъ воротамъ, другая, почти въ такомъ же составѣ, подъ начальствомъ Григорьева—къ Самаркандскимъ воротамъ. Саперы сейчасъ же приступили къ устройству осадныхъ батарей. Штабсъ-капитанъ Зиновьевъ, подыскивая мѣсто для брешъ-батареи, предназначенной для образованія пролома въ стѣнѣ, сообразилъ, какова должна быть высота стѣны. Бухарцы такъ строятъ крѣпости: они выводятъ стѣну примѣрно въ аршинъ, дадутъ высохнуть, потомъ накладываютъ второй пластъ, потомъ третій и такъ до конца. Между пластами всегда образуются промежутки, замѣтные издали. Тутъ оказалось 9 швовъ, значитъ, высота 10 аршинъ—такъ оно дѣйствительно и было.

За заборомъ поставили въ два яруса туры, насыпали ихъ землей, а потомъ пробили въ заборѣ амбразуры (отверстія) и навѣсили сверху деревянные заслоны для защиты отъ пуль, сбоку поставили траверзы (отъ бокового огня); для погребковъ заняли ближайшія сакли. Конечно, такія незамысловатыя батареи противъ европейской крѣпости продержались бы недолго, а сарты даже не замѣтили, какъ провезли по глухимъ переулкамъ орудія, какъ ихъ поставили на мѣста. Ура-тюбинскую батарею сдѣлали нѣсколько лучше, чѣмъ самаркандскую; солдаты прозвали ее «Гостинницей». Она вся была построена изъ туровъ, на довольно высокой площадкѣ, гдѣ росли деревья, а сзади находился большой прудъ; ея фланги (концы) примыкали къ большимъ саклямъ. Зато самаркандская начала палить раньше, съ самаго утра. Поминутно раздавалась команда: «Первое! Второе!» Пушки, разставаясь съ гранатой, отскакивали отъ бруствера, а полупудовыя мортиры (короткія орудія для стрѣльбы навѣсомъ), извѣстныя у солдатъ подъ именемъ «собачекъ», прыгали на мѣстѣ. Непріятельскія ядра съ трескомъ раскалывали на ура-тюбинской батареѣ деревья; на сол-

датъ сыпались листья, щепа; чаще же всего ихъ снаряды пропадали безслѣдно въ турахъ. Наступила ночь. На батареяхъ никто не смыкалъ глазъ, изрѣдка палили вверхъ картечью, чтобы помѣшать сартамъ исправлять обвалъ. Однако обманчивый свѣтъ луны не позволялъ ничего различать: бѣлѣла глиняная стѣна, на ней темнымъ пятномъ обвалъ—и только. Лишь на разсвѣтѣ замѣтили, что обвалъ заваленъ хворостомъ: засѣка стояла наравнѣ съ зубцами крѣпостной стѣны; къ полудню, впрочемъ, она рухнула внизъ, увлекая за собой множество земли.

На слѣдующую ночь предстояло опасное дѣло: измѣрить глубину непріятельскаго рва. На этотъ подвигъ вызвался уланскій поручикъ Кузьминскій. Захвативъ съ собою шнуръ съ навязаннымъ на концѣ камнемъ, Кузьминскій взялъ въ руки револьверъ и въ сопровожденіи унтеръ-офицера Сойнова перелѣзъ въ темную ночь черезъ заборъ. Прошло полчаса тревожнаго ожиданія; всѣ молчали, сознавая ту опасность, какой подвергалъ себя отважный офицеръ. Вотъ наконецъ онъ показался, такой же беззаботный, веселый. Товарищи его окружили. «Девять аршинъ», говоритъ: «спускъ и подъемъ круты, внизу стоитъ караулъ, самъ слышалъ голоса...» Задалъ задачу Алаяръ-ханъ: 9 аршинъ ровъ да 11 брустверъ,—безъ малаго семь саженъ карабкаться вверхъ.

Вотъ и третій день осады. Снарядовъ не жалѣли; огонь сталъ, что называется, жаркимъ. Точно играли въ мячи, обѣ стороны мѣнялись выстрѣлами, не уступая одинъ другому: грохотъ пальбы не умолкалъ, дымъ и пыль густыми облаками укутали батарею. Наши орудія били безъ промаха, какъ рукой снимали одинъ туръ за другимъ; глина струилась потокомъ сверху внизъ, глыбы земли тяжело сползали, ударясь о берму (узкій промежутокъ земли между валомъ и рвомъ). Но и афганцы отличались: наши туры превратили въ рѣшето, площадку на ура-тюбинской батареѣ осыпали такъ густо, что стало трудно бѣгать за зарядами. Особенно досаждала одна пушка: она посылала ядро за ядромъ, которыя, пролетѣвъ надъ

самымъ гребнемъ бруствера, били прямо въ саклю, гдѣ стояли зарядные ящики. Сакля шаталась, столбы разлетались въ щепы, всѣ ждали вотъ-вотъ она рухнетъ. Однако къ полудню огонь сталъ утихать, замолчала и зловредная пушка. На площадкахъ начали появляться предвѣстницы штурма, лѣстницы; стали собираться войска. Лица у солдатъ сдѣлались серьезны; каждый думалъ свою думу, многіе крестились. Вотъ ужъ подняли лѣстницы и, молча, шагая черезъ туры, выходятъ рота за ротой на открытое мѣсто (эспланаду), гдѣ непріятель можетъ сію минуту всѣхъ разстрѣлять. Сарты не ожидали штурма; генералъ разсчиталъ вѣрно, выбравъ для штурма неурочный часъ. Штурмовыя колонны успѣли пройти около 20 с., пока вся стѣна загорѣлась огнями. Живо спустили внизъ лѣстницы, сбѣжали въ ровъ, потомъ стали подниматься. Вонъ храбрый Кузьминскій уже свалился, исколотый пиками, тяжело раненъ юноша Аленичъ... Не выдержали артиллеристы: покинули свои пушки, побѣжали туда же; резервъ, слѣдившій глазами и сердцемъ за товарищами, также припустилъ слѣдомъ за ними. Не прошло и четверти часа, какъ высокія стѣны Джизака покрылись бѣлыми рубахами: канонада сверху прекратилась, и взводъ нарѣзной батареи взялъ съ мѣста рысью, чтобы попасть въ крѣпость. Въ эту минуту около ура-тюбинскихъ воротъ взлетѣло на воздухъ круглое облако дыма, дрогнула земля, пошатнулись стѣны, раздался страшный взрывъ. Причину его такъ и не дознались. Одни говорили, будто сарты нарочно воспламенили порохъ; другіе доказывали, что они на такой подвигъ неспособны, взрывъ произошелъ случайно, когда защитники, спасаясь бѣгствомъ, искали спасенія въ погребѣ, ружья же у нихъ фитильныя... Какъ бы тамъ ни было, а нашихъ 16 чел. пострадало—кого пришибло, кого тяжело ранило.

Бухарцы разсчитывали по-своему: «Если Ура-тюбе урусъ осаждалъ 8 дней, то подъ Джизакомъ просидитъ по крайней мѣрѣ 18 дней». Алаяръ-ханъ донесъ въ Бухару, что сдастъ крѣпость только тогда, когда ея стѣны повалятся на защитни-

ковъ. Онъ, конечно, разсчитывалъ на толщину стѣнъ, почему и распорядился завалить ворота.

Утромъ въ день штурма, около 10 ч., бухарцы сдѣлали даже вылазку противъ коннаго отряда Пистелькорса, производившаго демонстрацію, т.-е. движеніе для отвода глазъ. Послѣ вылазки всѣ беки были собраны на одномъ изъ бастіоновъ совѣщаться, какъ тутъ прибѣгаютъ сказать: «Урусъ перелѣзъ черезъ стѣну!» Тогда они, снявъ сапоги, подобравъ полы халатовъ, побѣжали къ воротамъ, но было уже поздно: ихъ встрѣтила одна изъ нашихъ ротъ...

Въ то время, когда наши войска заняли обвалы, во власти непріятеля оставались лишь одни ташкентскія ворота, или, вѣрнѣе, калитка, такъ какъ ворота были наглухо завалены. Часть солдатъ направилась по валгангу, сбрасывать орудія, другая часть въ цитадель, остальные въ улицу между первой и второй стѣной. Въ этомъ глухомъ корридорѣ очутились запертыми, какъ въ западнѣ, защитники Джизака: положеніе отчаянное! Они обезумѣли отъ страха: подгоняемые пулями и штыками, они, какъ стадо барановъ, бросились къ ташкентскимъ воротамъ—ворота заперты! Около 4 тыс. конныхъ и пѣшихъ топтали, давили другъ друга. Немногіе спаслись черезъ калитку. О какомъ-нибудь сопротивленіи не могло быть и рѣчи: они лишь жалобно вопили: «Аманъ! аманъ!» Болѣе 2 тыс. взято въ плѣнъ, остальные были затоптаны на мѣстѣ. Между убитыми встрѣчалось много одѣтыхъ въ латы и шлемы, съ кожаными щитами богато изукрашенными золотомъ и серебромъ. Попадалось на убитыхъ тонкое бѣлье и лица у нихъ вовсе не азіятскія, скорѣе всего наши главные недруги въ Азіи, англичане. Въ числѣ отобраннаго оружія попадались револьверы, нарѣзныя ружья, добытыя не иначе, какъ отъ тѣхъ же англичанъ.

Въ то время, когда войска уже хозяйничали въ крѣпости, въ тылу нашего лагеря появилась бухарская конница, высланная эмиромъ на подкрѣпленіе гарнизона; за нею въ разстояніи

одного перехода слѣдовали 2 тыс. сарбазовъ съ 18-ю орудіями. Узнавъ о паденіи Джизака, эти войска быстро отретировались.

Густыми веселыми толпами возвращались солдаты въ лагерь. Почти всѣ ѣхали верхами, а многіе, сверхъ того, вели еще въ поводу—кто коня, кто верблюда или ишака, нагруженныхъ разной рухлядью. Одинъ солдатъ несъ ребеночка, взятаго изъ состраданія. Такое богатство какъ здѣсь еще ни разу не попадало въ руки нашихъ солдатъ. Въ числѣ добычи находилось богатѣйшее конское снаряженіе, унизанное сердоликами и бирюзой; бархатные расшитые золотомъ чепраки, туркменскіе кони; старинное украшенное камнями въ золотой или серебряной оправѣ оружіе, латы и шлемы съ золотой насѣчкой, топоры съ серебряными топорищами—это знаки власти; изъ одежды—нарядные кушаки съ серебряными застежками и сумками для патроновъ, собольи халаты, крытые роскошными матеріями, мерлушичьи халаты, бархатные вышитые золотомъ шаровары, такія же тюбетейки съ зашитыми въ нихъ талисманами; наконецъ, цвѣтныя палатки и юрты съ дорогимъ подбоемъ. Самую цѣнную и крупную часть добычи составляли все-таки кони. Ихъ было такъ много, что стрѣлковый батальонъ вернулся въ Ташкентъ въ конномъ строю. Все остальное распродавалось на базарахъ, которые открывались послѣ каждаго штурма. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ мирные жители могли за самыя ничтожныя деньги вернуть большую часть своего добра.

Похоронивъ съ честью убитыхъ, всего 6 человѣкъ, отрядъ генерала Романовскаго вернулся въ Ташкентъ.

НАСТУПЛЕНІЕ ВЪ ДОЛИНУ ЗАРЯВШАНА.

Какъ ни велики были успѣхи русскаго оружія, но бухарскій эмиръ все еще надѣялся возвратить утерянное. Для того, чтобы скрыть свои истинныя намѣренія, а также исподволь готовиться къ новой войнѣ, онъ выслалъ въ Ташкентъ Мусса-бека для переговоровъ о мирѣ. Пока этотъ хитрый старикашка выпутывался и лгалъ напропалую, эмиръ нанялъ къ себѣ на службу 10 т. туркменъ, готовилъ свое собственное войско, а что хуже всего подстрекалъ подвластныхъ намъ сартовъ къ неповиновенію, поджигалъ киргизовъ нападать на казачьи пикеты, отгонять у жителей скотъ, табуны. Такъ въ сентябрѣ (1867 г.) шайка киргизовъ захватила вблизи Чиназа артиллерійскаго поручика Служенко съ тремя канонирами, которыхъ отвезли въ Бухару; здѣсь подъ угрозой смерти заставили ихъ обучать войска, даже принуждали принять магометанство. На письмо полковника Абрамова эмиръ ни слова не отвѣтилъ, какъ будто, онъ его и не получилъ; наши караваны были задержаны, торговля съ ташкен-

томъ прекратилась вовсе. Въ ту пору въ новомъ краѣ совершилось важное событіе. Высочайшею волей всѣ завоеванныя земли получили отдѣльнаго начальника, вполнѣ независимаго, съ званіемъ туркестанскаго генералъ-губернатора: то былъ Константинъ Петровичъ Кауфманъ. Явился онъ въ Туркестанъ не съ тѣмъ, чтобы продолжать завоеванія, а чтобы его умиротворить, пріучить къ русскимъ законамъ и обычаямъ, расширить торговлю, умножить промыслы. Таковы были благія намѣренія новаго генералъ-губернатора, внушенныя ему нашимъ миролюбивымъ монархомъ, въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ Вторымъ. Случилось иначе, и Кауфману, подобно его предшественникамъ, довелось выдержать долгую, подчасъ тяжелую борьбу съ хищными сосѣдями, прежде чѣмъ приняться за успокоеніе края.

Туземцы называли его «ярымъ-паша», что̀ значитъ полуцарь. Какъ и Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, первый губернаторъ Туркестанской области, Кауфманъ, дѣлилъ съ солдатами труды степныхъ походовъ, заботился объ ихъ нуждахъ, жилъ съ ними одною общею жизнью, исполненною тревогъ и лишеній. Оба они грозно и честно держали русское имя въ краѣ, никогда не поступаясь достоинствомъ Россіи. Они не позволяли слишкомъ забываться владѣтельнымъ ханамъ, особенно Черняевъ; Кауфманъ, будучи по природѣ снисходительнѣе, поступалъ съ ними помягче, но въ Азіи иначе понимаютъ снисходительность и великодушіе, свойственныя народамъ образованнымъ: ихъ тамъ принимаютъ за слабость.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ новый генералъ-губернаторъ засталъ уже давно проживающаго здѣсь въ качествѣ посла эмира того же Мусса-бека. Этотъ хитрый старикъ, какъ истый азіятецъ, двоедушничалъ, тайно сносился съ эмиромъ и подговаривалъ нашихъ солдатъ къ нему на службу. Всѣ усилія этого дипломата были направлены къ тому, чтобы затянуть переговоры а главное—скрыть истинныя намѣренія своего повелителя. Послѣдній же, не прекращая враждебныхъ дѣйствій въ видѣ

грабежей и разбоевъ, продолжалъ упорно молчать, не отвѣчая даже на письма. Такъ дѣло стояло болѣе года — ни миръ, ни война; торговля прекратилась, разбои, грабежи, захватъ плѣнныхъ—усилились. Тягостное для обѣихъ сторонъ положеніе разрѣшилось наконецъ въ Бухарѣ, и не въ пользу мира. Надо сказать, что эмиръ давно истощилъ отцовскую казну и, чтобы ее пополнить, сталъ нажимать своихъ бековъ, т.-е. областныхъ правителей; тѣ сдѣлались еще придирчивѣе при сборѣ налоговъ, отъ чего народъ обѣднѣлъ, началъ роптать; купцы, потерпѣвши убытки отъ прекращенія торговли, хотя и молчали, но также были недовольны. Пуще же всѣхъ волновались улемы, а они въ Бухарѣ составляли не маловажную силу, болѣе грозную, чѣмъ даже войско эмира.

Наступалъ праздникъ курбанъ-байрамъ, когда мусульмане, по примѣру праотца Авраама, готовы принести наибольшую жертву. Улемы ждали, что въ эти именно дни будетъ объявлена война, но двоедушный Музафаръ медлилъ, хитрилъ. Тогда на общемъ совѣтѣ улемы возстали открыто и объявили его недостойнымъ занимать престолъ великаго Тамерлана. Эмиръ покинулъ столицу, бросился въ одну сторону, потомъ въ другую— въ надеждѣ, что народъ его поддержитъ; и въ этомъ онъ ошибся: въ попутныхъ городахъ народъ отъ него разбѣгался, на ночлегахъ подбрасывали ему письма, угрожавшія смертью, если онъ не выгонитъ русскихъ. Музафаръ покорился. Онъ собралъ всѣхъ сарбазовъ и торжественно, какъ глава мусульманъ, объявилъ «газаватъ», т.-е. священную войну, когда всякій правовѣрный, способный носить оружіе, долженъ спѣшить подъ зеленое знамя пророка. Ханы коканскій и хивинскій были приглашены также принять участіе въ предстоящей борьбѣ.

Раньше было сказано о составѣ и численности бухарскихъ войскъ. Начальникомъ всей конницы считался бѣглый урядникъ сибирскаго казачьяго войска, въ мусульманствѣ Османъ. Онъ служилъ раньше коканскому хану, командовалъ между прочимъ конницей въ дѣлѣ подъ Иканомъ, гдѣ отличились уральцы; при

взятіи эмиромъ Кокана, Османъ въ числѣ прочихъ защитниковъ подлежалъ казни, но хитрый казакъ умѣлъ полюбиться эмиру, такъ что тотъ назначилъ его бекомъ. Подчиненныя Осману войска отличались нѣкоторымъ порядкомъ и стройностью движеній; обученіе же бухарской пѣхоты не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Когда нашего офицера Служенко заставили сдѣлать смотръ бухарскому войску, то на плацу онъ былъ встрѣченъ однимъ такимъ же плѣннымъ русскимъ солдатомъ.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе, заставьте за себя вѣчно Богу молиться! — умолялъ его шепотомъ плѣнникъ.— Служенко спросилъ, въ чемъ дѣло; солдатъ разсказалъ, что его заставили учить пѣхоту, а онъ, прослуживъ 12 лѣтъ въ артиллеріи, не зналъ никакихъ другихъ командъ, кромѣ употребляемыхъ при орудіяхъ; онъ училъ только «жай!» (отъ команды «заря-жай!»), потомъ: «Первое! Второе!». Конечно, Служенко его не выдалъ, даже расхвалилъ до небесъ. Начальникомъ артиллеріи у бухарцевъ былъ нашъ же бѣглый артиллеристъ, а пѣхотой командовалъ турокъ Ходжа. Лучшею пѣхотой у бухарцевъ считались жители Шахрисябзя, родины Тамерлана—малодоступнаго горнаго уголка въ долинѣ Зарявшана. Шахрисябцы отлично стрѣляли, были храбры, подвижны, но они считались только союзниками, а не подданными эмира.

При всей малочисленности русскихъ войскъ К. П. Кауфманъ предпочелъ рѣшительное наступленіе въ долину Зарявшана, потому что оборона главнѣйшихъ пунктовъ завоеваннаго края нисколько не обезпечивала отъ вторженія азіятскихъ полчищъ и, кромѣ того, служила въ глазахъ непріятеля признакомъ нашей слабости. По понятіямъ азіятцевъ, кто заперся и ждетъ противника, тотъ, значитъ, безсиленъ, чтобы выступить ему навстрѣчу. Въ половинѣ апрѣля 1868 года Кауфманъ двинулъ войска на передовую линію, гдѣ они должны были сосредоточиться въ Яны-Курганѣ, а вслѣдъ за ними выѣхалъ и самъ. На переправѣ черезъ Сыръ-Дарью его встрѣтилъ отрядъ авганцевъ, нанятыхъ эмиромъ для войны съ русскими, но пред-

водитель ихъ, Искандеръ-ханъ, предпочелъ служить Бѣлому Царю. Это былъ красивый мужчина, державшій себя съ большимъ достоинствомъ. Завидѣвъ главнокомандующаго, Искандеръ-ханъ слѣзъ съ своего сѣраго аргамака и почтительно поклонился. Когда генералъ проѣзжалъ вдоль фронта, всѣ авганцы, не шевелясь и приложивъ руки къ своимъ разнокалибернымъ шапкамъ, провожали его глазами. Одѣты они были очень бѣдно: въ бухарскихъ куртках, поверхъ которыхъ висѣли отрепья солдатскихъ шинелей, унизанныхъ русскими и англійскими пуговицами; многіе были вовсе безъ обуви. Главнокомандующій обошелся съ ними очень ласково и приказалъ зачислить желающихъ на службу. Пока отрядъ находился въ движеніи, большая партія бухарцевъ сдѣлала ночное нападеніе на гарнизонъ Джизака, расположенный лагеремъ у входа въ ущелье. По тревогѣ войска живо построились, отбили нападеніе, а 2 сотни уральцевъ съ ракетными станками пустились на разсвѣтѣ въ погоню. Бухарцы бѣжали болѣе 40 верстъ.—Война началась.

Тѣмъ временемъ въ Яны-Курганѣ собрались всѣ войска, назначенныя въ походъ: 21 рота пѣхоты, 16 орудій, 5 сотенъ казаковъ, саперы, авганцы, джигиты для посылокъ, а всего 13½ т., тогда какъ эмиръ располагалъ силами вчетверо большими; но численность непріятеля уже не устрашала туркестанскія войска. Они предпочитали походную жизнь мирнымъ бивакамъ; послѣдніе изводили людей больше чѣмъ самые дальніе переходы, даже встрѣчи съ непріятелемъ. Солдаты и офицеры болѣли отъ непривычной лѣтней жары, отъ непривычныхъ дождей въ остальное время года; батальоны, расположенные на передовыхъ пунктахъ, переболѣли почти поголовно лихорадкой; въ Яны-Курганѣ и Джизакѣ, кромѣ лихорадки, свирѣпствовала и горячка. Такимъ образомъ походы, битвы являлись порой желанной: солдаты весело готовили сухари, нагружали обозъ, приводили въ порядокъ оружіе, обувь, походные мѣшки. Вотъ наконецъ все уложено и прилажено. Наступило утро 30 апрѣля. Войска собрались, помолились и выступили по дорогѣ въ Са-

маркандъ. День выпалъ жаркій, томительный. Сначала шли перевалами, съ одного на другой, а потомъ вышли на ровную степь, гдѣ, кромѣ травы, ничего не росло. На первомъ привалѣ воды не оказалось; только что хотѣли сниматься, какъ дали знать о приближеніи бухарскаго посла. Это былъ знакомый уже мирза Шамсутдинъ, два раза бывавшій въ Ташкентѣ. Главнокомандующій ему обрадовался, потому что надѣялся получить наконецъ мирный договоръ, котораго ждалъ болѣе полугода. Вмѣсто договора мирза вытащилъ письмо отъ эмира, обѣщая, что договоръ будетъ высланъ черезъ два дня. Кауфманъ не принялъ подарковъ и приказалъ ударить подъемъ. Жара усилилась, потъ катился градомъ, но солдаты сразу пошли шибко въ надеждѣ набрести на воду. Въ воздухѣ стояла гробовая тишина, лишь скрипѣли сзади арбы, да и тѣ мало-по-малу далеко отстали. Переночевали у кишлака покинутаго жителями, а на другой день отрядъ вступилъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Начались сплошные сады, между ними поляны съ густою сочною травой; въ тѣни тополей, орѣховъ, яблонь, вишенъ бѣлѣли палатки. Эта часть Туркестана лучше всего сохранила тотъ видъ, какой нѣкогда имѣла вся страна отъ Ташкента до Хивы. Въ каждомъ саду, какъ бы на стражѣ его, стоятъ аисты и отъ времени до времени постукиваютъ своими длинными клювами. Хивинцы говорятъ въ насмѣшку, что это постукиваніе замѣняетъ бухарцамъ пѣніе соловья. Одинъ изъ кишлаковъ Міанкальской долины носитъ названіе «Урусъ» въ память бѣглыхъ московскихъ людей, переселившихся сюда лѣтъ 200 или 300 тому назадъ; но однажды случилось наводненіе или какая-то другая бѣда: несчастныхъ переселенцевъ заподозрили въ томъ, что они продолжаютъ молиться христіанскому Богу и что бѣда пришла отъ этого: ихъ перерѣзали всѣхъ до единаго.

— Что это?—спросилъ главнокомандующій, завидѣвъ въ садахъ пѣшихъ сарбазовъ и конныя толпы бухарцевъ со значками.

— Не знаю,—отвѣчалъ Мирза Шамсутдинъ, еще недавно увѣрявшій, что въ Самаркандѣ нѣтъ никакихъ войскъ.

Онъ просилъ позволенія выѣхать впередъ, узнать въ чемъ дѣло. Скоро вмѣсто него явился новый посланный, Нажмутдинъ-ходжа, въ бѣлой чалмѣ, въ богатомъ атласномъ халатѣ. Онъ подалъ договоръ за подписью и печатью эмира. Когда стали разбирать бумагу, оказалось, что она написана частью на персидскомъ, частью на арабскомъ языкѣ, котораго никто изъ переводчиковъ не зналъ. Однако все-таки можно было понять, что эмиръ измѣнилъ условія высланнаго ему договора въ свою пользу; считалъ ли онъ себя еще достаточно сильнымъ, или просто хотѣлъ протянуть время—осталось неизвѣстнымъ.

Отрядъ снова двинулся ускореннымъ шагомъ, торопясь выйти изъ садовъ, гдѣ высокіе заборы имѣли необходимыя приспособленія для упорной обороны. Кауфманъ поспѣшилъ къ авангарду, за нимъ ѣхалъ Нажмутдинъ.

— А это что еще значитъ?—спросилъ у него генералъ, указывая на высоты, покрытыя пѣхотой, конницей и артиллеріей.

— Народъ и войска вышли встрѣчать васъ,—спокойно отвѣчалъ азіятецъ.

Мѣстность открывалась для насъ самая невыгодная: песчаная или каменистая долина, вся изрытая рукавами Зарявшана, то мелкими, то глубокими, съ быстрымъ теченіемъ; дальше разстилались топкія рисовыя поля, прикрытыя съ лѣвой стороны густыми рядами деревьевъ. За р. Зарявшаномъ подымались высоты, частью пологія, частью крутыя, съ откосными обрывами. Около 20 непріятельскихъ орудій стояли въ центрѣ позиціи, на большой самаркандской дорогѣ; еще 2 батареи по шести орудій—на двухъ боковыхъ путяхъ. Пѣхота занимала длиннымъ тонкимъ строемъ подошвы высотъ; конница же почему-то скопилась на высотахъ, вершина которыхъ пестрѣла множествомъ палатокъ, обставленныхъ бунчуками и разноцвѣтными значками.

Бухарцы были увѣрены въ неприступности своей позиціи; только одинъ изъ дервишей, сомнѣваясь въ этомъ, заранѣе пред-

сказалъ, что войско будетъ побито. Ката-тюря, старшій сынъ эмира, приказалъ отрубить ему голову.

Миролюбивый генералъ все еще надѣялся, что бухарцы очистятъ высоты. Два раза ѣздилъ туда посолъ эмира, о чемъ-то переговаривался, снова возвращался, а войска непріятеля тѣмъ временемъ передвигались, передовая линія пѣхоты усиливалась толпами конницы. Прошло 3 часа, томительныхъ, долгихъ, подъ палящими лучами солнца. Наконецъ бухарцы открыли огонь, и довольно мѣткій: снаряды перелетали черезъ головы главнокомандующаго и его свиты. Еще прождали съ четверть часа, пока Кауфманъ произнесъ: «Съ Богомъ!» Такъ началось сраженіе, извѣстное подъ именемъ боя на Самаркандскихъ или Чапанатинскихъ высотахъ. Шесть ротъ 1-й линіи шибко пошли на высоты; въ промежуткахъ двигалось 8 орудій; сзади поспѣшали резервы. Абрамовъ велъ свои роты на правый флангъ непріятеля, а Головачовъ съ ротами 9-го, 3-го и стрѣлковаго батальоновъ пошелъ на центръ. Тутъ пролегали ближайшіе пути къ Самарканду. Солдаты перешли одинъ рукавъ Зарявшана по грудь въ водѣ, потомъ зашлепали въ грязи, еще дальше—стали вязнуть въ тинѣ; ноги разъѣзжались въ стороны, многіе падали, снова подымались и все шли да шли; миновали рисовыя поля, опять—арыкъ: поправили сумки, подтянули ихъ къ самой шеѣ, чтобъ не замокли, и снова погрузились въ воду. Всякій, кто выбирался на берегъ, прежде всего ложился на спину и болталъ ногами, пока не отольетъ воду; вскочивъ, снова бѣгутъ, спѣшатъ дорваться до высотъ. Цѣпь уже почти бѣжитъ. Вотъ ядро шлепнуло передъ 4-й ротой.

— Ишь, какъ его прòклятаго вдарило!» обозлился солдатъ. Рота пошла еще шибче; народъ входилъ въ азартъ. Это были люди, шедшіе продавать свою жизнь за очень высокую цѣну: на каждаго бойца приходилось не менѣе полсотни враговъ.

— Пушки бросаютъ, братцы! Смотри: вонъ пушки бросаютъ!—крикнулъ молодой охотникъ.

Всѣ взглянули вверхъ.

— Ура, ура!—раздалось изъ всѣхъ грудей, и ужъ тутъ никакая сила не могла остановить этотъ неудержимый порывъ.

Регистанъ въ Самаркандѣ.

Рота 9-го батальона, съ Назаровымъ во главѣ, захватила всѣ 20 орудій центра.

— Смотри, братцы,—кричали солдаты,—вся снасть у нихъ тутъ: тоже вонъ и заряды, и пальникъ, и банникъ—ну, орда дурацкая!..

Въ то же время Абрамовъ поднимался на высоты праваго фланга. Непріятель, изумленный быстротою наступленія, поспѣшно отошелъ, и только конныя толпы, замѣтивъ оставленный передъ садами обозъ, кидались на него со своимъ обычнымъ крикомъ: «уръ! уръ!» Удивительное зрѣлище представляла эта горсточка, составлявшая прикрытіе, окруженная тучей конницы: она по временамъ останавливалась, дѣлала залпъ и снова двигалась, пока разсѣянный непріятель не свернется въ кучу, чтобы нанести новый ударъ. Въ началѣ 6-го часа наши войска, кромѣ нѣсколькихъ пушекъ, были на высотахъ; послѣдніе выстрѣлы смолкли, и только внизу, въ арыкахъ, бились увязшія лошади. Охваченный съ фланговъ, при дружномъ наступленіи противъ центра, непріятель покинулъ свои позиціи и бѣжалъ безъ оглядки. На протяженіи $2^1/_2$ верстъ валялись ружья, сабли, чалмы, куртки; на лѣвомъ флангѣ было покинуто до 30 палатокъ, съ подушками, коврами, самоварами, кальяномъ и разными сластями: видно, беки надѣялись долго здѣсь держаться. Послѣ мы узнали, что они хотѣли затопить всю эту долину, да плотина не была готова.

Побѣдители, добравшись до высотъ послѣ такого мучительнаго перехода, неспособны были къ преслѣдованію. Усталые, голодные и до нитки мокрые, они молча падали на сырую землю, не произнося ни единаго слова. Такъ прошло съ полчаса, многіе уже заснули сномъ богатырей, какъ вдругъ среди гробовой тишины раздался восторженный крикъ: «Вода, вода! Воду нашелъ!» Вся эта колонна мигомъ воспрянула и ударила бѣгомъ къ ручейку, протекавшему подъ самымъ городомъ: вода оказалась чистою, свѣжею, прохладною. Утоливши мучительную жажду, солдаты, уже подъ смѣхъ и говоръ, разбрелись по сосѣднимъ саклямъ, гдѣ многіе нашли лепешки, сухой урюкъ и изюмъ.

Всѣ были увѣрены, что непріятель отступилъ для защиты священнаго города. Каково же было удивленіе, когда на другой

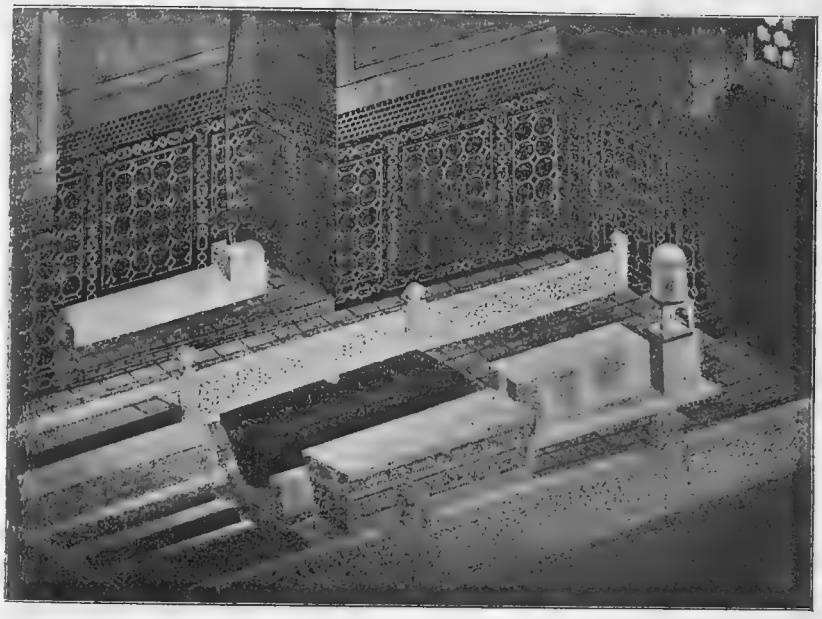
Мечеть Тамерлана.

день, еще на разсвѣтѣ, явились къ генералу старшины и объ-

явили, что они, настрадавшись отъ своеволія бековъ, отъ жестокости эмира, теперь съ радостью ждутъ русскихъ, какъ своихъ избавителей; улемы прибавили, что они будутъ молить Бога о дарованіи побѣды и славы русскому оружію, о дарованіи здоровія и благополучія Бѣлому Царю, если онъ не откажется принять ихъ подъ свою могущественную державу. Старшины пояснили, что они наканунѣ затворили ворота передъ своимъ войскомъ. Часа черезъ два явились новые аксакалы съ просьбой занять городъ поскорѣе, потому что на выручку Самарканда приближается 20 т. шахрисябцевъ. Тогда ударили тревогу: войска въ одинъ мигъ поднялись, устроились и пошли. Пройдя версты $1^1/_2$ по скатамъ высотъ, авангардъ втянулся въ сады между высокихъ стѣнъ, за которыми могла бы помѣститься вся вчерашняя армія. Вотъ еще прошли небольшую поляну, и наконецъ открылся священный городъ, нѣкогда столица великаго Тамерлана. Правда, онъ обѣднѣлъ, въ немъ не болѣе 20 т. жителей, но въ глазахъ азіятцевъ онъ все такъ же великъ своими воспоминаніями и продолжаетъ съ гордостью носить громкое названіе «Головы ислама», въ то время какъ Мекка величается его «Сердцемъ».

Самаркандъ со временъ Александра Македонскаго считается «вторымъ благочестивымъ мѣстомъ, сотвореннымъ по слову Ормузда». Прежде онъ назывался просто Маркандомъ, испыталъ много превратностей, пережилъ счастливыя времена, зналъ и тяжкія невзгоды. Подъ владычествомъ арабовъ онъ слылъ «убѣжищемъ мира и науки». Противъ полчищъ Чингисъ-хана Самаркандъ выставилъ грозную силу, въ рядахъ которой насчитывалось болѣе ста тысячъ. Она не спасла его отъ страшнаго погрома. Но мало-по-малу городъ поправился, а черезъ два вѣка сталъ столицей громадной имперіи Тамерлана, или Тимура, какъ его еще называютъ. Къ этой эпохѣ относятся его лучшіе памятники, равно какъ и лучшія воспоминанія. Нѣтъ нигдѣ въ мірѣ столь величественныхъ и богатыхъ по архитектурѣ медрессе (школы), какъ самаркандскія. Всѣ они имѣютъ впереди

стрѣльчатый портикъ, высоко поднимающійся надъ бѣдными низенькими домиками, скучившимися подъ его громадною тѣнью. Это предверіе обрамлено двумя такими же высокими столбами и испещрено самыми затѣйливыми узорами, наподобіе лучшихъ персидскихъ ковровъ. Иногда среди роскошной мозаики красуется изображеніе персидскаго льва, что служитъ указаніемъ, откуда были зодчіе. Въ темной глубинѣ стрѣльчатой паперти неясно



Гробница Тамерлана.

видны другіе узоры изъ фарфора. Надъ ковчегами мечетей и медрессе высоко поднимаются круглыя башни, нѣкогда увѣнчанныя пузатыми куполами, теперь поврежденными всеразрушающимъ временемъ. Главная площадь города — «Ригистанъ», всегда оживленная толпой гуляющихъ и ходячими торговцами, обставлена съ трехъ сторонъ самыми красивыми изъ самаркандскихъ медрессе: «Ширъ-даръ» (боги львы), «Тилла-кари» (одѣтая въ золото) и медрессе Уллубега, прославленное въ XV вѣкѣ,

какъ школа математики и астрономіи. Самая великолѣпная въ Средней Азіи мечеть носитъ названіе одного изъ защитниковъ ислама, шейха Зиндеха, погребеннаго тутъ же, подъ однимъ изъ камней. По преданію, онъ долженъ когда-нибудь подняться, чтобы покорить весь міръ вѣрѣ пророка. Самъ Тамерланъ похороненъ въ склепѣ мечети «Гуръ-эмиръ», построенной на холмѣ и увѣнчанной куполомъ рѣдкой красоты. Богомольцы Средней Азіи стекаются сюда толпами, чтобы облобызать нагрудникъ «владыки міра». Подъ голубымъ сводомъ часовни покрытымъ позолотой, лежитъ надгробіе изъ зеленоватаго камня; день и ночь читаетъ надъ нимъ мулла святую книгу. Со стороны обращенной къ Меккѣ, утверждено древко боевого знамени Тамерлана съ привязаннымъ къ нему конскимъ хвостомъ. Оно напоминаетъ могущество этого человѣка, на котораго устрашенные народы взирали, какъ на Бога. Возлѣ зеленаго камня лежитъ другой, черный: это могила наставника Тимура. Таково было его завѣщаніе—лежать рядомъ со своимъ учителемъ. Въ цитадели, которая заключаетъ въ себѣ цѣлый кварталъ, также есть мечети, древнія могилы и дворецъ бухарскаго эмира. Одинъ изъ его дворовъ, обнесенный прохладною галлереей, носитъ названіе тронной залы Тамерлана. Въ глубинѣ двора лежитъ громадный сѣроватый камень — «кокъ-ташъ», на которомъ стоялъ тронъ. Обыкновенно, одинъ изъ знатныхъ рабовъ подставлялъ спину, вмѣсто ступени, чтобы монархъ, ступая по ней, могъ занять свое мѣсто на тронѣ. Здѣсь, у подножія этого трона, падали ницъ властители Европы и Азіи. А теперь, по прошествіи 400 лѣтъ, полувзводъ стрѣлковъ, взобравшихся на ворота шейхъ-зиндехе, кричалъ русскому главнокомандующему «ура». По обѣ стороны воротъ стояли аксакалы; они пали на землю и просили принять хлѣбъ-соль. По всему пути черезъ базаръ до цитадели толпились самаркандцы, старъ и младъ, встрѣчая русскихъ дружными привѣтствіями: «Аманъ! Аманъ!» Цитадель оказалась пустою; дворецъ эмира былъ обобранъ дочиста. Здѣсь расположился главнокомандующій, а войска—частью

за цитаделью, по бухарской дорогѣ, частью въ самой цитадели. Побѣдители вели себя безпримѣрно: ни одна лавчонка не была тронута, не смотря на голодъ и удручающую жажду. Два дня они ничего не ѣли. Только къ вечеру былъ доставленъ по наряду скотъ, и на дворѣ Тамерлана закипѣла въ котлахъ солдатская похлебка.

По водвореніи русскихъ ежедневно прибывали окрестные жители съ дарами и изъявленіемъ покорности. Каждая депутація предлагала корову, корзину яицъ, кусокъ соли, лепешки. Главнокомандующій отдаривалъ ихъ халатами—шелковыми или бархатными, смотря по достоинству; болѣе почтенные аксакалы города получили на память серебряныя медали. Населеніе возвращалось изъ садовъ, гдѣ оно раньше скрывалось; возлѣ лагеря открылся базаръ, въ городскихъ лавкахъ началась торговля. Все пошло своимъ порядкомъ; по наружности довѣріе къ намъ было полное. Особенно дружелюбно встрѣчали нашихъ солдатъ евреи, и солдаты относились къ нимъ, какъ къ старымъ знакомымъ. При встрѣчѣ съ евреемъ солдатъ, взявши его за поясъ, спрашивалъ: «Что же ты не снимешь веревки, не надѣнешь халата? Теперь это можно». И еврей, которому раньше здѣсь не дозволялось носить иного пояса, умилялся отъ восторга, чувствовалъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе.

Однако не всѣ окрестные городки прислали своихъ аксакаловъ съ изъявленіемъ покорности. Верстахъ въ 30 на юго-востокъ отъ Самарканда пріютился въ тѣни чинаръ, на берегу прозрачнаго ручья, городокъ Ургутъ. Его крѣпкая цитадель, расположенная у подножія горы, состояла изъ трехъ стѣнъ, одна выше другой. При помощи этой цитадели беки всегда отбивались отъ войскъ эмира, почему привыкли себя считать полунезависимыми. Такъ же думалъ и Гуссейнъ-бекъ, не приславшій аксакаловъ. Для занятія Ургута былъ высланъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Абрамова. Сверхъ всякаго чаянія войска встрѣтили столь мужественную защиту, что овладѣли городомъ лишь послѣ упорнаго и продолжительнаго боя.

Скрытые въ садахъ сарбазы поражали нашихъ выстрѣлами съ фланговъ въ то время, когда они штурмовали одинъ за другимъ пересѣкавшіе путь завалы, гдѣ засѣвшіе сарбазы отчаянно защищались. Пѣхота брала завалы съ фронта; уральцы, подъ начальствомъ есаула Хорошхина, бросались на нихъ сзади или сбоку. Только по вступленіи въ городъ защита какъ будто ослабѣла, цитадель же была занята безъ сопротивленія. Разрушивши казармы, стѣны и все, что могло намъ впослѣдствіи повредить, отрядъ Абрамова возвратился въ Самаркандъ. Черезъ два дня явились аксакалы: Ургутъ смирился, Гуссейнъ-бекъ бѣжалъ въ Шахрисябзь.

Съ Абрамовымъ противъ Ургута ходило всего 6 ротъ и 2 сотни казаковъ. Но нужно было занять еще Каты-Курганъ, которымъ мы могли прикрыть со стороны Бухары передавшихся намъ жителей Міанкальской долины; туда выступилъ болѣе сильный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Головачова: $13^1/_2$ ротъ, 3 сотни казаковъ и 12 орудій. Аксакалы всѣхъ попутныхъ селеній выходили на дорогу съ хлѣбомъ-солью; явились аксакалы и каты-курганскіе. Они объявили, что Омаръ-бекъ, главный разбойникъ, высылавшій свои шайки для грабежа нашихъ владѣній, ушелъ въ Кермине. Дѣйствительно, въ Каты-Курганѣ было настолько тихо, спокойно, что Головачовъ размѣстился съ частью отряда въ прекрасномъ саду эмира, куда и сходились къ нему всѣ старшины на поклонъ.

Однако на повѣрку вышло, что сдача Каты-Кургана была дѣломъ тонкаго разсчета, въ надеждѣ ввести насъ въ заблужденіе, разъединить наши силы и истребить ихъ порознь. Добродушнымъ русскимъ людямъ приходилось извѣдать на опытѣ коварство азіятской политики и горько поплатиться за свою довѣрчивость.

Совершенно того не замѣчая, мы очутились среди многочисленнаго и лукаваго населенія, гдѣ всѣ лгали, всѣ насъ обманывали: самъ эмиръ, его беки, муллы; лгали и аксакалы, которые, смиренно кланяясь, приносили поздравленія, выражали

добрыя пожеланія. Нашъ отрядъ въ долинѣ Зарявшана былъ слишкомъ малъ, чтобъ идти на столицу и покончить войну разомъ; мы старались удержать лишь то, что уже занято, а это, по понятіямъ туземцевъ, служило признакомъ слабости. Образъ грознаго Тамерлана, сносившаго города и истреблявшаго народы, былъ живъ въ памяти: вотъ онъ, дѣйствительно, составлялъ силу, передъ которою слѣдовало преклоняться, а «урусъ» ничего не жжетъ, миролюбивъ да къ тому же малосиленъ... На нашу бѣду солдаты стали хворать; всѣ лазареты были переполнены больными, особенно въ отрядѣ Головачева; каждый день заболѣвало по 40 — 50 человѣкъ. А тутъ со всѣхъ сторонъ стали доходить тревожныя вѣсти: за Каты-Курганомъ скопляются войска эмира, ближе къ Самарканду—шахрисябцы. У нашихъ враговъ назрѣвалъ злой умыселъ, тайну котораго мы провѣдали нѣсколько позже. Экспедиція Абрамова ускорила развязку.

Въ концѣ мая Абрамовъ выступилъ противъ шахрисябцевъ, горнаго племени, отличавшагося своею воинственностію и храбростью. Верстахъ въ 25 за Самаркандомъ казаки, ѣхавшіе далеко впереди авангарда, неожиданно подверглись нападенію конницы, выскочившей изъ ущелья; съ фланговъ открыла пальбу пѣхота, засѣвшая за камни. Пистелькорсъ спѣшилъ казаковъ и успѣшно отбивался, пока не подбѣжала наша рота. Непріятель скрылся въ горы, а Абрамовъ повернулъ назадъ. Между прочимъ Баба-бій, начальствовавшій въ этомъ нападеніи, выслалъ въ ту же ночь толпу конницы въ Самаркандъ съ извѣстіемъ, что Абрамовъ разбитъ. Часть городскихъ жителей тотчасъ вооружилась, мостъ былъ разрушенъ, сады заняты стрѣлками, а дорога—баррикадами. Абрамовъ вступалъ въ городъ уже боемъ, при чемъ имѣлъ 8 раненыхъ; около 200 непріятельскихъ труповъ осталось въ садахъ. Въ это время всѣ лавки въ городѣ были заперты, появились шайки грабителей, жители скрылись. Собрали аксакаловъ и муллъ. Когда генералъ упрекалъ ихъ съ гнѣвомъ въ измѣнѣ, въ неблагодарности, аксакалы прикинулись,

что ничего не знаютъ, и свалили всю вину на конныя шайки Баба-бія. Въ тотъ же день было получено донесеніе отъ Головачова, что наканунѣ около 20 тысячъ конныхъ бухарцевъ окружили нашъ лагерь передъ Каты-Курганомъ и что наши едва отбились отъ нихъ пушками, при чемъ разстрѣляли всѣ заряды. Требовалась помощь изъ Самарканда, тѣмъ болѣе необходимая, что надо было ожидать новыхъ нападеній: бухарская пѣхота опоздала только по случаю жары.

Оставивъ въ самаркандской цитадели четыре роты 6-го линейнаго батальона, 95 саперъ, 25 казаковъ и 8 орудій, считая въ томъ числѣ 4 бухарскихъ пушки, главнокомандующій со всѣми остальными войсками поспѣшилъ въ Каты-Курганъ. Войска прошли 65 верстъ въ однѣ сутки. На этотъ разъ всѣ кишлаки были пусты, ни одинъ аксакалъ не выѣхалъ навстрѣчу; жители Каты-Кургана перешли къ непріятелю; продажа провіанта и фруктовъ прекратилась. Въ отрядѣ Головачова уже знали, что главныя силы бухарцевъ скопились по пути въ Бухару, на Зерабулакскихъ высотахъ. Сутки отдыхали, пекли сухари, запасались патронами. Въ ночь на 2-е іюня Кауфманъ объѣзжалъ ряды солдатъ.

— Поздравляю васъ, молодцы, еще съ одной побѣдой, которая васъ завтра ожидаетъ. Она будетъ непремѣнно за вами, если вы не забыли еще, какъ слѣдуетъ бить азіятцевъ.

Это краткое привѣтствіе, выражавшее надежду и довѣріе, понравилось солдатамъ: оно подбодрило ихъ. Среди глубокой тишины раздался мѣрный топотъ шаговъ: то пошелъ Пистелькорсъ съ авангардомъ; за нимъ двинулся Абрамовъ съ главными силами, сзади заскрипѣли двухколесныя арбы обоза. Всего въ отрядѣ находилось 1.700 чел. пѣхоты, 300 казаковъ, 14 орудій, 6 ракетныхъ станковъ. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался впередъ, обозначались конныя партіи все больше и чаще; наконецъ вся степь ими покрылась, воздухъ дрожалъ отъ оглушительныхъ криковъ. Въ $3^1/_2$ часа бухарскіе джигиты съ крикомъ: «Олынгъ! Олынгъ!» стали кидаться на обозъ; рота

разсыпанныхъ стрѣлковъ едва могла ихъ удерживать на разстояніи выстрѣла. На 12-й верстѣ еще до восхода солнца открылась вся непріятельская армія, расположенная на Зерабулакскихъ высотахъ, длиною до пяти верстъ. На гребнѣ стояли 14 пушекъ; пониже, вдоль середины покатости, длинною красною лентой растянулось до восьми тысячъ сарбазовъ; наконецъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно на правомъ флангѣ, толпы конницы съ бунчуками и значками. Такова была позиція непріятеля, сходная съ позиціей самаркандскою; только здѣсь, вправо отъ насъ, протекалъ Нурнай. И начальствовали тѣ же полководцы: Османъ и Ходжи. Наканунѣ боя войскамъ эмира прочли его посланіе: «Мы, потомки Тамерлана, покажемъ, какъ забирать наши земли! Покажите, какъ мусульмане бьются за вѣру и отечество. На полѣ битвы будетъ воздвигнутъ памятникъ въ честь павшихъ героевъ. Мусульмане! Дарю вамъ въ награду 125 тысячъ тилей, которыя отъ меня требуетъ туркестанскій генералъ-губернаторъ. Я надѣюсь, что вы, мои войска, сотрете грязное пятно, которое носятъ на своихъ халатахъ самаркандцы».

Предстоящая битва должна была разрѣшить почти трехвѣковой споръ, завѣщанный еще Петромъ Великимъ. Отъ того или иного ея исхода зависѣла будущность Средней Азіи — коснѣть ли ей попрежнему въ полурабствѣ и невѣжествѣ, или познать блага лучшей жизни подъ охраной русской власти и русскихъ законовъ.

Погода стояла прекрасная; прохладный вѣтерокъ освѣжалъ усталые члены; жаворонки, взвиваясь, запѣвали свои обычныя пѣсни; нѣжный ароматъ цвѣтовъ и травъ ласкалъ обоняніе. Войска тихо перестроились, сигнальный рожокъ отчетливо проигралъ «наступленіе», барабаны ударили бой къ атакѣ, и въ то же время по всей непріятельской линіи загремѣла канонада. Было 4 часа утра. Пистелькорсъ, построивши свой авангардъ въ двѣ колонны, съ орудіями въ промежуткѣ, и прикрывшись стрѣлками, двинулся вправо, противъ лѣваго фланга. Солдаты

шли молча, не обращая вниманія на шальныя пули сарбазовъ. Вотъ они все ближе и ближе; уже ясно видны ихъ черныя бороды и блѣдныя лица. Вынеслись казаки, выскакали въ карьеръ всѣ четыре орудія. «Стой! съ перед-ковъ!» скомандовалъ офицеръ.—«Подать картофель!» кричитъ шутникъ-фейерверкеръ. Картечь брызнула въ лицо сарбазамъ; казаки тоже дали залпъ. Въ отвѣтъ заиграли трубы: бухарцы сами хотятъ впередъ, помѣриться въ открытую. Такъ ихъ училъ Ходжа. Но подоспѣла наша пѣхота: одинъ залпъ, другой, третій... А картечь, помимо того, звенитъ, не умолкая: 34 картечныхъ выстрѣла въ какихъ-нибудь четверть часа! Въ эту минуту взошло солнце, освѣщая золотистыми лучами картину разгоравшагося боя.

Сарбазы, съ приподнятыми ружьями, вдругъ остановились: они точно одеревенѣли. Снова заиграли у нихъ трубы, тщетно призывая къ наступленію, раздались удары палокъ — сарбазы ни съ мѣста. Такъ прошло нѣсколько секундъ всеобщей паники,— и сразу весь лѣвый флангъ повернулъ спины. Ждавшіе этого момента авганцы и казаки ринулись въ погоню; но когда картечь перестала дѣйствовать, сарбазы, ко всеобщему удивленію, снова построились и начали отступать по всѣмъ правиламъ забытой было ими тактики: они отстрѣливались и отражали удары казацкихъ шашекъ своимъ разнокалибернымъ оружіемъ. Вся лощина, по которой они отступали, покрылась кучами труповъ. Въ это время конницу вернули назадъ, внизъ, съ приказаніемъ занять каменный мостъ черезъ Нурпай. Тутъ, изъ высокаго хлѣба, выскочила толпа узбековъ, вооруженныхъ дубьемъ. Это было такъ неожиданно, что казаки осадили лошадей; зато авганцы, издавъ пронзительный гикъ, бросились съ быстротой молніи и перерубили всѣхъ до одного: мостъ, единственный черезъ Нурпай, былъ занятъ.

По первымъ выстрѣламъ казачьихъ орудій Абрамовъ двинулъ головныя силы противъ непріятельскаго центра и праваго фланга. 4-й батальонъ, съ офицерами впереди, шелъ быстро, но не засталъ уже на высотахъ бухарцевъ. Османъ и Ходжи, зави-

дѣвъ пораженіе своего лѣваго фланга, сняли съ позиціи артиллерію и стали отступать. Но 5-й батальонъ, съ маіоромъ Гриппенбергомъ, бросился въ штыки лѣвѣе; тутъ онъ былъ окруженъ бухарцами. Сарбазы праваго фланга атаковали его сами, конница ударила въ тылъ. Пораженіе этой горсти, состоявшей всего изъ 280 чел., казалось неизбѣжнымъ: ее могли задавить, растоптать; наша артиллерія была безсильна ей помочь. Но вотъ батальонъ напрягаетъ послѣднія силы, какія можетъ только придать отчаяніе, бросается отважно въ штыки—и разгоняетъ сарбазовъ. Подбѣжавшая рота авганцевъ, уже вмѣстѣ съ мужественнымъ батальономъ, стремительно переходитъ въ наступленіе; они входятъ въ такой азартъ, что главнокомандующій долженъ былъ послать имъ приказаніе остановиться.

Сарбазы стали скрываться въ горы; отдѣльныя толпы конницы уходили по разнымъ дорогамъ. Къ 10 час. непріятеля уже нигдѣ не было: часть его направилась въ Кермине, остальные разбѣжались по домамъ. Это была полная побѣда, разгромъ всей непріятельской арміи, исчезнувшей на разстояніи ста верстъ кругомъ,—такъ донесли на другой день наши разъѣзды, разосланные по всѣмъ направленіямъ. Путь къ столицѣ былъ совершенно открытъ; эмиръ съ трепетомъ ждалъ своей участи: у него осталось всего 200 чел. конвоя. На полѣ побѣды, среди ея многочисленныхъ трофеевъ, войскамъ прочли приказъ главнокомандующаго: «Благодарю храбрыя войска за славное дѣло 2-го іюня на Зерабулакскихъ высотахъ. Непріятель будетъ помнить этотъ день и свою громадную потерю. Спасибо вамъ, молодецкія войска!»

Отсюда Кауфманъ могъ идти прямо на столицу, плѣнить эмира, покончить войну однимъ ударомъ, но, обладая прозорливостью полководца, онъ этого не сдѣлалъ, не пошелъ впередъ, гдѣ все сулило ему легкій успѣхъ, а повернулъ назадъ — съ тѣмъ, чтобы обезпечить тылъ своихъ войскъ и укрѣпить русскую власть среди новыхъ подданныхъ. Этимъ движеніемъ онъ спасъ не только то, что пріобрѣлъ самъ въ долинѣ За-

рявшана, а всѣ завоеванія своихъ предшественниковъ, начиная съ 1863 г.

Войска возвратились въ Каты-Курганъ, гдѣ радость побѣды была омрачена тревожными извѣстіями изъ Самарканда. Опять пришлось торопиться, спѣшить на выручку. Опять встрѣчались тѣ же зловѣщіе признаки: кишлаки были пусты, въ садахъ бродили вооруженныя шайки, которыя, завидя русскихъ, поспѣшно скрывались. Наконецъ по пути было получено извѣстіе отъ маіора Штемпеля, оставленнаго за коменданта, что цитадель Самарканда доживаетъ послѣдніе часы. Заныла грудь отъ жгучей боли, охватившей отзывчивое сердце русскаго солдата: онъ понялъ, какая страшная опасность грозитъ его покинутымъ товарищамъ! Войска ускорили шагъ...

ОБОРОНА САМАРКАНДА И УСМИРЕНІЕ ШАХРИСЯБЗЯ.

Во главѣ заговора, обширнаго и опаснаго для русскихъ, стали шахрисябскіе беки Джура-бій и Баба-бій, оба рѣшительные и храбрые. По ихъ плану бухарскія войска отнюдь не должны были принимать боя, а, отступая внутрь страны, завлекать русскихъ все дальше и дальше, пока шахрисябцы при помощи городскихъ жителей не овладѣютъ Самаркандомъ. Въ заговорѣ участвовалъ и ханъ коканскій, котораго обязали выставить значительныя силы на правый берегъ Сыръ-Дарьи, чтобы въ случаѣ успѣха итти прямо къ Ташкенту, гдѣ вырѣзать все русское населеніе. Такимъ образомъ беки задались мыслію не только очищенія долины Зарявшана, но полнаго изгнанія русскихъ изъ предѣловъ Туркестанскаго края. Нашими друзьями остались лишь евреи; все же мусульманское населеніе долины превратилось въ явныхъ или тайныхъ враговъ, возмечтавшихъ о скоромъ освобожденіи священнаго города. Они вели свое дѣло осторожно, съ тонкимъ расчетомъ; повидимому, все обѣщало имъ полный успѣхъ. Къ счастью, хорошо

задуманные замыслы потерпѣли крушеніе: ничтожный по численности гарнизонъ Самарканда оказалъ героическую стойкость, бухарцы приняли битву на Зерабулакскихъ высотахъ, наконецъ предусмотрительный главнокомандующій повернулъ послѣ побѣды назадъ на выручку Самарканда. — Самаркандская цитадель, въ которой былъ сосредоточенъ нашъ гарнизонъ, имѣла фигуру неправильнаго многоугольника, около версты длиною и триста саженъ поперекъ; вся ея площадь была сплошь занята казармами, саклями, нѣсколькими мечетями, кладбищемъ и дворцомъ эмира, съ его знаменитою тронною залой Тамерлана. Въ случаѣ опасности защитой самаркандской цитадели могла служить только солдатская грудь, потому что ветхая, простоявшая цѣлые вѣка безъ ремонта и сложенная изъ глины стѣна, отъ 3 до 6 саж. высотой, давно осыпалась, мѣстами обвалилась. Вмѣсто рва цитадель была окружена глубокимъ оврагомъ, но не всегда вплотную; одною своею стѣной она примыкала къ садамъ, а двумя другими къ городу; ворота, какъ бухарскія, такъ и самаркандскія, открывались прямо въ улицы, почему и нельзя было изъ цитадели обстрѣливать прилежащую мѣстность. Гдѣ только было возможно, подъ самой стѣной лѣпились городскія сакли, которыя безъ труда могли быть обращены въ галлереи, удобныя для пробиванія стѣнъ, а крыши этихъ саклей позволяли легко взбираться наверхъ. Въ добавокъ ко всему, цитадель стояла на бугрѣ, что давало возможность совершенно безнаказанно обстрѣливать ея внутренность съ городскихъ мечетей, медрессе и вообще высокихъ зданій, откуда она открывалась вся, какъ на ладони. Наши успѣли только насыпать 2 барбета возлѣ кладбища, что у самаркандскихъ воротъ, да обрыть часть осыпавшагося оврага, чѣмъ и кончились приспособленія для обороны.

Нашему самаркандскому гарнизону, всего то въ 558 человѣкъ — кромѣ казаковъ, саперъ и артиллеристовъ — надо было защищать окружность стѣны въ $2^1/_2$ версты; въ лазаретѣ лежало 450 больныхъ и слабыхъ требовавшихъ ухода. Хорошо

еще, что хранился большой запасъ патроновъ, муки, крупы, но мало было соли и мяса.

Тотчасъ же по выступленіи Кауфмана на Каты-Курганъ въ окрестностяхъ Самарканда стали скопляться большія вооруженныя шайки. Между тѣмъ аксакалы, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали являться въ цитадель, завѣряя въ своей покорности и преданности. Два раза имъ удалось вызвать изъ цитадели маіора Штемпеля, оставленнаго за коменданта съ ротою солдатъ, чтобы отбить враждебныя шайки, и во второй разъ, когда Штемпель возвращался въ цитадель, онъ долженъ былъ войти въ бухарскія ворота силою; послѣ этого случая ихъ заперли наглухо. Аксакалы надѣялись, что въ отсутствіе войскъ можно будетъ занять цитадель безъ выстрѣла. А мы имъ вѣрили до послѣдней минуты, не смотря на то, что евреи давно уже предупреждали объ измѣнѣ самаркандцевъ. Однако, какъ только опасность стала очевидною, гарнизонъ воспрянулъ духомъ: раненые, больные, чиновники и русскіе купцы пожелали принять участіе въ защитѣ. Въ то время въ Самаркандѣ находились по своимъ торговымъ дѣламъ Хлудовъ, Трубчаниновъ, Ивановъ, гостилъ художникъ Верещагинъ—всего набралось добровольныхъ защитниковъ съ перваго же дня осады 140 человѣкъ. Душою обороны сталъ подполковникъ Назаровъ, командиръ 9-го линейнаго батальона, бывшій тогда въ лазаретѣ на излѣченіи; онъ охотно подчинился младшему въ чинѣ коменданту.

На западной стѣнѣ, къ сторонѣ садовъ, разставили нестроевыхъ — музыкантовъ, писарей, фурштатовъ; въ углу между обоими воротами—саперъ; прочія стѣны заняли часовыми, а у воротъ выставили караулы; двѣ бухарскія пушки вкатили на барбеты возлѣ мечети, четыре орудія оставили въ резервѣ. Вотъ все, чѣмъ располагала защита.

Въ эту самую минуту, когда на Зерабулакскихъ высотахъ началась канонада, предводители шахрисябцевъ Джура-бій и Баба-бій повели свои несмѣтныя орды на освобожденіе трона

Тамерлана. Кромѣ шахрисябцевъ тутъ были кочевники разныхъ наименованій, жители Ургута, Самарканда, Міанкальской долины, примѣрно отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ, если не больше; тутъ же находился старшій сынъ эмира Катты-тюря. Полчища враговъ приближались съ барабаннымъ боемъ, при звукахъ сурнъ, съ криками: «уръ! уръ!» Они наводнили городскія улицы, окрестные сады и, открывъ мѣткую пальбу на гребнѣ стѣнъ, атаковали цитадель въ семи мѣстахъ одновременно. Оба пролома въ стѣнѣ, ворота, калитка противъ родника сразу были осыпаны градомъ пуль; по ханскому дворцу и лазарету открылась пальба съ высокихъ городскихъ мечетей. Сколько надо было мужества, чтобы взглянуть въ лицо страшной опасности и не потерять сразу вѣры въ успѣхъ защиты! Тутъ, въ эти минуты, сказалась вся мощь русскаго солдата, сила котораго возрастаетъ по мѣрѣ опасности. Атакованные пункты тотчасъ были усилены изъ резерва: къ воротамъ послали пушки, къ стѣнамъ артиллеристовъ съ ручными гранатами. Съ первой же минуты оборона становилась непосильною: наши стрѣлки были открыты, а непріятель скрывался или за стѣною, или въ сосѣднихъ сакляхъ; онъ нападалъ на ворота и проломы тысячами, а наши встрѣчали его десятками. У коменданта осталось въ резервѣ всего 30 солдатъ; одинъ и тотъ же 3-й взводъ помогалъ всюду: то бѣжитъ къ кладбищу, гдѣ особенно напирали мусульмане въ виду своей мечети; то торопится, съ подпоручикомъ Сидоровымъ во главѣ, къ самаркандскимъ воротамъ, а отсюда, подавши помощь, спѣшитъ къ бухарскимъ воротамъ. Эти ворота начинали горѣть; къ вечеру загорѣлись и другіе. Охраненіе воротъ являлось дѣломъ первой важности. Къ самаркандскимъ воротамъ поспѣлъ во-время маіоръ Шеметилло съ послѣднимъ резервомъ; инженерный офицеръ Богаевскій построилъ тутъ баррикаду, сзади которой поставилъ пушки; въ числѣ защитниковъ появился купецъ Трубчаниновъ въ русской красной рубахѣ. Теперь непріятеля уже встрѣчали картечью: появились въ воротахъ убитые, раздались стоны ра-

неныхъ. Къ бухарскимъ воротамъ явился Назаровъ съ саперами и слабосильною командой своего 9-го батальона; многіе изъ нихъ были такъ слабы, что не могли держать ружей или кричать «ура». Одно присутствіе Назарова вдохновляло этихъ полумертвыхъ людей.

— Ваше высокоблагородіе!—кричали солдаты:—врывается, врывается!

— Не бойтесь, братцы: я съ вами!

Солдаты, дѣйствительно, успокоились. Вотъ послышались крики: «уръ! уръ!» и на валу показалась толпа дюжихъ узбековъ. Наши дали залпъ: толпа отхлынула. Прибѣжали къ Назарову съ другого пункта, зовутъ его туда. Между воротами было мѣсто, гдѣ стѣна выступала угломъ. Тутъ бухарцы стали подкапывать стѣну, и если саперъ вылѣзалъ, чтобы выстрѣлить въ работника сверху, то въ него направляли десятки ружей: каждый нашъ выстрѣлъ обходился очень дорого. Послѣ полудня бухарцы такъ углубились, что уже перестали бояться нашихъ выстрѣловъ. Оттуда смѣльчаки взлѣзали на стѣну при помощи кошекъ (особые крючья) и, махая значками, звали толпу на приступъ. Когда свели саперъ съ этого мѣста, Назарову пришлось бѣгать отъ бухарскихъ воротъ сюда и обратно, смотря по тому, гдѣ угрожала наибольшая опасность. Въ минуты затишья этотъ неутомимый борецъ шутилъ, хохоталъ, развлекая солдатъ и поддерживая въ нихъ необходимую бодрость. Вечеромъ показался за воротами дымокъ; скоро они рухнули, и толпы повалили неудержимою волной. Тутъ начался ужасный рукопашный бой. Среди свалки, подъ градомъ пуль, саперы принялись строить завалъ: одни побѣжали за мѣшками, другіе стали копать землю. Глина до того окаменѣла отъ бездожія, что не поддавалась киркѣ. Тогда бросились въ сакли, гдѣ она была помягче. Наконецъ мѣшки наполнены, надо ихъ тащить къ воротамъ, на встрѣчу непріятелю. Воронецъ и Черкасовъ указали мѣста и оставались здѣсь по очереди, пока завалъ не былъ готовъ. Согнувшись въ дугу, 2—3 сапера под-

катывали мѣшокъ, укладывали въ рядъ и спѣшили за слѣдующимъ. Въ нѣсколько минутъ первый рядъ былъ уложенъ, остальные мѣшки втаскивали наверхъ, пока не образовалась изъ мѣшковъ стѣна, которая могла прикрыть человѣка; на серединѣ завала оставили отверстіе для пушки. Къ полуночи завалъ былъ готовъ. По мѣрѣ того, какъ онъ возвышался, солдаты размѣщались въ сторонкѣ отъ орудія. Вотъ вдали послышался шумъ: все ближе, ближе; тысячи хриплыхъ голосовъ ревѣли: «Алла! Алла!» Передовые идутъ молча, съ батиками и ружьями. Вдругъ, опустивъ головы, они бросаются въ ворота. «Первое!» прозвучала команда, — раздался выстрѣлъ, и потомъ все смолкло...

Минуты черезъ двѣ вдали послышалась перебранка: враги упрекаютъ другъ друга въ трусости. И такъ ломились они не одинъ, а много разъ, но не могли вынести картечи.

Ночью отъ бухарскихъ воротъ сдѣлали вылазку. Назаровъ пошелъ, какъ былъ, въ лазаретныхъ туфляхъ. Команда подвигалась тихо, съ оглядкой, говорили шопотомъ. Удалось поджечь мечеть, главную твердыню непріятеля да нѣсколько саклей.

Второй день осады былъ не легче перваго. Съ ранняго утра бухарцы, скопившись въ ближайшихъ улицахъ, бросились съ мѣшками пороха и горящими головешками къ самаркандскимъ воротамъ, которыя вскорѣ запылали. Здѣсь также ихъ заложили мѣшками съ землей, а въ отверстіе поставили орудіе. Въ 10 часовъ утра непріятель ворвался съ двухъ противоположныхъ сторонъ — отъ садовъ и вблизи самаркандскихъ воротъ. Туда повезли одно орудіе, побѣжали артиллеристы съ ручными гранатами, взводъ солдатъ подъ командою поручика Хрущова— и общими силами, вмѣстѣ съ нестроевою командою, отстояли стѣну. Ворвавшихся же у самаркандскихъ воротъ встрѣтилъ храбрый Шеметилло. Искусно укрывъ свою роту, онъ зорко наблюдалъ за проломомъ. Вотъ появились узбеки, сначала въ одиночку, потомъ показались десятками; уже наши стрѣлки сбиты съ пролома, вотъ-вотъ нахлынутъ толпой. Солдаты рвутся

Проломъ въ цитадели Самарканда.

на выручку. «Стой, ни съ мѣста: пусть войдутъ», говоритъ Шеметилло и, выждавъ еще немного, вдругъ прыгнулъ какъ тигръ, съ крикомъ: «Прочь отсюда Азія!»—и солдаты его роты въ одинъ мигъ смели въ ровъ всѣхъ до единаго. Черезъ часъ послышалась жестокая перестрѣлка у бухарскихъ воротъ: это шахрисябцы появились на стѣнахъ, лѣзли въ ворота. Прошло четверть часа въ глухой свалкѣ; обѣ стороны, напрягая всѣ силы, боролись на смерть у завала. Храбрый Служенко самъ наводилъ пушку и, пораженный тремя пулями, палъ на свое же орудіе. «Ура, братцы!» кричалъ онъ умирая. Шахрисябцы уже держали пушку за колеса; часть мѣшковъ была разбросана. «Орудіе берутъ!» закричали солдаты, и этотъ отчаянный крикъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Выскочилъ художникъ Верещагинъ, блѣдный какъ смерть, глаза горятъ. «Кто со мной, ребята?» кричалъ онъ: «сюда!»—«Впередъ, молодцы! Ура! ура!» прогремѣлъ голосъ Назарова. На босу ногу, въ шелковой рубахѣ, съ шашкой черезъ плечо, бросается онъ впередъ и очищаетъ путь къ орудію. Не выдержали шахрисябцы: подобравъ халаты, они бѣжали, толкая и опрокидываясь другъ на друга. Большинство ихъ было съ батиками; тѣ же, которые имѣли ружья, еще нѣсколько разъ останавливались и отстрѣливались; другіе скрывались въ сады, въ сакли. Барабанный бой, ружейная и пушечная пальба, призывъ сигнальныхъ трубъ и крики не прерывались ни на минуту. Солдаты выбились изъ силъ, офицеры потеряли голосъ. Въ эти тяжкія минуты упадка силъ и энергіи являлись на помощь наши купцы, высылая на позиціи чай, водку, вино, сигары. Солдаты, подкрѣпившись, становились бодрѣе, готовясь къ новымъ подвигамъ.

Послѣ полудня Джура-бій получилъ извѣстіе, что бухарцы приняли бой и потерпѣли пораженіе на Зерабулакскихъ высотахъ. Это обстоятельство измѣняло всѣ разсчеты нашихъ враговъ; освобожденіе долины Зарявшана уже представляло мало вѣроятія. Шахрисябцы тотчасъ отошли по дорогѣ къ Ургуту, кочевники также скрылись. Защитники было обрадовались, ду-

мали, что на этомъ все кончится; многіе выходили на улицы, заглядывали по дворамъ, даже заходили въ сакли — вездѣ гробовая тишина, людей ни души. Этимъ короткимъ отдыхомъ воспользовались, чтобы раздать горячую пищу и водку; купцы поспѣшили съ виномъ, съ сигарами.

Не успѣли однако наши прійти въ себя, порядкомъ отдохнуть, какъ появились густыя толпы враговъ, и вновь пришлось отбивать ихъ яростное нападеніе...

Уже нѣсколько гонцовъ было отправлено къ командующему войсками съ подробнымъ донесеніемъ о положеніи дѣла. Комендантъ писалъ, что приступы не прекращаются, что у насъ много раненыхъ, убитыхъ; что недостаетъ мяса, соли, фуража; вода стала портиться. Отвѣта не было. Никакія обѣщанія и награды не помогали: гонцы или попадали въ руки непріятеля, или сами добровольно передавались врагу. На второй день осады происходило у коменданта совѣщаніе: порѣшили, если не явится помощь, собраться въ оградѣ дворца и оборонять его до истощенія силъ, а когда непріятель и туда прорвется, взорвать на воздухъ весь запасъ пороха и снарядовъ. Сейчасъ же приступили къ необходимымъ приспособленіямъ для обороны: перетаскали туда порохъ, снаряды; начали пробивать въ стѣнахъ бойницы, дѣлать присыпки для орудій—работали всю ночь, работали и послѣ того, хотя непріятель, замѣтивъ скопленіе людей, открылъ по нимъ пальбу.

Наступилъ третій день осады. За два дня у насъ выбыло 150 человѣкъ,—потеря огромная для такого гарнизона! Оставшіеся въ живыхъ истомились до крайности. Къ счастью, бухарцы хотя и пытались прорваться въ разныхъ мѣстахъ, но уже дѣйствовали не одновременно всѣми силами и не такъ запальчиво, какъ въ первые два дня. Однако усиленная перестрѣлка продолжалась до вечера. Осажденные изнемогали отъ усталости: оберегая стѣны, по ночамъ не спали, днемъ сражались, а между тѣмъ питались впроголодь, потому что говядина вышла, вода въ прудахъ застоялась, помутнѣла. Въ лазаретѣ

больные оставались безъ всякой помощи: некому ихъ ни накормить, ни подать лѣкарства или перевязать рану. Зачастую голодные больные, пробираясь на ротныя кухни, чтобы тамъ чѣмъ-нибудь поживиться, падали на улицахъ отъ потери силъ.

На 5-й день осады къ западной стѣнѣ подошли скрытно два сарта и подали знакъ, что имѣютъ нѣчто сказать. Ихъ провели къ коменданту. Оказалось, что они присланы отъ одного преданнаго намъ аксакала съ предложеніемъ доставить въ цитадель провизію — барановъ, молока, хлѣба. Одного изъ нихъ задержали, а другого послали за аксакаломъ. Дѣйствительно, старикъ явился и, кромѣ провизіи, обѣщалъ доставить командующему войсками записку.

На другой день рано утромъ въѣхалъ въ ворота молодой джигитъ, съ важною осанкой и торжествующимъ выраженіемъ лица: у него въ сокровенномъ мѣстѣ хранился клочокъ бумажки, возвѣщавшей радостную вѣсть. Джигитъ привезъ отъ Кауфмана записку на нѣмецкомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Держитесь, завтра я буду у васъ!» Маіоръ Шеметилло обошелъ съ этою запиской кругомъ всей стѣны, читалъ ее на каждомъ посту по нѣсколько разъ и благодарилъ защитниковъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Трудно передать, что́ за тѣмъ послѣдовало: истощенные борьбой и голодомъ страдальцы воспрянули духомъ; солдаты цѣловались, какъ въ праздникъ Христовъ; многіе только крестились или шопотомъ читали молитвы...

Наступила ночь. Въ цитадели никто не спалъ, тревожно прислушиваясь къ каждому шороху. Вдругъ, среди ночной тишины, на темно-синемъ небѣ взвилась ракета, вѣстница освобожденія. На этотъ разъ она какъ-то особенно медленно поднялась, такъ что всѣ могли ее замѣтить; взвилась, лопнула — и разсыпалась множествомъ искръ. Ея появленіе не вызвало шумныхъ восторговъ, солдаты лишь перекрестились да сотворили про себя молитву.

Какъ раньше сказано, войска генерала Кауфмана уже въ

Каты-Курганѣ получили тревожное извѣстіе о Самаркандѣ. На ночлегѣ въ Карасу явился къ генералу бекъ сосѣдняго городка и сообщилъ ужасныя подробности осады. За 18 верстъ до Самарканда наши уже различали канонаду, и тутъ только впервые было получено донесеніе маіора Штемпеля, седьмое по счету изъ посланныхъ имъ. Вечеромъ 7-го іюня войска генерала Кауфмана стали лагеремъ у городскихъ садовъ; толпы вооруженныхъ еще бродили вокругъ города. Тремя колоннами отрядъ вступилъ на другой день въ Самаркандъ съ разныхъ сторонъ; защитники цитадели сдѣлали въ это время вылазку. Пальба не прекращалась, пока отдѣльные отряды не выжгли половины города и обошли его кругомъ по главнымъ улицамъ. Къ 12-ти часамъ дня все было кончено: пальба утихла, надъ грудами развалинъ дымились густыя черныя облака—то горѣлъ базаръ. Въѣхавъ въ городскія ворота, генералъ долженъ былъ остановиться, пока саперы разбирали грозный завалъ, сложенный изъ мѣшковъ. Черезъ амбразуру зловѣще выглядывала пушка, между зубцами на башняхъ стояли стрѣлки съ заряженными ружьями. Такова была первая встрѣча защитниковъ съ генераломъ. Впереди воротъ стояли разрушенныя сакли, валялись обгорѣлые трупы, окруженные голодными собаками. Тяжелый смрадъ отъ труповъ, ѣдкій запахъ гари—все вмѣстѣ напоминало о тяжелыхъ пережитыхъ дняхъ. Лошади фыркали, становились на дыбы. Наконецъ уголъ завала былъ очищенъ; генералъ подъѣхалъ къ саперамъ и слабосильнымъ 9-го батальона; тутъ же стояли Назаровъ, Шеметилло. Генералъ долго съ ними говорилъ, но тихая ихъ бесѣда не слышна была: здѣсь, впереди и сзади гремѣло восторженное «ура!» какъ оставшихся въ живыхъ, измученныхъ и голодныхъ защитниковъ, такъ и тѣхъ, которые явились избавителями—то было братское задушевное свиданіе сроднившихся въ бояхъ и походахъ туркестанцевъ...

Вся долина Зарявшана съ трепетомъ ждала наступленія грозы.

Шахрисябцы сидѣли въ своемъ гнѣздѣ смирно, самаркандцы

явились съ повинною; эмиръ, по слухамъ, скрылся въ пески Кизылъ-Кумъ. Черезъ недѣлю привезли отъ него письмо, которое оканчивалось такими словами: «Теперь мнѣ остается только одно: собрать все войско, оружіе и пушки, отдать все это Бѣлому Царю и просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ отправиться въ Мекку на поклоненіе. Я чувствую, что смерть моя близка». Такъ какъ Бѣлый Царь не желалъ новыхъ завоеваній, то миръ былъ скоро заключенъ. Самаркандъ и Каты-Курганъ остались за нами; эмиръ обязался заплатить всѣ военныя издержки, что́ составило полмилліона рублей, освободить всѣхъ невольниковъ, дозволить русскимъ подданнымъ у себя торговать, заводить конторы, держать приказчиковъ и строить караванъ-сараи.

Заключенный съ бухарцами миръ поддерживается до сихъ поръ.

Въ концѣ іюня того же 1868 года вновь занятый край получилъ названіе Зарявшанскаго округа, начальникомъ котораго былъ назначенъ Александръ Константиновичъ Абрамовъ. Этотъ доблестный генералъ, ходившій всегда во главѣ туркестанскихъ войскъ, не только управлялъ ввѣреннымъ его попеченію населеніемъ какъ мудрый и попечительный хозяинъ, но умиротворилъ всю долину Зарявшана, укрѣпивъ такимъ образомъ и власть эмира. Въ двукратномъ походѣ онъ подавилъ возстаніе старшаго сына эмира Катты-тюря, противъ своего отца, потомъ овладѣлъ въ пользу эмира непокорнымъ Шахрисябомъ, передъ 80-верстною стѣной котораго бухарцы всегда оказывались побѣжденными. Шахрисябскіе беки Джура-бій и Баба-бій по прежнему сохраняли враждебное положеніе. Ихъ участіе въ осадѣ Самарканда осталось безнаказаннымъ, почему они продолжали пользоваться каждымъ случаемъ повредить намъ: высылали разбойничьи шайки для грабежа ближайшихъ кишлаковъ, нападали на джигитовъ и чиновниковъ, собиравшихъ зякетъ, при чемъ было убито два казака и двое ранено. — Лучшимъ временемъ для нападенія на разбойничье гнѣздо считался августъ,

когда жители заняты уборкой хлѣба и по мелководію нельзя затопить окружающую мѣстность. Главное же условіе успѣха, чтобы нагрянуть внезапно, какъ снѣгъ на голову. Это послѣднее вполнѣ удалось Абрамову, выступившему въ началѣ августа совершенно скрытно, двумя отдѣльными колоннами.

По ту сторону горъ (Гисарскихъ), приблизительно верстъ за 100 отъ Самарканда, бѣжитъ рѣчка Кашка, направляясь къ Аму. Среди ея притоковъ, въ долинахъ, основалось много мелкихъ владѣній, испытавшихъ въ свое время и хорошее, и худое. Не даромъ Александръ Македонскій провелъ тутъ 3 года. Расположенный въ концѣ горнаго прохода Самаркандъ-тау, Шахрисябзъ состоитъ изъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ: Китаба, выше и Шехра, ниже, окруженныхъ нѣкогда одной общей стѣной, но теперь сильно поврежденной. Эти города отдѣлены одинъ отъ другого обширными садами, отчего они какъ близнецы и получили свое названіе Шахрисябзя, что значитъ «Городъ, утопающій въ зелени». Шехръ съ его 90 мечетями, куполы и минареты которыхъ гордо возвышаются надъ кучами домовъ, больше, чѣмъ Китабъ; въ обоихъ городахъ считалось въ ту пору 35 т. жителей. 600 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ нынѣшняго Шахрисябзя находилась деревня Кешъ, гдѣ родился Тамерланъ (1335 г.). Грозный властитель Средней Азіи хотѣлъ было основать въ родномъ селѣ свою столицу и построилъ тамъ множество большихъ зданій; однако впослѣдствіи нашелъ болѣе удобнымъ Самаркандъ, какъ выгоднѣе расположенный среди его обширнаго царства. Отъ Тамерланова дворца «Акъ-серая», считавшагося однимъ изъ чудесъ свѣта, осталась только башня и два огромныхъ столба, поддерживавшихъ высокій стрѣльчатый сводъ входнаго портика. Стѣны еще доселѣ блестятъ обшивкой изъ бѣлаго и голубого фарфора, украшеннаго арабесками, испещреннаго надписями. Сохранилось сказаніе, что съ этой самой башни бросились разомъ 40 придворныхъ, чтобы подхватить бумагу, которую вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ ихъ повелителя.

Населеніе Шахрисябзя, главнымъ образомъ изъ узбековъ,

прославилось своей храбростью, стойкостью, а женскій полъ красотой. Рѣка Кашка, орошающая ихъ сады, служила жителямъ лучшей защитой: подвижныя плотины позволяли въ любое время наводнить на далекое пространство всю мѣстность, окружающую города и крѣпость. Бухарцамъ, не смотря на многократныя попытки ни разу не удавалось побывать въ городскихъ стѣнахъ. Между прочимъ, долина Кашки въ изобиліи производитъ разнаго рода хлѣбъ, табакъ, хлопокъ, пеньку, фрукты, овощи; пласты каменной соли идутъ отсюда въ Самаркандъ, гдѣ другой соли не знаютъ.

12 августа отрядъ Абрамова приблизился къ крѣпости. За 350 саж. съ высоты кургана Алимбекъ Абрамовъ разсмотрѣлъ внимательно крѣпость и указалъ мѣста для пробиванія брешей. Непріятель сейчасъ же открылъ огонь, чѣмъ сразу обнаружилъ свою защиту и далъ возможность сосчитать его орудія. Въ то же время выскочила изъ садовъ толпа конницы, но ракетные станки быстро ее разогнали. Наступила теплая ночь. Штурмовыя колонны, соблюдая тишину, приблизились къ крѣпости: правая подъ начальствомъ Михайловскаго,—изъ 3 ротъ, 5 орудій, 3 ракетныхъ станковъ,—приступила къ постройкѣ брешъ-батареи за 220 саж. отъ крѣпости; лѣвая колонна Соковнина,—такого же состава — за 80 саж. Лѣстницы, туры, фашины—все принесли съ собой. Къ кургану Алимбекъ былъ назначенъ небольшой резервъ, подъ начальствомъ есаула Принца; за $2^1/_2$ версты, въ садахъ Урусъ-Кишлака, было оставлено для охраны обоза и парка (повозки съ снарядами) 2 роты и 20 казаковъ подъ начальствомъ поручика Гомзина.

На разсвѣтѣ обѣ батареи открыли огонь; непріятельская стѣна также загорѣлась живымъ огнемъ: 80 орудій, сколько-то фальконетовъ били прямо на батарею Соковнина. Этотъ ветеранъ кавказскихъ войнъ, уже носившій въ груди смертельную рану, получилъ еще 2 тяжелыя раны, отъ которыхъ вскорѣ скончался. На этой же батареѣ былъ раненъ и самъ Абрамовъ пулей въ животъ [1]).

[1]) Абрамовъ скончался въ 1886 году.

Къ вечеру правая брешь была почти готова и Абрамовъ, дорожа каждымъ часомъ, рѣшился штурмовать одной правой колонной, не ожидая, пока будетъ сдѣланъ другой обвалъ; лѣвая же колонна должна была занять стѣну уже тогда, когда Михайловскій проникнетъ въ городъ.—Въ 3½ утра лѣвая брешь-батарея загремѣла, а въ это время роты Михайловскаго съ шанцевымъ инструментомъ и ракетными станками, незамѣченные подошли къ самой стѣнѣ. Непріятель открылъ пальбу, когда наши уже переходили послѣдній рукавъ рѣчки Кашки. Подъ градомъ пуль солдаты поставили лѣстницы и полѣзли наверхъ: какъ только блеснули на стѣнѣ штыки, шахрисябцы побѣжали. Абрамовъ сейчасъ же послалъ казаковъ разломать ворота «Раватакъ»; что было исполнено въ 10 минутъ. Черезъ четверть часа и лѣвая колонна показалась на стѣнѣ, не встрѣтивъ здѣсь большого сопротивленія. Теперь обѣ колонны, соединившись, пошли вмѣстѣ по направленію къ китабской стѣнѣ. Въ узкихъ уличкахъ, между садами, растерянные шахрисябцы метались какъ угорѣлые и въ потьмахъ натыкались на наши войска, такъ что кончалась одна схватка, начиналась другая—все холоднымъ оружіемъ. Дойдя до просторной площади на перекресткѣ улицъ, отрядъ остановился въ ожиданіи разсвѣта; горѣвшіе кругомъ склады клевера освѣщали незнакомую мѣстность. Нѣсколько дальше, у воротъ Китаба, наши были встрѣчены ружейнымъ огнемъ; послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью и гранатами стрѣлковая рота 3-го батальона смѣло бросилась на стѣну лѣвѣе воротъ и открыла ихъ. Войдя въ городъ, отрядъ безпрепятственно дошелъ до брошенной цитадели, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Въ 8 ч. утра доселѣ неприступная твердыня была въ нашихъ рукахъ. Утомленныя войска не могли въ тотъ же день занять другой городъ, Шарь, откуда вскорѣ явилась депутація съ изъявленіемъ покорности. По показаніямъ плѣнныхъ защитниковъ было 8 т., но беки могли выставить 13 т., если бы знали заранѣе о движеніи Абрамова. Въ такихъ именно силахъ они всегда отбивались отъ полчищъ бухарскаго

эмира. На другой день Абрамовъ посѣтилъ городъ Шарь; жители встрѣтили его за 3 версты. Абрамовъ объявилъ имъ, что Шахрисябзъ будетъ переданъ ихъ законному государю, бухарскому эмиру, и пусть они, возвратившись домой, спокойно ожидаютъ назначенія новыхъ бековъ. Дѣйствительно, на другой же день явились новые беки съ $1^1/_2$ т. всадниковъ, которые и были водворены въ новомъ владѣніи. Беки Джура-бій и Баба-бій успѣли убѣжать въ Коканъ, но тамъ были схвачены и выданы русскимъ властямъ.

Усмиреніе Шахрисябзя, не признававшаго ничьей власти, еще разъ показало несокрушимую силу русскаго оружія, а немедленное его возвращеніе бухарскому эмиру—нежеланіе нашего миролюбиваго монарха расширять безъ надобности свои и безъ того обширныя владѣнія.

Рядомъ съ умиротвореніемъ шло обстоятельное изученіе новаго края. Русскія войска, подъ начальствомъ того же Абрамова, исходили ледники Зарявшана; они то поднимались въ горы, то спускались въ глубокія ущелья, гдѣ никогда не ступала нога сарбаза. Горныя воинственныя племена смирились, признали власть эмира, а русскіе ученые воспользовались этими экспедиціями, чтобы изслѣдовать невѣдомый и богатый край. Воинъ, купецъ и ученый—каждый внесъ свою лепту, чтобы на далекой окраинѣ русской земли населеніе, жившее прежде лишь грабежомъ и насиліемъ, зажило теперь мирнымъ трудомъ, благословляя наступленіе новыхъ, болѣе счастливыхъ временъ.

ХИВИНСКІЙ ПОХОДЪ 1873 ГОДА.

I.

По счету это былъ третій походъ въ Хиву.

Какъ во времена Перовскаго, такъ и теперь Хива могла выставить для своей защиты до 40 тысячъ войска, но она страшна была не этимъ, а страшна окружающими ее безводными пустынями, по которымъ проходили лишь караваны, да и то съ опаской, потому что подвергались нападеніямъ шаекъ, жившихъ грабежомъ. Съ паденіемъ Бухары мы приблизились къ Хивинскому оазису настолько, что уже можно было подумать свести старые счеты съ этимъ коварнымъ врагомъ. Наши громкія побѣды на берегахъ Сыръ-Дарьи и Зарявшана, паденіе такихъ городовъ какъ Ташкентъ и Самаркандъ, нисколько не образумили хивинцевъ. Они, помня наши прежнія неудачи, ежегодно появлялись шайками среди подчиненныхъ намъ киргизовъ, вымогали подати именемъ хана, а въ случаѣ сопротивленія разоряли цѣлые аулы. За два года до похода 1873 года, благодаря такимъ же шайкамъ, сообщеніе между Оренбургомъ и Ташкентомъ прекратилось вовсе: убивали про-

ѣзжихъ, тащили русскихъ людей въ неволю, грабили караваны. Дерзость хана дошла до того, что онъ или вовсе не отвѣчалъ на письма туркестанскаго генералъ-губернатора, или отвѣчалъ ему надменно, точно владыка міра. Когда же до него дошли слухи, что русскіе готовятся къ походу, ханъ испугался и собралъ на совѣтъ старшинъ отъ всѣхъ племенъ, спрашивая, что ему дѣлать, если нагрянутъ русскіе. Большинство старшинъ отозвалось, что хану не подъ силу бороться съ русскими, хотя бы онъ собралъ всѣхъ подчиненныхъ ему кочевниковъ. Тогда кто-то присовѣтовалъ пригласить на совѣтъ старшаго муллу мангишлакскихъ туркменъ, человѣка бывалаго и знакомаго съ русскими; его звали Нуръ-Магометъ.

— Хочу знать,—сказалъ ему ханъ,—что ты посовѣтуешь намъ теперь дѣлать? Твой отецъ былъ всегда лучшимъ совѣтникомъ моего отца; надѣюсь, что и ты дашь мнѣ хорошій совѣтъ.

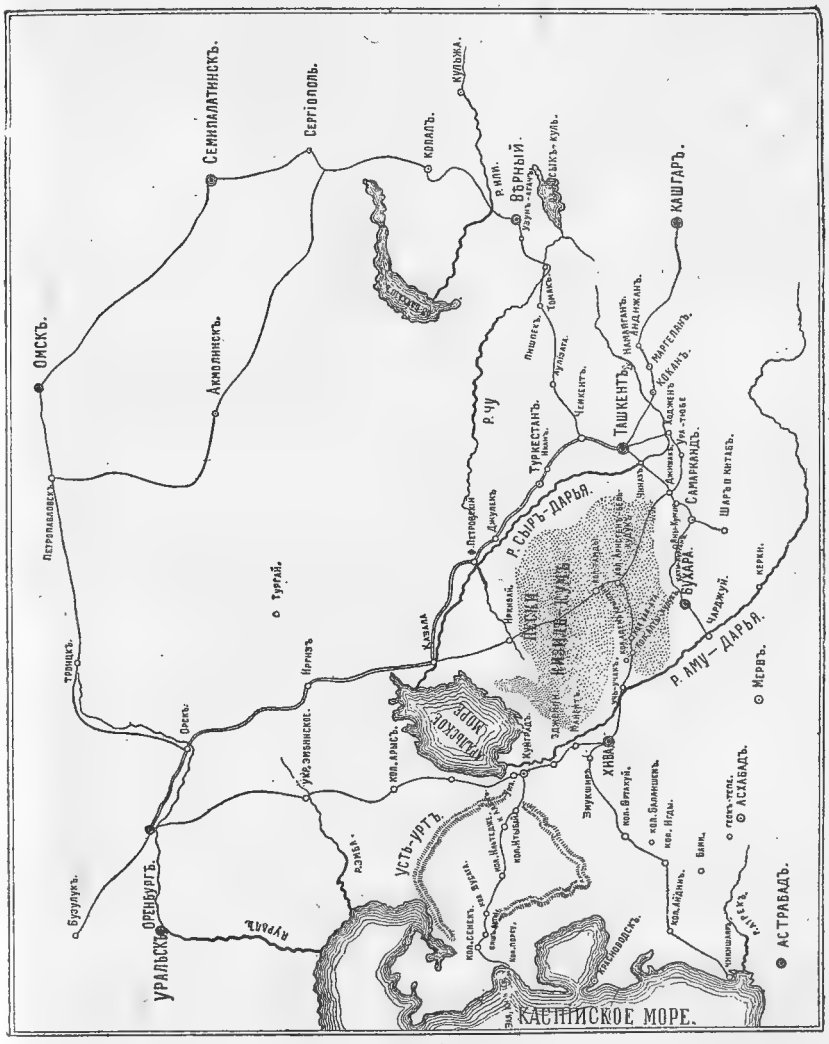
— Поздно ужъ теперь,—отвѣтилъ Нуръ-Магометъ. Многіе десятки лѣтъ могущественнѣйшій въ мірѣ змій лежалъ къ вамъ хвостомъ, голова же его была далеко на западѣ. Что же вы дѣлали въ это время, вы, едва замѣтная глазамъ мошка? Вы какъ моль точили его перья на хвостѣ и даже дерзнули держать его дѣтей въ неволѣ. Много разъ я васъ вразумлялъ: вы не хотѣли меня слушать. Теперь же, когда могучій змій повернулъ къ намъ свою голову, когда одно его дыханіе можетъ всѣхъ васъ уничтожить, вы спрашиваете меня, что дѣлать? Самое лучшее—итти къ русскимъ съ повинной...

— Я и самъ такъ думаю,—сказалъ ханъ, — но не знаю, примутъ ли русскіе моего посланника, если я пошлю его просить мира.

— Великій государь не отвергнетъ мира,—замѣтилъ Нуръ-Магометъ.

Ханъ дѣйствительно снарядилъ посла къ великому князю Михаилу Николаевичу, бывшему тогда намѣстникомъ Кавказа. Прежде, чѣмъ допустить этого посла къ великому князю, отъ

хана потребовали, чтобы онъ немедленно освободилъ всѣхъ русскихъ невольниковъ и оправдался передъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Три недѣли толковалъ ханъ со своими со-



Карта Средней Азіи.

вѣтниками: кто стоялъ за миръ, другіе, въ томъ числѣ его первый министръ, Диванъ-Беги-Машъ-Мурадъ, совѣтовали отказать русскимъ въ ихъ требованіи. Ханъ послушалъ этого не-

разумнаго совѣта, и тогда-то состоялось Высочайшее повелѣніе о новомъ походѣ. На долю нашего кроткаго Монарха Императора Александра II выпало сдѣлать обширнѣйшія завоеванія въ Средней Азіи, а теперь предстояло еще исполнить завѣтъ Петра Великаго, который, умирая, заказалъ своимъ преемникамъ отомстить Хивѣ, наказать это гнѣздо разбойниковъ, не признававшихъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.

Къ походу подготовлялись исподволь, заблаговременно. Отдѣльные небольшіе отряды углублялись въ степь, чтобы запастись верблюдами, а главное, чтобы разузнать кратчайшіе и болѣе удобные пути и, кромѣ того, расположить къ себѣ кочевниковъ, среди которыхъ уже рыскали ханскіе посыльщики. Рѣшено было наступленіе на Хиву произвести одновременно съ четырехъ сторонъ, на тотъ случай, что, если одинъ отрядъ потерпитъ неудачу, остальные доведутъ дѣло до конца. Отряды были снабжены всѣмъ необходимымъ, начиная съ двухъ-мѣсячныхъ запасовъ довольствія и кончая кошмами для подстилки. Тѣмъ не менѣе, хивинскій походъ считается однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ военной исторіи. Наиболѣе тяжкія испытанія довелось вынести красноводскому и туркестанскому отрядамъ.

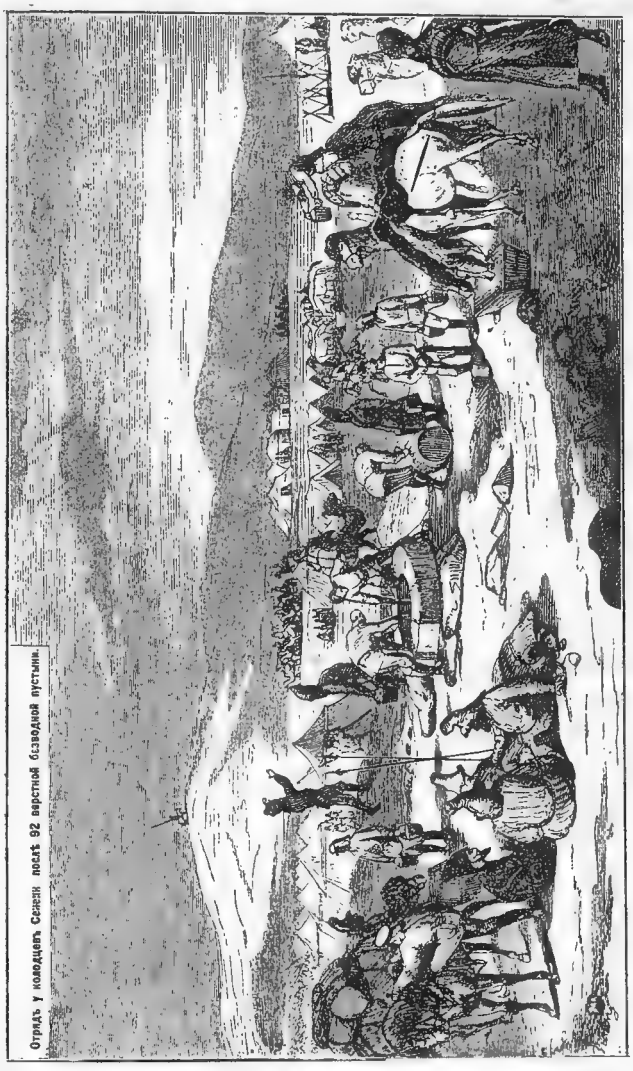
Красноводскій отрядъ собирался въ Чикишлярѣ на берегу Каспійскаго моря, куда заранѣе были перевезены съ Кавказа войска и согнаны верблюды, собранные по берегамъ р. Атрека. Отъ безкормицы верблюды оказались очень слабы, почему составъ отряда былъ доведенъ до возможно малыхъ размѣровъ: 12 ротъ кавказской пѣхоты, 400 казаковъ, 16 орудій, ракетная команда и саперы, а всего 2,200 человѣкъ и 500 лошадей, — подъ общимъ начальствомъ полковника Маркозова, кавказскаго служаки. Путь имъ предстоялъ дальній, 800 верстъ, въ томъ числѣ болѣе 700 верстъ пустыней. Благословясь, головной эшелонъ выступилъ изъ Чикишляра 19 марта и сразу же углубился въ песчаную пустыню. Отрядъ долженъ былъ двигаться частями, по-эшелонно, дѣлать въ день по 2 перехода, одинъ утромъ, другой вечеромъ, передъ ночлегомъ, у колодцевъ

долго не стоять, сберегая кормъ для послѣдующихъ эшелоновъ. Тѣмъ не менѣе, половину пути отрядъ Маркозова прошелъ благополучно. Но недѣли черезъ двѣ наступили жары какихъ по времени нельзя было еще ожидать. Вмѣсто песчаныхъ бугровъ начались высокіе крупные холмы известковой пыли, покрывавшей густыми облаками всѣ окрестности. Люди и животныя задыхались на ходу; запасная вода быстро испарялась, а въ свѣжихъ бурдюкахъ портилась, издавала непріятный запахъ. Но переходы не такъ еще были утомительны какъ уходъ за верблюдами: придутъ на привалъ, сейчасъ же отряжается команда отогнать верблюдовъ на пастбище; животныя разбредутся на нѣсколько верстъ, — надо за ними бѣгать по сыпучему песку, между буграми, и это въ самый солнопекъ, когда сдавлена грудь, сохнетъ горло и языкъ. Тѣмъ не менѣе, хотя съ трудомъ и малыми частями, но въ половинѣ апрѣля отрядъ Маркозова стянулся у колодцевъ Игды, за 450 верстъ отъ Чикишляра. Дальнѣйшій путь также пролегалъ по безводной пустынѣ, но въ отрядѣ никто не зналъ, какъ велико разстояніе до ближайшихъ колодцевъ Ортакуй. Въ степяхъ разстояніе измѣряютъ «мензилями», т.-е. переходами, но каждый считаетъ мензиль по-своему: 20, 30 верстъ и болѣе, какъ кому вздумается. Проводники говорили, что до слѣдующихъ колодцевъ 3 мензиля, и наши поняли такъ, что верстъ 60, не болѣе 70, почему Маркозовъ и распорядился, чтобы конница прошла это пространство съ однимъ ночлегомъ. 18 апрѣля въ 12 час. ночи казаки сдѣлали 20 верстъ и на другой день обогнали первый эшелонъ пѣхоты, выступившій раньше. На этомъ переходѣ они потеряли послѣднія силы. Жара стояла страшная; къ полдню термометръ показывалъ 52°, послѣ чего лопнулъ. Лошади едва двигались: ихъ большею частью вели въ поводу; каждая сотня растягивалась на 2, на 3 версты. Вечерній переходъ былъ еще тяжелѣе, и люди вязли по колѣно въ известковой пыли, стоявшей густымъ облакомъ и застилавшей глаза; во рту какая-то каша, носъ буквально забитъ. Сквозь эту непроницаемую мглу солнце

казалось неподвижнымъ, раскаленнымъ ядромъ, лишеннымъ лучей. Обезсиленные казаки сваливались въ изнеможеніи съ сѣделъ; шедшіе пѣшкомъ останавливались. Многимъ надо было подать медицинскую помощь, при чемъ особенно благодѣтельно дѣйствовалъ коньякъ: глотокъ, даже нѣсколько капель оживляли каждаго, хотя на короткое время. Въ полночь главный нашъ проводникъ Атъ-Муратъ выразилъ сомнѣніе, не сбился ли онъ съ пути. Маркозовъ остановилъ казаковъ и послалъ Атъ-Мурата съ фейерверкеромъ Гайнулой, изъ татаръ, развѣдать дальнѣйшій путь. Прошло мучительныхъ три часа. Ночь была невыносимо душная; многіе не могли сказать слова; воды при колоннѣ не оставалось ни капли. Тогда стало очевидно, что двигаться впередъ безразсудно; если же повернуть назадъ, то можно было разсчитывать напиться воды у пѣхоты. Маркозовъ такъ и сдѣлалъ: казаки повернули обратно, а въ задніе эшелоны было послано приказаніе вернуться къ колодцамъ Игды. Обратный путь былъ еще ужаснѣе. Съ восходомъ солнца жажда усилилась; лошади падали уже десятками; люди бросали фуражъ, сухари, одежду, патроны, даже ружья, дальше стали раздѣваться, швырять одежду. Одни зарывались въ песокъ, чтобы изъ глубины вдохнуть воздуха; другіе, въ забытьи, бродили по сторонамъ, точно отыскивая воду. Наконецъ часовъ въ 11 казаки добрели до кабардинскаго лагеря, гдѣ имъ дали по крышкѣ воды. Отсюда ихъ повернули въ сторону, къ колодцамъ Бала-Ишемъ.

Въ пѣхотѣ было эти дни не лучше. Во главѣ перваго эшелона шла сборная рота, составленная изъ самыхъ выносливыхъ людей, которые могли бы подать своевременно помощь конницѣ, но на второмъ переходѣ и здѣсь осталось не болѣе шести человѣкъ, способныхъ нести службу; остальные или разбрелись на поиски, или лежали въ изнеможеніи и просили пить, а 7 человѣкъ свалились безъ чувствъ. За ними ухаживалъ священникъ Бекаревичъ, чѣмъ и спасъ ихъ отъ явной смерти. Только вечеромъ того же 19 числа доставили воду изъ колодцевъ Бала-

Ишемъ, а на другой день сюда передвинулся и весь первый эшелонъ. Возвратившіеся съ послѣдней казачьей стоянки Атъ-



Отрядъ у колодцевъ Сенени послѣ 92 верстной безводной пустыни.

Муратъ и Гайнула сообщили, что до колодцевъ Ортакуй оставалось не болѣе 10 или 15 верстъ.

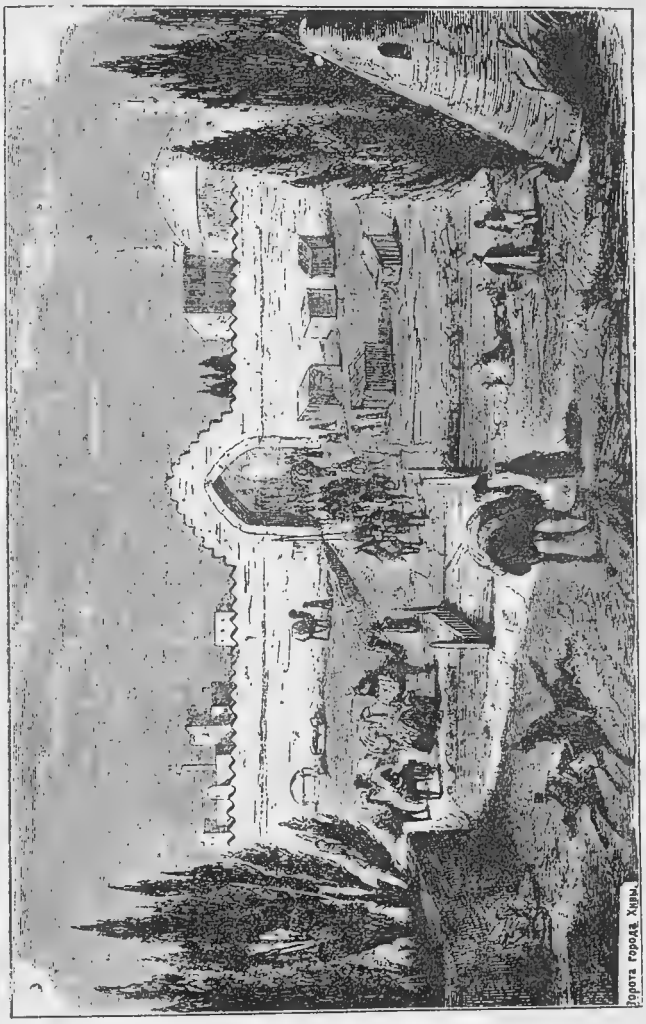
Воды въ колодцахъ Бала-Ишемъ оказалось въ изобиліи.

Цѣлый день подавали помощь людямъ, обезсилѣвшимъ отъ жары; упадокъ силъ былъ тѣмъ больше, что въ эти ужасные дни почти никто не ѣлъ. Всѣ понимали, что итти дальше нельзя. Отрядъ оставался безъ посуды, лошадей и верблюдовъ, безъ провіанта. Кавказцамъ угрожала гибель на длинномъ безводномъ пути до Змукшира. Послѣ долгаго размышленія и совѣщанія съ офицерами Маркозовъ отправилъ въ задніе эшелоны такую записку: «Кавалерія наша почти вся легла; безводье здѣсь поразительное, дальше итти нельзя. Прошу отступить къ колодцамъ Игды, откуда выслать на встрѣчу воду. Отступая, старайтесь помогать другъ другу». Эта записка произвела въ рядахъ солдатъ потрясающее дѣйствіе. Какъ ни тяжелъ былъ пройденный путь, но еще тяжелѣе было узнать, что всѣ труды, лишенія пропали даромъ! Солдаты, выслушавъ записку, продолжали итти впередъ; надо было остановить ихъ, потомъ повернуть кругомъ, скомандовать: «маршъ!», и тогда только они повернули назадъ. При выступленіи съ колодцевъ Бала-Ишемъ болѣе 200 человѣкъ пришлось положить на верблюдовъ. Въ среднихъ числахъ мая отрядъ Маркозова возвратился въ Красноводскъ. Пройденный путь обозначался трупами палыхъ верблюдовъ, барановъ и лошадей, распространявшихъ зловоніе. Лошади всѣ погибли, верблюдовъ уцѣлѣло менѣе половины: изъ 3 тысячъ—1400. Какъ увидимъ послѣ, Маркозовъ поступилъ совершенно разумно, возвратившись назадъ.

II.

Въ лагерѣ, собранномъ у Киндерлійскаго залива, весело встрѣчали предстоящій походъ. Кавказцы были такъ настроены, какъ будто собрались на веселую пирушку. Музыка не умолкала ни днемъ, ни ночью. Въ день Пасхи, послѣ заутрени всѣ собрались у начальника отряда полковника Ламакина, возлѣ кибитки котораго были разставлены столы съ пасхальными яствами для солдатъ и офицеровъ. Въ ту пору прошелъ слухъ,

что составъ отряда будетъ уменьшенъ. Казаки и офицеры со слезами просили Ламакина не наказывать ихъ, взять всѣхъ въ походъ: «Мы сами пойдемъ пѣшкомъ, потащимъ на лошадяхъ



на полмѣсяца овса, лишь бы насъ взяли». Въ рядахъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка находились старики, украшенные георгіевскими крестами, сподвижники Барятинскаго, укро-

тившаго Шамиля. Эти люди не нуждались въ обозѣ: нѣсколько фунтовъ муки и чеснокъ—вотъ весь запасъ, съ которымъ дагестанецъ проходитъ сотни верстъ. Пѣхотные солдаты твердили свое: «Богъ дастъ, не посрамимъ свой полкъ!» Тутъ были представители старыхъ кавказскихъ полковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ кровавыя войны восьми десятилѣтій. Ламакинъ не устоялъ, сдался: составъ отряда былъ оставленъ такой же, какъ и у Маркозова, только орудій нѣсколько меньше, всего шесть. Когда пригнали первую партію верблюдовъ, кавказцы, никогда ихъ не видавшіе, бросились изъ лагеря всѣ до послѣдняго на встрѣчу страннымъ животнымъ, по виду свирѣпымъ, на самомъ же дѣлѣ довольно кроткимъ. Сначала никто не рѣшался къ нимъ подойти, но потомъ нашлись смѣльчаки, стали даже ихъ трогать. Тощій и голодный верблюдъ золъ; онъ реветъ, если къ нему подходитъ посторонній человѣкъ, а если тронетъ, то непремѣнно обрызжетъ его жвачкой, что на себѣ и испытали наши смѣльчаки. Много имъ пришлось впослѣдствіи повозиться съ верблюдами, пока они съ ними свыклись, стали терпѣливо, съ лаской обращаться, во-время облегчать или поправлять грузъ, давать вздохнуть имъ. Впрочемъ, иногда и самый здоровый верблюдъ, безъ вьюка, ляжетъ, и ужъ ничѣмъ его не поднять. Тогда солдатъ становился передъ нимъ на колѣни и усердно отвѣшивалъ поклоны, но когда и это средство не помогало, то вскакивалъ и принимался бить верблюда, приговаривая: «А, и просьбы не слушаешь! Такъ вотъ же тебѣ!»

Изъ проводниковъ одинъ только киргизъ, по имени Кобакъ Ермамбетовъ, зналъ путь въ Хиву. Онъ велъ войска всѣмъ на удивленіе, по прямехонькой линіи. Былъ еще проводникъ Калъ-Ніязъ Туркестановъ, котораго съ пути отправили въ Хиву съ почтой. Онъ сбился съ дороги и, чтобы утолить мучительную жажду, зарѣзалъ обѣихъ лошадей; когда кровь изсякла, онъ зарылъ почту въ песокъ, повѣсилъ на палкѣ свою шапку, чтобы можно было разыскать пакеты, и затѣмъ спокойно умеръ. Вообще, въ хивинскомъ походѣ между проводниками были люди

намъ преданные и въ то же время пылавшіе местью къ Хивѣ, гдѣ у нихъ томились въ неволѣ отцы, братья или дѣти.

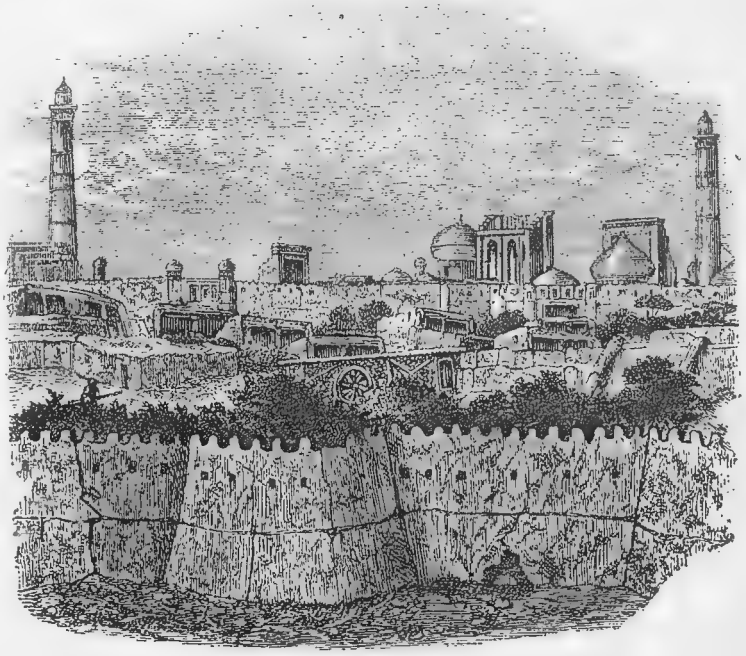
14-го апрѣля на песчаномъ пустынномъ берегу моря войска киндерлійскаго отряда, выстроенныя покоемъ, благоговѣйно слушали напутственный молебенъ. «Мы идемъ за святое дѣло, говорилъ въ напутственномъ словѣ о. Андрей Варшавскій, выручать изъ неволи нашихъ братій. И Христосъ сказалъ: «Нѣтъ выше любви къ ближнему, какъ положить за него душу свою».—Въ тотъ же день первый эшелонъ выступилъ къ колодцамъ Онъ-Каунды. Солдаты зашагали быстро, налегкѣ, въ гимнастическихъ рубашкахъ; кромѣ ружей, они имѣли при себѣ запасъ сухарей на 4 дня, мундиръ, шинель и сапоги.

Офицеры могли взять съ собой нѣсколько смѣнъ бѣлья, мундиръ, пальто, запасъ чаю, сахару и табаку; о походныхъ кроватяхъ никто и не помышлялъ; самъ Ламакинъ спалъ на простомъ войлокѣ; пищу ѣли всѣ изъ солдатскихъ котловъ.

Хорошо итти, когда верблюды сильны, сѣдла на нихъ исправны, вьюки пригнаны ловко и солдаты знаютъ свое дѣло. Нѣтъ тогда ни остановокъ, ни паденій, ни перетаскиванія тюковъ, не слышно рева животныхъ, перебранки людей, развѣ при захожденіи солнца, когда киргизы забываютъ все на свѣтѣ, чтобы сотворить вечерній намазъ. Тогда передовой верблюдъ останавливается и начинаетъ пощипывать травку, за нимъ другой, третій. Все сбивается въ кучу. Унтеръ-офицеръ, приставленный къ ротнымъ вьюкамъ, замѣтивъ безпорядокъ, подбѣгаетъ къ вожаку и торопитъ его кончать молитву: «Верблюдъ, работа́й!» говоритъ онъ ему. Киргизъ не обращаетъ никакого вниманія. «Ты вѣдь на службѣ царской!» уже кричитъ унтеръ-офицеръ: «Верблюдъ, работа́й!» Дѣло кончается тѣмъ, что вожака берутъ за шиворотъ и водворяютъ на мѣсто. Въ остальное время тишина: ни говора, ни пѣсенъ, ни шума. Иногда раздастся солдатскій голосъ: «Ну, да и забрался этотъ хивинскій ханъ въ проклятую сторонушку!» Офицеры идутъ по своимъ мѣстамъ; если сойдутся двое-трое, то начинается разговоръ.

Одинъ говоритъ, что какъ придетъ въ Хиву, первымъ дѣломъ припадетъ къ прѣсной водѣ; другой мечтаетъ поѣсть свѣжаго хлѣбца; третьему надоѣла баранина... Вдругъ, колонна оживилась: выскочилъ изъ норки тушканчикъ. Сейчасъ же нашлись охотники за нимъ гнаться. Крикъ, гиканье не умолкаютъ до тѣхъ поръ, пока прыгунчикъ не скроется или не будетъ пойманъ. Это «красные» дни похода, какихъ на долю киндерлійскаго отряда выпало не много. Уже на третій день похода съ ранняго утра поднялся удушливый вѣтеръ. Не смотря на это, 1-й эшелонъ прошелъ положенныя 20 верстъ. Стали на привалъ. Жгучее солнце, поднимаясь все выше и выше, накаляло мертвую пустыню, разслабляло все живое, все, что имѣетъ способность двигаться. Роздали солдатамъ сначала по 3 чарки воды, потомъ еще по двѣ; въ запасѣ оставалось немного, а до ближайшихъ колодцевъ Сенекъ не менѣе 50 верстъ. Тогда Буровцевъ, начальникъ колонны, отрядилъ на всю ночь капитана Усачева съ ротой солдатъ и Сущевскаго-Ракусу съ сотней кизлярцевъ, чтобы они выслали воды навстрѣчу. Вечеромъ тронулась и колонна. Солдаты съ мѣста начали уставать, потомъ все чаще и больше. Офицеры несли на себѣ ихъ ружья, амуницію, дѣлились съ ними водой, мятными лепешками. Кое-какъ къ полуночи собрались всѣ на бивакъ. Запасъ воды оставался только въ двухъ ротахъ. Въ лагерѣ никто не спалъ; солдаты бродили какъ тѣни; многіе, побродивши кругомъ лагеря, окружили Буровцева и молча, со вздохами и умоляющими взглядами, ожидали отъ него помощи. У нѣкоторыхъ появились признаки холеры. Канониръ Василій Ивановъ помѣшался: онъ бѣгалъ по лагерю и своимъ бредомъ наводилъ на всѣхъ ужасъ. Положеніе отряда казалось безнадежнымъ. Всѣ упованія возложили на Господа Бога. Часа за два до разсвѣта музыкантъ принесъ чайникъ воды, стакана два, и сказалъ Буровцеву, что купилъ за 2 рубля у какого-то проводника. Стали разыскивать этого проводника, даже дѣлали по указанію музыканта обыскъ, однако, не нашли ни воды, ни денегъ. Въ надеждѣ встрѣтить

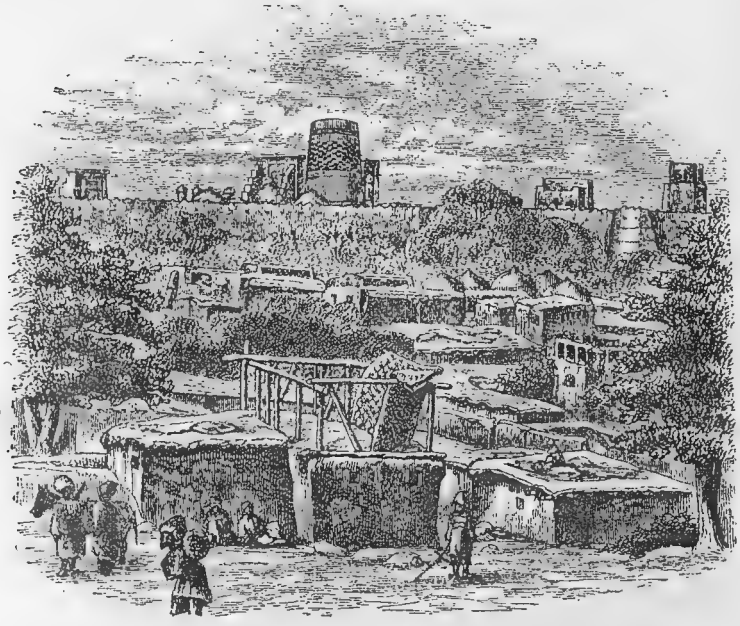
казаковъ, колонна поднялась часа за 2 до разсвѣта. Шли, едва передвигая ноги. Съ восходомъ солнца задулъ знойный вѣтеръ, точно изъ плавильной печи. Со всѣхъ сторонъ начали раздаваться стоны; хриплые голоса умоляли дать водицы; тѣ, которые еще сохраняли силы, вырывали изъ глуби песокъ, сосали его почернѣлыми губами, обкладывали грудь, горло, голову. Всѣ освѣжающіе напитки, капли, лѣкарства изъ походной



Видъ на цитадель Хивы.

аптеки,—все было роздано. Начались солнечные удары. Надо много труда, чтобы привести въ чувство такого больного: ему силой раскрываютъ ротъ и по каплѣ вливаютъ воду, пока не начнетъ работать желудокъ. Во время этой суматохи одинъ солдатикъ забрелъ куда-то далеко и наткнулся на лужу дождевой воды. Буровцевъ сейчасъ же послалъ владикавказскую сотню съ оставшейся посудой. Дѣйствительно, часа черезъ 2

казаки привезли 10 ведеръ какой-то бѣлой грязи, благодаря чему колонна прошла еще верстъ 5. Тутъ явились киргизы, посланные съ приказаніемъ ускорить доставку воды, и объявили, что слѣдомъ за ними ѣдутъ и казаки Ракусы-Сущевскаго. Не прошло двадцати минутъ, какъ показался на горизонтѣ хорунжій Кособрюховъ: онъ несся въ карьеръ, держа высоко надъ головой боченокъ съ водой; вслѣдъ за нимъ ска-



Внутри ограды.

кало человѣкъ 20 съ бурдюками, боченками, бутылками. Раздались радостные крики: «Вода, вода!»—Колонна была спасена.

Буровцевъ съ офицерами сами раздавали воду, по порядку, при чемъ многіе пускались на хитрость: выпьетъ, обойдетъ офицера сзади и опять станетъ въ шеренгу. По мѣрѣ того, какъ люди набирались силъ, ихъ частями отправляли дальше; самыхъ слабыхъ довезли до колодцевъ Сенекъ на верблюдахъ. Больныхъ оказалось 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 безнадежныхъ.

Солдаты прозвали переходы 17 и 18 апрѣля «мертвыми» станціями.

Къ бѣдствіямъ жажды присоединялись обманы зрѣнія—явленія,

Видъ Хивы съ крыши медрессе Ширъ-Гази-хана.

обычныя въ пустынѣ и извѣстныя подъ именемъ мпража. Въ то время, когда отрядъ тянется по раскаленному песку, глазамъ чудятся впереди быстро бѣгущіе ручейки, озера и по бе-

регамъ ихъ вѣтвистыя деревья. Менѣе опытные пускаются бѣжать съ манерками, чтобы зачерпнуть водицы. Бывалые всячески ихъ удерживали, говоря, что это «чортъ смущаетъ». Въ полдень 17 апрѣля показалась какая-то партія вдали. «Колонна, стой!» скомандовали. Построили карре, сложили впереди вьюки, за ними разсыпали стрѣлковъ, въ средину карре помѣстили верблюдовъ, орудія зарядили гранатами. Въ такой готовности простояли около часа, и все исчезло. Отъ начальника колонны до послѣдняго лауча (верблюдовожатаго) всѣ были увѣрены, что видѣли непріятеля, но оказался миражъ.

На 13-й день пути отрядъ вступилъ на Усть-Уртъ. Это оказалась ровная поверхность—ни холмика, ни впадины, точно безбрежное море, гдѣ глазу негдѣ остановиться. Кое-гдѣ попадалась полынь да кустики гребенщика и саксаула; ни звѣря, ни птицы. Дожди тутъ бываютъ рѣдко, погода всегда ясная. Человѣкъ, вступившій впервые въ эту часть пустыни, невольно содрогнется отъ мысли, что ему никогда изъ нея не выбраться. Солдаты говорили, что здѣсь обитаетъ самъ чортъ: кто же другой станетъ морочить людей призраками ручейковъ или деревьевъ? Колодцы здѣсь попадались глубокіе, до 30 саж. У каждаго колодца одна и та же исторія: какъ только набѣгутъ передніе солдаты, сразу опускается около десятка разныхъ посудинъ. Давка страшная. Веревки путаются, посуда или остается въ колодцахъ, или вынырнетъ на половину и даже вовсе пустая. Черезъ нѣкоторое время подходятъ верблюды съ вьюками, а съ ними и ведра. Тутъ уже ставятъ караулъ, подъ начальствомъ офицера, послѣ чего соблюдается очередь: раздаютъ воду порціями по одной, по двѣ крышки, смотря по запасу воды, по величинѣ перехода. Случались колодцы, гдѣ каждая капля воды была на счету. Вообще же не брезгали и самой плохой: «Была бы только мокрая», говорили солдаты. Обитатель пустыни лучше другихъ знаетъ цѣну воды. Онъ говоритъ: «Капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за 100 лѣтъ». Не даромъ сооруженіе колодца счи-

тается дѣломъ богоугоднымъ и имена строителей увѣковѣчены: колодцы называютъ ихъ именами.

Въ ночь съ 10 на 11 мая передовой отрядъ послѣдній разъ ночевалъ на Усть-Уртѣ. Ночь была холодная, въ колодцахъ вмѣсто воды оказалась соленая каша. Почти все продовольствіе было израсходовано; оставалось немного джугары, которую толкли камнями и изъ этой муки пекли лепешки. Такія лепешки продавались по рублю. Когда утромъ спустились на дно высохшаго озера Айбугиръ, то прежде всего стали попадаться птицы, затѣмъ небольшія ивы, наконецъ, наткнулись на киргизское кочевье. Кругомъ вдали пасся скотъ, лошади; ближе къ аулу — бараны. Киргизки повылѣзли изъ кибитокъ и съ изумленіемъ смотрѣли на пришельцевъ; старики поднесли Ламакину вмѣсто хлѣба-соли айранъ, или кислое молоко. Вскорѣ открылся настоящій базаръ: появилось молоко, ячмень, рисъ, баранина, живой скотъ. Послѣ столькихъ лишеній наши лакомились теперь пилавомъ на бараньемъ жиру, рисовой молочной кашей и прочими азіятскими блюдами. Не были забыты и лошади: несчастныя животныя, завидя торбы съ ячменемъ, срывались съ коновязей, бились, кусались, рвали торбы на куски.

За деревней Айранъ глазъ, привыкшій за $1^1/_2$ мѣсяца къ однообразію мертвой пустыни, отдыхалъ на окружающей зелени полей и деревьевъ. Это былъ уже оазисъ. Въ канавахъ, орошавшихъ сады, солдаты въ первый разъ утолили жажду водой изъ Аму-Дарьи, и никогда вода не казалась такъ вкусна, какъ въ ту пору. Еще дальше, въ Кунградѣ, встрѣчались обработанныя поля пшеницы, сорго, риса, хлопчатника, кунжута, и все это было изрѣзано канавами подобно мелкой сѣти.

Лошадей и скотъ кормятъ тамъ люцерной, которую за 9 мѣсяцевъ, съ марта до ноября, снимаютъ до 6 разъ,—такова производительность почвы. За полторы версты отъ Кунграда кавказцы завидѣли оренбургскаго казака, стоявшаго на пикетѣ. Сытый конь, полное лицо и чистая одежда казака удивили кавказцевъ, оборванныхъ, на худыхъ заморенныхъ лошаденкахъ.

Кунградъ оказался уже занятымъ русскимъ гарнизономъ изъ отряда генерала Веревкина, вступившаго раньше въ оазисъ. 14 мая за 25 верстъ отъ Кунграда оба отряда благополучно соединились.

Войска оренбургскаго отряда, въ составѣ 9 ротъ линейцевъ и 9 сотенъ казаковъ, шли старымъ, уже извѣданнымъ и самымъ длиннымъ путемъ—на Эмбу и далѣе на Кунградъ. Отъ Оренбурга до Кунграда считается 1.200 верстъ, а собственно до Хивы 1.400. Выступили они рано, по зимнему пути, въ сопровожденіи большого верблюжьяго транспорта. На случай бурановъ за войсками везли 400 войлочныхъ палатокъ; до Эмбы и далѣе до Усть-Урта солдаты шли въ полушубкахъ съ мѣховыми воротниками и въ валенкахъ, обшитыхъ кожей. На остальномъ пути они не терпѣли такой жары какъ кавказцы, почему и вступили въ оазисъ со свѣжими силами, при самыхъ малыхъ потеряхъ.

На другой день генералъ Веревкинъ привѣтствовалъ кавказскія войска и благодарилъ ихъ за славный походъ. Онъ не замѣтилъ ни усталости, ни изнуренія, больше всего удивлялся простотѣ ихъ быта, изумительной выносливости. Рубахи у солдатъ едва держались на плечахъ, офицерскіе кителя были обрамлены бахромой; нѣкоторые ходили въ башмакахъ. Плечи у пѣхотинцевъ покрылись ссадинами и струпьями, а лица загорѣли до такой степени, что ничѣмъ не отличались отъ киргизскихъ рожъ. Но это не портило общаго вида. Напротивъ, бодрость солдатъ, казаковъ, горцевъ, ихъ воинственная выправка, неумолкаемыя боевыя пѣсни и загорѣлыя лица были такъ внушительны, что, казалось, для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго. Войска закалились: ихъ ничто уже не страшило. «Чувствую глубокое удовольствіе и горжусь честью хотя временно командовать такими войсками», писалъ Веревкинъ князю Меликову на Кавказъ.

Дальнѣйшее движеніе соединенныхъ отрядовъ вплоть до столицы было побѣдоноснымъ шествіемъ, потому что войска шли

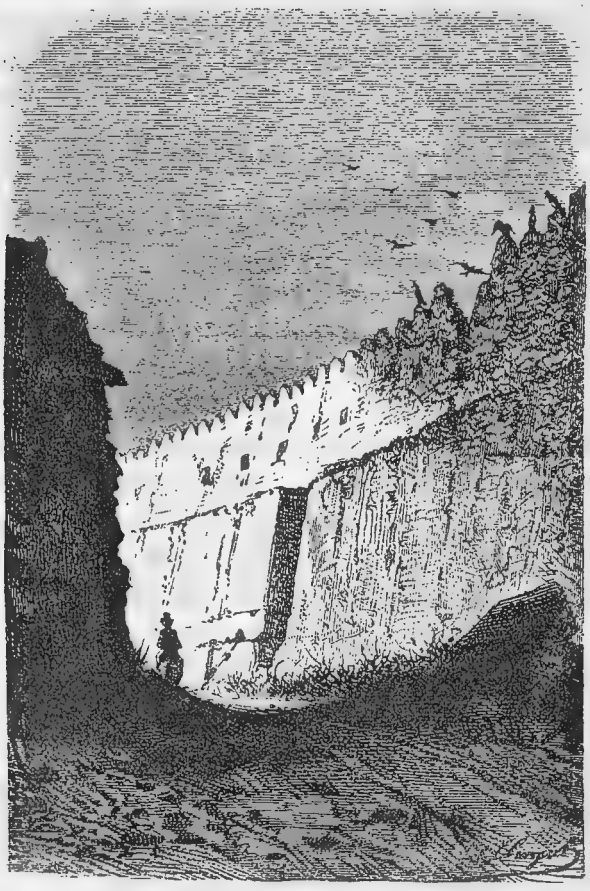
окруженные толпами конныхъ хивинцевъ. Собственно жители попутныхъ городовъ не желали драться и охотно сдавали оружіе. Защита страны ограничилась высылкой конныхъ полчищъ, числомъ до 6 тысячъ, которыя боялись огня пѣхоты, еще пуще боялись нашихъ ракетъ и никогда не выдерживали натиска казаковъ. Между прочимъ, мосты черезъ арыки на пути слѣдованія оставались цѣлы, высокія стѣны садовъ не были приспособлены къ оборонѣ. Такая небрежность и незнакомство съ военнымъ искусствомъ избавили насъ отъ многихъ хлопотъ.

III.

Въ то время, когда кавказцы наступали на Хиву съ востока, а оренбургскій отрядъ съ сѣвера, главный отрядъ, туркестанскій, подъ начальствомъ самого Кауфмана, былъ направленъ двумя отдѣльными колоннами,—одна отъ Казалинска и другая отъ Джизака. По составу этотъ отрядъ былъ больше другихъ, именно 5.250 чел. и 1.650 лошадей, подъ тяжестями 10 тысячъ верблюдовъ. Претерпѣвая тѣ же бѣды, и холодъ, и зной, особенно въ пескахъ Кизылъ-Кумъ, обѣ колонны въ концѣ апрѣля соединились у многоводныхъ колодцевъ Халъ-Ата. Отсюда до Аму оставалось 120 верстъ: одинъ переходъ до колодцевъ Адамъ-Крылганъ въ 40 верстъ и другой до Аму, совершенно безводный, въ 80 верстъ. Здѣсь же были получены свѣдѣнія, что хивинцы готовятъ впереди встрѣчу. Какъ только стало это извѣстно, Кауфманъ выслалъ 3 роты съ 50 казаками занять колодцы Адамъ-Крылганъ, а въ ночь на 30 апрѣля поднялъ и весь остальной отрядъ. Глубокіе сыпучіе пески настолько измучили лошадей, что солдаты должны были тащить орудія на рукахъ, при помощи лямокъ. Ровно черезъ сутки одолѣли и этотъ переходъ. Колодцы «Адамъ-Крылганъ», что значитъ «Человѣческая гибель», находятся среди бархановъ бѣлаго песку, безъ всякихъ слѣдовъ растительности. Эта стоянка,

верстъ на 60 кругомъ, считалась всегда самымъ страшнымъ мѣстомъ пустыни: здѣсь погибали не только караваны, однажды погибло цѣлое бухарское войско.

Оставался послѣдній переходъ, опасный уже потому, что



Улица въ Хивѣ.

каждую минуту можно было ожидать встрѣчи съ непріятелемъ. Послѣ суточнаго отдыха, въ часъ ночи на 3-е мая ударили подъемъ. Люди, лошади, орудія утопали въ пескѣ. Расчетъ былъ такой, чтобы въ два перехода достигнуть Аму, но наступившая

жара сразу измѣнила всѣ разсчеты. Отрядъ не шелъ, а ползъ, переваливая съ одной песчаной гряды на другую. Болѣе 200 верблюдовъ осталось позади на разстояніи какихъ-нибудь 20 верстъ, солдатамъ пришлось нести на рукахъ порохъ и снаряды. Нѣсколько разъ генералъ, желая ободрить войска, пропускалъ ихъ мимо себя, опять ихъ обгонялъ и опять пропускалъ.

Головная часть отряда стала на привалъ въ 10 час. утра, а арьергардъ подошелъ лишь въ 5 ч. вечера; конница еле дотащилась ночью. На этомъ привалѣ сожгли всѣ излишнія тяжести, все, безъ чего можно было обойтись: офицерскія палатки, въ томъ числѣ и палатку генерала, походныя кровати, мундиры, бѣлье, запасные сапоги, крупу, штурмовыя лѣстницы; часть понтоновъ зарыли въ землю. Затѣмъ оставалось рѣшить роковой вопросъ: что же дѣлать дальше? Продолжать движеніе при суточномъ запасѣ воды значило погубить отрядъ; отступить—еще хуже, просто позорно: исчезла бы вѣра въ неодолимость русскихъ, и тогда вся Средняя Азія поднялась бы какъ одинъ человѣкъ. Какъ ни жутко приходилось изнуреннымъ солдатамъ и офицерамъ, лежавшимъ теперь въ забытьи, но положеніе генерала было въ десять разъ хуже: онъ страдалъ не только за жизнь ввѣренныхъ ему людей, но за будущность всего края, имъ сплоченнаго, имъ устроеннаго...

Въ числѣ джигитовъ былъ одинъ оборванецъ, самый послѣдній человѣкъ въ отрядѣ. Онъ шелъ отомстить хивинцамъ, которые умертвили его жену и дѣтей, а братьевъ и отца продали въ рабство. Этотъ джигитъ объявилъ, что найдетъ воду. Кауфманъ далъ ему походную фляжку и сказалъ: «Принеси ее полною воды, получишь 100 рублей». Ему дали лучшую лошадь. Въ свѣтлую лунную ночь джигитъ вихремъ умчался въ пустыню. Прошло два часа, мучительныхъ, страшныхъ. Вдругъ гробовая тишина этого живого кладбища сразу была нарушена криками неудержимой радости: «Вода, вода! Джигитъ нашелъ воду!» Послышались вопли, многіе плакали, другіе безумно хо-

хотали. Джигитъ подалъ генералу фляжку: вода мутная, невкусная, но все же вода. За 6 верстъ отъ караваннаго пути оказались колодцы, извѣстные подъ названіемъ «Алты-Кудукъ» («Шесть колодцевъ»). Въ ту же ночь отрядъ передвинулся на эту стоянку; колодцевъ оказалось не 6, а только 5, притомъ очень глубокихъ; ихъ оцѣпили часовыми и началась тяжелая работа. Какъ ни усердно таскали воду, къ вечеру стало очевидно, что всѣхъ людей не напоить, не говоря уже о животныхъ. Лаучи, получавшіе воду всегда въ послѣдней очереди, жалобно вопили: «Су! Су!» («Воды! воды!») и тутъ же на глазахъ всѣхъ умирали отъ жажды. Тогда Кауфманъ составилъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено всѣхъ животныхъ отправить назадъ, на Адамъ-Крылганъ, напоить ихъ тамъ и доставить съ ними большой запасъ свѣжей воды. Такъ и сдѣлали. Начальство надъ транспортомъ поручили генералу Бардовскому. На третій день прибытія этого транспорта къ колодцамъ Адамъ-Крылганъ, какъ ему, такъ и всему отряду угрожала новая бѣда: хивинцы сдѣлали попытку отогнать верблюдовъ. Извѣстный разбойникъ Садыкъ, грабившій въ степи караваны, собралъ на этотъ разъ около 500 туркменъ, обошелъ Алты-Кудукъ и на самой зарѣ подкрался къ верблюдамъ. Къ счастью, въ отрядѣ Бардовскаго не дремали и во-время ударили тревогу. Туркмены нападали смѣло, рѣшительно. Садыкъ, на чудномъ бѣломъ конѣ, съ хивинскимъ знаменемъ въ рукахъ, гарцовалъ передъ ротами на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Наши стрѣлки, вытянувшись длинной цѣпью, дали нѣсколько залповъ, а ракетная батарея окончательно разогнала скопище. Казаки гнались за ними по пескамъ версты 4 и привели въ отрядъ двухъ плѣнниковъ. Имъ давно хотѣлось поймать хоть одного туркмена, да все какъ-то не удавалось. Плѣнные сейчасъ же завопили: «Су! Су!»—Они 3 дня не пили, такъ какъ всѣ колодцы въ пустынѣ были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму не болѣе 40 верстъ и что тамъ ожидаютъ насъ $3^1/_2$ тысячи хивинцевъ. Это была первая серіозная

стычка, послѣ которой хивинцы упали духомъ. Какъ только Бардовскій вернулся съ запасомъ воды, Кауфманъ скомандовалъ выступленіе. Это было 9 мая, день св. Николая. Оста-

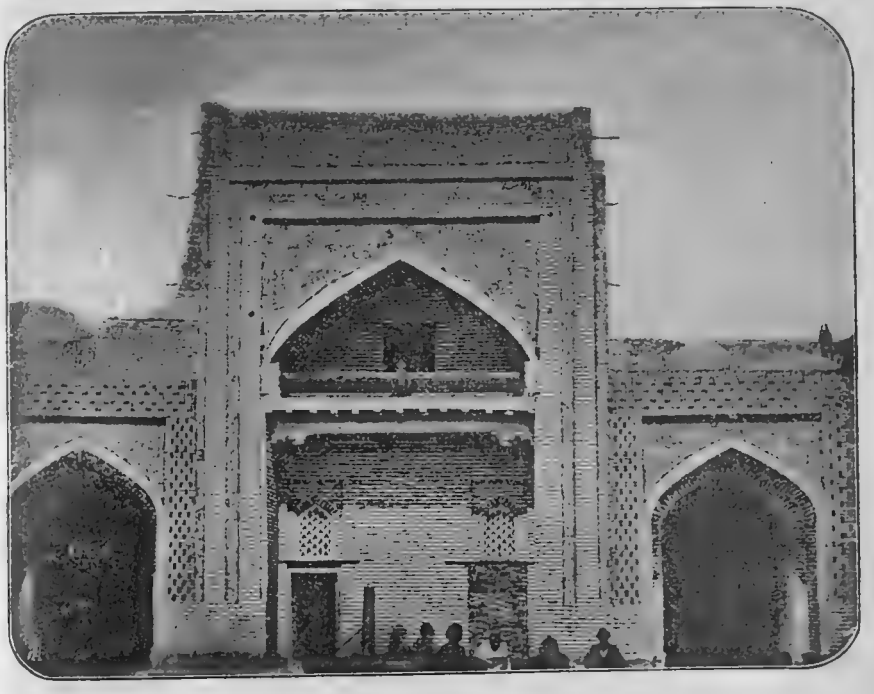
Улу-минаръ (Большой минаретъ) въ Хивѣ.

вался послѣдній переходъ. Надо было или одолѣть его, или полечь костьми въ пустынѣ. Солдаты бодро зашагали по этому песчаному морю, они то поднимались на кряжъ, то спускались

въ лощину съ крутыми спусками,—и все песокъ, песокъ. На третій день вечеромъ опять показалось скопище туркменъ. Войска построили карре и въ такомъ видѣ заночевали, оберегаемыя пикетами. На разсвѣтѣ тронулись дальше, но уже въ боевомъ порядкѣ: впереди стрѣлки, по бокамъ и сзади сомкнутыя части при орудіяхъ. Давши вытянуться, туркмены свернулись, по азіятскому обычаю, въ темную тучу и съ крикомъ: «уръ! уръ!» стали кидаться, повторяя атаку за атакой. Ихъ встрѣчали то залпами, то перекатной пальбой; по временамъ кидали гранату, отъ которой туркмены разсыпались мгновенно. Грозно, въ полномъ порядкѣ отрядъ продвинулся верстъ на 10, когда вдали засверкала зеркальная поверхность воды, не то рѣки, не то озера. Радостная надежда освѣтила лицо главнокомандующаго; онъ перекрестился и свободно вздохнулъ. Солдаты надбавили шагу, спѣша къ завѣтнымъ берегамъ. Но это оказалась не рѣка, а озеро Сардабъ-Куль, у береговъ котораго стояло хивинское войско, высылавшее въ степь разъѣзды. Раздался выстрѣлъ фальконета, картечная пуля провизжала надъ головой генерала. Наши отвѣтили гранатами; на нѣсколько минутъ все скрылось въ облакахъ пыли и песку; когда же пыль улеглась, туркмены уже скрылись. Пока все это происходило, ни одинъ солдатъ не вышелъ изъ рядовъ зачерпнуть въ озерѣ воды: такова была выдержка, привычка къ повиновенію. Объѣзжая войска, генералъ поздравлялъ ихъ съ окончаніемъ похода, благодарилъ за труды, за молодецкую службу. Никогда, можетъ быть, не были такъ отзывчивы сердца солдатъ! Здѣсь, вдали отъ отечества, стоялъ небольшой русскій отрядъ, который 2 мѣсяца боролся съ ураганами и палящимъ зноемъ и все это вытерпѣлъ, готовый всякую минуту броситься на врага. Со времени Александра Македонскаго сюда не проникало ни одно европейское войско.

Составили ружья, стали варить пищу, поить верблюдовъ; бѣдныя животныя не пили четверо сутокъ. Кавалерія ушла на развѣдку. Генералъ проѣхалъ со свитой къ рѣкѣ, до которой

оставалось еще 10 верстъ. Тихо протекала Аму въ своихъ отлогихъ песчаныхъ берегахъ; вода мутная, желтоватая, но на вкусъ пріятная. На отмели рѣки сидѣлъ каюкъ съ десяткомъ туркменъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ разогнали наши казаки. Уральцы вызвались овладѣть этимъ каюкомъ. Они раздѣлись до рубашекъ и, держась за гривы лошадей, пустились вплавь.



Ханское медрессе.

Туркмены, видя бѣду, спрыгнули въ рѣку; половина изъ нихъ доплыла до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюкъ съ мели и вернулись обратно. Въ каюкѣ оказалось 30 барановъ, лошадь и корова. Это была первая добыча въ хивинскомъ походѣ; она досталась на долю лихихъ уральцевъ; кромѣ того, генералъ подарилъ имъ 100 рублей, а каюкъ долженъ былъ служить для предстоящей переправы.

Утро 18-го мая было ясное, не жаркое. Солнечные лучи скользили по широкой рѣчной пеленѣ; на той сторонѣ виднѣлись густые вязы, фруктовыя деревья, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали сѣрыя стѣны жилищъ. Безмолвная и пустынная, раскинулась по рѣчному берегу эта дикая невѣдомая страна. Зато нашъ берегъ кипѣлъ жизнью: группы верблюдовъ, коновязи съ рядами лошадей, скачущіе казаки, снующіе солдаты. На водѣ—шумъ, крики, смѣхъ! Въ одномъ мѣстѣ тащатъ въ каюкъ пушку, въ другомъ подгоняютъ лошадь или нагружаютъ багажъ; каюки поочередно отплывали и возвращались обратно. Заправляли всѣмъ саперы. Бравый это народъ: во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, измѣряли глубину, а теперь нагружали на этомъ берегу и разгружали на томъ. Къ вечеру переправили 4 роты съ двумя орудіями. Со стороны непріятеля не было помѣхи. И на этомъ концѣ своихъ владѣній хивинцы показали свою неспособность къ защитѣ!

Въ полночь, когда въ отрядѣ царила мертвая тишина, раздалась тревожная дробь барабана. Солдаты мигомъ бросились къ оружію, но то были не хивинцы, то старый Оксусъ, точно оскорбленный незваными пришельцами, сталъ вздыматься и мало-по-малу готовился всѣхъ затопить. Вода поднялась почти на сажень. Среди шума и сумятицы войска должны были перебраться на другую позицію, а поутру уйти вверхъ еще на версту. Рѣка разлилась такъ широко и теченіе ея было такъ быстро, что переправа на новомъ мѣстѣ шла гораздо медленнѣе; лошадей пускали вплавь, а верблюдовъ отправили назадъ къ колодцамъ, гдѣ были оставлены небольшіе отряды.

Жители ближайшаго городка Мангита вывезли на базаръ въ изобиліи муку, овощи, птицу, овецъ, рисъ, сахаръ и чай, пшеничныя лепешки, абрикосы и шелковицу; для лошадей — клеверъ и джугару. Солдаты разсыпались между телѣгами; кто зналъ по-татарски или киргизски, тотъ скоро кончалъ дѣло; прочіе объяснялись каждый по-своему, кто какъ умѣлъ, зна-

ками, жестами. Хивинцы не хотѣли брать нашихъ бумажекъ; за все платили имъ серебромъ. Одѣты они были очень грязно, въ длинныхъ ватныхъ халатахъ, безъ обуви и въ высокихъ мерлушечьихъ шапкахъ. Народъ невысокій, жилистый и худой, съ длинными черными бородами и недобрымъ выраженіемъ лица. Нашихъ солдатъ хивинцы нисколько не боялись, брали за каждый пустякъ втридорога, а прежде думали, вотъ придетъ урусъ, все даромъ заберетъ!

Такая сутолока продолжалась три дня; на четвертый день хивинцы прекратили подвозъ. Послѣ узнали, что ханскія войска пригрозили жителямъ, чтобы они не смѣли выѣзжать на базаръ. Тогда Кауфманъ выслалъ на фуражировку и для обозрѣнія мѣстности небольшой отрядъ при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ Чайковскаго. Черезъ полчаса пути наши вступили въ плодородную страну, гдѣ по обѣ стороны тянулись поля, засѣянныя хлѣбомъ; немного дальше начинались сады, въ которыхъ росли всевозможныя фруктовыя деревья, склонившіяся подъ тяжестью плодовъ; высокіе столѣтніе вязы простирали свои вѣтви надъ небольшими водоемами; надъ дорогой свѣшивалась шелковица, усѣянная бѣлыми сладкими ягодами. Жилье узбека вездѣ огорожено крѣпкими высокими стѣнами, съ башнями по угламъ и со сводомъ посерединѣ: здѣсь — входъ, который запирается тяжелою дверью. При каждомъ домѣ, подъ сѣнью вяза, бассейнъ чистой воды, гдѣ семья узбека проводитъ весь лѣтній день. Тутъ готовится пища, и тутъ же она поѣдается; а женщины, освободившись отъ стряпни, прядутъ и сучатъ золотистыя нити шелка. Внутри домовъ мрачно, темно; стеколъ нѣтъ, свѣтъ проходитъ черезъ большое отверстіе въ стѣнѣ. У богатыхъ узбековъ дома убраны коврами, яркими цыновками, одѣялами и подушками. Чайковскій самъ заходилъ во дворы и, гдѣ хозяева были дома, объявлялъ, чтобы они везли въ лагерь все, что имѣютъ продать, безъ всякой опаски; если же гдѣ хозяевъ не было, тамъ разрѣшалось брать фуражъ для лошадей даромъ. Выйдя изъ садовъ, наши увидѣли подъ стѣ-

нами крѣпостцы толпу туркменъ; послѣ 2-3 выстрѣловъ они укрылись за стѣны Хазаръ-Аспа,—такъ называлась хивинская крѣпостца. Постоявши около часа, Чайковскій вернулся въ лагерь.

На другой день по той же самой дорогѣ выступилъ весь туркестанскій отрядъ. Хазаръ-Аспа заняли безъ выстрѣла. Это оказалась довольно порядочная крѣпость, окруженная частью озеромъ, частью садами; стѣны довольно высокія, съ зубцами; по обѣ стороны громадныхъ воротъ кирпичныя башни. Заслышавъ о походѣ русскихъ, многіе изъ окрестныхъ жителей перебрались сюда, въ надеждѣ, что крѣпость будутъ защищать; скопилось ихъ такимъ образомъ тысячъ около шести. Сначала они робѣли, но когда Кауфманъ объявилъ, чтобъ продолжали заниматься своими дѣлами, то сейчасъ же открылся базаръ. Въ крѣпости нашли большіе военные запасы, между прочимъ, старинную карету на высокихъ рессорахъ. 27-го мая отрядъ двинулся дальше. По всему пути стоялъ народъ, заявляя свою покорность; въ знакъ мира жители подносили хлѣбъ, абрикосы, иные тащили ягнятъ, даже барановъ. На ночлегѣ было доставлено отъ хана письмо, въ которомъ онъ писалъ, что хивинцы драться не желаютъ и сдаютъ столицу безъ боя. Старикъ, привезшій письмо, жаловался, что русскіе уже берутъ городъ, при чемъ убили двухъ хивинскихъ богатырей. Какъ послѣ оказалось, это былъ отрядъ Веревкина, занявшій послѣ бомбардировки Шахъ-Абатскія ворота, при чемъ самъ генералъ получилъ тяжелую рану. Первыя свѣдѣнія отъ него Кауфманъ получилъ, когда еще былъ у береговъ Аму. Трое джигитовъ, посланныхъ изъ Кунграда съ донесеніемъ, попали въ руки хивинцевъ. Ихъ привели къ хану на судъ. «Зачѣмъ вы ѣхали къ русскимъ?» спросили у нихъ на судѣ. Джигиты отвѣтили, что они ѣхали не къ русскимъ, а въ Бухару, собрать деньги за проданныхъ барановъ. Однако имъ не повѣрили и засадили въ тюрьму, а деньги и донесеніе Веревкина представили въ совѣтъ. Бумага вмѣстѣ съ кредитными билетами переходила изъ рукъ въ руки засѣдавшихъ въ совѣтѣ; никто не могъ ни

прочесть, ни разобрать, въ чемъ дѣло. Тогда послали за однимъ купцомъ, бывавшимъ въ Россіи. Хитрый старикъ скоро смекнулъ,

Мечеть Сеидъ Бая, замѣчательная своимъ высокимъ голубымъ минаретомъ.

что бумага важная; долго и внимательно онъ пересматривалъ кредитки, потомъ и говоритъ: «Эта бѣлая бумага ничего не стоитъ, а весь секретъ въ цвѣтныхъ бумажкахъ съ царскими портретами: ихъ надо беречь, пока найдется человѣкъ, сумѣющій прочесть». Подъ шумокъ купецъ стащилъ донесеніе и унесъ его подъ полой халата домой, а потомъ съ надежнымъ человѣкомъ отправилъ къ Кауфману.

Когда стало извѣстно, что кавказцы уже стоятъ подъ стѣнами столицы, генералъ послалъ имъ приказаніе прекратить бомбардировку и присоединиться къ туркестанцамъ. На послѣднемъ переходѣ къ Хивѣ повстрѣчалась толпа всадниковъ, на чудесныхъ жеребцахъ, украшенныхъ богатѣйшей сбруей и съ щегольскими чапраками на сѣдлахъ. Наши думали, что выѣхалъ ханъ, но оказалось, что это его дядя Сеидъ-Умаръ, умный старикъ, лѣтъ 70-ти, одѣтый въ шелковый ярко-зеленый халатъ и большіе бѣлые сапоги съ загнутыми вверхъ концами. Такіе сапоги въ старину носили наши бояре. Когда всѣ усѣлись въ кружокъ, Сеидъ-Умаръ объявилъ, что его племянникъ покинулъ столицу; однако, ни онъ самъ, ни его подданные не желаютъ воевать. Кауфманъ сказалъ на это, что онъ очень огорченъ бѣгствомъ хана; пусть его возвращается въ столицу, иначе будетъ посаженъ другой ханъ. Къ концу этой бесѣды прискакалъ офицеръ и доложилъ главнокомандующему, что неподалеку стоятъ кавказцы, готовые къ встрѣчѣ. Черезъ 1/4 часа показались стройные ряды пѣхоты, конницы, артиллеріи. Полковникъ Саранчевъ скомандовалъ: «Смирно, слушай, на кра—улъ!» Музыка апшеронскаго полка заиграла встрѣчу, генералъ началъ объѣздъ. Онъ останавливался передъ каждой отдѣльною частью и благодарилъ за службу. У воротъ Хивы почти одновременно сошлись отряды, пути которыхъ были разъединены на полторы тысячи верстъ. Тутъ стояли бородатые уральцы и оренбуржцы, лихіе сунженцы, въ самыхъ нарядныхъ костюмахъ дагестанцы, боевая кавказская пѣхота, обтерпѣвшіеся въ степныхъ походахъ линейцы... Послѣ блестящаго смотра солдаты и офицеры

всѣхъ трехъ отрядовъ перемѣшались, разыскивая друзей или знакомыхъ.

Когда доложили генералу, что его послѣднее приказаніе исполнено и пушки со стѣнъ сняты, войска построились и

Хивинскіе узбеки: ремесленникъ и бекъ (правитель) города Гурлень.

двинулись дальше. Вотъ, наконецъ, открылась и Хива, освѣщенная вечерними лучами солнца, близкаго къ закату; за ея высокими зубчатыми стѣнами виднѣются верхушки деревьевъ,

торчатъ остроконечныя вершины минаретовъ, куполы мечетей; посреди возвышается круглая башня, блестящая какъ фарфоръ. Издали столица показалась очень красивой. На улицахъ и перекресткахъ уже стояли наши войска; музыка играла вступающимъ встрѣчу, громкое единодушное «ура!» оглашало воздухъ. Улицы въ Хивѣ узкія, кривыя, покрытыя страшной пылью; дома глиняные, темные. У домовъ и стѣнъ толпился народъ съ хмурыми бронзовыми лицами, въ нахлобученныхъ бараньихъ шапкахъ.

Голова отряда вступила на просторную площадь, къ которой примыкалъ ханскій дворецъ. Здѣсь остановилась пѣхота и дивизіонъ конной артиллеріи; остальное пространство занялъ народъ. Выѣхалъ на площадь генералъ, еще разъ раздалось побѣдное «ура!». Хивинцы сняли шапки...

Народу было объявлено, что онъ можетъ заниматься своими обычными дѣлами, ничего не опасаясь: «Войско Бѣлаго Царя пришло не разрушать, а чтобы водворить въ Хивинской землѣ порядокъ; всѣ же старыя провинности хивинцевъ забыты». Затѣмъ, оставивъ въ разныхъ частяхъ города караулы, войска расположились лагеремъ версты за полторы отъ Хивы, въ большомъ тѣнистомъ саду, принадлежавшемъ хану; тутъ стоялъ и его лѣтній дворецъ.

Живописная издали, столица ханства и бѣдна, и некрасива внутри. Лучшая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая безмолвная часть города та, которая сплошь покрыта садами. Густолиственные вязы, фруктовыя деревья, водоемы и мелкіе каналы проточной воды даютъ здѣсь пріятную прохладу и тѣнь. Въ остальной части города невыносимо жарко и душно, но зато болѣе людно, особенно у мечетей и на базарахъ. Въ Хивѣ 14 мечетей и 22 медрессе, гдѣ муллы ведутъ праведную жизнь и поучаютъ. Самое священное зданіе — мечеть Полванъ-Ата. Она стоитъ въ глубинѣ маленькаго сада и славится красивымъ куполомъ, покрытымъ ярко-зелеными изразцами и увѣнчаннымъ позолоченымъ шаромъ. Въ этой мечети гробница Полвана, покровителя

Хивы. Внутри куполъ также выложенъ узорчатыми изразцами, но швы между ними такъ тонки, что онъ похожъ на опрокинутую фарфоровую вазу. Когда мулла читаетъ молитву, то эхо повторяетъ въ куполѣ дословно; присутствующіе хивинцы думаютъ, что такимъ путемъ молитвы правовѣрныхъ доходятъ до Аллаха. Въ углубленіи стѣны за мѣдной рѣшеткой стоятъ гроб-

Машъ-Мурадъ-Диванъ-Беги.

ницы трехъ хановъ, въ томъ числѣ Ширъ-Гази, предательски истребившаго отрядъ Бековича. Въ сторонкѣ отъ главнаго отдѣленія, въ одной изъ небольшихъ комнатъ, стоитъ гробница Полвана. Тутъ темно, низко; одно небольшое окошечко освѣщаетъ сѣрыя стѣны, выложенныя изразцами. За мечетью глиняная постройка, раздѣленная на множество клѣтушекъ, занятыхъ

слѣпыми. Въ крохотныхъ келіяхъ замѣчательный порядокъ и чистота; на полочкѣ стоитъ кухонная посуда, на полу овчина съ двумя одѣялами и каменный кувшинъ для воды; въ углу прилажена печурка, въ которой слѣпецъ завариваетъ себѣ чай или же приготовляетъ себѣ пищу. Ежедневно обитатели этого дома милосердія получаютъ чай, рисъ и порцію хлѣба; 2-3 раза въ недѣлю имъ даютъ мясо; кромѣ того, ихъ щедро одѣляютъ на базарахъ.

При первой возможности хивинецъ спѣшитъ укрыться отъ зноя въ галлереѣ, гдѣ помѣщается базаръ. Это та же улица, но прикрытая бревнами, присыпанными сверху глиной. Лавокъ здѣсь нѣтъ. На одной сторонѣ сидятъ на помостахъ купцы съ товаромъ, на другой сторонѣ — цырюльники, мясники, портные и мелочные торговцы. На базарѣ — все, что производитъ Хива и доставляютъ сосѣди: спѣлые и сухіе фрукты, пшеница, рожь, джугара, клеверное сѣмя, сахаръ, чай, русскія бумажныя и шелковыя бухарскія матеріи, одѣяла, обувь, русскіе самовары, чугунная посуда, чашки, блюдца, англійскій дешевый ситецъ и кисея. Тутъ можно усѣсться подъ стѣной и скушать холодный арбузъ, а не то подадутъ пловъ съ горячими лепешками и потомъ зеленый чай. Сидя въ сторонѣ, легко наблюдать пеструю волнующуюся толпу людей и животныхъ. Узбека можно узнать и по одеждѣ, и по всему его складу. Какъ уже упомянуто, это потомокъ завоевателей, здѣшній помѣщикъ. Онъ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ, носъ прямой, густая борода, худощавая жилистая фигура и жесткое выраженіе лица, свойственное всѣмъ азіятамъ. Преважно возсѣдая на верблюдѣ, проѣзжаетъ мимо киргизъ, съ широкими скулами, глупымъ добродушнымъ лицомъ. Надъ нимъ смѣются: онъ—кочевникъ, пріѣхалъ за 100 верстъ продать пару овецъ, а взамѣнъ купить чаю, сахару, новый халатъ для себя и горсть бисера для жены или дочери. Тамъ вдали показалась бѣлая чалма и яркій блестящій халатъ—это бухарскій купецъ, пріѣхавшій сюда, чтобы надуть хивинскаго купца и въ случаѣ удачи накупить рабовъ.

Въ той же толпѣ, не глядя по сторонамъ, ѣдетъ всадникъ на кровномъ конѣ, и толпа почтительно жмется къ сторонкѣ. Это нелюбимый всѣми туркменъ-іомудъ; чуть что не по немъ, онъ обнажитъ саблю, и горе обидчику. Слѣдомъ за нимъ пробирается осторожно маленькій человѣкъ, съ хорьковыми бѣгающими глазками и кошачьими ухватками: это, конечно, персіянинъ, вѣрная добыча въ набѣгахъ туркменъ. Изъ персіянъ-то главнымъ образомъ и пополнялся невольничій рынокъ въ Хивѣ, откуда уже рабы раскупались на всѣ четыре стороны, по вольной цѣнѣ, какъ скотъ. Русскіе плѣнники, попадавшіе сюда чаще всего съ рыбныхъ промысловъ на берегахъ Каспія, продавались отъ 200 до 400 рублей, персіяне шли вдвое дешевле. О судьбѣ этихъ страдальцевъ уже было въ своемъ мѣстѣ разсказано. Сколько было радости, когда они только заслышали о приближеніи русскихъ! И первымъ распоряженіемъ русскаго «Сардаря» было освобожденіе рабовъ: особые глашатаи всенародно возвѣщали на улицахъ и площадяхъ именемъ Бѣлаго Царя освобожденіе всѣмъ рабамъ, у кого бы они ни находились. У Машъ-Мурадъ-Диванъ-Беги ихъ оказалось 400 человѣкъ. Многіе изъ плѣнниковъ приходили въ нашъ лагерь, показывали рубцы на подошвахъ и раны на икрахъ, куда былъ насыпанъ мелко изрѣзанный конскій волосъ. Вскорѣ послѣ освобожденія открылась война между рабами и хозяевами, причинившая не мало хлопотъ временному совѣту, заправлявшему дѣлами ханства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Хивы возвратился изъ бѣгства ханъ и представлялся русскому сардарю. Генералъ принималъ его передъ своей палаткой, на мощеной кирпичной площадкѣ, устланной коврами. Когда ханъ подъѣхалъ къ своему же дворцу, то слѣзъ съ коня и смиренно шелъ пѣшкомъ; поднявшись на площадку, онъ, по хивинскому обычаю, усѣлся на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. По виду это былъ крѣпкій и грузный мужчина, безъ малаго сажень ростомъ, въ нарядномъ ярко-синемъ халатѣ, безъ оружія. Ханъ сидѣлъ съ поникшей головой, едва осмѣливаясь взглянуть на русскаго генерала.

Тутъ каждый присутствующій былъ свидѣтелемъ побѣды ума надъ грубой силой, превосходства военнаго искусства надъ первобытнымъ способомъ войны. Во времена рыцарства этотъ могучій великанъ могъ бы разметать сотни враговъ, а теперь послѣдній русскій солдатъ, пожалуй, былъ сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ,—сказалъ Кауфманъ,—вы видите, что мы наконецъ пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ и обѣщалъ 3 года назадъ.

— Да, на то была воля Аллаха!

— Нѣтъ, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совѣта, дѣлали то, что́ я вамъ говорилъ, то никогда не видѣли бы меня здѣсь. Но перейдемъ къ дѣлу. Что́ вы думаете теперь предпринять?

— Я предоставляю вамъ это рѣшить. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугой Великаго Бѣлаго Царя!

— Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой, а его другомъ. Это зависитъ отъ васъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ слишкомъ великъ, чтобы мстить вамъ. Онъ показалъ свое могущество и теперь хочетъ васъ простить.

— Я знаю, что поступалъ очень дурно,—отвѣтилъ Ханъ.— Мнѣ давали дурные совѣты. Впередъ я буду знать, что́ мнѣ дѣлать. Я благодарю Великаго Бѣлаго Царя и славнаго Ярымъ-падишаха (полуцаря) за ихъ великія милости ко мнѣ. Я всегда буду ихъ другомъ.

— Теперь вы можете возвратиться въ свою столицу. Скажите своимъ подданнымъ, что русскіе не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронутъ, ни ихъ женъ, ни ихъ имущества. Пусть мирно живутъ и занимаются своимъ дѣломъ.

Затѣмъ ханъ уѣхалъ.

Послѣ того онъ бывалъ еще много разъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ и однажды присутствовалъ на смотру русскихъ войскъ. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ удивленіемъ смотрѣлъ

онъ, когда проходили мимо наши солдаты твердымъ мѣрнымъ шагомъ, подъ звуки музыки. Особенно удивительно ему казалось, когда войска дружно, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали на привѣтствіе генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этотъ откликъ поражалъ его своей необычайностью; онъ казался ему чѣмъ-то волшебнымъ. Такъ вотъ, думалось ему, урусы, которые покоряютъ мусульманскіе народы! Одна ихъ горсть валила въ Самаркандѣ цѣлыя полчища правовѣрныхъ, нѣсколько сотенъ взяли приступомъ великій Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ, а теперь, — много ли ихъ тутъ?— хозяйничаютъ у меня, какъ дома!...» Такъ думалъ ханъ, пока проходили мимо него стройными рядами славныя русскія войска.

Кауфманъ хорошо понималъ, что ударъ, нанесенный Хивѣ, пропадетъ безслѣдно, если не припугнуть туркменъ-іомудовъ, кочевавшихъ по ту сторону Аму. Они не платили хану никакихъ податей и, если читатель помнитъ, обязаны были только выставлять конное ополченіе для защиты страны. Пользуясь своей силой, туркмены держали хана въ рукахъ и, конечно, по удаленіи русскихъ войскъ, могли заставить его нарушить договоръ. Для ознакомленія съ этимъ племенемъ, равно и для сбора контрибуціи, которою ихъ обложилъ Кауфманъ (300 т. рублей), выступили изъ Хивы два отряда: оренбургскій на Кунья-Ургенчъ, другой, генерала Головачева—изъ 8 ротъ при 10 орудіяхъ и всей конницы—къ Хазавату. Здѣсь Головачевъ узналъ что іомуды не только не приступаютъ ко взысканію контрибуціи, но даже намѣрены отразить русскихъ силой. Тогда онъ двинулся вглубь ихъ кочевій, къ Змукширу и Ильялы. Въ началѣ іюля авангардъ изъ пяти сотенъ казаковъ, съ ракетной батареей, нагналъ большой туркменскій караванъ, при чемъ отбилъ скотъ, арбы, а іомудовъ загналъ въ рѣчку, гдѣ ихъ много погибло; въ то же время отрядомъ Головачева всѣ попутныя жилища и запасы предавались огню.

Въ ночь на 14 число отрядъ расположился на ночлегъ у брошеннаго с. Чандыръ, окруженнаго садами. Сотникъ Каме-

нецкій, съ 8-ю казаками, выѣхалъ для провѣрки сторожевой цѣпи. За версту отъ бивака онъ встрѣтилъ свой постъ, отступавшій къ лагерю: «Держаться не могимъ,—доложилъ урядникъ,—*онъ* одолѣваетъ!» — «Пустяки, братцы, шашки вонъ, за мной!» — скомандовалъ лихой сотникъ и бросился въ объѣздъ кургана, только что покинутаго урядникомъ; но тутъ же налетѣлъ на партію іомудовъ, которые моментально изрубили его и всѣхъ казаковъ. Подскакалъ резервъ, но уже нашелъ лишь обезглавленные трупы: съ одного маха страшные удары острыхъ какъ бритва ятагановъ поснимали головы. Это событіе горестно отозвалось въ сердцахъ доблестныхъ казаковъ.—Ночь прошла спокойно. За часъ до утренней зари отрядъ снялся съ бивака и только что сталъ вытягиваться по дорогѣ на с. Ильялы, какъ туркмены, точно выросши изъ-подъ земли, наскакали на нашъ авангардъ: три сотни, бывшія впереди, въ безпорядкѣ подались назадъ, но скоро оправились и снова выдвинулись; къ нимъ подоспѣли еще сотни, подскочила ракетная команда — іомуды были отброшены. Вторую и третью атаки, уже сомкнутымъ строемъ, они направили и на конницу, и на пѣхоту. Тутъ отличились двѣ роты 1-го Стрѣлковаго батальона, Ботмана и Рейнау, оба изъ шведовъ. Они распоряжались такъ спокойно, командовали такъ громко, отчетливо, точно были на ученьѣ, а не подъ ятаганами іомудовъ. Вотъ несется на нихъ размашистымъ галопомъ туча всадниковъ съ сверкающими ятаганами въ рукахъ. Ботманъ командуетъ: «Смирно!» Уже отчетливо видны свирѣпыя лица враговъ: «Клацъ! Не торопиться, цѣлить хорошенько!.. Пли!..» Это уже за 100 шаговъ. Снова раздается зычная команда: «Клацъ! Пли!» подъ самыя морды лошадей. Сотня ихъ свалилась, но усидѣвшіе всадники, какъ изступленные, врубились въ ряды, сбросили сидящихъ за спиной товарищей и почти всѣ погибли, на штыкахъ солдатъ. У Рейнау послѣ команды «клацъ!» одинъ солдатъ второпяхъ выстрѣлилъ.

— Кто стрѣлялъ безъ команды? — спрашиваетъ Рейнау:— «отставь! Слушать команду!» Послѣ внушенія слѣдуетъ залпъ

уже въ лицо іомудамъ.—Болѣе 80 труповъ оказалось за фронтомъ стрѣлковъ — такова была стремительность атакъ и выдержка пѣхоты.

Во время боя наши ясно слышали пѣніе и одобрительные крики туркменокъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ садахъ; по временамъ онѣ выбѣгали оттуда, для ободренія своихъ мужей и братьевъ, не обращая никакого вниманія на то, что кругомъ свистѣли пули. Въ этомъ горячемъ дѣлѣ наши впервые узнали храбрость туркменъ, которые въ свою очередь удивлялись стойкости русскихъ. Отбитые на всѣхъ пунктахъ они потеряли 800 убитыхъ; у насъ переранили 35, убили 6 чел. — Черезъ 2 дня казаки послѣ короткаго боя овладѣли тремя большими таборами (вагенбурги), приспособленными для обороны, при чемъ захватили 3 т. арбъ и болѣе 5 т. разнаго скота. Послѣ такого разгрома туркмены явились въ Ильялы, куда къ тому времени прибылъ Кауфманъ; они просили генерала пощадить народъ и разрѣшить ему вернуться на старыя насиженныя мѣста. Генералъ согласился на ихъ просьбу, на уплату контрибуціи далъ отсрочку. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Кауфманъ возвратился въ Хиву, гдѣ вскорѣ былъ подписанъ мирный договоръ съ ханомъ. Тогда Россія оставила за собой весь правый берегъ Аму и заставила Хиву уплатить военныя издержки (2.200.000 р.).

Всѣ участники хивинскаго похода, особенно кавказцы, сожалѣли о неудачѣ Маркозова. Начальство могло подумать, почему же онъ повернулъ назадъ, тогда какъ другіе отряды, испытавъ тѣ же бѣды, добрались до Хивы. Отважный Скобелевъ вызвался провѣрить путь отъ Ильялы до колодцевъ Игды, т.-е. какъ бы намѣреваясь идти на встрѣчу Маркозову. Получивъ разрѣшеніе Кауфмана, Скобелевъ выѣхалъ изъ Ильялы въ сопровожденіи трехъ туркменъ, оренбургскаго казака и своего слуги Мишки. Всѣ они были одѣты по-туркменски, на добрыхъ коняхъ и хорошо вооруженные. Все, что встрѣчалось на дорогѣ, Скобелевъ акуратно зачерчивалъ на карту и записы-

валъ разстояніе отъ одного колодца до другого, свѣряя ходъ лошади съ часами. Чѣмъ дальше отважные путники углублялись въ пустыню, тѣмъ корма попадались хуже, колодцы все рѣже и рѣже, наконецъ они погрузились въ песчаное море, какимъ брели и солдаты Маркозова. На третій день пути, когда Скобелевъ расположился у колодца на отдыхъ, его люди замѣтили приближающуюся партію іомудовъ. Проводники немедленно уложили Скобелева на землю, прикрыли кошмами и заказали отнюдь не шевелиться. Въ партіи оказалось 30 человѣкъ. Туркмены напоили лошадей, усѣлись во кружокъ и начались разспросы—куда, откуда, зачѣмъ. Проводники бойко на все отвѣчали, а когда зашла рѣчь о человѣкѣ лежащемъ подъ кошмами, они объяснили, что это ихъ «караванъ-башъ» (начальникъ каравана), заболѣвшій лихорадкой.—Скобелевъ послѣ признавался, что его дѣйствительно въ продолженіе пяти часовъ бросало то въ жаръ, то въ холодъ... Наконецъ іомуды, наговорившись вдоволь, поднялись и, благодаря Бога, скрылись въ степи.

На шестой день ѣзды, все по сыпучимъ пескамъ, наши всадники хотя и сдѣлали 40 верстъ, но лошадей до того измучили, что едва дотащили ихъ въ поводу до колодцевъ: это и были Игды, т.-е конецъ развѣдки. Ночь прошла благополучно; на другой день утромъ, выспавшись хорошенько, вся компанія беззаботно бесѣдовала о томъ-другомъ и никто не замѣтилъ, какъ молодой пастухъ, бросивъ стадо барановъ, подошелъ къ колодцу, напился воды, затѣмъ, растянувшись на пескѣ, сталъ прислушиваться. Черезъ часъ или болѣе того уже случайно увидѣли, когда онъ пустился бѣгомъ въ степь, оглашая воздухъ пронзительными криками. Проводники сообразили, какая грозитъ имъ всѣмъ опасность, если мальчишка успѣетъ дать знать въ сосѣднее кочевье о ихъ присутствіи. Не теряя ни минуты, они осѣдлали лошадей и всѣ шестеро пустились карьеромъ въ обратный путь. Своимъ спасеніемъ, какъ говорилъ послѣ Скобелевъ, они были обязаны лишь рѣзвости коней.

Спутники Скобелева получили знаки отличія Военнаго ордена;

кромѣ того, Кауфманъ далъ каждому по 50 рублей, а Скобелеву кавалерская дума присудила Георгія 4 степени. Совершивъ такой подвигъ, онъ доказалъ на дѣлѣ, что колонна Маркозова вся бы погибла, не поверни онъ ее во-время назадъ. Такая вѣсть порадовала кавказцевъ, была пріятна и Великому Князю Намѣстнику.

Прошло почти три десятка лѣтъ со времени хивинскаго похода. Тѣ же безводныя пустыни окружаютъ Хивинскій оазисъ, но онѣ уже не такъ страшны, какъ бывали раньше; замолкли слухи о разбояхъ, о грабежахъ каравановъ, не слышно воплей рабовъ. На правомъ берегу Аму, у воротъ Петро-Александровской крѣпости стоитъ стражемъ мира и тишины русскій часовой, но ничто не тревожитъ его зоркій глазъ ни по сю, ни по ту сторону рѣки: всюду царитъ порядокъ, водворенный мощной рукой. И не напрасно многіе думаютъ, что Аму—русская рѣка, что Хивинское ханство—та же губернія.

Таковы плоды похода 1873 года.

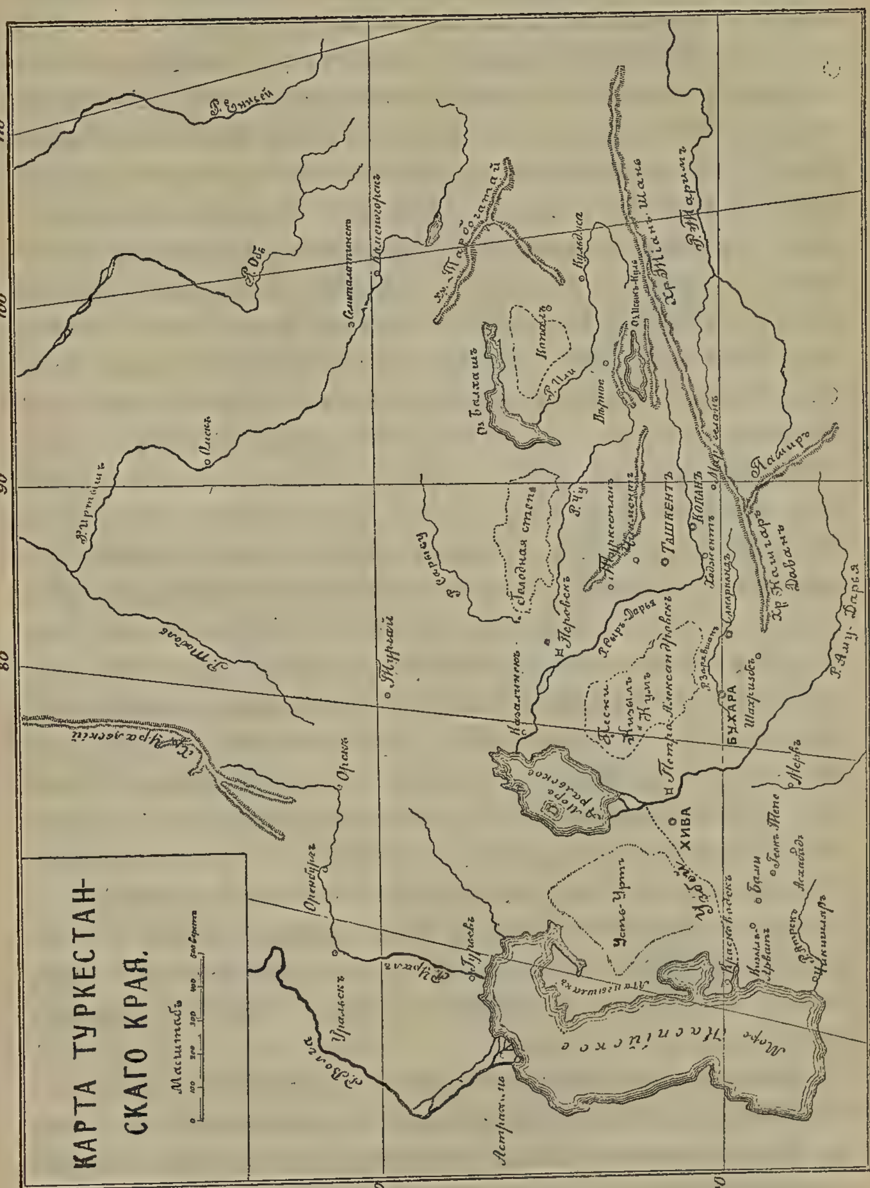
ЖЕЛТАЯ ЗЕМЛЯ (ФЕРГАНА)

I.

Очертаніе Ферганской долины похоже на фигуру миндальнаго орѣха. Это—впадина, подобная той, которую занимаетъ Каспійское море, но окаймленная величественными скалистыми стѣнами, сѣдловины и проходы которыхъ возвышаются надъ дномъ долины до трехъ верстъ. Единственный входъ въ Ферганскую долину находится у г. Ходжента [1]). Отсюда взорамъ путника открывается чудное зрѣлище: и справа и слѣва горизонтъ замыкается крутыми изрытыми предгоріями, съ верхушками, окрашенными въ красноватый цвѣтъ; позади нихъ второй зубчатый рядъ сумрачныхъ скалистыхъ цѣпей, а за ними возвышается до самыхъ туманныхъ облаковъ еще третій рядъ высочайшихъ горъ, одѣтыхъ снѣговымъ покровомъ съ перламутровымъ отливомъ. Ослѣпительную красоту представляетъ этотъ тройной рядъ кулисъ, когда вечернее солнце бросаетъ прощальные лучи на горныя выси, которыя представляютъ собою

---

[1]) См. карту.


КАРТА ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.
Масштабъ
Р. Енисей
Р. Обь
Иртышъ
Омскъ
Семипалатинскъ
Усть-Каменогорскъ
Оз. Балхашъ
Копалъ
Р. Или
Кульджа
Верное
Тянь-Шань
Р. Таримъ
Р. Чу
Голодная степь
Р. Сарысу
Тургай
Р. Тоболъ
Орскъ
Оренбургъ
Уральскъ
Гурьевъ
Р. Волга
Астрахань
Казалинскъ
Перовскъ
Р. Сыръ Дарья
Туркестанъ
Чимкентъ
ТАШКЕНТЪ
КОКАНЪ
Ходжентъ
Самаркандъ
Памиръ
Море Аральское
ХИВА
Петро-Александровскъ
Пески Кизылъ Кумъ
БУХАРА
Шахрисябзъ
Р. Аму-Дарья
Мервъ
Геокъ Тепе
Бами
Красноводскъ
Чикишляръ
Усть-Уртъ
Море Каспійское
110
100
90
80
50
40

не что иное, какъ расщепленія могучаго Тянь-Шаня. Такимъ образомъ Фергана окружена бѣлымъ кольцомъ снѣговыхъ залежей; располагаясь по зубцамъ горъ, онѣ облегаютъ мощные ледники, и тамъ-то, въ этихъ вѣчныхъ ледникахъ, получаетъ начало живительная влага, стекающая въ изобиліи въ нашу долину. Всѣ горныя рѣки въ Ферганѣ питаются этими ледниками, но наиболѣе богатъ водой Нарынъ, дающій начало Сыръ-Дарьѣ. Въ началѣ бурный, онъ пробиваетъ себѣ путь черезъ скалы выше г. Намангана и, свернувъ круто на юго-западъ, спокойно катитъ свои мутныя волны по мягкому руслу долины. Почва здѣсь особенная: смѣсь извести и мелко-землистой глины, желтаго цвѣта, — желтоземъ; подъ знойными лучами солнца она твердѣетъ до того, что ее не беретъ никакой заступъ, при обильномъ орошеніи даетъ урожай самъ-сто. Уже съ давней поры населеніе Ферганы работаетъ надъ распредѣленіемъ водъ, при чемъ раздробляетъ ихъ на мелкіе ручейки и потоки. Тысяча лѣтъ тому назадъ каналы въ Ферганѣ были такіе же, какъ и нынѣ, — до 15 с. шириной и 2 — 3 с. глубиной; отъ нихъ мелкіе арыки проведены къ каждой усадьбѣ, огороду или саду. Еще болѣе заслуживаютъ удивленія оросительныя канавы, вырубленныя въ скалахъ, откуда вода отводится въ долину на 50 — 60 верстъ. Здѣсь мы видимъ совершенно обратное тому, что́ привыкли видѣть у себя дома: чѣмъ дальше отъ истоковъ, тѣмъ больше дробится рѣка, и наконецъ ея могучій потокъ, истощивъ свои запасы, теряется въ безконечной пустынѣ.

Крутыя скалистыя горы не разъ спасали Фергану отъ наплыва кочевниковъ, не щадившихъ труда человѣческихъ рукъ, почему она издревле прославилась, какъ одинъ изъ благословеннѣйшихъ уголковъ земли.

Одинъ ученый арабъ, посѣтившій много лѣтъ тому назадъ Ферганскую долину, говоритъ такъ: «Это прелестнѣйшая страна на Божьей землѣ, богатая деревьями, изобилующая рѣками, оглашаемая пѣніемъ птицъ... Весь Согдъ словно плащъ изъ зеленой парчи, съ вышитыми голубыми лентами проточной воды

и украшенный зáмками и домами»... Такова долина Ферганы, или, по древнимъ сказаніямъ, «Согдъ», по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая обильно орошается лѣвыми притоками Сыръ-Дарьи, вытекающими изъ Алайскаго хребта. Кромѣ большого оазиса, который тянется извилистой лентой, гдѣ шире, гдѣ у́же, а въ длину до 250 верстъ, есть отдѣльные небольшіе участки, напоенные влагой,—вотъ тутъ-то желтоземъ и даетъ громадный урожай пшеницы, ячменя, джугары, кукурузы, риса, кунжута, мака, льна, конопли, хлопчатника, табаку, люцерны и прочихъ хлѣбныхъ, красильныхъ или лѣкарственныхъ растеній. Остальныя мѣста такъ же безплодны, какъ и всѣ среднеазіятскія пустыни. Здѣсь, въ этой странѣ, безводная пустыня въ сосѣдствѣ съ многолюднымъ оазисомъ; лошадь, верблюдъ, быкъ, оселъ, овца, коза пасутся чуть ли не на одномъ пастбищѣ. То же можно сказать и про климатъ. Въ то время, когда на горахъ царитъ ледяной холодъ, у подножія этихъ горъ только прохладно, а въ остальной долинѣ жарко, душно. Бываютъ лѣтомъ дни, когда можно испечь на землѣ яйцо; термометръ въ тѣни показываетъ 35 — 36°. Лучшее время года — сентябрь и октябрь, когда лѣтній зной спадаетъ и дышится полной грудью.

Хотя горы, окружающія Фергану суровы, но между горныхъ цѣпей встрѣчаются долины, дающія пріютъ стадамъ кочевника. Такова, напримѣръ, долина, извѣстная у киргизовъ подъ именемъ «Рая». Съ перевала Хатынъ-Артъ, что́ на Алайскомъ хребтѣ, гдѣ не разъ бывали наши войска, передъ зрителемъ развертывается роскошная долина «Рая» (Алай), покрытая богатымъ пестрымъ ковромъ; вдали бѣлѣетъ снѣговая линія Заалайскаго хребта съ бѣлыми шапками пика «Кауфманъ» и другихъ громадныхъ ледниковъ. На тучныхъ пастбищахъ Алая самая захудалая лошаденка въ двухнедѣльный срокъ становится неузнаваемой. Временные обитатели долины, кара-киргизы, проводятъ зиму или въ ущельяхъ, или уходятъ поближе къ городамъ. Какъ ни коротко лѣто, однако они успѣваютъ два раза убрать люцерну, кромѣ того, высѣваютъ пшеницу и ячмень, но

главное ихъ богатство—курдючныя овцы и лошади; затѣмъ они держатъ еще рогатый скотъ, двугорбыхъ верблюдовъ, ишаковъ и яковъ.

Мѣстами и горы имѣютъ свою прелесть, конечно, лѣтомъ. Вотъ горная рѣчка чистой прозрачной воды шумно бѣжитъ по каменистому дну; по берегамъ разрослись березы, шиповникъ, барбарисъ; у березы корни подмыло, и она точно плачетъ, наклонившись надъ водой. По пути встрѣчается каменная гряда, порогъ, съ трещиной, куда врывается рѣчонка, и теперь она скачетъ какъ бѣшеная, пѣнится, клубится, брызжетъ во всѣ стороны. Чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ чаще и шире раскидываются ковры роскошной зелени съ самыми причудливыми цвѣтами; вперемежку съ зелеными лугами темнѣютъ рощи арчи и елокъ; еще ниже — кленъ, яблоня, малина, смородина; шумный холодный потокъ совсѣмъ скрылся въ этихъ кустарникахъ, и его можно прослѣдить только по глыбамъ камней, обросшихъ мхомъ. Наступилъ вечеръ. Киргизы кружками сидятъ на травѣ и слушаютъ разсказы своихъ краснобаевъ; ребятишки ловятъ телятъ, чтобы привязать ихъ на ночь; бабы доятъ козъ, коровъ. Повсюду говоръ, ржанье лошадей, ревъ скота, блеянье козъ и барановъ. Днемъ, въ жару, тихо: киргизы спятъ по кибиткамъ, дѣти тоже спятъ или рѣзвятся въ рѣчонкѣ; только киргизки, вѣчныя работницы, сидятъ съ веретеномъ и пучкомъ шерсти. Наверху, на горѣ, стоитъ, понуря головы, табунъ лошадей; между кустами мелькаютъ козы, а внизу, у рѣчки, отъѣвшіеся на привольѣ быки и коровы. Стражами мирнаго пастушескаго быта стоятъ вдали гранитныя громады съ темными пятнами по уступамъ: то еловыя рощи. Тамъ, на горныхъ высяхъ, ползучая арча, похожая на нашъ можжевельникъ, дикій лукъ и мелкія травки покрываютъ большія пространства между скалъ, на которыя смѣло взбирается дикая коза, горный баранъ, или маралъ. Небесныя выси оживляютъ цари пернатыхъ—громадные грифы, орлы, выслѣживающіе издалека свою добычу; поближе къ стадамъ держатся беркуты, соколы, коршуны.

Среди киргизскихъ кочевокъ проходитъ караванный путь изъ Бухары черезъ Коканъ на перевалъ Терекъ-Даванъ, въ Кашгаръ. Издревле Китай и Средняя Азія обмѣнивались товарами этимъ путемъ, и безопасность его коканскіе ханы покупали дорогою цѣною—то деньгами, то подарками. Уже долина Фергана была въ нашихъ рукахъ, когда кара-киргизы, думая, что ихъ кочевья неприступны, по веснѣ 1876 г. провозгласили ханомъ

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

какого-то юродиваго и перерѣзали нашихъ джигитовъ, разосланныхъ для поимки разбойниковъ. Въ 25 верстахъ отъ г. Гульчи мятежники заняли позицію въ узкомъ ущельѣ Янги-арыкъ, входъ въ которое запирался скалистымъ отрогомъ. Начальникомъ края былъ тотда молодой генералъ Скобелевъ. Съ небольшимъ отрядомъ онъ подступилъ къ ущелью и, осмотрѣвъ позицію, нашелъ, что съ фронта она неприступна. Тогда баронъ

Штакельбергъ съ 30-ю стрѣлками полѣзъ на скалы справа, а Боголюбовъ слѣва. По мѣрѣ того, какъ они поднимались все выше и выше, кара-киргизы, сами укрываясь, поражали ихъ пулями и мѣткими ударами камней. Наконецъ Боголюбовъ взобрался выше, чѣмъ сидѣли киргизы, открылъ по нимъ пальбу во флангъ и тылъ, а въ это время Скобелевъ со своимъ конвоемъ и кучкой стрѣлковъ взялъ штурмомъ завалъ, откуда повелъ атаку прямо на лагерь. Тутъ сошлись всѣ три отряда и общими силами захватили лагерь, 8 фальконетовъ, до 100 ружей. Въ числѣ мятежниковъ находились первѣйшіе разбойники, какъ, напр., Вали-ханъ-Тюря, Абдула-бекъ, Омаръ-бекъ и другіе вожди мятежа, принимавшіе участіе въ предыдущихъ битвахъ съ русскими войсками. Это былъ послѣдній подвигъ Скобелева въ Туркестанскомъ краѣ,—подвигъ, окончательно умиротворившій страну.

Главное занятіе осѣдлаго населенія Ферганы составляетъ хлѣбопашество, и надо сказать, что сартъ выжметъ изъ своей земельки все, что возможно. Онъ не броситъ ни одного клочка; каждый прутикъ, травка — все идетъ въ дѣло: или скормитъ скоту или сожжетъ въ печи. Такъ дѣло ведетъ и богатый пахарь и бѣдный. Кромѣ земледѣлія, садоводства и нѣкоторыхъ ремеслъ, великое множество народа промышляетъ мелкимъ торгашествомъ, главное—барышничествомъ, что особенно по душѣ сарту. Торгаши перепродаютъ лошадей, скотъ, зерно, красный товаръ,—что попало; они снуютъ между кишлаками, съ базара на базаръ, клянутся, божатся, обмѣриваютъ и обманываютъ — и все это изъ-за копеечнаго барыша. На базарахъ всегда снуютъ особые промышленники, которые высматриваютъ, не затѣвается ли гдѣ торгъ. Какъ только завидятъ, что сартъ торгуетъ лошадь или теленка, они врываются между продавцомъ и покупателемъ и сводятъ ихъ на сходную цѣну. — «Продалъ?» — «Купилъ?» спрашиваютъ они сотни разъ, пока получатъ въ отвѣтъ «да». Тогда дѣло считается законченнымъ. Заработавъ нѣсколько копеекъ, голодный сартъ бѣжитъ въ другое мѣсто.

И такъ изо дня въ день... Законъ запрещаетъ торговлю на дому, равно какъ и запродажу товара, котораго нѣтъ на лицо; его надо передать сейчасъ же изъ рукъ въ руки. Если сартъ захочетъ продать свой домишко или земельку, онъ долженъ объявить сначала сосѣдямъ, и только тогда можетъ продать постороннему, если никто изъ нихъ не пожелаетъ купить. Постройки въ Ферганѣ, какъ городскія, такъ и деревенскія, глиняныя, такіе же и заборы. У болѣе зажиточныхъ дворъ дѣлится на двѣ половины — мужскую и женскую, съ отдѣльнымъ для каждой половины жильемъ. Въ каждомъ дворѣ имѣется нѣсколько деревьевъ и небольшой арыкъ, а не то прудъ съ грядками цвѣтовъ. Лѣтомъ хозяинъ никогда не сидитъ въ саклѣ, и если дома, то проводитъ цѣлый день подъ деревомъ, на бугоркѣ. Дворы у нихъ содержатся чисто; ихъ по нѣскольку разъ въ день метутъ. Если пріѣзжаетъ къ хозяину гость, его принимаютъ въ особой комнатѣ, которая называется «селямликъ», гостиная. Послѣ обычнаго привѣтствія передъ гостемъ разстилаютъ «дастарханъ» — широкое полотенце, бумажное или полушелковое, — на которомъ ставятъ подносъ съ лепешками, изюмомъ, фисташками, а кто побогаче, то подаетъ блюдечки съ сахаромъ, леденцы, халву, лѣтомъ — фрукты и непремѣнно чай. Всѣ садятся на землю, и кто-нибудь изъ присутствующихъ разламываетъ лепешки на кусочки. Откусывать у сартовъ считается неприличнымъ. Тогда хозяинъ предлагаетъ откушать: «Обратите ваши взоры на хлѣбъ». Обычай требуетъ съѣсть прежде всего кусочекъ хлѣба, потомъ уже чай, фрукты, сласти. Начиная ѣсть, каждый произноситъ шепотомъ: «Во имя Аллаха милосердаго». Самое любимое и въ то же время самое парадное блюдо сартовъ — пилавъ; имъ обмѣниваются родные и знакомые наканунѣ большихъ праздниковъ. «Палау» приготовляется изъ бараньяго супа и риса; кромѣ того, прибавляютъ поджареное мясо, морковь, лукъ. Изъ напитковъ самый употребительный — чай, который заваривается, какъ у насъ, въ чайникахъ, или же кипятится въ котлѣ, съ примѣсью молока, масла, перцу и

соли. Изъ спиртныхъ напитковъ пьютъ втихомолку бузу, вино, даже русскую водку. Лѣтомъ и городское, и сельское населеніе питается преимущественно хлѣбомъ, фруктами, кислымъ молокомъ.

Длинные зимніе вечера сарты коротаютъ на сходкѣ у одного изъ своихъ выборныхъ, въ родѣ артельщика. Онъ закупаетъ въ складчину провизію и расходуетъ ее на угощенье. Пока варится пилавъ, компанія, обыкновенно человѣкъ 10—15, болтаетъ, поетъ пѣсни, смотритъ пляску мальчишки и просиживаетъ такимъ образомъ до полуночи. Вообще сарты любятъ быть на людяхъ, предпочитаютъ улицу своему дому: тамъ разговоры, новости; однако это нисколько не мѣшаетъ имъ любить свою семью и няньчиться съ ребятами.

Сартянки, жены и дочери сартовъ, характера вообще живого, веселаго; какъ бы круто ни приходилось, сартянки никогда не прочь поболтать, посмѣяться, спѣть пѣсню, особенно въ молодые годы. Просидѣть нѣсколько часовъ одной, молча, для сартянки мука; если возлѣ нея нѣтъ дѣтей, съ кѣмъ бы можно перебросится словомъ, сартянка уходитъ изъ дому къ сосѣдкѣ хоть на четверть часа поболтать, посплетничать. Рѣдко случается, чтобы сартянка сидѣла одна-одинешенька: или у нея сосѣдка, или она сама у сосѣдей. Онѣ часто собираются на посидѣлки и особенно охотно идутъ туда, гдѣ можно разсчитывать на угощенье — чай, лепешки, пилавъ,—а главное всласть наговориться, наслушаться новостей.

Насколько сартянки любятъ злословить и сплетничать, настолько же онѣ великія мастерицы лгать и льстить. Впрочемъ и мужское населеніе всей Средней Азіи только тогда не лжетъ, когда навѣрно знаетъ, что это невыгодно: лгутъ безъ всякой надобности. Кромѣ того, и тѣ, и другія страшно хвастливы. Сартянка не пропуститъ ни одного случая, чтобы не прихвастнуть передъ сосѣдками; хвастаются даже побоями: «Такъ исполосовалъ меня мужъ, что вся спина въ узорахъ!»—«А покажи спину», говорятъ сосѣдки.—«Да ужъ все прошло»... Если сартянкѣ покажется, что мужъ пересталъ ее любить, она идетъ

къ муллѣ съ просьбой сдѣлать наговоръ на что-нибудь съѣстное, и даетъ это незамѣтно мужу, чтобы онъ съѣлъ. Есть наговоры, привораживающіе и есть отваживающіе. Изъ множества повѣрій приведемъ два: если качать пустую колыбельку, ребенокъ непремѣнно умретъ; при входѣ въ домъ калоши надо поставить у дверей, иначе враги того дома размножатся и одолѣютъ хозяина. Колдовство, знахарство, гаданья въ большомъ

Сартянки.

ходу; ими промышляютъ муллы, грамотные сарты, цыгане и старушки-сартянки.

Изъ развлеченій самое желанное, какъ и въ Бухарѣ, богомолье, посѣщеніе могилъ покойниковъ, прославленныхъ святостью. Такихъ могилъ, или «мазаръ», очень много въ предгорьяхъ Ферганы, почему для ихъ посѣщенія обыкновенно избирается лѣто. Въ эту пору тянутся по дорогамъ цѣлые кара-

ваны пѣшихъ и конныхъ богомольцевъ; если дорога позволяетъ, женщины и дѣти ѣдутъ въ арбахъ. Кому надо получить исцѣленіе отъ головной боли, кому отъ ломоты, сартянкѣ надо вымолить ребенка, у всякаго что-нибудь наболѣло. Добравшись до мазара, молятся, потомъ рѣжутъ барана или козла; шкура и часть мяса отдается шейхамъ, т.-е. старшинамъ, оберегающимъ мазаръ, а остальное мясо съѣдается богомольцами. Такое жертвоприношеніе называется «божескимъ». Бѣдняки довольствуются тѣмъ, что сварятъ какую-нибудь кашу, съѣсть которую тутъ же, на мазарѣ, почитается не менѣе душеспасительнымъ.

Сартъ, если бы и пожелалъ чему-нибудь научиться, то не можетъ, потому что ученье у нихъ, какъ и у бухарцевъ, чисто книжное, которое даетъ очень мало знаній. Зато книжники въ большомъ почетѣ. Попала въ котелъ мышь, животное нечистое. Что теперь дѣлать? Ѣсть изъ такого котла нельзя, бросить котелъ жалко. Идутъ къ книжнику. Онъ пошаритъ въ своихъ книгахъ и дастъ такой совѣтъ: трижды его накали въ огнѣ, трижды вымой и трижды высуши—тогда очистится! При каждой мечети есть школа, гдѣ ребятишки обучаются грамотѣ. Учитель не получаетъ жалованья, а довольствуется тѣмъ, что по четвергамъ школьники приносятъ ему деньги, хлѣбъ, больше или меньше, смотря по достаткамъ. Передъ праздникомъ Рамазана мальчишки ходятъ по дворамъ, при чемъ распѣваютъ:

„Пришелъ мѣсяцъ Рамазанъ;
„Дайте праздничный подарокъ;
„Я отдамъ его учителю,
„А васъ за то въ день судный
„Наградитъ Аллахъ!“

Весь сборъ поступаетъ къ учителю.

Какъ только мальчишка подрастетъ, отецъ ведетъ его въ школу, несетъ съ собой блюдо пилава и проситъ учителя: «Господинъ! Мы поручаемъ вамъ нашего ребенка. Учите его, бейте. Если даже убьете, мы не будемъ сердиться. Мясо ваше, кости наши!»—Ученье начинается съ заучиванья буквъ, потомъ скла-

довъ, что продолжается съ полгода. Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе корана на арабскомъ языкѣ, котораго и самъ учитель не понимаетъ; такъ же точно безъ попиманія читаются и другія книги на персидскомъ языкѣ. Послѣ всего учатъ письму. Задавши съ утра уроки, учитель отколотитъ лѣнивыхъ и потомъ уходитъ на цѣлый день по своимъ дѣламъ. Дѣтишки орутъ во весь голосъ; каждый выкрикиваетъ свое, что ему задано, и такой невыносимый гамъ раздается съ малыми перерывами съ утра до вечера. По окончаніи этой школы мальчики или поступаютъ въ писцы («мирза»), или переходятъ въ медрессе, высшую школу, гдѣ обучаются арабскому языку, изучаютъ мусульманскую вѣру, законы. Здѣсь ученики живутъ постоянно, въ маленькихъ келіяхъ, и есть такіе, которые проводятъ тамъ всю жизнь. Ихъ можно узнать по бѣдной одеждѣ, по привычкѣ говорить тихо, опустивъ глаза долу, ѣсть мало и украшать свою рѣчь арабскими или персидскими стихами.

Дѣвочки обучаются отдѣльно, у своихъ учительницъ, на дому, но грамотныхъ сартянокъ очень мало. Если жена соскучится по мужѣ и захочетъ послать ему вѣсточку, она завертываетъ пучочекъ соломы и уголекъ. Этимъ она хочетъ сказать, что отъ тоски пожелтѣла какъ солома и почернѣла какъ уголь. Когда дѣвочкѣ минетъ 10 лѣтъ, ей дарятъ кольца, ожерелья, браслеты, и съ этой поры она начинаетъ украшать себя, учится ходить мелкими шажками, картавить, шепелявить, подкрашиваетъ брови и рѣсницы, наканунѣ праздниковъ краситъ шафраномъ ногти, ладони; если она хочетъ что-нибудь спросить, то спрашиваетъ ужимками, напримѣръ, чуть-чуть приподниметъ брови. Въ 12—13 лѣтъ про дѣвушку уже говорятъ: «пришла въ возрастъ» или «начинаетъ нравиться». Теперь она выходитъ изъ дому не иначе, какъ накрывшись волосяной сѣткой, поверхъ которой еще накидывается «паранджа», въ родѣ халата. Брачныя дѣла устраиваютъ родители, при чемъ за невѣсту уплачивается калымъ отъ 10 р. до сотенъ, смотря по состоянію, а въ кишлакахъ расплачиваются скотомъ или хлѣбомъ.

Въ назначенный день приходитъ въ домъ имамъ съ женихомъ и свидѣтелями: невѣста должна сидѣть въ углу, за занавѣской. Имамъ спрашиваетъ, согласна ли она, потомъ читаетъ молитву; послѣ угощенья всѣ расходятся по домамъ. Отвозятъ молодую къ жениху, не сейчасъ, иногда черезъ нѣсколько недѣль. Передъ отъѣздомъ ее одѣваютъ въ бѣлую кисейную рубаху, а на голову навязываютъ нѣсколько платковъ, въ родѣ чалмы. Въ такомъ костюмѣ она садится посреди комнаты, окруженная всѣми родственницами и знакомыми. Послѣ продолжительнаго причитанья молодую выводятъ во дворъ, гдѣ уже стоятъ арбы; всѣ садятся въ одну, и поѣздъ трогается, сопровождаемый толпою мальчишекъ; они бьютъ въ бубны и орутъ во все горло свадебныя пѣсни. У родителей жениха ждутъ съ угощеніемъ, но молодая должна непремѣнно просидѣть трое сутокъ за занавѣской, прежде чѣмъ показаться своей новой роднѣ.

II.

Какъ кочевому, такъ и осѣдлому населенію худо жилось подъ ханскою властью. Особенно ненавидѣли хана кипчаки, полукочевники, обитавшіе въ числѣ 10 тысячъ семействъ въ окрестностяхъ столицы. Худояръ-ханъ былъ ставленникомъ родовитаго кипчака Мусульманъ-кула, который въ продолженіе десяти лѣтъ самовластно управлялъ страной, держа своего питомца взаперти; лучшія мѣста и должности были предоставлены родичамъ и землякамъ правителя. Наскучивъ опекой, Худояръ-ханъ подговорилъ узбековъ, и тѣ подняли народъ: Мусульманъ-кулъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ горы. Подъ Маргеланомъ онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ пятью сотнями главныхъ сообщниковъ. Два мѣсяца ханъ праздновалъ свое освобожденіе, и каждый праздникъ сопровождался казнью плѣнныхъ кипчаковъ, и все это происходило въ присутствіи Мусульманъ-кула, котораго приглашали какъ почетнаго гостя.

Когда дошелъ чередъ до него самого, старикъ только сказалъ: «Аллахъ анбаръ!» (Аллахъ великъ) и спокойно подставилъ свою голову подъ ножъ палача.

Однако страна ничего не выиграла отъ этой перемѣны. Говорятъ, за три года управленія Худояръ-ханъ истребилъ до 20 тысячъ своихъ подданныхъ. Помимо жестокости, онъ былъ алченъ къ наживѣ; народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ и нескончаемыхъ поборовъ. На базарахъ брали и съ продавца, и съ покупателя; были обложены такіе предметы, въ которыхъ нуждается послѣдній бѣднякъ, напр., камышъ, хворостъ, колючка. Ханъ раздавалъ купцамъ деньги подъ проценты, завелъ собственныхъ верблюдовъ и отдавалъ ихъ внаймы подъ тяжести или разсылалъ по базарамъ съ солью. Такими путями онъ скопилъ милліоны. Между прочимъ, въ числѣ его придворныхъ находился молодой и статный сынъ Мусульманъ-кула, Абдурахманъ, въ должности автобачи, въ родѣ нашего камеръ-пажа [1]). Ханъ его побаивался, но въ то же время заискивалъ передъ нимъ то угощеньемъ, то подарками, даже женился на его сестрѣ. Это не мѣшало Абдурахману держать себя надменно и въ то же время подъ рукой сноситься съ кипчаками, питавшими надежду отомстить за смерть его отца и казнь соплеменниковъ; ненависть къ русскимъ внушалъ Абдурахману мулла по имени Исса-Ауліе. Въ серединѣ лѣта 1875 года они скрылись изъ столицы и объявили хазаватъ, т.-е. священную войну противъ христіанъ. Какъ разъ въ ту пору наше посольство находилось въ Коканѣ; съ нимъ былъ и полковникъ Скобелевъ, которому Кауфманъ далъ порученіе проѣхать въ Кашгаръ. Только благодаря этому офицеру да горсти конвоя, хану удалось скрыться подъ нашу защиту, въ Ходжентъ. На мѣсто Худояръ-хана былъ посаженъ его сынъ Насръ-Эдинъ.

Было время, когда властители Кокана повелѣвали богатымъ и плодороднымъ краемъ по всему теченію Сыръ-Дарьи. Безуря-

[1]) „Автоба“—кувшинъ; обязанность автобачи подавать умываться.

дица и мятежи, неудачныя войны съ сосѣдней Бухарой, а главное побѣды русскихъ генераловъ — Черняева, Колпаковскаго, Кауфмана — сократили владѣнія хановъ болѣе, чѣмъ на половину: города Ташкентъ, Туркестанъ, Ходжентъ отошли къ Россіи, часть кочевниковъ признала ея подданство, прочіе не хотѣли признавать ничьей власти. Русскій царь никогда не искалъ новыхъ завоеваній; при мирномъ и спокойномъ состояніи ханства оно могло бы существовать и понынѣ въ предѣлахъ той же Ферганской долины, но каждая безурядица въ Коканѣ отзывалась на границахъ нашихъ владѣній, смущала умы нашихъ новыхъ подданныхъ. Кауфманъ не разъ подавалъ хану добрые совѣты и тотъ совѣты выслушивалъ, а поступалъ по-своему. Съ такими же совѣтами было отправлено изъ Ташкента послѣднее посольство, принужденное покинуть столицу по случаю мятежа. Почти вслѣдъ за нимъ разбойничьи шайки наводнили наши пограничныя владѣнія. Онѣ взбудоражили мирное населеніе кишлаковъ, сожгли нѣсколько почтовыхъ станцій между Ходжентомъ и Ташкентомъ; въ числѣ проѣзжающихъ захватили въ плѣнъ доктора Петрова съ малолѣтней дочерью и прапорщика Васильева; оба были зарѣзаны, а дѣвочка отправлена въ Коканъ. Болѣе сильное скопище коканцевъ подступило къ Ходженту. Абдурахману хотѣлось уничтожить мостъ черезъ Сыръ-Дарью, и разсказываютъ, будто онъ хвастался такимъ образомъ: «Я сначала посижу на русскомъ мосту, а потомъ его подожгу!» Случись это,—нашимъ сообщеніямъ съ Ташкентомъ грозила бы большая опасность. Однако баронъ Нольде, начальникъ ходжентскаго уѣзда, со своими ничтожными силами не только не допустилъ Абдурахмана до моста, но даже отогналъ его скопище далеко отъ города. Въ то же время, по первымъ вѣстямъ изъ Ходжента, обвыклые въ походахъ туркестанскія войска спѣшили сюда изъ Ташкента, проходя въ сутки по 50 — 60 верстъ, такъ что въ серединѣ августа уже составился отрядъ достаточно сильный: 16 ротъ пѣхоты, 8 сотенъ конницы, 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ.

Для защиты Ташкента были призваны отпускные и запасные, больше войскъ въ краѣ не было.

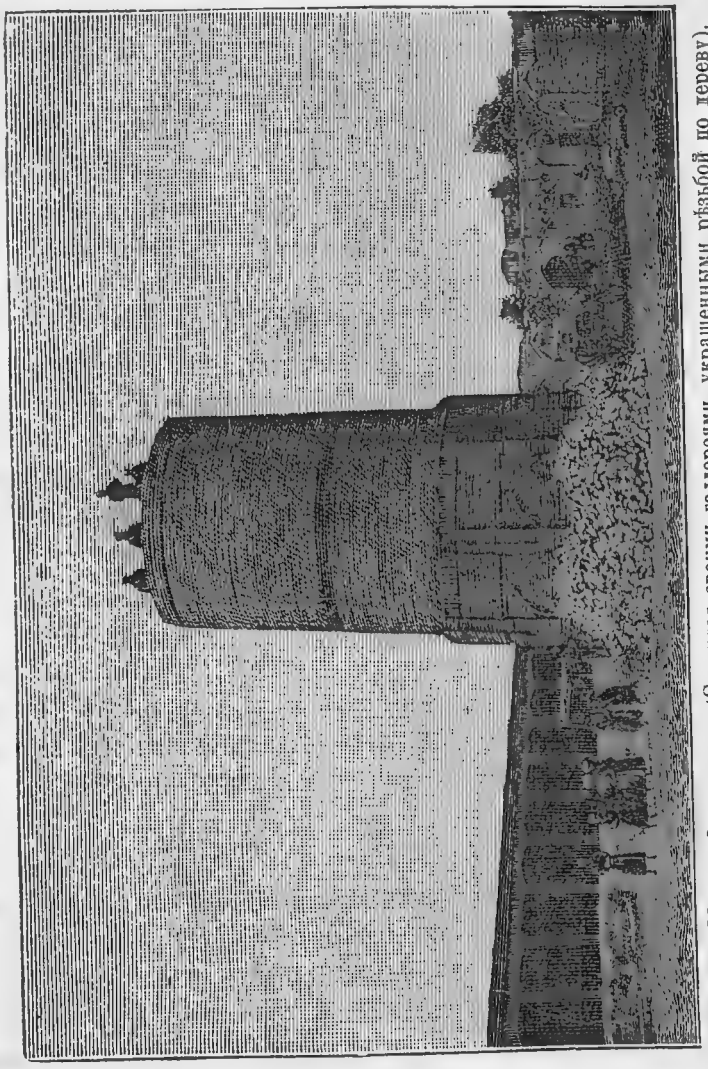
Лазутчики донесли Кауфману, что Абдурахманъ занялъ частью пѣхоты крѣпостцу Махрамъ, а прочія войска расположилъ въ укрѣпленной позиціи, за крѣпостью, вдоль рѣки. Ма-

К. П. Кауфманъ.

храмъ считался у коканцевъ лучшей крѣпостью. Она имѣла видъ четырехугольника, окруженнаго садами и кишлаками; толстыя и высокія стѣны, по пяти саженъ, пересѣкались по серединѣ башнями и имѣли башни по угламъ. Кауфманъ не хотѣлъ сразу посылать на штурмъ, а задумалъ обойти непріятельскую позицію, и атаковать скопище съ фланга и съ

тыла,—тогда крѣпость падетъ сама собой. Какъ только отрядъ снялся съ послѣдняго ночлега, тучи всадниковъ спустились съ горъ, съ гикомъ и трубными звуками; они стали насѣдать справа и съ тыла. Вся покатость была усыпана конными: они кружили, вертѣлись возлѣ отряда, то собирались въ толпы, то снова разсыпались; ихъ было не менѣе 15 тысячъ. Отрядъ шелъ съ минутными остановками: въ смѣльчаковъ, которые подскакивали слишкомъ близко, палили стрѣлки, а въ скученныя толпы стрѣляли ракетами. Густыя облака пыли по временамъ скрывали и своихъ, и чужихъ. Наконецъ, съ лѣвой стороны показалась крѣпость Махрамъ, дальше — непріятельская позиція вплоть до садовъ сосѣдняго кишлака. Кауфманъ еще продвинулся впередъ и потомъ завелъ войска правымъ плечомъ, такъ что они повернули лицомъ къ окопамъ. 12 орудій тотчасъ открыли огонь по непріятельской позиціи, а саженей за 100 генералъ Головачевъ перестроилъ стрѣлковъ въ ротныя колонны и повелъ ихъ на приступъ, частью съ фронта, частью въ обходъ съ лѣваго фланга. Черезъ четверть часа окопы уже были въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ со всѣми орудіями; защитники, пораженные обходомъ, переполошились, бросали пушки и спасались въ крѣпость. Но Головачевъ былъ слишкомъ опытенъ, чтобъ пропустить такую минуту: подъ сильнымъ огнемъ изъ бойницъ солдаты 1-го Туркестанскаго батальона, имѣя впереди офицеровъ, выломали двое воротъ и съ крикомъ «ура!» ворвались въ крѣпость. Защитники толпами бросились къ берегу, но не многіе успѣли спастись вплавь: большинство погибло подъ пулями, заваливъ тѣлами оврагъ. Туркестанцы потеряли всего двухъ человѣкъ. Въ то время, когда пѣхота штурмовала окопы, Скобелевъ схватилъ оренбургскую и уральскую сотни и вынесся съ ними къ махрамскимъ садамъ. Впереди протекалъ глубокій арыкъ. Казаки перешли его вплавь, и только что устроились, какъ замѣтили толпы коканцевъ, отступавшихъ съ махрамской позиціи вдоль берега. Выхвативъ шашки, казаки понеслись вихремъ. Первыми врубились Скобелевъ и его конвойные Евграфъ Греченко, вой-

сковой старшина Рѣшетниковъ и вахмистръ Крыловъ. Этотъ Греченко былъ бѣглый русскій драгунъ, проживший въ Коканѣ 20 лѣтъ; свою вину онъ искупилъ тѣмъ, что во время пребы-



Коканъ. Мечеть Омаръ-хана. (Славится своими галереями, украшенными рѣзьбой по дереву).

ванія посольства въ Коканѣ первый предупредилъ его о близости возстанія. Коканцы никакъ не ожидали такого удара; среди нихъ раздались крики: «Джау! Джау!» (Непріятель); пѣхота

бросилась къ берегу, конные пустились наутекъ. Казаки спрыгнули съ крутого берега, истребили пѣхоту и погнались за конницей. Уже 10 верстъ продолжалась погоня: и люди, и лошади стали утомляться, а между тѣмъ съ горъ подваливали новыя толпы конныхъ враговъ, на свѣжихъ лошадяхъ. Скобелевъ остановилъ казаковъ и, оглядѣвшись, увидѣлъ за версту отъ себя около 10 тысячъ непріятельскихъ всадниковъ, спѣшившихъ на выручку; у него же подъ рукой только 4 сотни. Коканцы уже замѣтили ихъ; раздались зловѣщіе крики восторга, и они стали охватывать казаковъ, чтобы сбить ихъ къ горамъ. Минута была опасная, даже Скобелевъ задумался. Но среди туркестанцевъ укоренилась привычка взаимно-помощи; они не ждали особаго приказанія и при видѣ опасности беззавѣтно бросались на выручку. Этотъ разъ вынесся съ ракетными станками капитанъ Абрамовъ. Подскакавъ на самый близкій выстрѣлъ, онъ выпустилъ полтора десятка ракетъ: испуганные кони заметались, стали опрокидываться, топтать всадниковъ, и скопище отхлынуло.

Лихіе казаки притащили къ ставкѣ командующаго войсками 2 орудія, множество значковъ и бунчуковъ. Всего было взято подъ Махрамомъ 39 орудій и 1½ т. ружей.

По словамъ плѣнныхъ, тамъ были собраны всѣ наличныя силы мятежниковъ, т.-е. кипчаковъ и кара-киргизовъ, приблизительно около 30 т. Абдурахманъ бѣжалъ однимъ изъ первыхъ; онъ проскакалъ съ 3 тысячами всадниковъ мимо Кокана, по направленію къ Маргелану.

Давши отдыхъ войскамъ, Кауфманъ выступилъ по дорогѣ въ Коканъ. Дорога уже пролегала между густо заселенными кишлаками и полями, отлично обработанными подъ хлѣбныя растенія, люцерну, хлопчатникъ и марену; чѣмъ болѣе отрядъ углублялся въ оазисъ, тѣмъ участки становились мельче и мельче, а обработка все лучше и лучше; чаще стали попадаться глиняные заборы, изъ-за которыхъ возвышались рядами шелковица съ сладкими ягодами и тополь; между посѣвами попадались бахчи, огороды съ дынями, арбузами и корнеплодами; еще

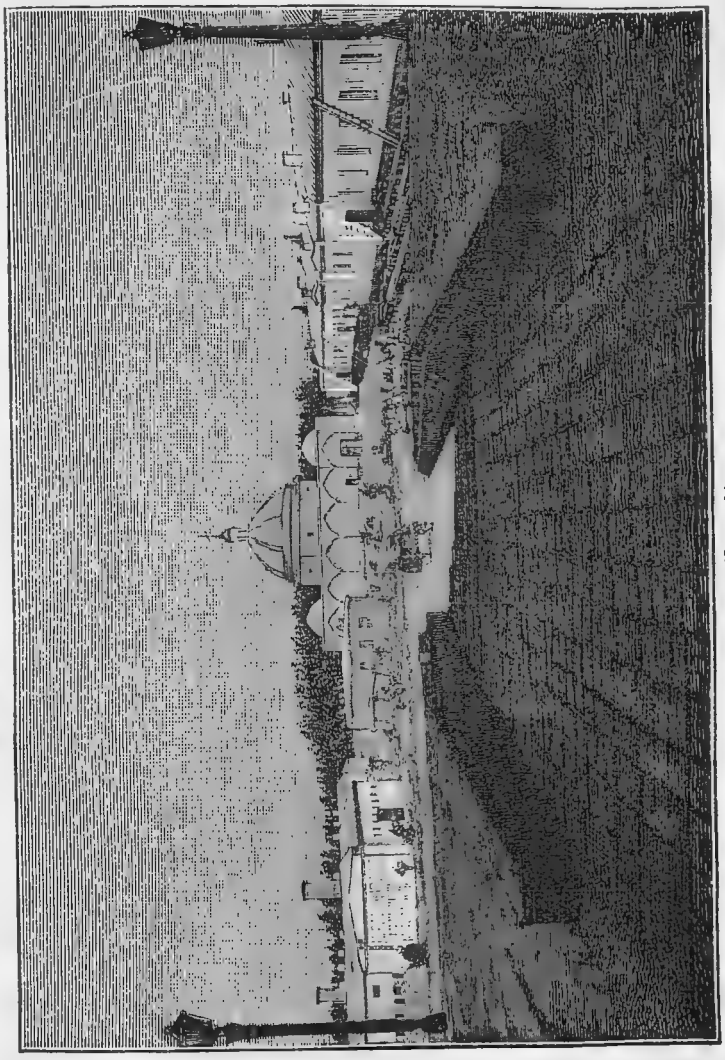
ближе къ Кокану — только виноградники и огороды. Каждый крошечный участокъ, кромѣ забора, обсаженъ двумя рядами деревьевъ — тополь, талъ, карагачъ, грецкій орѣхъ; въ садахъ произрастаютъ гранаты, яблоки, груши, сливы, черешни. По дорогѣ то и дѣло встрѣчались пѣшіе и конные, арбы, нагруженныя доверху плодами этой благословенной земли. На каждомъ ночлегѣ являлись къ генералу окрестные жители съ дастарханомъ и заявленіемъ покорности, а подъ самой столицей явилось посольство отъ хана, съ которымъ были возвращены и всѣ наши плѣнные. По разспросамъ оказалось, что докторъ Петровъ и прапорщикъ Васильевъ были окружены шайкой мятежниковъ на почтовой станціи, гдѣ они долго отстрѣливались, пока ихъ не схватили и не зарѣзали. Несчастная дѣвочка видѣла, какъ отрѣзали голову отцу; ее вытащили полумертвую изъ тарантаса и отправили верхомъ въ Коканъ. Теперь всѣ глядѣли на сиротку съ сожалѣніемъ, а многіе не могли удержаться отъ слезъ. Впослѣдствіи она съ сестрами была обласкана Государемъ Императоромъ и помѣщена на воспитаніе въ казенное заведеніе.

Приближаясь къ столицѣ, Кауфманъ уже зналъ ея расположеніе и всѣ къ ней подступы: Скобелевъ, въ бытность свою въ Коканѣ, нанесъ на планъ все, что имѣетъ значеніе въ военномъ дѣлѣ, какъ-то: направленіе стѣнъ, расположеніе воротъ, помѣщеніе и силу батарей, даже обозначилъ окрестности верстъ на пять кругомъ; этотъ замѣчательный трудъ былъ исполненъ скрытно и подвергалъ храбраго офицера большой опасности. Кауфманъ расположилъ свой отрядъ въ трехъ верстахъ отъ городской стѣны противъ Сары-Мазарскихъ воротъ, и въ тотъ же день часть стѣны была занята нашей пѣхотой. Когда роты подходили уже къ воротамъ, генералъ получилъ телеграмму, въ которой Государь Императоръ благодарилъ его и весь отрядъ за молодецкое дѣло подъ Махрамомъ. Царское «спасибо» туркестанцы встрѣтили съ восторгомъ: могучее «ура!» огласило окрестности и переполошило городъ; свидѣтелемъ этого событія

былъ самъ ханъ, выѣхавшій навстрѣчу генералу съ многочисленной свитой.

Столица ханства расположена въ двадцати верстахъ отъ Сыръ-Дарьи, на равнинѣ, и окружена 4-хъ-саженными стѣнами и тройнымъ рядомъ рвовъ, которые могутъ быстро наполняться водой изъ городскихъ овраговъ. Коканъ гораздо лучше и опрятнѣе, чѣмъ всѣ остальные города: улицы въ немъ широкія, есть бульвары и много кирпичныхъ зданій совершенно такихъ же, какъ строятъ у насъ, съ большими окнами, дверьми, съ печами и зеркалами. Эти дома принадлажетъ коканцамъ, подолгу проживавшимъ въ Россіи. Но главнымъ украшеніемъ города служатъ вѣковые карагачи, до сажени въ поперечникѣ, разбросанные между домами и мечетями. Коканскій базаръ самый богатый во всемъ Туркестанѣ. Тамъ можно найти все, что производитъ страна; кромѣ того, привозные товары изъ Россіи, Персіи, Англіи и Индій. На мѣстѣ приготовляются ткани мало чѣмъ уступающія бухарскимъ; коканскіе мѣдники искусно выдѣлываютъ котлы, посуду, а на монетномъ дворѣ отливали въ свое время пушки и сверлили ружья. Въ центрѣ города помѣщается цитадель, урда, гдѣ дворецъ хана. Это высокое и красивое зданіе, на небольшомъ холмѣ; стѣны дворца блестятъ, какъ узорчатыя ткани; разбросанныя тамъ и сямъ арабскія надписи придаютъ еще больше красоты пестрой мозаикѣ. Вся внутренность урды застроена саклями для помѣщенія придворнаго штата и сарбазовъ. Назначеніе урды заключается не въ томъ, чтобы дать отпоръ непріятелю, а въ обезпеченіи большей безопасности ханской особы, на случай заговора. Для этой цѣли къ воротамъ выставляется караулъ изъ сарбазовъ, а на ночь отряжаются особые часовые, которые обязаны наигрывать безостановочно на свирѣли. Особый дозорца обходитъ по ночамъ часовыхъ, да и самъ ханъ зачастую ихъ провѣряетъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, жизнь азіятскаго владыки находилась всегда въ опасности, особенно въ Коканѣ, гдѣ тронъ бывалъ легкой добычей любого насильника. Кромѣ того, она однообразна и

скучна. Худояръ-ханъ, отецъ Насръ-Эдина, вставалъ обыкновенно очень рано и послѣ молитвы переходилъ въ пріемную, гдѣ его ожидало человѣкъ 10 — 12 самыхъ близкихъ. Онъ по



Урдá.

очереди ихъ подзывалъ и выслушивалъ доклады, а если уставалъ отъ долгаго сидѣнья на полу, то вызывалъ въ особую комнату, что считалось большимъ почетомъ. Часовъ въ 9 утра

во дворецъ собиралось до сотни и болѣе народа на «ассалямъ». Каждый, котораго представляетъ уданчи, или церемоніймейстеръ, говоритъ «ассалямъ-алейкумъ» (желаю здравствовать), на что ханъ отвѣчаетъ поклономъ, жестомъ или же словами, смотря по заслугамъ и благоволенію. Такъ проходитъ время до 12 ч. Въ 2 часа ханъ обѣдалъ съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ или любимцевъ, а остальную часть дня проводилъ во внутреннихъ комнатахъ. Любимымъ развлеченіемъ Худояръ-хана было стравливать животныхъ и птицъ. Одно время онъ только и дѣлалъ, что занимался травлей собакъ, пока хозяева не вышли изъ терпѣнья и не стали ежедневно толпами осаждать урду. Тогда онъ взялся за перепеловъ. Однажды бѣдный сартъ, купивъ на базарѣ за нѣсколько копеекъ перепела, поднесъ его хану съ клятвой, что онъ вывезъ этого рѣдкаго бойца изъ Ходжента. Ханъ щедро одарилъ сарта, но когда выпустилъ перепела на бой, тотъ забился въ уголъ. Ханъ пришелъ въ такую ярость, что велѣлъ немедленно разыскать продавца. Однако мошенникъ успѣлъ во-время скрыться.

Насръ-Эдинъ почти ежедневно пріѣзжалъ въ лагерь, чтобы заявить о спокойствіи въ столицѣ. Правда, населеніе было покорно, но оно находилось подъ страхомъ: лавки были на половину закрыты, базары пусты, пожитки зарыты въ землю или запрятаны въ укромныя мѣста. Происходило же это оттого, что восточная половина ханства волновалась; изъ городовъ Маргелана, Асаке, Андижана, Оша никто къ генералу не являлся, а, напротивъ, приходили дурныя вѣсти, что Абдурахманъ застращалъ всѣхъ жителей и намѣренъ драться; по всѣмъ дорогамъ стоятъ его караулы, никого не пропускаютъ. Молодой ханъ былъ слишкомъ слабъ да и неопытенъ, чтобы успокоить страну, и поневолѣ приходилось русскимъ взять на себя его дѣло. Какъ только подошелъ изъ-подъ Махрама транспортъ съ палатками и кошмами, генералъ передвинулъ свой отрядъ къ Маргелану, за 75 верстъ отъ столицы. Маргеланцы сейчасъ же притащили изъ города свои 9 пушекъ и поставили ихъ передъ палаткой

генерала; затѣмъ явились казіи (судьи), аксакалы, а также торговые люди съ обильнымъ дастарханомъ. Они умоляли пощадить городъ. Въ ту же ночь Абдурахманъ, покинувъ часть

Г. Коканъ. Ханскій дворецъ.

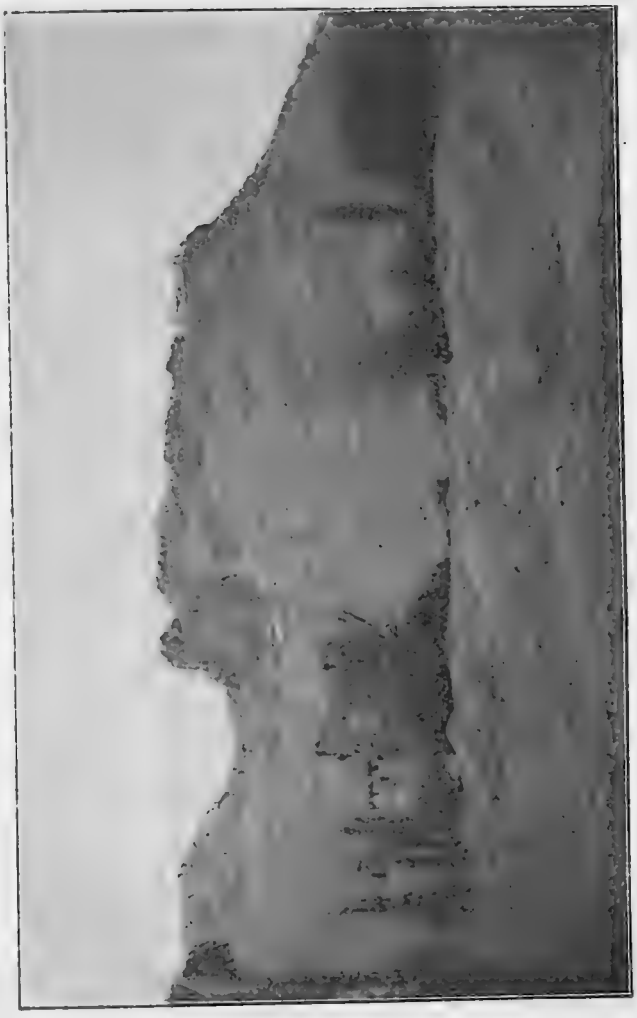
лагеря, ушелъ изъ-подъ Маргелана съ толпой кипчаковъ. Для его преслѣдованія былъ составленъ летучій отрядъ изъ 6 сотенъ, 2 ротъ пѣхоты на арбахъ и 4 конныхъ орудій, подъ началь-

ствомъ Скобелева. Этотъ не знавшій устали офицеръ дни и ночи преслѣдовалъ по пятамъ мятежниковъ,—безъ дорогъ, по гористой пересѣченной мѣстности; войска переходили вбродъ арыки, поднимались на крутизны, спускались въ глубокіе овраги, гдѣ во тьмѣ бурлятъ горные потоки. На ур. Минъ-тюбе Скобелевъ нанесъ первый ударъ Абдурахману; тогда казаки гнали его скопище на протяженіи 5 верстъ, при чемъ захватили не мало ружей, значковъ, лошадей и 10 арбъ съ имуществомъ.

Располагая еще наканунѣ пятью тысячами всадниковъ, Абдурахманъ съ 4 сотнями джигитовъ и 4 пушками бросается сломя голову на Ошъ. По дорогѣ ему уже не даютъ добровольно ни клевера, ни барановъ; наконецъ онъ бросаетъ и пушки. Аксакалы изъ Карасу такъ разсказывали о его бѣгствѣ: «На разсвѣтѣ мы услышали топотъ и увидѣли, что автобачи скакалъ вправо отъ дороги, впереди толпы; люди и лошади были измучены; половина джигитовъ сидѣла по два на конѣ. Автобачи бросилъ и свой значокъ, а значокъ этотъ онъ вывезъ изъ Мекки, когда ѣздилъ на богомолье». Абдурахманъ проскакалъ тогда въ 18 часовъ 80 верстъ.

Скобелевъ упредилъ его и въ Ошѣ. Этотъ отдаленный городокъ не признавалъ ханской власти: кочевники считали его своимъ городомъ, и въ немъ никогда не стояли сарбазы. Онъ расположенъ у самаго выхода плодородной и здоровой долины, по которой войска наши—черезъ Лянгаръ и Гульчу—двигались на Алай и Памиръ. Поросшія лѣсомъ горы окружаютъ уступами городъ; изъ нихъ славится уединенная скала, съ 4 остроконечными главами: это знаменитый Соломоновъ тронъ «Тахтъ-и-Сулейманъ». Одни говорятъ, что Соломонъ, возсѣдая на вершинѣ горы, вызывалъ ангеловъ, чтобы передать имъ свои велѣнія; другіе объясняютъ иначе: будто Соломонъ былъ тутъ умерщвленъ, почему набожные богомольцы, проходя мимо, повергаются ницъ. Во усѣянной мелкими камнями горѣ сохранилось углубленіе, въ которое больные опускаютъ головы въ надеждѣ исцѣленія. Съ площадки мазара, стоящаго на вершинѣ горы, откры-

вается зеленѣющая долина, прегражденная на югѣ изрытыми громадами Алая; подъ ногами бурлитъ серебристой лентой Акъ-буру, по ущелью, разверстому всемогущимъ словомъ Соломона.



Ошъ или Ушъ.

Не смотря на столь надежную охрану, жители Оша по первому требованію Скобелева немедленно выдали все оружіе, доставили для лошадей фуражъ, а для людей мясо и лепешки. Аксакалы и жители встрѣтили отрядъ съ дастарханомъ.

Стремительное движеніе Скобелева по этой окраинѣ ханства, а также кавалерійское дѣло на ур. Минъ-тюбе возымѣли свое дѣйствіе. Въ генеральской ставкѣ подъ Маргеланомъ перебывали старшины отъ всѣхъ городовъ и кишлаковъ, а также отъ всѣхъ ауловъ кочевниковъ съ изъявленіемъ покорности; они торжественно клялись и увѣряли, что отнынѣ будутъ свято и безпрекословно исполнять волю Ярымъ-падишаха (полу-царя). Тогда же явились и главные сподвижники Абдурахмана: Атакуль-батырь-баши и Халаакъ-Назаръ; послѣдній изъ нихъ, послѣ удержанія муллы Ауліе-асса считался во главѣ священной войны.

Обманутый такими заявленіями, Кауфманъ считалъ замиреніе страны оконченнымъ и въ концѣ сентября отвелъ войска за Сыръ-Дарью къ г. Намангану. Не успѣли наши устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ были получены извѣстія, что Абдурахманъ и киргизъ Фулатъ-бекъ объявили въ Андижанѣ хазаватъ, снова подняли на ноги кара-киргизовъ и кипчаковъ. Такое вѣроломство со стороны андижанцевъ, недавно завѣрявшихъ въ покорности, не могло, конечно, остаться безнаказаннымъ. Главный начальникъ немедленно вырядилъ отрядъ силою въ 1,400 чел. подъ начальствомъ генерала Троцкаго. По пути къ Андижану уже замѣчались признаки возстанія: кишлаки были пусты, встрѣчъ никакихъ, вдали показывались вооруженныя шайки; наши джигиты, выѣзжавшіе на развѣдки, подвергались преслѣдованію. Наконецъ стало извѣстно, что на главныхъ улицахъ города устроены завалы и что всѣ окрестные жители согнаны въ городъ; говорили, что число защитниковъ простирается до 70 тыс., кромѣ 15 тысячъ киргизовъ, расположившихся за городомъ, для перехватыванія нашихъ путей. Заручившись такими свѣдѣніями, Троцкій выслалъ Скобелева осмотрѣть подступы и выбрать мѣсто для вагенбурга [1]). Съ 1½ сотнями казаковъ Скобелевъ чуть не добрался до самаго базара. Болѣе 6 тысячъ

[1]) Вагенбургъ—обозъ, слѣдующій за арміей, и укрѣпленіе, устроенное изъ него.

конницы насѣдало на казаковъ во время отступленія, потомъ подбѣжала пѣхота и открыла учащенную пальбу изъ-за стѣнъ и саклей. Стѣсненные въ узкой лощинкѣ, они то отступали, то выносились впередъ; по временамъ вылетали ракеты со свистомъ и шипѣніемъ, приводя въ неописанный ужасъ, какъ всадниковъ, такъ и лошадей. Уже на самомъ выходѣ изъ города подоспѣли на помощь двѣ сотни съ графомъ Борхомъ.

Андижанъ былъ нѣкогда столицей ханства и по виду совсѣмъ азіатскій городъ. Улицы въ немъ узкія; по обѣимъ сторонамъ глиняные дома, низкіе, съ плоскими земляными крышами и безъ оконъ. Въ глиняныхъ заборахъ маленькія ворота и калитка. Тутъ же на улицахъ въ пыли играютъ ребятишки, и голодныя собаки провожаютъ пѣшехода съ злобнымъ лаемъ вплоть до базара. Близость базара можно узнать прежде всего по запаху кунжутнаго масла, на которомъ готовится разная снѣдь, потомъ — людской гулъ, стукъ молотовъ, ржаніе лошадей. Сутолока страшная. Вотъ рядъ съ тюбетейками: лавчонки маленькія, открытыя; разложены ряды разноцвѣтныхъ тюбетеекъ, расшитыхъ цвѣтами; мальчишки стоятъ толпами и пялятъ глаза на красныя тюбетейки. Въ длинныхъ красныхъ рядахъ торгуютъ краснымъ товаромъ. Мимо нихъ плыветъ дробной походкой молодая сартянка: она отпросилась къ матери, а шмыгнула на базаръ; ей хочется взглянуть на канаусы, потомъ выбрать себѣ бусы, но изъ страха встрѣтиться съ отцомъ или мужемъ у нея сердце такъ сильно бьется, что она почти ничего не видитъ. Въ другомъ мѣстѣ стоитъ толпа юродивыхъ, въ красныхъ высокихъ шапкахъ, съ длинными посохами; она реветъ какую-то дикую пѣсню, за что получаетъ съ хозяина нѣсколько тилей. Подъ маленькими навѣсами изъ плетенокъ сидятъ шорники, кузнецы, портные, мѣдники, всѣ за работой; въ перемежку съ ними—мясники, бакалы (лавочники) продаютъ мясо, масло, рисъ, табакъ, овощи.

Въ одномъ мѣстѣ варятъ пельмени, въ другомъ пекутъ пирожки. Продавецъ халвы кричитъ во все горло: «Шакаръ-дакъ!» (какъ сахаръ); еще пуще деретъ другой: «Шарбатъ! мусъ-дакъ!»

(какъ ледъ холодный шербетъ). На углу, прижавшись къ стѣнѣ, сидитъ сгорбленная старушонка; у нея на колѣняхъ корзинка съ лепешками. Ей нельзя ни кричать, ни говорить: законъ запрещаетъ. Она должна сидѣть хоть цѣлый день, пока не выручитъ себѣ на хлѣбъ. Черезъ толпу народа пробирается угрюмый сартъ: это ткачъ. Онъ сегодня получилъ за работу рубль и долженъ на эти деньги купить кусочекъ мяса, сала, 2 — 3 фунта риса, чечевицы, муки, луку и дровъ, а дѣло жены позаботиться, чтобы этой провизіи хватило на всю недѣлю. Въ кучкѣ праздныхъ зѣвакъ авганецъ заставляетъ обезьяну показывать, какъ ходитъ съ ружьемъ «урусъ», или какъ охотникъ подкрадывается къ дичи...

Не таковъ былъ Андижанъ въ ночь подъ праздникъ Покрова, наканунѣ штурма. Оттуда доносились не базарные крики, а зловѣщіе призывы къ оружію; между городомъ и ставкой Фулатъ-бека сновали партіи конныхъ, поднимавшія облака пыли. Въ отрядѣ почти никто не спалъ въ ожиданіи скорѣйшей развязки, и какъ только разсвѣло, уже всѣ были въ строю, на своихъ мѣстахъ. Солдаты сняли шапки, перекрестились; раздалась команда: «Ружье вольно, шагомъ маршъ!» Три крохотныхъ колонны двинулись къ городу. Эту минуту стерегъ Фулатъ-бекъ: давши имъ отойти съ $^1/_2$ версты, онъ налетѣлъ на ваѓенбургъ, но тутъ его встрѣтилъ полковникъ Травло гранатами изъ двухъ конныхъ орудій. Киргизы мгновенно разсѣялись. Въ это время Скобелевъ во главѣ 1-ой колонны уже втянулся въ предмѣстье. Пороховой дымъ впереди до того застилалъ глаза, что казаки совершенно неожиданно очутились передъ заваломъ, вооруженнымъ пушкой. Они крикнули «ура!», мигомъ овладѣли заваломъ и ворвались въ самый городъ. Верхомъ перескочилъ черезъ завалъ Скобелевъ, и остановился: его красивая статная фигура, благородная осанка и спокойная отчетливая команда производили чарующее дѣйствіе: солдаты мигомъ свезли пушку, разобрали завалъ и устремились дальше. Андижанцы дрались отчаянно; они пользовались каждымъ закры-

тіемъ, стрѣляли съ крышъ, деревьевъ, дрались на улицахъ, во дворахъ, въ сакляхъ и мечетяхъ. Сопротивленіе еще больше разжигало удаль охотниковъ, шедшихъ впереди; то и дѣло раздавался звукъ трубы, наигрывавшей наступленіе: это значило, что они почти безостановочно переходили отъ одного завала къ другому. На базарѣ 1-ая колонна наткнулась на громадный завалъ, огражденный толстыми брусьями. Тутъ выѣхало наше орудіе, и послѣ нѣсколькихъ залповъ непріятель разбѣжался. Съ такимъ же трудомъ пробивалась шедшая сзади колонна Аминова: ее тѣснила съ тыла непріятельская конница. Тогда капитанъ Арванатаки повернулъ назадъ два орудія и заставилъ конницу отхлынуть; дальше шли, прикрывшись сзади цѣпью стрѣлковъ. Вторая колонна Меллера-Закомельскаго двигалась правѣе Скобелевской. Поперекъ ея пути встрѣчались завалы, сложенные изъ арбъ и укрѣпленные брусьями. Впереди охотниковъ шелъ молодой офицеръ Хомичевскій, который всегда первымъ появлялся на завалѣ. Кромѣ пяти заваловъ, туркестанцы должны были еще овладѣть укрѣпленными саклями и особенно долго провозились возлѣ одной мечети. Наконецъ всѣ три колонны сошлись въ урдѣ, очистили отъ мятежниковъ дворецъ и послѣ короткаго отдыха вышли обратно къ вагенбургу, при чемъ поджигали всѣ попутныя постройки. Путь арьергарда обозначался заревомъ пожара, раздавались выстрѣлы и боевой кликъ андижанцевъ: «Уръ! уръ!» Въ два часа отрядъ былъ уже на мѣстѣ, потерявъ 8 убитыхъ и около 50 раненыхъ. Чтобы довершить разрушеніе Андижана, Троцкій сейчасъ же выслалъ Скобелева съ 6-ю орудіями и приказалъ бомбардировать городъ, направляя выстрѣлы главнымъ образомъ на базаръ и въ мѣста пожаровъ.

Наступила ночь. Пламя бушевало во всю, сопровождаемое трескомъ и грохотомъ, точно пушечная пальба не умолкала ни на минуту. Абдурахманъ съ трудомъ собралъ своихъ сподвижниковъ на маслаҳатъ (совѣщаніе). Тутъ были Фулатъ-бекъ, Батырь-тюря, Исфандіяръ, Халикулъ-перваначи и нѣсколько дру-

гихъ вождей мятежа; ихъ окружали джигиты, толпа андижанцевъ. Призывая шопотомъ имя Аллаха, каждый изъ присутствующихъ ожидалъ, что́ скажутъ муллы. Вдругъ, на высотѣ нѣсколькихъ саженъ лопнула русская граната: то былъ зоревой выстрѣлъ, на этотъ разъ боевой. Разлетѣвшимися осколками многихъ поранило, около 15 человѣкъ убило. Пораженные ужасомъ мятежники разбѣжались, покинувъ даже оружіе. Объ этомъ событіи сообщили въ лагерь перебѣжчики евреи. Они разсказывали, что въ Андижанѣ собрались кочевники и жители всѣхъ сосѣднихъ городовъ, не исключая Кокана; что они дали клятву отстоять городъ во что бы то ни стало; аксакалы же, частью по охотѣ, частью подъ угрозой смерти, работали на завалахъ; затѣмъ, будто самъ Абдурахманъ, заслышавъ русское «ура», до того оторопѣлъ, что скрылся въ толпу и больше его никто не видѣлъ.

Какъ тогда, такъ и въ наше время на андижанцевъ дѣйствуетъ одуряюще призывъ къ оружію во имя вѣры, а слѣдовательно борьбы съ христіанами. Можно сказать на нашихъ глазахъ (18 мая 1898 г.) въ андижанскомъ лагерѣ среди спящихъ солдатъ появился съ толпой пѣшихъ и конныхъ, вооруженныхъ шашками, пиками, батиками — вообще, холоднымъ оружіемъ—Дукчи-Ишанъ, онъ же Мадали, объявившій хазаватъ. На передней линейкѣ нашего лагеря остановился старый мулла съ книгой и развернутымъ знаменемъ зеленаго цвѣта, обрызганнымъ русской кровью. Ишанъ обѣщалъ мятежникамъ, что на враговъ подуетъ «вѣтеръ разрушенія» и они будутъ побиты дреколіемъ. — Стрѣлки отбили нападеніе, виновники возстанія были разысканы и наказаны, а кишлакъ Минъ-тюбе, гдѣ вербовалась мятежная шайка, срытъ до основанія. Несмотря на продолжительное господство русской власти въ этомъ краѣ, на водвореніе въ немъ правды и закона, кипчаки все еще надѣются вернуть прежнія времена, когда они распоряжались судьбами страны. Мулламъ это на руку: при всякомъ удобномъ случаѣ они разжигаютъ ненависть къ русскимъ, пророчатъ въ

борьбѣ съ ними вѣрный успѣхъ. То же самое происходило въ Андижанѣ и 26 лѣтъ тому назадъ.

Погромъ 1 октября не образумилъ андижанцевъ. Русскимъ войскамъ пришлось еще разъ въ немъ побывать, зимой, какъ разъ на рождественскіе праздники; но на этотъ разъ защитники, не дождавшись штурма, разбѣжались. Войсками командовалъ ихъ любимецъ, молодой генералъ Скобелевъ, недавно произведенный въ этотъ чинъ за отличіе въ предыдущихъ дѣлахъ. Во дворцѣ хана было отслужено благодарственное молебствіе. Едва замолкли звуки «Тебѣ, Бога хвалимъ!», сопровождаемые пушечной пальбой, какъ были получены новыя тревожныя вѣсти. Скобелевъ выдѣлилъ частицу изъ своего отряда и въ серединѣ января двинулся по дорогѣ въ г. Асаке. Пройдя мимо этого городка, русскіе открыли на сосѣднихъ высотахъ значительныя силы пѣшихъ и конныхъ коканцевъ, приблизительно до 15 тысячъ. Это была послѣдняя попытка Абдурахмана извѣдать счастье въ открытомъ бою. Обстрѣлявъ предварительно высоты, наши сбили непріятеля съ гребня, послѣ чего коканцы атаковали насъ во флангъ со свойственной имъ запальчивостью и криками «Уръ! уръ!». Ихъ отбросили залпами, картечью, и сейчасъ же конные стрѣлки съ казаками ринулись въ погоню. Они гнали мятежниковъ болѣе 10 верстъ, изрубили почти всю пѣхоту, а конницу разметали такъ, что она не могла уже болѣе собраться. Эта побѣда въ конецъ убѣдила Абдурахмана, что ему не подъ силу бороться съ русскими, и черезъ недѣлю онъ съ главарями возстанія, въ числѣ 26 человѣкъ, въ 8 верстахъ отъ Андижана, въ Гинду-кишлакѣ, принесъ повинную, отдавая себя милосердію Государя Императора. Не явился лишь Фулатъ-бекъ, именемъ котораго вершились дѣла въ столицѣ. Признанный нами ханъ Насръ-Эдинъ уже былъ въ ту пору изгнанникомъ; въ поспѣшномъ бѣгствѣ къ Махраму, подъ охрану русскихъ, онъ самъ едва уцѣлѣлъ. Оставалось покончить съ Фулатъ-бекомъ. Перерѣзавъ изъ мести братьевъ Абдурахмана, онъ бѣжалъ на Алай, намѣреваясь скрыться въ далекихъ горахъ. Для его пре-

слѣдованія выступили изъ Андижана 6½ сотенъ казаковъ и эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, при 4 орудіяхъ и 6 ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ ротмистра Меллера-Закомельскаго. Отрядъ передвигался быстро, но скрытно, давая ложныя свѣдѣнія о своемъ направленіи. По пути было получено извѣстіе, что Фулатъ-бекъ, покинувъ Маргеланъ, съ 5 т. конницы, 5 пушками и со всѣмъ своимъ имуществомъ направился къ Алайскимъ горамъ, и что на 28 января онъ будетъ ночевать въ кишлакѣ Учъ-Курганъ, за 30 верстъ отъ Маргелана. Несмотря на то, что войска сдѣлали уже 40 верстъ, они двинулись дальше поперемѣнно то шагомъ, то рысью. Дорога шла между грядами каменистыхъ горъ; по сторонамъ попадались курганчи (глиняныя крѣпостцы); пользуясь темнотой ночи, ихъ обходили потихоньку.

Обширный въ нѣсколько сотъ дворовъ кишлакъ Учъ-Курганъ растянулся на 2½ версты въ глубокой лощинѣ, вдоль горной рѣчки. Въ дальнемъ его концѣ стояла урда, гдѣ расположился на ночлегъ Фулатъ-бекъ. Хотя отрядъ сдѣлалъ въ этотъ день 90 верстъ, безъ пищи и безъ отдыха, однако Меллеръ-Закомельскій рѣшился сейчасъ же произвести нападеніе. Спѣшенные стрѣлки и сотни сибирскихъ казаковъ, подъ начальствомъ капитана Куропаткина [1]), спустились съ обрыва въ кишлакъ и быстро двинулись къ урдѣ; ихъ велъ недавно усмиренный Исфандіяръ; остальной отрядъ, раздѣленный еще на двѣ части, занялъ оба пути, которыми Фулатъ-бекъ могъ проскочить на Алай.

Въ безмолвіи ночи отрядецъ Куропаткина быстро двигался вдоль кишлака, но вотъ стали раздаваться выстрѣлы, появились одиночные всадники, наконецъ и пѣшіе сарбазы прямо бросаются на колонну. Пришлось пустить въ ходъ оружіе; нѣсколько конныхъ партій удалось даже обратить въ бѣгство дружными залпами. Пробиваясь все дальше и дальше, колонна

[1]) Нынѣ военный министръ.

приблизилась къ деревянному мосту, перекинутому черезъ рѣчку: на другомъ ея берегу, у подножія горы стояла урда, гдѣ и ночевалъ Фулатъ-бекъ, со свитой. По пятамъ бѣгущихъ колонна ворвалась въ ворота урды; защитники ея, обезумѣвъ отъ страха, заспанные, въ ночной темнотѣ, метались во всѣ стороны, куда бы выскочить. Кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ, былъ приколотъ. Оставивъ тутъ часть стрѣлковъ, Куропаткинъ съ ка-

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ.

заками и остальными стрѣлками бросился по извилистой крутой тропинкѣ наверхъ. Тамъ, на высотѣ, помѣщался сарбазскій дворъ и возлѣ него стояли 5 пушекъ, которыя могли обстрѣливать лежащій у подножія кишлакъ. Встрѣченные уже огнемъ, наши не сдѣлали ни одного выстрѣла и, не останавливаясь ни на секунду, вскочили на завалъ: впереди самъ Куропаткинъ, съ нимъ стрѣлки Сикидинъ, Шнуковъ и горнистъ Карабановъ.

Послѣ горячаго штыковаго боя всѣ защитники батареи остались на мѣстѣ, у своихъ орудій; сарбазы кидались съ обрыва.

По занятіи урды изъ кишлака выносились толпы всадниковъ, искавшихъ спасенія на Маргеланъ или въ горы, но ихъ всюду встрѣчали залпами изъ орудій, не то ружейнымъ огнемъ: всѣ пути бѣгства были искусно перехвачены. Много ихъ тогда погибло, остальные разсѣялись, самъ Фулатъ-бекъ едва спасся съ десяткомъ джигитовъ, позабывъ второпяхъ даже свой костыль, безъ котораго не могъ двигаться. Кромѣ 5 мѣдныхъ орудій было захвачено болѣе 100 фальконетовъ, множество разнаго рода оружія, пороху, снарядовъ и все имущество Фулатъ-бека, въ томъ числѣ его бунчукъ, щиты, 200 верблюдовъ.— Только опытныя туркестанскія войска могли беззавѣтно штурмовать урду, ночью, на совершенно незнакомой и къ тому же пересѣченной мѣстности. Затѣмъ, если вспомнить, что на другой день въ 11 ч. ночи они уже были въ Асаке, т.-е. въ $1^1/_2$ сутки сдѣлали 150 верстъ, то нельзя не удивляться ихъ изумительной выносливости.

Оставляя край, Кауфманъ поручилъ начальство надъ войсками Скобелеву. Его смѣлые походы, всегдашняя готовность броситься навстрѣчу опасности, затѣмъ—штурмы городовъ, разореніе и пожоги мятежныхъ ауловъ, наконецъ лихое Учъ-курганское дѣло явно показали безнадежность дальнѣйшаго сопротивленія. Къ тому же населеніе городовъ и кишлаковъ было утомлено безначаліемъ и смутой; оно жаждало отдыха, возвращенія къ мирному труду, отъ котораго чаще всего его отрывали силой подъ угрозой ножа. И вотъ, со всѣхъ концовъ ханства стали являться въ Андижанъ одни за другими депутаты, на этотъ разъ искренно заявляя безусловную покорность; маргеланскій бекъ привезъ и сдалъ Скобелеву 17 пушекъ и ханскіе экипажи; явился послѣдній изъ ярыхъ вождей хазавата—Турсункулъ, со всѣми почетными жителями г. Маргелана. Тогда Скобелевъ спѣшно двинулъ свой отрядъ къ Кокану. По пути, во время ночныхъ переходовъ, жители освѣщали дорогу ко-

страми, а за 15 верстъ отъ столицы были высланы 29 пушекъ. Отдѣльные небольшіе отряды, разбросанные въ долинѣ Ферганы, также спѣшили со всѣхъ сторонъ на соединеніе съ главнымъ. Въ Коканѣ было найдено еще 62 орудія, большіе запасы пороха и снарядовъ. Когда пріѣхалъ временно командующій войсками Г. А. Колпаковскій, то скоро убѣдился, что населеніе не желаетъ иной власти, кромѣ Бѣлаго Царя. 19 февраля 1876 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи всего Коканскаго ханства къ русскимъ владѣніямъ подъ названіемъ Ферганской области. Военнымъ губернаторомъ этой области былъ назначенъ Скобелевъ.

Ханъ Насръ-Эдинъ, Абдурахманъ автобачи и нѣсколько другихъ главарей были высланы изъ края; прочіе получили прощеніе, кромѣ Фулатъ-бека.

Послѣдній подвигъ Скобелева въ Ферганѣ уже разсказанъ: это пораженіе скопища Абдулъ-бека въ ущельѣ Янги-арыкъ, за 25 верстъ отъ Гульчи. Абдулъ-бекъ съ братьями Махмудомъ и Хасаномъ бѣжалъ въ горы, по направленію къ Памиру, ловко увертываясь отъ преслѣдующихъ его казаковъ подъ начальствомъ князя Витгенштейна. Нашъ летучій отрядъ чуть было не погибъ тогда около озера Кара-куль во время страшной мятели, оставшись безъ провіанта и фуража. На обратномъ пути казаки встрѣтили мать Абдулъ-бека, въ сопровожденіи четвертаго ея сына Канчи-бека и племянника Мирча-Паяса, въ поспѣшномъ ихъ бѣгствѣ на плохихъ киргизскихъ лошаденкахъ. Во время коканскаго ханства это была законная царица Алая; такою ее признавали и коканскій ханъ, и бухарскій эмиръ, присылавшіе ежегодно правительницѣ Алая богатые подарки. Ее звали Курбанъ-джанъ-датха. Однажды жадный Худояръ-ханъ сдѣлалъ попытку обложить податью алайскихъ кочевниковъ; но датха не только не допустила до этого, но еще принудила хана подписать льготную грамоту. Она управляла Алаемъ очень долго и прославилась своею мудростью. Ея сыновья, которые уже названы, были вѣрными помощниками; каждый изъ нихъ завѣдывалъ особымъ

участкомъ. Имена этихъ бековъ, какъ «батырей» и лучшихъ джигитовъ, были извѣстны далеко за предѣлами Алая. Послѣ окончательнаго усмиренія Ферганы, когда заволновалось горное населеніе Алая, то, конечно, не безъ вѣдома датхи, раздался со снѣжныхъ высотъ призывный кличъ Абдулъ-бека, подъ бунчуки котораго и собрались всѣ узбеки, киргизы, уцѣлѣвшіе отъ погромовъ въ Андижанѣ, подъ Асаке, въ Учъ-Курганѣ. — Судьба этого скопища также разсказана (стр. 219).

Особый конвой подъ начальствомъ офицера долженъ былъ доставить датху и ея батырей къ Скобелеву. Послѣ пораженія скопища Абдулъ-бека онъ въ ту пору подвигался съ отрядомъ къ Алаю. Когда датхѣ объявили эту вѣсть, она сказала: «Я теперь раба русскихъ; они могутъ дѣлать со мной, что имъ угодно — такова воля Аллаха!» — Это была хотя и не молодая, но красивая женщина, небольшого роста; одѣта въ парчевой халатъ, отороченный мѣхомъ, и въ такой же шапочкѣ. Когда она говорила, крупныя слезы блестѣли въ узкихъ прорѣзахъ ея глазъ. Датха бодро проѣхала весь путь верхомъ на казачьей лошадкѣ. Когда плѣнники предстали передъ Скобелевымъ, оба батыря отвѣсили ему низкій «кулдукъ» (поклонъ), а царица, опустивъ голову, стояла неподвижно. Скобелевъ подошелъ къ ней и протянулъ руку. Датха сначала растерялась отъ неожиданнаго привѣтствія, но сейчасъ же радостная улыбка освѣтила ея лицо, и она что-то сказала по-киргизски.

— Скажите датхѣ, обратился Скобелевъ къ переводчику, что я радъ ее видѣть въ добромъ здоровьѣ. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и знаю, что она заслужила уваженіе отъ сосѣднихъ хановъ; увѣренъ, что она пойметъ безполезность вражды къ русскимъ и съумѣетъ кочевое населеніе Алая склонить къ миру. Еще скажите: какъ мать, она можетъ гордиться своими сыновьями; пусть она знаетъ, что русскіе уважаютъ храбрыхъ враговъ. Если она уговоритъ своихъ сыновей возвратиться на Алай, то я награжу ихъ, какъ подобаетъ награждать батырей, а теперь прошу датху принять дастарханъ».

По приказанію генерала принесли огромный подносъ, на которомъ цѣлой горой возвышались разныя лакомства; послѣ того, Скобелевъ собственноручно надѣлъ на царицу парчевой халатъ.

Умная датха поняла, что времена измѣнились и тутъ же дала обѣщаніе вѣрно служить Россіи; поручилась, что миръ и тишина водворятся въ долинѣ Алая, пока она жива.—Дѣйствительно, одинъ изъ ея сыновей со многими батырями вернулся домой, но Абдулъ-бекъ не послушался матери, ушелъ въ Мекку и по дорогѣ туда умеръ. Остальные сыновья были назначены правителями волостей и подъ надзоромъ матери усердно служили Бѣлому царю.

ВОЙНА СЪ ТЕКИНЦАМИ.

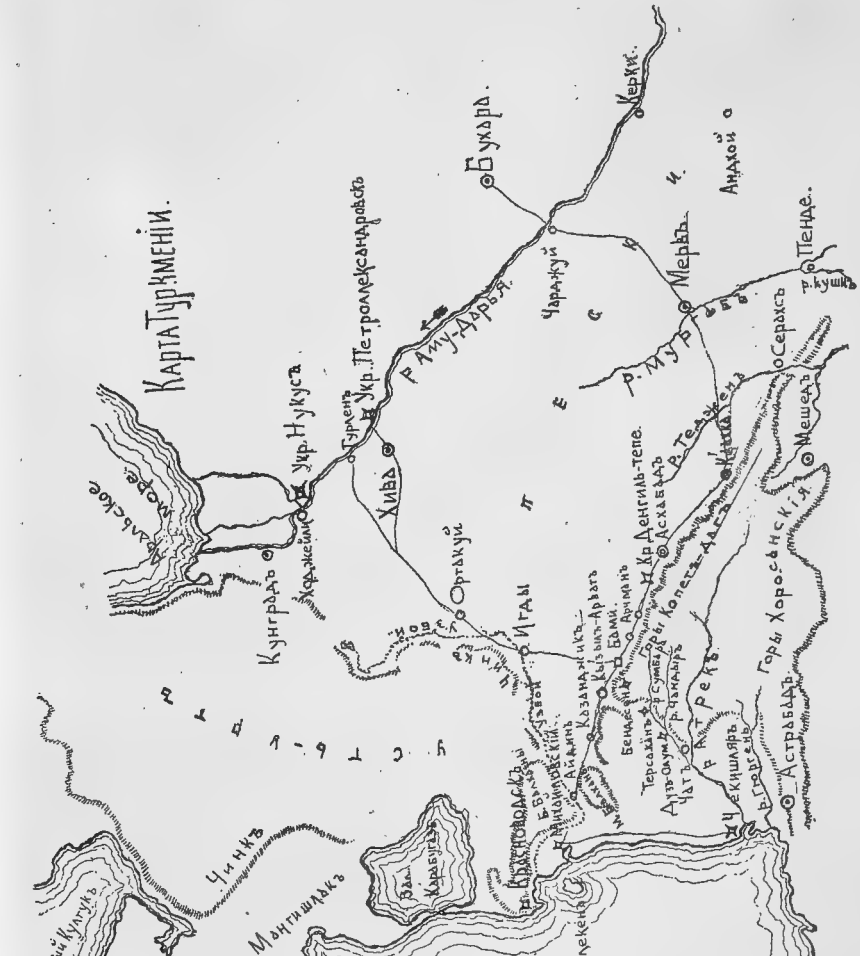
I.

Нынѣшнихъ турокъ есть за Каспіемъ бѣдные родичи, которыхъ называютъ туркменами. Между турками и туркменами большая разница: турки народъ мирный, добрый; туркмены народъ воинственный, склонный къ грабежамъ и разбоямъ; турки давно уже живутъ какъ народъ осѣдлый; между туркменами еще много кочевниковъ, которые со своими стадами переходятъ съ мѣста на мѣсто, укрываясь отъ зноя и дождя въ кибиткахъ. Такъ называются круглыя войлочныя палатки. Лѣтъ 400 тому назадъ туркамъ посчастливилось занять богатѣйшія земли греческихъ царей, овладѣть завѣтнымъ Цареградомъ; туркмены же остались при той же Богомъ обиженной пустынѣ, которая тянется верстъ на 600 въ длину, съ востока на западъ, да почти столько же въ ширину—гдѣ немного шире, гдѣ у́же. Туркменія, какъ и вся Закаспійская степь, служила нѣкогда морскимъ дномъ, на которомъ сливались воды Каспія и моря Аральскаго; теперешнія каменныя горы были тогда островами. Почва тамъ больше песчаная или солончаковая; если по-

падается глина, то такая гладкая и твердая, точно укатанная; деревьевъ нѣтъ; растетъ, правда, чахлый саксаулъ, но его нельзя назвать ни деревомъ, ни кустомъ—безъ листьевъ, вмѣсто коры твердая и толстая броня какъ у черепахи; если рубить его топоромъ, сыпятся искры. Наше дерево не можетъ тамъ расти. Жгучій вѣтеръ высушилъ бы его въ недѣлю. Вообще, растительность скудная. Вода добывается только изъ колодцевъ, но очень глубокихъ, до 30 саж., а въ мелкихъ колодцахъ такая же горько-соленая вода, какъ и въ озерахъ. По древнему руслу большой рѣки Аму, которая прежде впадала въ Каспій, попадаются плесы соленой воды, камышъ, можжевеловые кусты и сочныя травы; тутъ водятся кабаны, гуси, утки; въ зарослях камыша встрѣчаются тигры, пантеры, барсуки; многочисленныя стада туркменъ откармливаются на Узбоѣ. Такъ называется старое русло Аму. Къ сѣверу отъ Узбоя кочевки туркменъ доходятъ до Усть-Урта; къ югу, т.-е. со стороны Персіи, Туркменію отдѣляютъ горы Копетъ-дагъ. Съ крутыхъ и короткихъ отроговъ Копетъ-дага стекаетъ множество рѣченокъ, благодаря чему, у подножія горъ осѣло племя Ахалъ-теке. Длина оазиса 300 верстъ, ширина отъ 10 до 30 верстъ, лишь въ одномъ мѣстѣ 60 верстъ. Это самый благодатный уголокъ пустынной Туркменіи; тутъ произрастаютъ персики, абрикосы, виноградъ, орѣхи; пашни, орошаемыя, какъ и вездѣ въ Туркестанѣ, изъ арыковъ, даютъ обильные урожаи гороху, люцерны, бобовъ, табаку, хлопчатника, ячменя, пшеницы и сорго. Селенія текинцевъ не похожи на наши: глиняные заборы разгораживаютъ пашни и дворы, а внутри дворовъ стоятъ войлочныя юрты, окруженныя высокими стѣнами, или же мазанки, въ родѣ ящика, съ низенькой дверью и такими же окнами. Въ каждомъ поселеніи есть нѣсколько калъ: это маленькая крѣпостца изъ толстыхъ глиняныхъ стѣнъ, съ башнями и бойницами. Дальше, къ востоку, по р. Мургабу, другой цвѣтущій уголокъ Туркменіи, Мервскій оазисъ. Тамъ существуетъ поговорка: «отъ одного зерна пожни сто». Длина и ширина оазиса 60 верстъ. По глинистой

равнинѣ, подернутой пескомъ, протекаетъ р. Мургабъ; огромная плотина дѣлитъ ея воды на двѣ половины, которыя въ свою очередь дробятся на сотни канавокъ, равномѣрно орошающихъ весь оазисъ. Пространство между каналами разгорожено глиняными стѣнками и покрыто посѣвами или огородами съ безчисленнымъ множествомъ арбузовъ, дынь, или же садами, виноградными и фруктовыми. Подъ защитой какой-нибудь башни не то калы ютится поселеніе мервцевъ, большею частью по 3—4 кибитки на участкѣ. На берегахъ Теджента и Мургаба красовались нѣкогда цвѣтущіе города, Мервъ носилъ названіе «Владыки міра»: тамъ царствовалъ знаменитый Альпъ-Арсланъ (Большой левъ), которому по преданію поклонялись 1,200 царей. Въ Мервѣ и теперь лежатъ останки повелителя царствъ и народовъ; говорятъ, въ немъ было тогда до милліона жителей, болѣе половины которыхъ перебили монголы. Остальная Туркменія, т.-е. все пространство между Узбоемъ, Аму-Дарьей, Авганистаномъ и Персіей мало пригодно даже для кочевки: это пустыня, поросшая полынью, бурьяномъ и мелкими травами, которыми питаются овцы и верблюды. Лучшія мѣста для кочевки тамъ, гдѣ встрѣчается песокъ; тутъ чаще попадается гребенщикъ, саксаулъ и почва рыхлѣе. Путникъ-новичекъ, попавши первый разъ въ пустыню удивляется, какъ это вдругъ въ его глазахъ исчезаютъ цѣлые караваны, точно проваливаются сквозь землю; какой-нибудь бугорокъ вырастаетъ въ цѣлую гору, крутой обрывъ рѣки кажется утесомъ, орелъ — верблюдомъ, бурьянъ—лѣсомъ. Такой обманъ глазъ повторяется на каждомъ шагу. Когда солнце поднимется высоко и накалитъ почву, нагрѣтый воздухъ дрожитъ, переливается, будто, надъ раскаленной печью; если-же небо покроется тучами, поднимается вѣтеръ нагоняющій горячій песокъ, и тогда все кругомъ кажется окутаннымъ красною мглою. Зной въ пустынѣ доходитъ до 50° R. Зима тамъ хотя и короткая но страшная, потому что бураны бушуютъ по цѣлымъ недѣлямъ. Песчаныя бури и снѣжные бураны одинаково страшны для путника. Лучшее время — ранняя

весна, когда угрюмую наготу замѣняетъ зелень; только продолжается она не долго: подъ палящими лучами солнца степь при-



нимаетъ свой обычный видъ — однообразный, пыльный, скучный. Однообразіе пустыни нарушаютъ только немногіе ея обитатели: то проползетъ змѣя, пробѣжитъ скорпіонъ или ящерица,

проскочитъ мышка или зайчикъ; иногда въ облакахъ пыли пронесется стадо дикихъ ословъ (кулановъ). Вотъ они остановились, втянули расширенными ноздрями пыльный воздухъ и снова поднялись въ галопъ, отъ котораго гулкая земля точно звенитъ. Въ поискахъ за добычей рыскаютъ волки, геены, шакалы. Неприглядна въ эту пору туркменская степь. Одинокій путникъ, конечно, не рѣшится углубиться въ пустыню; необходимость заставила людей соединяться въ караваны, которые ходятъ издавна по Туркменіи между побережьемъ Каспія, Персіей, Авганистаномъ и Хивой. Караваны придерживаются колодцевъ и выпасовъ, кромѣ того, запасаются про случай и водой; топливомъ служатъ сухая трава или же кизякъ. [1]) Колодцы—это станціи, по которымъ разсчитываютъ свои переходы и воинскіе отряды. Съ незапамятныхъ временъ ихъ берегутъ какъ величайшій даръ Божій, безъ котораго нельзя углубиться въ пустыню даже на самое короткое время. Идутъ долго, особенно верблюжьи караваны; лошадиные караваны ходятъ скорѣе, но зато лошади скорѣе и устаютъ, кромѣ того требуютъ лучшихъ кормовъ. Отъ Александровскаго укрѣпленія до Хивы верблюжій караванъ идетъ безъ малаго мѣсяцъ.

Въ оазисахъ туркмены живутъ болѣе скученно; кочевники, или «чарва», наоборотъ, любятъ просторъ степи. Слѣдуетъ замѣтить, что осѣдлый туркменъ («чомуръ»), у котораго много скота и лошадей, зачастую снимаетъ свою кибитку и такимъ образомъ превращается въ чарву. Кочевники живутъ богаче чѣмъ осѣдлые, зато они менѣе воинственны. Въ войнахъ съ нашими они почти не участвовали. Ближайшее къ намъ племя туркменъ называется іомудами. Съ наступленіемъ весны іомуды переходятъ р. Атрекъ и расходятся на лѣтнія кочевки — одна половина вдоль морского побережья, а другая по р. Сумбару. Огурджалинцы живутъ на островахъ и побережьяхъ Каспія, гдѣ занимаются рыболовствомъ, добычей соли, нефти. На островѣ

[1]) Высушенный навозъ.

Челекень насчитывается до 3 тыс. колодцевъ съ нефтью; одинъ такой колодецъ выбрасываетъ фонтанъ нефти до 10 саж. высотой и даетъ въ сутки 10 тыс. ведеръ. Благодаря такой богатой добычѣ многіе огурджалинцы разбогатѣли. Главный уловъ рыбы производится въ устьяхъ р. Атрека, гдѣ стоитъ аулъ Гассанъ-Кули, имѣющій до $1^1/_2$ тыс. кибитокъ. Сотни лодокъ снуютъ по заливу, а дальше, на глубинѣ колышатся мачтовыя суда: это армяне-скупщики наѣхали съ Кавказа за рыбой. Въ заливѣ ловятся: сомы, осетры, карпы; сомы попадаются до 3 саж. длины. Прочіе осѣдлые туркмены этого побережья занимаются хлѣбопашествомъ, при чемъ самымъ выгоднымъ продуктомъ считается сорго, даетъ урожай самъ-200 и болѣе. Текинское племя самое многочисленное, около 100 тыс. кибитокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое храброе; ихъ военный крикъ «уранъ! уранъ!» всего чаще раздавался въ Туркменіи. Половина ихъ, подъ названіемъ ахалъ-текинцевъ, какъ уже сказано, расположена у подножья Копетъ-дага, а другая половина, подъ названіемъ мервцевъ, по р. Мургабу. По причинѣ малоземелья текинцы привыкли жить на счетъ сосѣдей, занимаясь грабежемъ и разбоемъ (аламанами). Между ними какъ и между всѣми остальными туркменами есть кочевники и осѣдлые. Съ наступленіемъ лѣта кочевники покидаютъ аулы и уходятъ со стадами на пастбища, а осенью, когда пройдутъ дожди и въ оазисѣ зазеленѣетъ травка, они снова возвращаются въ аулы. Туркменскія племена никогда не жили между собою въ мирѣ; достаточно было самаго пустого предлога, чтобы одно племя разоряло, изгоняло изъ насиженнаго мѣста другое. Такъ лѣтъ 30 тому назадъ текинцы до того тѣснили іомудовъ, кочевавшихъ по берегу Каспія, что тѣ принуждены были передаться въ подданство Россіи; не мало доставалось отъ нихъ же сарыкамъ и салорамъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ. Хотя они всѣ говорятъ однимъ языкомъ, поклоняются единому Богу, причиною розни и вражды служитъ то, что пограничные туркмены отъ частой женитьбы на персіянкахъ переродились сами,

стали немного похожи на персіянъ. Вотъ почему каждый прославленный воинъ непремѣнно долженъ имѣть одну туркменку и дѣти ея считаются болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ дѣти отъ другихъ женъ. Вообще же туркмены рѣзко отличаются отъ родственныхъ имъ народовъ—киргизовъ, каракалпаковъ, узбековъ, и главное отличіе—гордая воинственная осанка, смѣлость въ поступи и острые, какъ-бы пронизывающіе глаза; роста они высокаго, смуглы, рѣдкая черная борода, короткіе густые волосы и широкія оттопыренныя уши. Женщины также хорошо сложены, встрѣчаются и красавицы, особенно въ молодости. Одѣваются какъ мужчины, такъ и женщины въ красныя шелковыя рубахи, длиною до ладыжки; мужчины надѣваютъ сверху халатъ, въ парадныхъ случаяхъ—парчевой или шелковый, съ широкимъ кушакомъ, за который засовывается кинжалъ или пистолетъ; вмѣсто обуви они носятъ туфли, ходятъ и босые, на головѣ расшитая ермолка, поверхъ которой надвинута черная баранья шапка. Туркменки любятъ при случаѣ принарядиться: поверхъ рубахи накидываютъ шелковый халатъ желтаго цвѣта, шею украшаетъ ожерелье, въ ушахъ серьги, на ногахъ цвѣтные сапожки; головной уборъ унизанъ монетами, разными цвѣтными камешками, золотыми и серебряными побрякушками. Зажиточныя текинки носятъ шаровары; поверхъ стянутыхъ внизу шароваръ—юбка и шелковый или суконный бешметъ; на рукахъ и ногахъ толстые серебряные браслеты. Женщины не прячутъ своихъ лицъ подъ покрывало, какъ это принято въ остальномъ Туркестанѣ; это не рабыни своихъ мужей, а полноправныя хозяйки, ни въ чемъ не поступаются своимъ мужьямъ и даже могутъ подавать совѣты на маслахатахъ.

Брачныя дѣла начинаются притворнымъ бѣгствомъ: завернувшись въ длинное покрывало, невѣста садится верхомъ, беретъ на руки козочку или ягненка и скачетъ съ нимъ во весь опоръ, стараясь не попасть въ руки жениха, который преслѣдуетъ ее во главѣ цѣлой шайки друзей. Послѣ поимки мулла

прочтетъ надъ ними молитву и бракъ считается свершеннымъ. На 3-й или 4-й день невѣста должна совершить новое бѣгство, уйти къ родителямъ, гдѣ остается иногда долго—годъ и болѣе того, пока мужъ разбогатѣетъ на столько, чтобы уплатить калымъ. За молодую и красивую дѣвушку надо уплатить 500—600 рублей и болѣе; за пожилую 100—150 руб. Въ прежнее время это богатство наживалось только разбоемъ или воровствомъ у сосѣдей. Покойниковъ оплакиваютъ какъ и вездѣ, но у нихъ еще новый обычай: въ продолженіе цѣлаго года, въ тотъ самый часъ, когда умеръ туркменъ, всѣ его родственники и друзья испускаютъ продолжительный вой, хотя бы этотъ часъ приходился во время ѣды—ѣдятъ и воютъ. Великому воину насыпалось «ексу» курганъ: каждый храбрецъ того племени приноситъ не менѣе 7 корзинъ земли, и такимъ образомъ вырастетъ горка въ 3—4 сажени, замѣтная въ степи и доселѣ. Туркмены вообще свято чтутъ могилы отцовъ. Однажды молодой текинецъ Оразъ укралъ у муллы Омера чуднаго коня. Омеръ былъ въ отчаяніи; онъ заклиналъ вора именемъ пророка вернуть ему драгоцѣнную лошадь, но Оразъ только посмѣивался надъ муллой. По его просьбѣ собралась сходка. Старики сначала добромъ уговаривали Ораза возвратить коня.—«А ты самъ, Сурханъ, не лучше ли поступилъ съ кобылицей Хаджи?» спросилъ дерзко Оразъ. Старикъ Сурханъ умолкъ, а Оразъ удалился, распѣвая богатырскую пѣсню. Тогда мулла отыскалъ ночью могильный холмъ дѣда Ораза, воткнулъ наверху копье и навѣсилъ на него изломанный лукъ. Этимъ онъ какъ бы приносилъ жалобу покойному предку Ораза. Въ такихъ случаяхъ все племя должно взяться за оружіе, чтобы отомстить обидчику. Угроза подѣйствовала. Какъ только Оразъ увидѣлъ копье на могилѣ дѣда, онъ отвелъ лошадь къ муллѣ и поставилъ ее на то же самое мѣсто, гдѣ она стояла раньше: «Лучше лежать въ черной землѣ, чѣмъ нарушить покой дѣдовъ», говорилъ послѣ Оразъ.—Хотя туркмены считаются магометанами, но у нихъ нѣтъ ни мечетей, ни минаретовъ; мо-

лятся они подъ открытымъ небомъ; муллы и выборные старшины не пользуются большою властью. «Мы народъ безъ главы, мы всѣ равные, и каждый изъ насъ царь. Намъ не надо тѣни дерева, не хотимъ быть подъ сѣнью начальника», говорили туркмены, пока не осилили ихъ русскіе. Правленіе у нихъ всенародное; если и избираются ханы, то власть ихъ была не велика за исключеніемъ походнаго времени. Во время нашествія непріятеля или по случаю другой какой бѣды выбираютъ хана уже цѣлымъ племенемъ; таковъ былъ, напримѣръ, избранный текинцами Нуръ-Верди-Ханъ, сынъ Берды-Мурада. У хановъ имѣлись совѣтники изъ сердарей, батырей, но всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на съѣздѣ всѣхъ хановъ, муллъ, выборныхъ отъ каждаго аула. Правятъ и судятъ въ странѣ по обычаю, завѣщанному отцами, и никто не посмѣетъ нарушить обычая, хотя бы и самъ ханъ. Преступниковъ караютъ пеней, иногда очень крупной, напримѣръ, за убійство до 2 тыс. рублей. Эта сумма уплачивается родичамъ убитаго; если убійца не въ состояніи уплатить, то за него расплачивается весь аулъ, гдѣ онъ проживалъ. За грабежъ одноплеменника грабитель изгоняется изъ племени. Но помимо суда, обиженный зачастую расправляется самосудомъ, отчего между родичами возникаетъ смертельная вражда—тутъ ужъ безсильны всѣ власти.

Отъ окружающихъ ихъ народовъ туркмены отличаются болѣе строгою честностью и чистотою нравовъ. У нихъ не заимодавецъ, а должникъ хранитъ росписку, чтобы не забылъ сколько онъ долженъ. Ложь, обманъ считаются преступленіемъ; имущество въ аулѣ остается безъ всякаго присмотра, никто и не тронетъ чужого. Къ людямъ незнакомымъ туркмены относятся осторожно, подозрительно, а съ людьми знакомыми простодушны и довѣрчивы; они любятъ свою родину, что и доказали на дѣлѣ, когда защищались противъ нашихъ; въ бою себя не жалѣютъ, но враговъ не щадятъ: тутъ они жестоки. Это не мѣшаетъ имъ быть жалостливыми къ животнымъ. Рука туркмена не подымется убить животное, которое онъ не можетъ

захватить съ собою; если онъ встрѣтитъ въ степи заблудшаго верблюда или барана, непремѣнно подѣлится съ ними водой. «Человѣку надо любить животныхъ: они кормятъ его», говоритъ туркменъ. Неразлучные спутники кочующихъ туркменъ— верблюдъ и лошадь. Большинство верблюдовъ одногорбые, поменьше ростомъ и слабѣе двугорбыхъ, но зато выносливѣе; они могутъ дѣлать переходы по 40 верстъ въ день съ кладью отъ 9 до 12 пудовъ. Пасутся на волѣ безъ путъ вокругъ кибитокъ; случается, что многія изъ нихъ уходятъ въ степь и тамъ дичаютъ. Туркменскія лошади ведутъ свою породу отъ прославленной арабской, хотя и не такъ красивы, но во всемъ свѣтѣ нѣтъ имъ равныхъ по выносливости; говорятъ, что онѣ способны пробѣжать тысячу верстъ въ 5 сутокъ, легко переносятъ голодъ и жажду. Это самое кроткое и смышленое животное, растетъ подъ кровомъ хозяйской кибитки, вмѣстѣ съ дѣтьми; ее ласкаютъ женскія руки. Часто можно видѣть въ бѣдной изодранной кибиткѣ хозяина и всю его семью въ лохмотьяхъ, тогда какъ лошадь покрыта богатой попоной. Въ такую ужасную пору, когда солнце прожигаетъ насквозь, туркменъ укутываетъ ее въ войлочныя одѣяла, отчего она сохраняетъ поджарый видъ, какимъ отличаются англійскіе скакуны. Табуновъ туркмены не держатъ; у каждаго мало-мальски зажиточнаго хозяина 3—4 лошади, которыхъ онъ держитъ на привязи, недалеко отъ кибитки. Цѣна такихъ лошадей отъ 200 до 500 р. Уходъ за животными и вообще все хозяйство лежитъ на рукахъ женщинъ; мужчины, кромѣ поѣздокъ на совѣщанія, проводятъ жизнь въ праздности. Любимые ихъ разговоры о новостяхъ (хабаръ); еще любятъ играть въ шахматы, играютъ очень искусно и быстро. Изъ-за новостей туркменъ сдѣлаетъ охотно 40 или 50 верстъ, чтобы по пути разсказать въ аулахъ, что онъ слышалъ или видѣлъ. Такимъ образомъ новости быстро передаются за сотни верстъ. Отъ прежней вольной жизни, когда туркмены нагоняли страхъ и ужасъ на сосѣднихъ трусливыхъ народовъ, остались лишь разсказы, сказанія да пѣсни. Моло-

дое поколѣніе и до сихъ поръ съ жадностью слушаетъ разсказы былыхъ бойцовъ, въ которыхъ истина перемѣшалась съ вымысломъ. Туркменъ по природѣ рожденъ для грабежа, который его обогащалъ и прославлялъ.

Арабы, турки и вообще всѣ мусульмане вели длинныя войны съ сосѣдями во имя Аллаха и Его пророка: то были «священныя» войны. Когда 450 лѣтъ тому назадъ турецкій султанъ, взявшій штурмомъ Цареградъ, въѣхалъ въ столицу греческихъ царей, онъ первымъ дѣломъ приказалъ обратить христіанскій храмъ въ мечеть, и тутъ же первый воздалъ хвалу Аллаху. Туркмены вели войны, дѣлали набѣги ради корысти; они не различали правовѣрныхъ отъ невѣрныхъ, лишь бы была добыча; особенно жадны на добычу текинцы—самое разбойничье племя. Въ грабежахъ туркменъ жестокъ, зарѣзать человѣка, истребить цѣлое поселеніе ему ни по чемъ. «Туркменъ на лошади», говоритъ пословица, «не знаетъ ни отца, ни матери» или: «если врагъ твой нападетъ на кибитку твоего отца, пристань къ нему и грабь вмѣстѣ». Такія мудрыя правила передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Сотни нѣкогда цвѣтущихъ деревень и теперь лежатъ въ развалинахъ по границѣ Персіи; густо заселенная страна превратилась въ пустыню; только тамъ удержалось населеніе, гдѣ нашло пріютъ между скалами въ трущобахъ. Авганскія, хивинскія и бухарскія владѣнія также страдали отъ ихъ набѣговъ, даже суда на р. Аму не всегда могли проскользнуть благополучно. Пограничные жители Персіи запирались, бывало, въ деревняхъ, похожихъ на крѣпости; караульные стояли днемъ и ночью на стражѣ; въ открытыхъ мѣстахъ были устроены башни, на 25—30 саж. одна отъ другой; наконецъ, они стали воздвигать громадныя стѣны на нѣсколько сотъ верстъ, остатки которыхъ можно видѣть и теперь. Разбои и набѣги только тогда утихли, когда персіяне додумались поселить на границѣ курдовъ, кочевое, также разбойничье племя. Число людей, уведенныхъ изъ Персіи въ неволю за одно столѣтіе считаютъ до милліона; случалось,

что одновременно томилось въ рабствѣ около 200 т. невольниковъ. Горе пастухамъ, которые, бывало, заберутся на сосѣднія пастбища. Разбойники, спрятавшись гдѣ-нибудь за бугорками или въ оврагахъ, отрѣжутъ путь отступленія и гонятъ стада вмѣстѣ съ людьми, обремененными цѣпями. Цѣлыя орды кочевниковъ не имѣли другого занятія какъ разбой, торговля невольниками или же война съ сосѣднимъ племенемъ. И близкіе, и дальніе набѣги туркмены всегда дѣлали конные, за исключеніемъ тѣхъ разбойничьихъ племенъ, которые ловили людей на побережьяхъ моря, въ своихъ дрянныхъ баркасахъ. Запрета никому не было: прослышитъ какой-нибудь изъ «батырей», что вблизи проходитъ торговый караванъ или же задумаетъ сдѣлать болѣе дальнюю прогулку, въ Хиву, напримѣръ, не то на персидскую границу, и выставитъ у своей кибитки длинную пику съ навѣшенной тряпкой. Тогда всякій желающій принять участіе въ набѣгѣ втыкаетъ рядомъ и свою пику; когда наберется достаточное число охотниковъ, объявляется мѣсто сбора, а также время выступленія. Иногда призывается «ишанъ» чтобы благословить аламанщиковъ на «доброе» дѣло. Какъ хищные звѣри любятъ ночью накрыть добычу, такъ и туркмены поджидали гдѣ-нибудь наступленія темноты; они внезапно налетаютъ въ тотъ моментъ, когда скотъ возвращается съ пастбища. Вмѣстѣ со скотомъ разбойники врываются въ загороди, другіе въ это время лѣзутъ на стѣны при помощи складныхъ лѣстницъ. Одни вяжутъ плѣнныхъ, остальные отгоняютъ скотъ, барановъ. Если мѣстность гористая или скалистая, туркмены ночью всползаютъ какъ кошки и ждутъ разсвѣта. Какъ только откроются въ селеніи ворота, хищники врываются въ улицы, дома, и начинается та же работа. Иногда они вырѣзывали цѣлыя селенія. Успѣхъ аламана зависѣлъ отъ выбора предводителя и соблюденія тайны. Туркмены очень дорожили тѣми изъ батырей, которые прославились удалью набѣговъ; эти вожаки хорошо знали пустыню, расположеніе колодцевъ, умѣли скрытно подвести свою партію, лихо наскочить на безпечнаго противника, а въ случаѣ неудачи

изчезнуть безъ слѣда въ пустыню, безбрежную какъ море. Догнать разбойничью партію такъ же было трудно, какъ вѣтеръ пустыни. И тайна задуманнаго набѣга соблюдалась строго. Если бы нашелся измѣнникъ, который предупредилъ врага о нападеніи, того всякій могъ убить. Не было преступленія выше измѣны. Вотъ почему во время войны съ текинцами мы не имѣли ни одного лазутчика, тогда какъ наши секреты были имъ извѣстны отъ нашихъ же джигитовъ.

Вооруженіе туркменъ было неважное: кривыя сабли плохого качества, ружья разныхъ образцовъ, начиная съ фитильныхъ и кончая охотничьей двустволкой; но стрѣляютъ они мѣтко, хотя и медленно, а въ рукопашной, когда вынимались шашки, туркмены могли быть и даже были страшны. «Гдѣ твоя душа?» спрашиваетъ одна женщина у туркменскаго батыря и отвѣчаетъ: «Твоя душа въ твоемъ мечѣ, твоя душа въ золотой стрѣлѣ». Туркменки мало въ чемъ уступаютъ своимъ мужьямъ: онѣ такъ же жестоки, храбры, даже мужественны. Однажды персидскій губернаторъ захватилъ въ плѣнъ знатнаго туркмена, по имени Шаваль-хана, и приказалъ его разстрѣлять. Это было лѣтъ 30 назадъ. Въ слѣдующую затѣмъ зиму туркмены сдѣлали набѣгъ на персидскую границу, разграбили богатую деревню, многихъ ея жителей перерѣзали, а помѣщичьяго сына увлекли съ собой въ надеждѣ получить за него хорошій выкупъ. Узнала объ этомъ жена Шаваль-хана, явилась къ батырю, который водилъ партію и потребовала, чтобы тотъ отдалъ ей знатнаго плѣнника. Батырь не согласился, и вдова пошла къ хану.

— Почему ты, женщина, считаешь плѣнника своимъ рабомъ? спросилъ у нея ханъ.

Вдова отвѣчала: «Онъ персіянинъ. Моего мужа разстрѣляли персіяне, и я хочу отомстить за его смерть».

— Женщина, ты права, сказалъ ханъ: возьми персіянина.

Туркменка вырѣзала собственноручно у живого плѣнника сердце, а трупъ бросила собакамъ.

Во время перваго штурма текинской крѣпости Денгиль-тепе, около десятка нашихъ конныхъ дагестанцевъ окружили текинку, ко-

Туркмены.

торая вела въ поводу верблюда, нагруженнаго домашнимъ скарбомъ. Завидя это, къ ней подъѣхалъ офицеръ и сказалъ по-татарски:

— «Ты не бойся, иди своей дорогой, эти люди не сдѣлаютъ тебѣ ничего худого». Текинка, приподнявъ голову, гордо сказала: «Чего мнѣ бояться? Я и не боюсь ихъ!» и продолжала свой путь. Другая текинка сидѣла во время штурма на краю канавы съ оторванной ногой и палила изъ пистолета въ проходившихъ мимо драгунъ.

Когда персіяне увидѣли, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ дерзкихъ набѣговъ, они вырядили въ текинскій оазисъ цѣлую армію—13 тыс. пѣхоты, 10 тыс. конницы и 33 пушки—подъ начальствомъ Мирзы-Эшмедита. Ему было поручено самимъ шахомъ истребить разбойничье гнѣздо. Весь оазисъ отъ мала до велика вооружился и выступилъ на встрѣчу. Сблизившись съ персіянами, текинцы то бросались въ шашки, то отступали и наводили непріятеля на скрытыя засады, гдѣ встрѣчали его залпами; бѣгущихъ преслѣдовали, рубили, пока, такимъ образомъ, не заставили всю армію повернуть обратно. Во время отступленія конница успѣла частью спастись, но пѣхота и вся артиллерія попали въ руки текинцевъ. На базарахъ Хивы и Бухары плѣнники продавались по 7 рублей. Съ той поры текинцы возмечтали, что они непобѣдимы, что равныхъ имъ по силѣ и храбрости нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Это внушило имъ непомѣрную гордость и презрѣніе ко всѣмъ сосѣдямъ.

Тяжка была участь плѣнныхъ. Стариковъ и больныхъ туркмены безжалостно умерщвляли, не потому только, что они негодны къ работѣ, а потому, что кровь ихъ угодна Аллаху; щадили только муллъ, дервишей и прочихъ духовныхъ, такъ какъ боялись проклятія. Молодыхъ сильныхъ невольниковъ или продавали на сосѣдніе рынки, или обращали въ рабовъ. Съ появленіемъ русскихъ на берегахъ Зарявшана и Аму, когда Хива и Бухара принесли покорность, рабство въ этихъ странахъ было уничтожено, невольничьи рынки закрылись. Тогда текинцы стали жестоко обращаться со своими плѣнниками, чтобы заставить ихъ просить выкупа. У нихъ пробылъ 8 лѣтъ въ плѣну бомбардиръ Киндяевъ, и хозяинъ подвергалъ его разнымъ истязаніямъ.

Свяжетъ, напримѣръ, туго-на-туго указательный и средній пальцы и вбиваетъ между пальцами деревянные гвозди; прикладывалъ къ тѣлу раскаленные угли, а въ морозы привязывалъ раздѣтаго къ столбу. Такими пытками текинецъ заставилъ Кандяева написать письмо, чтобы его выкупили за 48 тыс. Отъ начальства получился отвѣтъ, что деньги будутъ уплочены тогда,

Туркменки.

когда доставятъ Кандяева. Текинецъ сталъ мучить еще больше: заковалъ его въ ручные и ножные кандалы; кромѣ того, приковалъ цѣпью, обернутою вокругъ шеи къ столбу. Въ такомъ положеніи несчастный плѣнникъ не могъ ни лѣчь, ни сѣсть, какъ слѣдуетъ, а долженъ былъ или стоять, или держаться на корточкахъ.

Въ 1869 году русскій отрядъ высадился на восточномъ бе-

регу Каспія и заложилъ городъ Красноводскъ. Таково начало прочнаго водворенія власти Бѣлаго Царя въ нынѣшней Закаспійской Области. Въ послѣдующіе годы наши отряды доходили въ одну сторону до Аму, а въ другую до Ахалъ-Текинскаго оазиса. Тогда-то ближайшее туркменское племя іомуды и признали русское подданство, а текинцы пошли было на мировую. Черезъ 8—9 лѣтъ послѣ заложенія Красноводска наши стали придвигаться все ближе и ближе къ текинцамъ, но только неудерживали занятыхъ мѣстъ: постоятъ и отойдутъ. Текинцы поняли это такъ, что русскіе ихъ боятся: они стали уже преслѣдовать уходившія войска, дѣлали набѣги до Чикишляра и Красноводска и даже пытались ими овладѣть. Передъ хивинскимъ походомъ толпа конныхъ текинцевъ, до 600 человѣкъ, налетѣла среди бѣла дня на русскій отрядъ, собиравшійся въ ту пору подъ Красноводскомъ. Въ этомъ отрядѣ находился и Скобелевъ, въ чинѣ капитана. Пока солдаты похватали ружья, текинцы пронеслись черезъ весь лагерь, кого кольнули, кого рубнули, а одинъ смѣльчакъ накинулъ арканъ на Скобелева, который выскочилъ второпяхъ изъ палатки узнать причину суматохи. Плохо бы ему пришлось, не выстрѣли во́-время казакъ: мѣткою пулей онъ положилъ текинца на мѣстѣ. Помимо того, текинцы угоняли скотъ, верблюдовъ, нападали на мирныхъ іомудовъ; наши плѣнные съ той поры у нихъ не переводились: то схватятъ солдата, то поймаютъ на берегу рыболова. Болѣе всего казалось постыднымъ выкупать своихъ плѣнныхъ, а если ихъ во́-время не выкупить, то текинцы обращались съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, особенно съ тѣми, которые пытались бѣжать. Вотъ, что разсказывалъ побывавшій въ плѣну русскій солдатъ Цивашевъ: «7 октября 1878 года я съ шестью товарищами отправились на трехъ верблюдахъ безъ ружей за сѣномъ. Только что мы начали косить траву, какъ изъ-за бугра выскочили пять доброконныхъ туркменъ, съ ружьями и шашками. Мы пустились бѣжать, но туркмены скоро насъ догнали, сбили въ кучу и погнали въ горы. Мы не шли, а бѣжали; кто

отставалъ, того били нагайками. Канониръ Макаровъ скоро совсѣмъ присталъ. Тогда одинъ изъ туркменъ снесъ ему шашкой голову, затѣмъ слѣзъ съ коня, стащилъ съ Макарова сапоги, да еще раза три пырнулъ его ножомъ. Такимъ манеромъ гнали насъ до самаго вечера, пока не остановились у какой-то рѣчки напоить лошадей. Отсюда погнали дальше, на всю ночь, какъ есть до разсвѣта. Опять остановились у рѣчки, напекли въ золѣ лепешекъ и, проглотивши ихъ, тронулись дальше. Когда солнце поднималось на обѣдъ, мы уже вступали въ аулъ Каракала, гдѣ пробыли цѣлыя сутки. На другой день, отойдя отъ аула съ версту, туркмены остановились, заставили насъ раздѣться и разобрали нашу одежду; мы остались въ одномъ бѣльѣ, безъ сапогъ. Послѣ этого подѣлили насъ между собой: меня съ Петинымъ два туркмена погнали влѣво, остальныхъ товарищей погнали вправо. Больше мы съ ними не видѣлись.

Мы то поднимались въ горы, то спускались внизъ; то бѣжали по каменистому грунту или же вязли въ пескѣ. У меня и Петина ноги распухли, покрылись ранами. Видно нашихъ хозяевъ взяла жалость, потому что они перестали стегать насъ нагайками. Почти въ такую же пору, какъ и третьяго дня, мы подошли къ какой-то ихней крѣпости. Сейчасъ собрался народъ, окружили насъ, стали раздѣвать, бить, толкать, плевали въ глаза или кидали навозомъ въ лицо. И эти надругательства не прекращались до самой ночи. Потомъ насъ съ Петинымъ развели по разнымъ кибиткамъ: онъ пошелъ къ своему хозяину, а я къ своему. Мой хозяинъ сейчасъ же заковалъ меня въ желѣзныя путы, каждая въ 15 или 20 фунтовъ вѣсу, и приказалъ ложиться спать. Его звали Куль-Ильды. Онъ былъ очень бѣдный человѣкъ: ничего не имѣлъ, кромѣ кибитки и коня; жена у него была лѣтъ 25-ти, собой некрасивая, и дѣтей двое, мальчикъ да дѣвочка. На другой день меня послали собирать на топливо колючку и носить воду. Ходить приходилось босякомъ; голову обрили, дали какую-то шапку да трепаный халатъ. И Петина такъ же вырядили. Недѣли черезъ двѣ пришли къ

моему хозяину старики, что-то переговорили между собою, потомъ пришли ко мнѣ, чтобы я перемѣнилъ свою вѣру. Тогда я отвѣтилъ: «хоть вы зарѣжьте меня, но вѣры не перемѣню». А нужно вамъ сказать, что еще когда насъ разлучили, мы дали другъ дружкѣ клятву держаться своей вѣры. Послѣ моего отказа текинцы стали меня бить, хотѣли даже зарѣзать и зарѣзали бы, еслибъ хозяинъ не заступился, не допустилъ. Съ Петинымъ было тоже самое, и онъ отстоялъ свою вѣру. Текинцы не позволяли намъ громко молиться или творить крестное знаменіе, такъ что мы все время молились «нишкомъ» (про себя). Кормили, можно сказать, впроголодь: больше лепешками; разъ въ недѣлю давали баранину съ рисомъ. Одно утѣшенье имѣлъ—повидаться съ товарищемъ, отвести съ нимъ душу. Этого не запрещали, ходить по аулу мы могли, когда вздумается.

Мѣсяца черезъ три нашъ аулъ перекочевалъ въ пески верстъ за 40 отъ прежней стоянки. Во время пути мнѣ скрутили назадъ руки. Какъ только пришли на мѣсто, я узналъ, что Петинъ убѣжалъ отъ своего хозяина. Весь аулъ поднялся на ноги, проѣздили всю ночь, а утромъ его нашли подъ кустомъ, въ ямѣ. Избивши немилосердно, Петина привели назадъ, послѣ чего заковали въ тройныя кандалы, наглухо. Еще хорошо, что догадался онъ унести съ собой свои путы; брось онъ ихъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, его бы убили. На другой день я навѣстилъ Петина; ихъ кибитка стояла верстахъ въ двухъ отъ нашей. Поговорили, помолились вмѣстѣ; я его утѣшалъ, совѣтовалъ надѣяться на помощь Божью. Петинъ признался мнѣ, что хотѣлъ украсть у хозяина лошадь, да не могъ, потому что лошади у нихъ всегда прикованы на ночь: ну, а пѣшій далеко ли уйдешь?— Такъ какъ на новой стоянкѣ вода была далеко, верстъ десять, то мнѣ оставалась одна работа—собирать топливо. Хозяинъ мой сталъ ко мнѣ, какъ будто добрѣе: «Живи у насъ, говаривалъ, прими нашу вѣру...» Какъ тутъ прошелъ радостный слухъ, что насъ хотятъ откупить. А скоро слухъ сталъ сбываться. Пріѣхалъ въ нашъ аулъ Тыкма—сардарь, должно быть, выкупилъ

Текинскій аулъ въ оазисѣ.

меня у хозяина и повезъ съ собою. У него я встрѣтился съ канониромъ Пантюшинымъ, тоже значитъ выкупили. Сейчасъ меня расковали; работы не давали никакой, развѣ нарубить дровъ или напоить верблюдовъ, кормили же вволю: верблюжье молоко, баранина, лепешки, кукуруза...

Такъ проболтались мы недѣли три, пока шли переговоры, какимъ путемъ насъ отправить. Наконецъ, Тыкма-сардарь вырядилъ насъ съ своимъ сыномъ въ другое, дальнее кочевье, куда выѣхалъ на встрѣчу туркменъ, высланный начальствомъ. Онъ привезъ намъ шинели, сапоги, рубахи, штаны, чаю, сахару— все это прислалъ нашъ добрый командиръ, полковникъ Гаитиновъ. Послѣ трехъ дней похода мы прибыли въ Чатъ, гдѣ навстрѣчу намъ высыпалъ весь лагерь... И радость же была великая!»

Судьба Петина и его товарищей была много лучше, чѣмъ другихъ плѣнниковъ: иныхъ перепродавали изъ кибитки въ кибитку, пока не зачахнетъ бѣдняга; другихъ приневоливали принять магометанскую вѣру или же убивали за попытку къ бѣгству. Никакая великая держава не могла потерпѣть такого безчинства; къ тому-же и персіяне умоляли Государя Императора унять текинцевъ... Долготерпѣніе въ Бозѣ почившаго Монарха наконецъ истощилось: Онъ повелѣлъ двинуть войска въ глубь оазиса.

II.

Начальство надъ экспедиціей было поручено храброму кавказскому генералу Лазареву. Только этотъ походъ не удался. Самъ генералъ заболѣлъ и во время похода умеръ, запасы продовольствія, фуража оказались не велики, верблюдовъ мало, и вмѣсто того, чтобы сразу двинуть сильный отрядъ, пришлось вырядить только 10 батальоновъ и 14 сотенъ, при 16 орудіяхъ.

Какъ только стало извѣстно, что въ Чикишлярѣ начались сборы, текинцы ограбили подъ Красноводскомъ своихъ родичей,

а изъ-подъ Чикишляра угнали 200 верблюдовъ. На большомъ совѣтѣ («джумъ-гуріе») въ Куня-геокъ-тепе всѣ поголовно требовали войны. Было рѣшено укрѣпиться возлѣ бугра Денгильтепе, и сейчасъ же населеніе приступило къ работѣ: работали и женщины, и дѣти подъ надзоромъ трехъ хановъ. На каждыя 10 семействъ былъ назначенъ особый участокъ; однако ко времени появленія отряда крѣпость не была еще готова.

Авангардъ нашъ тронулся 6 Іюня. Погода стояла жаркая. Шли берегомъ Атрека, а берегъ его на 6—7 саж. выше чѣмъ дно, и чтобы достать воды, надо было дѣлать спуски, на что уходило не мало времени. Утомленные солдаты долбили твердую какъ камень землю, пока не выбьются изъ силъ. Проходили въ сутки не болѣе 10 — 12 верстъ; все это вышло оттого, что путь не былъ раньше извѣданъ, думали что онъ ровный, гладкій, вода вездѣ близко. Главный отрядъ выступилъ почти черезъ 2 мѣсяца, когда текинцы успѣли снять посѣвы, скопились въ крѣпости и угнали въ дальнія мѣста скотъ, словомъ, приготовились къ встрѣчѣ. Этого мало: нѣсколько разъ они тревожили въ Бендесенѣ нашъ авангардъ, поджидавшій здѣсь главныя силы. Чтобы отомстить за дерзкія покушенія, князь Долгоруковъ взялъ конницу, перебрался черезъ перевалъ и возлѣ Бами накрылъ текинцевъ врасплохъ, при чемъ отбилъ 6 тыс. барановъ и 800 верблюдовъ. Добыча пришлась кстати, продовольствіе было на исходѣ, а когда съ приходомъ главныхъ силъ сдѣлали подсчетъ, то оказалось, что составъ отряда надо уменьшить почти наполовину, и при всемъ томъ провіанта и фуража оставалось лишь на 15 дней. Надо было въ этотъ срокъ взять всѣ укрѣпленія, разбить текинцевъ и успѣть вернуться назадъ.

Только 27 Августа небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Ломакина подтянулся къ аулу Яронисъ, за 18 верстъ отъ крѣпости. На 28 былъ назначенъ штурмъ. Войска не смыкали глазъ, а въ 3 ч. утра снялись съ бивака. Темнота была такая, что брели на удачу, сбивались съ пути, возвращались назадъ и опять, повернувшись, шли наощупь. На раз-

свѣтѣ конные текинцы попытались было остановить отрядъ, но ихъ отбили гранатами, отъ которыхъ они разлетѣлись какъ брызги. Когда же авангардъ подошелъ къ буграмъ, за которыми было расположено укрѣпленіе, огромная толпа текинцевъ, размахивая шапками и подбрасывая вверхъ шапки, быстро вынеслась изъ крѣпости. Наши выждали и послѣ нѣсколькихъ залповъ заставили текинцевъ спасаться въ крѣпость. Тутъ у воротъ произошла страшная давка; наши сгоряча гнались за ними со штыками почти до самыхъ стѣнъ. Наконецъ текинцы скрылись, ворота были затворены и чѣмъ попало завалены.

Подошелъ главный отрядъ, и войска расположились для штурма: на правомъ флангѣ сталъ батальонъ Куринскаго полка и саперная рота, въ центрѣ стрѣлки и батальонъ кабардинцевъ; на лѣвомъ флангѣ другой батальонъ Куринцевъ и 2 гренадерскихъ при 4 орудіяхъ; сзади тамъ и здѣсь также по 4 орудія; въ резервѣ остался только Ширванскій батальонъ; кавалерію услали за крѣпость, чтобы преслѣдовать бѣглецовъ. День клонился къ вечеру. Передъ этимъ крохотнымъ отрядомъ возвышалось укрѣпленіе, стѣны котораго, сбитыя изъ глины, имѣли высоты до 3 с. надъ дномъ рва; главное укрѣпленіе было прикрыто крѣпостцами малыхъ размѣровъ; тамъ, за стѣнами, стояло цѣлое племя, готовое умереть за пядь родной земли.

Грянулъ сигнальный выстрѣлъ. Батальоны поднялись, двинулись сначала шагомъ, потомъ бѣгомъ, съ крикомъ «ура!» Засѣвшіе впереди укрѣпленія текинцы были скоро выбиты и бросились къ воротамъ; правофланговая колонна было настигла ихъ, но въ это же время попала подъ огонь передового укрѣпленія, изъ котораго разстрѣливали людей продольно и сзади. Куринцы съ саперами бросились было туда—тамъ разрываются наши же гранаты. Небольшая кучка солдатъ успѣла однако ворваться въ крѣпость, но, растерявшись въ узкихъ переходахъ между кибитками, она вся тамъ и осталась. Въ центрѣ стрѣлки и кабардинцы добрались до рва, спустились, поглядѣли на высокую стѣну и стали отступать; гренадеры также отступили.

По всей линіи штурмъ былъ отбитъ; текинцы высыпали изъ крѣпости. Не подоспѣй на выручку ширванцы, наша артиллерія осталась бы на мѣстѣ; уже артиллеристы палили изъ револьверовъ, рубились шашками. Батальоны отступали въ безпорядкѣ; въ какихъ-нибудь полъ-часа третья часть пѣхоты была изрублена. Измученныя и голодныя войска спѣшили добраться до обоза, гдѣ располагались какъ попало, лишь бы поближе къ верблюдамъ. Темнота ночи еще болѣе усугубляла суматоху: стоны раненыхъ, ревъ голодныхъ верблюдовъ, хриплые голоса начальствующихъ наводили тоску, вызывали горькія слезы. Тяжела была эта ночь! Хорошо еще, что текинцы не догадались сдѣлать нападеніе—тогда, Богъ вѣсть, чѣмъ бы все кончилось. Они въ это время собрались на маслахатъ. На совѣтѣ текинцы сообразили, что и у нихъ потери не малыя: оказалось до 2 тыс. убитыхъ, главный предводитель Берды-Мурадъ-ханъ тяжело раненъ, и что, пожалуй, имъ выгоднѣе просить мира. На утро назначены были переговоры, но когда выборные собрались ѣхать въ лагерь, русскій отрядъ уже успѣлъ сняться съ бивака. Еще прошелъ день, текинцы поняли, наконецъ, что одержали побѣду. Началось угощенье, скачки, пальба изъ ружей; всѣ русскіе плѣнные были изрублены; съ труповъ несчастныхъ собирали жиръ для заживленія своихъ ранъ.

Обратный путь былъ горше передняго. Всѣхъ раненыхъ не было средствъ поднять: каждый примащивался, гдѣ кто могъ—на лафетѣ, на верблюдѣ или казачьей лошадкѣ. Отощавшіе верблюды падали, и все, что было на вьюкахъ, осталось на дорогѣ. А тутъ текинцы, какъ аулы за кораблемъ, не отставали ни шагу; бѣда кто отставалъ: они моментально бросались и рубили на куски. Между ними были и женщины, вооруженныя овечьими ножницами на длинныхъ палкахъ. Арьергардъ все время отстрѣливался, патроновъ не жалѣли; дружные залпы пѣхоты и артиллеріи едва могли сдерживать стремительныя атаки конницы. Къ счастью преслѣдованіе продолжалось недолго, хотя многіе всадники проскакивали впередъ, занимали попутныя укрѣ-

пленія и оттуда встрѣчали нашихъ огнемъ. Изнуренный голодовкой отрядъ добрался черезъ мѣсяцъ до укрѣпленія Бендесенъ, гдѣ встрѣтилъ его генералъ Тергукасовъ, назначенный вмѣсто покойнаго Лазарева. Генералъ не подалъ вида, что замѣтилъ бѣдственное положеніе солдатъ и офицеровъ; поблагодарилъ за царскую службу и распорядился поскорѣе отправить ихъ на Кавказъ. Такъ кончилась первая экспедиція противъ текинцевъ, показавшая, что съ такимъ врагомъ нельзя дѣйствовать наавось, что это не простые «халатники», мнящіе себя воинами, пока сидятъ за высокой крѣпкой стѣной.

Послѣ неудачнаго штурма, текинцы стали появляться на базарахъ Хивы и Бухары, гдѣ хвастались своей побѣдой, а такъ какъ имъ могли не повѣрить, то они показывали русскія ружья. Они являлись и къ хивинскому хану, подарили ему нѣсколько винтовокъ, револьверовъ: «Намъ не надо ихъ, у насъ русскихъ ружей много, а будетъ еще больше!» Бухарскій эмиръ говорилъ тогда, что русскимъ не справиться съ текинцами, нужно 100 тыс. войска; хивинскій ханъ повторялъ то же самое со словъ текинцевъ. На всѣхъ азіятскихъ базарахъ толковали, что если русскіе нападутъ вторично, то текинцы ихъ разобьютъ. Базарные толки дошли и въ кочевья: хивинскіе іомуды начали грабить киргизовъ, кочевавшихъ на Эмбѣ, угоняли скотъ, верблюдовъ, барановъ; текинцы снова стали терзать Персію. Грабежи подвластныхъ намъ кочевниковъ и дерзость текинцевъ, прославленныхъ теперь, какъ народъ непобѣдимый, могли пошатнуть недавно водворенную русскую власть. Умы азіятскихъ народовъ легко поддаются внушеніямъ недоброжелателей, тѣмъ больше, что они не понимали въ чемъ сила и могущество русской державы. Текинцы, напримѣръ, думали, что въ царствѣ «Акъпадишаха» вѣчная зима, и для того, чтобы видѣть лѣто, русскіе надвигаются на югъ, отнимаютъ у мусульманъ земли и всѣхъ ихъ истребляютъ. Становилось необходимостью повторить экспедицію, однимъ ударомъ разгромить текинцевъ, покончить съ ними навсегда. Начальникомъ этой экспедиціи былъ назна-

ченъ Скобелевъ, молодой генералъ, всего 37 лѣтъ, тотъ самый, который закончилъ коканскій походъ, а потомъ прославилъ свое имя за Дунаемъ. Уже самое назначеніе Скобелева показывало, что на текинцевъ стали смотрѣть иначе, чѣмъ прежде: въ нихъ увидѣли враговъ, съ которыми не стыдно помѣриться силами.

Въ началѣ мая 1880 г. Михаилъ Дмитріевичъ прибылъ въ Чикишляръ, гдѣ встрѣтили его уже передовыя кавказскія войска; остальныя ожидались частью оттуда же, частью изъ Оренбурга и Ташкента, а всего предполагалось двинуть 64 роты, 9 казачьихъ сотенъ, 2 эскадрона тверскихъ драгунъ, 97 орудій—11 тыс. чел. и 3 тыс. коней. Еще до пріѣзда Скобелева началась кипучая работа по заготовленію всего необходимаго для степного похода, начиная съ продовольствія и кончая кошмами для подстилки. Пустынное побережье Каспійскаго моря оживилось—берегомъ сгонялись верблюды, передвигались команды; на пристаняхъ шла выгрузка, отъ Михайловскаго укрѣпленія укладывались рельсы желѣзной дороги; но самымъ главнымъ дѣломъ Скобелевъ считалъ занятіе опорныхъ пунктовъ, гарнизоны которыхъ должны беречь путь, а въ случаѣ неудачи войска могли бы найти въ нихъ пріютъ. Нѣсколько укрѣпленій по линіи Атрека, Чатъ, Дузъ-Олумъ уже были заняты раньше; Скобелевъ намѣтилъ Бами, какъ главный опорный пунктъ, который разрѣзалъ оазисъ на 2 части и въ то же время связывалъ 2 пути: одинъ изъ Чикишляра, по Атреку, 300 верстъ, другой — изъ Михайловскаго укрѣпленія, 270 верстъ. До 10 тыс. верблюдовъ ходили по этимъ линіямъ нѣсколько мѣсяцевъ, снабжая укрѣпленія запасами, такъ что, напр., въ Бами было доставлено безъ малаго милліонъ пудовъ. Бами досталось легко, но зато текинцы сейчасъ же набросились на мирныхъ киргизовъ, угнали 6 тыс. барановъ у бухарскихъ туркменъ и стали нападать на наши транспорты; даже ближайшіе къ намъ іомуды потеряли вѣру въ нашу силу, отказывались нанимать верблюдовъ и говорили, будто, текинцы истребятъ ихъ всѣхъ, если они станутъ помогать русскимъ. Набѣги и грабежи текинцевъ продолжались до самаго

Рождества; для охраны мирныхъ кочевниковъ и отраженія непріятеля высылались небольшія охотничьи команды, легкія, подвижныя, способныя къ быстрымъ передвиженіямъ. Служба въ отрядѣ была очень трудная: солдаты строили укрѣпленія, сопровождали транспорты съ верблюдами, перетаскивали кули и ящики въ магазины и все это въ жары, при знойномъ вѣтрѣ, вздымающемъ облака пыли, за которыми могла скрываться конная толпа хищниковъ. Въ серединѣ лѣта прискакали въ Бендесенъ 2 джигита съ почтой и донесли, что на самомъ перевалѣ по нимъ стрѣляли, при чемъ убитъ казакъ Коломійцевъ. Таманцы его похоронили, но Скобелевъ заподозрилъ тутъ измѣну и выслалъ изъ Бами доктора Студитскаго, чтобы осмотрѣть трупъ. Не доѣзжая укрѣпленія, Студитскій оставилъ конвой у ручейка, а самъ съ двумя таманцами сталъ подыматься въ гору, но въ это время конвойцы, замѣтившіе трехъ текинцевъ, окликнули его. Студитскій сбѣжалъ внизъ и всѣ 13 человѣкъ поскакали въ погоню. Когда наши ужъ поднялись въ гору, передъ ними точно изъ земли выросла цѣлая толпа, около 300 текинцевъ. Казаки спѣшились и сѣли въ осаду, недалеко отъ могилы Коломійцева, въ двухъ кучкахъ—одна въ 7 человѣкъ, другая въ 5. На разстояніи 200 шаговъ началась жестокая пальба: одного казака убили, другого ранили. Затѣмъ текинцы бросились въ атаку. Казаки дали залпъ почти что въ упоръ: толпа отхлынула, но смѣльчаки бросились въ рукопашную. Неравная безпримѣрная борьба продолжалась 8 часовъ. Студитскій распоряжался, пока не свалился мертвый; Иванъ Кучиръ, раненый въ щеку на вылетъ, не покидалъ ружья; послѣ второй тяжелой раны, когда ружье вывалилось само-собой, онъ еще ободрялъ товарищей держаться до послѣдняго, а 3-я пуля заставила его смолкнуть навѣки. Раненый казакъ Дудка скатился внизъ, вскарабкался опять наверхъ и подползъ къ товарищамъ. Въ 4 часа текинцы внезапно покинули свои позиціи и двинулись къ Бами, откуда вскорѣ раздались выстрѣлы: тамъ они наткнулись на 10-ю роту Самурскаго полка и послѣ не-

удачнаго нападенія скрылись. Доблестный подвигъ таманцевъ подѣйствовалъ на войска ободряюще; всѣ убѣдились, что текинцы вовсе не такъ страшны, что сила вовсе не въ числѣ, а въ отвагѣ и стойкости. Всѣ оставшіеся въ живыхъ были награждены крестами, семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ выслано пособіе по 100 рублей каждому.

Съ самаго пріѣзда въ Чикишляръ Скобелевъ внимательно изучалъ новый для него край; особенно же интересовали его текинцы: ихъ образъ жизни, характеръ, военныя привычки;

Тыкма-сардаръ.

многое онъ узналъ отъ участниковъ лазаревской экспедиціи; но этого ему было мало: онъ задумалъ познакомиться съ ними поближе и въ то же время показать текинцамъ, что въ открытомъ полѣ они безсильны; кстати, заодно, истребить ихъ жатву. Въ ночь на 6-ое іюля, небольшой отрядъ въ составѣ около 4 ротъ пѣхоты, 4 сотенъ, 10 орудій и 8 ракетныхъ станковъ выступилъ изъ Бами. Никто изъ участниковъ, кромѣ Скобелева и начальника штаба Гродекова, не зналъ куда ихъ направятъ: указанъ только Арчманъ. Когда на другое утро

узнали, что предстоитъ познакомиться съ текинцами на мѣстѣ ихъ пребыванія, то всѣ впали въ уныніе и думали, что Скобелевъ ведетъ отрядъ на вѣрную смерть. Попутныя селенія были брошены; поля пшеницы и джугары неубраны. Къ тому времени постройка крѣпости Денгиль-тепе была окончена; около 25 тыс. текинцевъ со своими семействами готовились умереть за валами своей твердыни; распоряжался дѣломъ защиты Тыкма-сардаръ. Съ 13 лѣтъ онъ началъ ходить на аламаны и на 15-мъ году попалъ въ плѣнъ къ курдамъ. Его засадили въ тюрьму. Тогда жители Беурмы сдѣлали складчину въ 6 тысячъ тумановъ и выкупили его. Черезъ 2 мѣсяца онъ уже возвратилъ беурцамъ эту сумму. Начиная съ 17 лѣтъ онъ имѣлъ свою шайку, съ которой однажды отбилъ у персіянъ 40 тыс. барановъ, за 800 верстъ отъ Беурмы. Съ этихъ поръ Тыкма-сардаръ прославился какъ лихой наѣздникъ и самый искусный военачальникъ. На его призывъ собирались тысячи всадниковъ, увѣренныхъ въ успѣхѣ задуманнаго дѣла и, дѣйствительно, богатая добыча, въ раздѣлѣ которой Тыкма-сардаръ былъ всегда очень справедливъ, вознаграждала съ лихвой участниковъ набѣга. Между городами Тегераномъ и Мешедомъ 500 текинцевъ захватили однажды 300 богомольцевъ и караванъ навьюченныхъ верблюдовъ. На обратномъ пути Тыкма-сардаръ встрѣтился съ персидскимъ войскомъ. Нѣсколько дней продолжалась жестокая битва, въ которой текинцы остались побѣдителями. Послѣ смерти Нуръ-Верды-хана Тыкма-сардаръ, безъ особаго избранія, сталъ во главѣ свободолюбиваго племени. Это случилось какъ-то само-собой.

Между тѣмъ нашъ отрядъ благополучно занялъ Егянъ-Батыръ-калу, въ 12 верстахъ отъ укрѣпленія и сейчасъ же приспособилъ этотъ поселокъ къ оборонѣ. Тутъ сварили солдатамъ обѣдъ; Скобелевъ и штабъ его ѣли то же, что и солдаты; потомъ онъ ходилъ по биваку, шутилъ съ солдатами, пробовалъ пищу. Передъ закатомъ солнца играла музыка, а передъ зарей выпустили снарядъ по направленію къ укрѣпленію. Ночь была

темная и жаркая; кругомъ все спокойно. Спали крѣпко, не раздѣваясь, подъ прикрытіемъ секретовъ; не спалъ только Скобелевъ, обдумывая лихое дѣло: онъ понималъ, что текинцы могли раздавить ничтожную горсть пришлецовъ. Къ утру онъ былъ совершенно мокрый отъ пережитыхъ думъ, а выѣхалъ къ отряду на своей сѣрой красивой кобылѣ, какъ ни въ чемъ не бывало— въ чистомъ кителѣ, украшенномъ георгіевскимъ крестомъ, свѣжій, расчесанный и раздушенный. Его сопровождалъ конный осетинъ съ краснымъ значкомъ. Впереди отряда рыскали джигиты,

Домъ текинскаго земледѣльца, въ Бендесенской долинѣ.

потомъ казаки, имѣя на срединѣ конно-ракетную батарею. Шли полями, мѣстами засѣянными хлѣбомъ; непріятель не показывался, только отдѣльные всадники кружили около крѣпости. Вдругъ джигиты бросаются назадъ: оказалось, что въ ложбинѣ засѣли текинцы; широкою лавою, съ гикомъ, они неслись галопомъ на своихъ высокихъ длинноногихъ рысакахъ. Казаки остановились. Ракетная сотня быстро спѣшилась и поставила станки. Первая ракета упала тутъ же; прислуга отскочила въ сторону. Завидя это, Скобелевъ подскакалъ ко второму станку—

то же самое: ракета разорвалась, граната осталась возлѣ станка. Офицеръ крикнулъ было «ложись!» но Скобелевъ разсердился, наѣхалъ на гранату и сказалъ: «Тутъ не ложиться, а умирать надо!» Граната лопнула, нѣсколько осколковъ задѣли лошадь генерала. Въ эту опасную минуту урядникъ подскочилъ къ третьему станку и спустилъ ракету: она пошла удачно, гранату разорвало среди текинцевъ. Затѣмъ выскакала въ сторонку батарея и пустила нѣсколько картечныхъ гранатъ, послѣ чего текинцы разсыпались. Скобелевъ вызвалъ урядника ракетной батареи, потребовалъ георгіевскій крестъ и тутъ же прицѣпилъ его, со словами: «Ты не растерялся въ опасную минуту, оказалъ подвигъ, за что награждаю тебя крестомъ.» — Заиграла музыка, весь отрядъ взялъ на караулъ.

Наступленіе возобновилось. Въ $11^1/_2$ ч. отрядъ подошелъ къ многоводному ручью Секизъ-Ябу, орошающему всѣ селенія этой округи, извѣстной подъ именемъ Геокъ-Тепе.

Послѣ получасового отдыха орудія выѣхали на позицію за $1^1/_2$ тыс. шаговъ отъ ограды Янгы-кала, за которою уже отчетливо виднѣлось укрѣпленіе Денгиль-тепе; текинцы скопились въ Янгы-кала, откуда много разъ пытались бросаться, но ихъ всегда встрѣчали мѣткимъ огнемъ. Особенно безпокоила отрядъ партія пѣшихъ, засѣвшая въ небольшомъ саду шагахъ въ 400 отъ батарей. Скобелевъ послалъ взводъ Красноводскаго батальона выбить ихъ изъ сада. Текинцы, не дождавшись встрѣчи, скрылись въ селеніе. Канонада продолжалась часа 2, пока Скобелевъ не присмотрѣлся къ мѣстности, а топографъ Сафоновъ зачертилъ ее на бумагу. Наконецъ Скобелевъ послалъ приказаніе отступать. Ему показалось, что красноводцы слишкомъ ужъ торопятся, точно убѣгаютъ. Онъ со всѣмъ штабомъ подскакалъ къ нимъ, приказалъ прекратить стрѣльбу и построиться въ колонну. Когда это было исполнено, онъ продѣлалъ нѣсколько ружейныхъ пріемовъ, потомъ вызвалъ пѣсельниковъ, и самъ во главѣ взвода повелъ его безъ выстрѣла къ отряду. Текинскія пули жужжали кругомъ какъ пчелы.

Отрядъ окруженный двумя цѣпями—пѣхотной и казачьей—тихо, подъ музыку, отходилъ къ мѣсту ночевки. Текинцы ободрились; около 10 т. всадниковъ носились вокругъ отряда, пытаясь то тамъ, то здѣсь врубиться въ наши ряды. По временамъ отрядъ останавливался: стрѣляли одновременно впередъ, вправо и влѣво; офицеры, бывшіе въ цѣпи, стрѣляли изъ револьверовъ, обнажали въ свою защиту шашки. Одного убитаго урядника текинцы успѣли таки подхватить. Скобелевъ какъ коршунъ слѣдилъ за текинцами. Когда они притиснули казаковъ къ отряду, Скобелевъ остановился, приказалъ подать складной табуретъ, усѣлся лицомъ къ текинцамъ и сталъ разглядывать ихъ въ бинокль. Колонна, между тѣмъ, продолжала движеніе. Прошла пѣхотная цѣпь, а онъ все сидитъ; подошли послѣдніе казаки и, завидѣвъ генерала, остановились, стали стрѣлять. Только тогда Скобелевъ сѣлъ на лошадь, крикнувъ: «спасибо, молодцы!» Такъ, шагъ за шагомъ, отступали наши до самой Егянъ-Батыръ-калы, гдѣ и расположились на ночлегъ.

Тыкма-сардаръ, завидя впервые нашъ отрядъ, думалъ, что это авангардъ, а что сзади идутъ главныя силы; когда же посланные на развѣдку текинцы донесли ему, что сзади войскъ нѣтъ, Тыкма-сардаръ задумалъ ночью вырѣзать всѣхъ солдатъ. Самъ онъ взялъ $1^1/_2$ т. конницы, а пѣхоту поручилъ двумъ ханамъ, которые должны были зайти съ разныхъ сторонъ. На бивакѣ, окруженномъ густою цѣпью секретовъ, царила тишина, хотя мало кто спалъ; самъ Скобелевъ, закусивъ солдатской похлебкой, легъ на бурку подъ деревомъ. Эта мертвая тишина смутила текинцевъ; раздайся съ нашей стороны хоть одинъ выстрѣлъ, они бросились бы въ атаку. Между ними началась сумятица: кто лѣзъ впередъ, кто уходилъ назадъ, и самъ Тыкма-сардаръ, видя, что замыселъ не удается, быстро отступилъ частью въ горы, частью въ пески. Въ 4 ч. утра былъ данъ заревой выстрѣлъ по укрѣпленію; музыканты проиграли зорю, «Коль славенъ», «Боже царя храни»; войска пропѣли молитву. Текинцы находившіеся въ горахъ, прислушивались къ

незнакомымъ звукамъ и, прекративъ стрѣльбу, стояли какъ бы пораженные торжественностью церемоніи, происходившей въ глубокой тишинѣ и образцовомъ порядкѣ.

Узнавши впослѣдствіи, что въ отрядѣ находился самъ Скобелевъ, Тыкма-сардаръ страшно досадовалъ, что ему не удалось плѣнить «бѣлаго» генерала. Наши потери были не велики: 3 убитыхъ и 8 раненыхъ. Текинцы потеряли 200 убитыми.

Съ наступленіемъ осени скученная и тревожная жизнь стала текинцамъ въ тягость, къ тому же запасы хлѣба истощились. О назначеніи Скобелева командующимъ войсками они знали давно. Его дѣйствія не похожія на дѣйствія другихъ военачальниковъ пугали текинцевъ: «Мы боимся этого генерала,—говорили они,—будь на его мѣстѣ другой, мы давно разбили бы кара-гяуровъ.» Текинцы прозвали Скобелева «гезъ-канлы», что значитъ кровавые глаза. Сосѣди совѣтовали имъ мириться.—«Мы готовы на миръ, отвѣчали текинцы, если бы навѣрно знали, что насъ не перебьютъ. Въ случаѣ чего мы еще можемъ переселиться въ Персію».—Однако персидскій шахъ не очень обрадовался такимъ гостямъ, а хивинскій ханъ наотрѣзъ имъ отказалъ, говоря, что боится русскихъ. Запугиваніе вождей, увѣрявшихъ народъ, что русскіе, отобравъ оружіе, выселятъ текинцевъ въ Сибирь, а женъ ихъ раздадутъ солдатамъ—взяли верхъ надъ разсужденіями болѣе миролюбивыхъ, а тутъ еще прибавило вражды золото и наущенія англичанъ, которые клялись, что русскіе никогда не одолѣютъ текинцевъ, особенно, если они соединятся съ мервцами и съ прочими сосѣдями. Такъ дѣло стояло, пока не закончились съ нашей стороны всѣ приготовленія.

Въ началѣ декабря прибылъ въ Бами туркестанскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Куропаткина. Встрѣча ему была радушная. Скобелевъ встрѣтилъ туркестанцевъ, какъ отецъ встрѣчаетъ дѣтей: это были его сподвижники славныхъ походовъ и битвъ. Послѣ смотра онъ послалъ Кауфману привѣтственную телеграмму, гдѣ съ большой похвалой отозвался о туркестанцахъ. Дѣйствительно, глядя на ихъ бравый видъ, чистоту въ

одеждѣ, порядокъ и дисциплину, трудно вѣрилось, что эти доблестныя войска сдѣлали до 700 верстъ, большею частью безводной пустыней, по сыпучимъ нескамъ, на колодцы Ортакуй и Игды. Въ отрядѣ изъ 884 человѣкъ оказался только одинъ больной.

Еще до прибытія туркестанцевъ главный опорный пунктъ былъ перенесенъ въ Егянъ-Батыръ-калу, переименованную въ Самурское укрѣпленіе, въ честь самурцевъ. Появленіе тутъ русскихъ войскъ было неожиданностью для текинцевъ; во время этого короткаго перехода наши захватили 11 т. барановъ и 800 головъ скота, а возлѣ Самурскаго укрѣпленія еще 6 т. барановъ. Къ праздникамъ Рождества здѣсь было сосредоточено 38 ротъ пѣхоты, 11 сотенъ и эскадроновъ, 68 орудій, а всего 7100 чел.; остальныя войска занимали попутныя укрѣпленія, охраняли транспорты и вообще оберегали 800 верстъ пройденнаго пути. Одновременно съ приближеніемъ къ крѣпости Скобелевъ изучалъ ея расположеніе и ближайшіе къ ней подступы. Тутъ помогъ бывшій въ плѣну Петинъ. Онъ вылѣпилъ изъ глины маленькую крѣпость во многомъ сходную съ текинской, при чемъ разсказывалъ, какъ ее строили: сначала насыпали земляной валъ, утоптали его и потомъ облицовали глиной. Оказалось, что укрѣпленіе Денгиль-тепе имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника болѣе 4 верстъ въ окружности; высота стѣнъ 2 саж., толщина внизу до 5 саж., на верху вдвое меньше; на стѣнѣ у обоихъ краевъ поставлены 2 глиняныя стѣнки, въ 2 арш. вышиной, и къ наружной придѣланы бойницы для стрѣльбы изъ ружей; подыматься наверхъ надо по ступенькамъ. Кругомъ всей стѣны ровъ, мѣстами 2 саж. глубины и до $2^1/_2$ саж. ширины. Выходовъ изъ крѣпости 9; всѣ они прикрыты снаружи глиняными стѣнками. Мѣстность между валами оказалась почти ровная; въ дальнемъ углу возвышался курганъ, по имени котораго названо и укрѣпленіе, «Денгиль-тепе»; его крутые бока служили кладбищемъ, что̀ обозначалось множествомъ могилокъ, съ воткнутыми флажками изъ цвѣтныхъ тряпокъ или че-

токъ; на вершинѣ холма ханы держали совѣты. Вся внутренность крѣпости была заставлена кибитками, камышевыми или соломенными шалашами, съ узкими проходами, но посерединѣ крѣпости оставался свободный широкій проѣздъ. Снаружи, поблизости стѣнъ, находилось нѣсколько калъ; онѣ назывались у насъ по-русски: Великокняжеская—изъ соединенія трехъ калъ: Главной, Охотничьей и Туркестанской; затѣмъ оказались весьма пригодными—Мельничная и Правофланговая. Собственно вооруженія крѣпость не имѣла, если не считать нѣсколько мѣдныхъ пушекъ да пару зембурековъ, т.-е. фунтовыхъ чугунныхъ пушечекъ; ружей всего было 5 тыс., а число защитниковъ до 30 т., изъ нихъ 11 т. конныхъ. Всѣ эти свѣдѣнія доставались не даромъ, кровью: чтобы добыть ихъ надо было дѣлать рекогносцировки, т.-е. обозрѣніе стѣнъ, ближайшихъ подступовъ, что́ всегда сопровождалось потерями, правда, небольшими.

Соображая все, что было добыто разспросами, обозрѣніемъ крѣпости и ея подступовъ, а также принимая въ разсчетъ и храбрость текинскаго народа, Скобелевъ рѣшилъ взять крѣпость ускоренною осадою. Подъ осадою нужно разумѣть постепенное приближеніе къ крѣпости при помощи траншей (ровиковъ съ присыпкой), какъ бы обнимающихъ укрѣпленіе съ какой-либо стороны, а въ то же время прикрывающихъ людей отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Самая дальняя и большая траншея называется первою параллелью; отъ нея подходятъ малыми колѣнчатыми траншеями и закладываютъ вторую параллель; вблизи самой крѣпости—третью параллель, изъ которой уже бросаются на штурмъ черезъ готовый проломъ или обвалъ. При долговременной осадѣ работы гораздо больше, слѣдовательно, подступаютъ къ крѣпости гораздо медленнѣе, отчего осада затягивается на долго. По новости дѣла для текинцевъ способъ избранный Скобелевымъ былъ самый подходящій; собственно же для текинцевъ былъ бы выгоднѣе штурмъ—одинъ, другой, даже нѣсколько штурмовъ; у нихъ на это имѣлись свои сноровки, да и дѣло рѣшалось скорѣе, тогда какъ осада могла расхолодить ихъ

лылъ, истомить ожиданіемъ, изнурить голодовкой. По примѣру великаго учителя Суворова, обучавшаго войска подъ стѣнами Измаила, въ Самурскомъ укрѣпленіи, кромѣ обычныхъ ученій, упражняли солдатъ въ эскаладѣ стѣнъ, т.-е. умѣньѣ штурмовать крѣпость при помощи лѣстницъ. Для такихъ упражненій служила особая кала, въ которой сдѣлали проломъ. Солдаты подходили стройными рядами, съ пѣснями подъ бой барабановъ, съ крикомъ «ура!» стремительно бросались на брешь, откуда сейчасъ же открывали пальбу залпами. Слѣдомъ за пѣхотою втаскивались картечницы и горныя пушечки... Всѣ начальники получили отъ Скобелева наставленіе, какъ надо дѣйствовать противъ текинцевъ: «Когда раздастся священный бой къ атакѣ, артиллерія должна забыть себя и отдаться на поддержку товарищей. Она должна беззавѣтно лечь вся, если это нужно для успѣха атаки, точно такъ же какъ пѣхота беззавѣтно кладетъ свои головы во время атаки. Пѣхота не выдастъ артиллерію. Позоръ потери орудій ложится не на артиллерію, а на ея прикрытіе...»

За 3 дня до праздниковъ Рождества Христова передъ непріятельскою крѣпостью выросъ цѣлый городокъ изъ кибитокъ и джуламеекъ. Чтобы преградить бѣглецамъ путь въ пески, Скобелевъ сейчасъ же распорядился занять стоявшую за крѣпостью курганчу, и поручилъ это дѣло генералу Петрусевичу. Ни онъ, ни Петрусевичъ не знали, что курганча уже занята текинцами. Огражденная глиняными стѣнками, она была раздѣлена на множество двориковъ, а въ серединѣ ея стояла небольшая кала съ двухъ-саженными стѣнками и тяжелыми воротами; кругомъ курганчи—сады, также разгороженные стѣнками. Мѣстность вообще пересѣченная и по ней еще протекалъ ручей. Въ калѣ засѣлъ Куль-батыръ съ 30 охотниками, а около 400 текинцевъ размѣстились въ дворикахъ курганчи.

Въ густомъ предразсвѣтномъ туманѣ выступилъ генералъ Петрусевичъ. За 120 шаговъ раздались изъ Курганчи выстрѣлы; Петрусевичъ приказалъ конницѣ спѣшиться и броситься на штурмъ. Казаки и драгуны ворвались въ середину, гдѣ нача-

лась штыковая работа. Въ числѣ первыхъ ворвавшихся былъ самъ генералъ: онъ палъ смертельно раненый. Тѣло генерала переходило изъ рукъ въ руки, кипѣлъ жестокій бой, каждый шагъ впередъ доставался дорого, уже 50 человѣкъ сложили въ адской тѣснотѣ свои головы. Орудія, стрѣлявшія по садамъ и подбѣгающимъ текинцамъ уже разстрѣляли снаряды, а кала все еще оставалась въ рукахъ непріятеля: нечѣмъ было разбить ея громадныя ворота; подняться на высокую стѣну безъ лѣстницъ также нельзя. Въ ту пору когда и коноводамъ текинцы угрожали обходомъ, подбѣжалъ изъ Правофланговой калы маіоръ Богаевскій съ $1^1/_2$ ротами пѣхоты; подъ ея прикрытіемъ были подобраны раненые, убитые и стало возможнымъ начать отступленіе. Такимъ образомъ попытка окружить Денгиль-тепе не удалась: у непріятеля осталось свободное сообщеніе съ песками, гдѣ у него хранились запасы. Вечеромъ передъ закатомъ солнца, позади лагеря торжественно хоронили убитыхъ. Тутъ лежали на доскахъ, прикрытыхъ холстомъ, Петрусевичъ, маіоръ Булыгинъ, эсаулъ Ивановъ и 19 солдатъ. Многіе плакали при послѣднемъ прощаньѣ подъ грустные напѣвы погребальныхъ молитвъ. Когда опускали тѣла въ братскую могилу, раздался потрясающій залпъ всей артиллеріи по направленію къ крѣпости; въ отвѣтъ послышались крики...

Въ этотъ же день была заложена 1-я параллель за 600 саж. отъ крѣпости; къ ней примкнули редутъ (№ 1), за стѣнкой которой примостили осадную батарею, съ такимъ разсчетомъ, чтобы она могла обстрѣливать непріятельскій брустверъ вдоль (анфилировать). Начальникомъ праваго фланга осады былъ назначенъ полковникъ Куропаткинъ, а лѣваго полковникъ Козелковъ. Съ этого дня осадныя работы шли непрерывно подъ зоркимъ и бдительнымъ надзоромъ какъ Скобелева, такъ и его ближайшихъ помощниковъ; солдаты и офицеры мало отдыхали. Кромѣ земляныхъ работъ, войска отряжались въ караулы для занятія ближайшихъ къ крѣпости калъ, что сопровождалось схватками съ текинцами, наконецъ отъ нихъ требовалась полная

боевая готовность встрѣтить непріятеля, способнаго на вылазку. Отъ этой обязанности не освобождались даже отпущенные на отдыхъ.

Съ самаго начала осады текинцы боролись на смерть. Осо-

бенно страшны были ихъ вылазки. Они крадутся какъ кошки, всегда ночью, а бросаются какъ тигры, сразу. Идутъ на вылазку босые, рукава засучены, халаты подобраны, въ рукахъ шашки; у кого нѣтъ шашки—пика или русскій штыкъ; ружей на вы-

лазку не брали. Обыкновенно впереди идутъ самые отчаянные, настоящіе бойцы; подберутся къ траншеѣ, крикнутъ: «Алла! Магома!» и въ тотъ же мигъ пускаютъ въ ходъ шашки. За передовыми бойцами идетъ команда въ родѣ нашихъ санитаръ, на обязанности которыхъ уносить раненыхъ, подбирать убитыхъ. Сзади же всѣхъ крадутся аламанщики, или грабители. Въ аламанщики берутъ мальчишекъ лѣтъ 14 — 15, и грабятъ они ловко: въ нѣсколько минутъ успѣютъ обшарить всю траншею: подберутъ оружіе, раздѣнутъ до нага убитыхъ, ничѣмъ не брезгаютъ. Наши пока не знали текинскихъ сноровокъ, много терпѣли на вылазкахъ.

На третій день Рождества въ крѣпости собрался большой маслахатъ. Тыкма-сардаръ поклялся Аллахомъ, что истребитъ въ эту ночь русское войско, и самъ вызвался направлять вылазку. Охотниковъ оказалось до 4 т., между ними было много мервцевъ съ Каджаромъ во главѣ, за ними увязалось и нѣсколько женщинъ. Ханы и старшины стали у воротъ, чтобы рубить головы бѣглецамъ. Въ 6 час. вечера наши офицеры Яблочковъ, Чернякъ, Сандецкій вышли за 2-ю параллель разбить новую линію траншейныхъ работъ и замѣтили, что густыя толпы текинцевъ вылѣзаютъ изъ рва. Въ это время въ ближайшихъ траншеяхъ находились апшеронцы; они разбирали свои сумки, чтобы идти въ лагерь. Заслышавъ гулъ и топотъ, офицеры приказали заряжать ружья, но первый залпъ былъ выпущенъ поздно, черезъ головы текинцевъ. Они всею силою наступали на правый флангъ осадныхъ работъ и вскочили одновременно и въ ближайшій редутъ (№ 2) и на мортирную батарею (№ 5). Тутъ артиллеристы успѣли только выхватить револьверы да шашки. Тамъ и здѣсь бились въ рукопашную; но текинцы одолѣвали: они вырвали знамя 4 баталіона Апшеронскаго полка, при защитѣ котораго погибли князь Магаловъ, Чикаревъ, Готто, знаменщикъ Захаровъ и почти вся 14 рота; артиллеристы у горнаго орудія были перебиты. На мортирной батареѣ текинцы растаскали орудія по траншеямъ, разбросали

снаряды, заряды и унесли всѣ солдатскія шинели и котелки; подполковникъ Мамацевъ былъ убитъ. Наши подступы, наши батареи постепенно переходили въ руки текинцевъ, уже открывался путь въ лагерь. Но дальній редутъ (№ 1) еще стойко отбивался залпами стрѣлковой роты 13 баталіона.

Въ эту опасную минуту войска спѣшили на помощь частью изъ лагеря, частью изъ сосѣднихъ траншей. Такъ, Куропаткинъ, вытянувъ двѣ роты ширванцевъ между обоими редутами (№ 1 и № 2), залпами остановилъ текинцевъ; орудія осыпали ихъ картечью: редутъ (№ 1) былъ спасенъ, текинцы переколоты. Тогда же погибъ геройскою смертью безвѣстный солдатъ Апшеронскаго полка. Онъ бѣжалъ съ товарищами противъ ширванцевъ — тѣ прекратили стрѣльбу. Тогда онъ закричалъ: «Стрѣляйте! Стрѣляйте! Насъ мало, а за нами текинцевъ много!» Каждая минута была на счету; послѣ залпа апшеронецъ палъ отъ нашей же пули. Куропаткинъ продвинулся дальше, и разставилъ солдатъ въ два яруса—на брустверѣ и во рву редута № 2: огонь пѣхоты окончательно отогналъ текинцевъ. Въ нѣсколько минутъ все было кончено. Мы вернули наши позиціи, текинцы скрылись въ крѣпость, утащивъ знамя и горную пушку.

Еще болѣе успѣшно отбились самурцы занимавшіе отдаленную Правофланговую калу. Комендантомъ тамъ былъ морякъ Шеманъ. Онъ разставилъ всѣхъ солдатъ по стѣнкамъ и держалъ орудія въ готовности. Двѣ темныя густыя толпы текинцевъ приближались съ разныхъ сторонъ къ этой калѣ, когда нападеніе въ траншеяхъ уже было отбито. Гарнизонъ стоялъ безмолвно, не подавая признаковъ жизни. Вдругъ, изъ траншей послышалась музыка: текинцы опѣшили, остановились, потомъ бросились назадъ. Послѣ они признавались, что наша музыка нагоняла на нихъ столбнякъ; при первыхъ звукахъ имамы обыкновенно начинали молиться, остальные ждали штурма. Мы потеряли до 100 человѣкъ; почти у всѣхъ убитыхъ отрѣзаны были головы, которыя пошли на украшеніе кибитокъ. Текинцы возликовали, теперь они были увѣрены, что русскіе не возьмутъ

крѣпости. На другой день они угощали насъ нашими же пулями. Но Скобелевъ хранилъ завѣты Суворова: онъ не привыкъ ждать непріятеля къ себѣ, а всегда и вездѣ самъ его искалъ, почему на каждую вылазку отвѣчалъ или штурмомъ отдѣльныхъ построекъ, или же усиленной пальбой по крѣпости. Ни одна изъ вылазокъ не оставалась безъ наказанія. На другой же день Куропаткинъ безъ большихъ потерь занялъ три ближайшія къ крѣпости калы—Охотничью, Туркестанскую и Главную. Всѣ онѣ, какъ уже было упомянуто, получили названіе Великокняжеской, въ честь Великаго Князя Михаила Николаевича. Съ угловой башни Охотничьей калы открывалась какъ на ладони вся крѣпость; оттуда легко было слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось внутри, ни одно движеніе не могло укрыться; чтобы ни затѣвали текинцы, сейчасъ же становилось извѣстно генералу. Отсюда уже не трудно было снять планъ крѣпости, сосчитать число кибитокъ, слѣдить за разрушительнымъ дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ. Не дальше, какъ на другой день дали знать въ лагерь, что текинцы собираются во рву, слышны тамъ крики: «Пойдемъ опять всѣ! Идемъ вмѣстѣ!».

Дѣйствительно, текинцы, ободренные успѣхомъ первой вылазки, собрались повторить, и на этотъ разъ вызвалось уже 6 тыс., въ томъ числѣ много женщинъ съ мѣшками для сбора добычи. Часу въ десятомъ вечера начали раздаваться на лѣвомъ флангѣ нашихъ работъ одиночные выстрѣлы, потомъ залпы и пронзительное гиканье: то наступали текинцы на крайній редутъ (№ 3). Они перебили тамъ артиллеристовъ, убили ротнаго командира Закаспійскаго баталіона Яновскаго и овладѣли двумя горными орудіями. На помощь явились самурцы и дагестанцы: они вырвали редутъ, но текинцы успѣли увезти одно горное орудіе. За первой параллелью помѣщалея лагерь; тамъ встрѣтили непріятеля Поповъ со своимъ баталіономъ апшеронцевъ: послѣ нѣсколькихъ залповъ прямо въ лицо, текинцы отхлынули въ крѣпость; въ тылу лагеря отбились деньщики и писаря. Вмѣстѣ съ горнымъ орудіемъ текинцы потащили въ

крѣпость уцѣлѣвшаго наводчика Агафона Никитина. Они ужасно обрадовались, что удалось захватить живьемъ «топчи-башу», т.-е. артиллериста, въ надеждѣ, что онъ научитъ ихъ стрѣлять изъ пушекъ. Весь текинскій народъ собрался смотрѣть на плѣнника. Подали ему гранату и показали на пушку: Никитинъ понялъ, что отъ него требуютъ, но не захотѣлъ обагрить свои руки въ русской крови. Тогда обозлившіеся текинцы стали бить его плетьми, и это не помогло: Никитинъ наотрѣзъ отказался стрѣлять. Ему отрубили пальцы на рукахъ, отрѣзали уши, вырѣзали на спинѣ полосу кожи, потомъ положили живого на огонь и снова стали бить... Такъ онъ и умеръ въ страшныхъ мукахъ. Величайшій подвигъ русскаго воина не забытъ потомками: на мѣстѣ мучительной казни сооруженъ памятникъ, на которомъ прописано его имя; родные Никитина получили пожизненную пенсію. Послѣ второй вылазки текинцы упали духомъ: «Пропала наша земля!» кричали они. Многіе стали собираться въ пески. Еще болѣе напугало ихъ, что лагерь русскихъ войскъ придвинулся въ плотную къ 1-й параллели: «Русскій сардаръ присталъ къ намъ, какъ рубашка къ тѣлу». Дѣйствительно осадныя работы шли ходко: вотъ уже готова 3-я параллель, поставлены новыя батареи, ходы уширены, насыпи въ редутахъ приподняты, рвы углублены. Въ дальнихъ ходахъ безостановочно сновали люди—то на работы, то на отдыхъ, но чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ болѣе соблюдалась тишина и порядокъ. На передовыхъ позиціяхъ стояли шеренги солдатъ, тѣсно прижавшись къ насыпи и положивъ ружья въ бойницы, устроенныя изъ ящиковъ и мѣшковъ. Они сторожили текинцевъ: пули то и дѣло жужжали надъ головой; нѣтъ-нѣтъ да и свалится солдатикъ раненый въ голову. Въ заднихъ траншеяхъ жилось свободнѣе: тамъ варилась въ котелкахъ пища, заваривали чай; пѣхотные солдаты, какъ народъ хозяйственный, устроили себѣ въ брустверахъ печурки, тутъ же примащивались и на отдыхъ, мало думая о текинцахъ.

За 25 саж. отъ крѣпостной стѣны выросъ въ одну ночь

Ширванскій редутъ, откуда намѣчено вести подъ крѣпость подкопъ. Скобелевъ настаивалъ, чтобы заданныя на тотъ день или ночь работы непремѣнно были окончены, чтобы ни случилось, и такъ оно исполнялось. Онъ много разъ говорилъ и писалъ: «Отступленія не будетъ: или штурмъ, или смерть подъ стѣнами крѣпости.» Надо сказать, что захватъ орудій и нашего знамени все таки вскружилъ головы текинцамъ; слухи объ этомъ могли проникнуть далеко и повредить намъ: было слышно, напримѣръ, что іомуды готовятся поголовно къ возстанію. Тогда текинцы порѣшили еще разъ попытать счастья. Сынъ Тыкма-сардаря Ахъ-Верды, Коджаръ изъ Мерва и Кулъ-батыръ съ толпой народа отъ 6 до 8 т. подъ прикрытіемъ темноты, стремительно охватили оба наши фланга осадныхъ работъ. Наши секреты не успѣли даже выстрѣлить, какъ были изрублены. На этотъ разъ пѣхота встрѣчала текинцевъ, стоя позади траншей. Подбѣжавъ подъ огнемъ, они должны были подниматься на брустверъ, спускаться въ ровъ, на что уходило много времени и въ этотъ промежутокъ падали сотнями. Ставропольскаго полка У. О. Кривобородько, съ однимъ взводомъ, отбилъ толпу до 500 чел. Тѣ, которые лѣзли въ амбразуры, хватались руками за штыки и рубили въ то-же время шашками. Однако ихъ вездѣ блистательно отбили; они потеряли много своихъ, почти каждая кибитка оплакивала покойника. Въ эту же ночь былъ убитъ на молитвѣ старецъ Ходжа-Керимъ-Берды, ишанъ, считавшійся святымъ. Одни мервцы потеряли болѣе 200 чел.; уцѣлѣвшіе ушли домой, но ихъ ханъ Коджаръ остался. Теперь текинцы ждали только одного, чтобы мы поскорѣе двинулись на штурмъ. Неудачныя вылазки и настойчивость русскаго сардаря были причиной, что текинцы потеряли прежнюю бодрость. На ихъ глазахъ подползали все ближе и ближе точно живые земляные валики: то копошились въ землѣ саперы. Передній саперъ, стоя на колѣнкахъ, подрываетъ передъ собой земляной валикъ: онъ начинаетъ обваливаться. Тогда другой саперъ отгребаетъ землю и перебрасываетъ ее наверхъ. Ровикъ уширяется, валикъ подви-

гается все дальше и дальше. Текинцы стали бросать камни и комья глины, а высунуться за стѣнку, какъ бывало прежде, имъ уже нельзя: тамъ, внизу, стрѣлки только этого и ждутъ. Прежде, хотя по ночамъ, текинцы могли скрывать свои замыслы, теперь же вся крѣпость освѣщалась ракетами или особою лампою, Шпаковскаго. И днемъ, и ночью неустанно летѣли со свистомъ гранаты, поднимались крутою дугою бомбы и все это лопалось надъ крѣпостью, распространяя кругомъ смерть отъ множества осколковъ. Ни одинъ снарядъ не пропадалъ даромъ, потому что текинцы скучились на тѣсномъ пространствѣ, многіе зарылись въ ямы. По временамъ съ крѣпости раздавались крики: «Смотрите получше! Видите, урусъ роется точно свинья. Это не къ добру: смотрите и слѣдите!» По ночамъ муллы и ханы обходили кибитки, призывая народъ къ борьбѣ на смерть: «Не спите, не проводите время въ праздности, теперь надо драться! Бросимся же на гуяровъ, сомнемъ ихъ, отнимемъ пушки у этихъ собакъ. Великъ Аллахъ и Магометъ Его пророкъ: да будетъ благословенно наше оружіе.»

Послѣ вылазки 4 января много убитыхъ текинцевъ осталось между нашими передовыми траншеями и непріятельскимъ рвомъ. Трупы начали гнить, заражая воздухъ несноснымъ смрадомъ. Скобелевъ послалъ полковника Юмудскаго, родомъ туркмена, заключить перемиріе для уборки тѣлъ. У насъ выкинули бѣлый флагъ, штабъ-трубачъ заигралъ отбой: всѣ трубачи тотчасъ подхватили этотъ сигналъ, и долго онъ наигрывался, пока не утихла пальба. Съ нашей стороны вышло для переговоровъ три человѣка и со стороны текинцевъ трое. Обѣ партіи усѣлись одна противъ другой, какъ разъ по срединѣ между рвомъ и нашимъ редутомъ. По обычаю азіатцы спросили другъ у друга о здоровьѣ, послѣ чего Юмудскій объявилъ, что генералъ Скобелевъ, уважая храбрый текинскій народъ, согласенъ дать два часа на уборку тѣлъ. Въ отвѣтъ на эти слова съ крѣпостной стѣны, гдѣ собралось множество народа, раздались крики: «Намъ не надо ихъ! И такъ валяется въ крѣпости довольно этихъ со-

бакъ!» —Убитые были больше изъ сосѣднихъ кочевьевъ, жители которыхъ недавно покинули крѣпость, чѣмъ текинцы остались недовольны. Пока шли переговоры, народа на стѣнѣ все прибывало да прибывало. Въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ текинцы смотрѣли богатырями. Почти у каждаго въ рукахъ тяжелая кривая шашка съ роговой рукояткой, ножны деревянныя. Ружья у текинцевъ старинныя, больше кремневыя, при стрѣльбѣ кладутъ ихъ на подставку. Между толпами текинцевъ расхаживалъ въ красномъ халатѣ, съ копьемъ въ рукахъ, Мурадъ-ханъ. Онъ громко покрикивалъ: «Не смѣть стрѣлять по русскимъ: кто выстрѣлитъ—тому смертная казнь!» И съ нашей стороны толпы любопытныхъ покрыли всѣ ближнія насыпи. Первый разъ послѣ трехъ недѣль осады враги смотрѣли другъ на друга добродушно. Послышались шутки, веселые разговоры, зазыванье въ гости. Текинцы въ отвѣтъ улыбались, звали шапками къ себѣ въ крѣпость.

— «Вы бы лучше бросили воевать», —говорили наши, знавшіе по-татарски:—«Бѣлый Царь силенъ! Вамъ нельзя съ нимъ бороться! Лучше сдавайтесь: генералъ помилуетъ.» — Текинцы ничего не отвѣчали. Въ это время Скобелевъ прошелъ траншеями къ передовымъ позиціямъ, откуда внимательно осмотрѣлъ крѣпостную стѣну. Съ нашей вышки успѣли зачертить планъ крѣпости и когда сдѣлали примѣрный разсчетъ, сколько она можетъ вмѣстить кибитокъ, вышло, что ихъ должно быть 15 тыс. По окончаніи уборки текинцы сказали Юмудскому: «Ну, теперь ступай, да хранитъ тебя Аллахъ! Стрѣлять будемъ!» Какъ только халаты текинцевъ скрылись за стѣной, было сдѣлано по 3 выстрѣла на воздухъ, потомъ пошла обычная пальба. Послѣ узнали, что во время уборки тѣлъ въ кибиткѣ Махмутъ-Кули-хана собрался маслахатъ. Многіе были не прочь покориться, но Тыкма-сардаръ сказалъ: «Теперь уже поздно объ этомъ говорить!» —Возлѣ кибитки скопилась толпа молодежи; заслышавъ, что рѣчь идетъ о покорности, она ворвалась съ обнаженными шашками въ кибитку и застращала старѣйшихъ: «Не допустимъ!

Не хотимъ мириться! — кричали молодые текинцы: — смерть гяурамъ!» Тогда совѣтъ разошелся, давши знать на валъ, что текинскій народъ не желаетъ вести переговоры о мирѣ.

И текинцы ждали штурма, какъ освобожденія отъ томительной изводящей ихъ осады, такъ равно и русскія войска ждали штурма, чтобы разомъ покончить съ текинцами; они были утомлены осадными работами, тяжелою службой, озлоблены гибелью товарищей, поруганьемъ ихъ труповъ. Предвѣстниками близости конца было заложеніе брешь-батареи и устройство подкопа. Брешь-батарея должна была сбить часть крѣпостной стѣны настолько, чтобы могла подняться штурмовая колонна; при помощи подкопа разсчитывали взорвать часть стѣны. Прежде чѣмъ приступить къ этой работѣ, надо было сдѣлать точный промѣръ рва. На такое смѣлое дѣло вызвался сотникъ Кулаковскій. Подъ огнемъ съ вала онъ вышелъ изъ Ширванскаго редута, спустился въ ровъ и вымѣрялъ его — сначала на глазъ, потомъ тесьмой: оказалось, что глубина его въ два арш., а ширина семь арш.; до рва оставалось пройти сапой только 29 саженъ. Куропаткинъ съ отборной командой зорко слѣдилъ, пока отважный сотникъ не вернулся въ редутъ. Изъ ближайшей траншеи саперы сдѣлали спускъ въ сажень ширины, такой же глубины, и работа закипѣла. У самаго входа была поставлена машина, которая при помощи длиннаго кожанаго рукава вгоняла въ галлерею чистый воздухъ. Особые рабочіе безостановочно вертѣли рукоятку.

Машина гудитъ, колеса визжатъ подъ сильными руками солдатъ. А въ галлереѣ темно и тѣсно, какъ въ могилѣ, можно двигаться только на четверенькахъ; въ концѣ галлереи свѣтится огонекъ: тамъ работаютъ заступы, лопаты, стучатъ кирки. Вдоль всей галлереи сидятъ солдаты и передаютъ другъ другу мѣшки съ землею; послѣдній, который сидитъ у входа, выкидываетъ мѣшокъ на верхъ, а тамъ ужъ другіе его подхватываютъ и высыпаютъ. Духота страшная, всѣ обливаются по́томъ, свѣчи оплываютъ. Когда сдѣлали отдушину, стало легче. Галлерею вели съ такимъ разсчетомъ, чтобы ея конецъ пришелся подъ

непріятельской стѣной на двѣ сажени ниже. На третій день послѣ Крещенья загрохотала и брешь-батарея, расположенная въ концѣ 2 параллели. 13 орудій били въ крѣпостную стѣну и цѣлили такъ, чтобы подсѣчь ее примѣрно наполовину высоты. Стѣна, какъ уже сказано, оказалась довольно толстой; однако, черезъ 2 часа мѣткой пальбы глина стала обваливаться, засыпая крѣпостной ровъ и скоро брешь обозначилась довольно широкимъ обваломъ. Не смотря на жестокій огонь, текинцы исправляли стѣну на нашихъ глазахъ. Вслѣдъ за гранатой то мелькнетъ лопата, то опустится корзинка съ землей. Многіе изъ нихъ поплатились тогда за свою отвагу. Но Скобелевъ больше всего разсчитывалъ на дѣйствіе мины. Онъ посулилъ минерамъ, если они окончатъ къ 10 числу, 3 т. рублей и 4 креста на 30 человѣкъ. Тѣ выбивались изъ силъ, чтобы заслужить щедрую награду. Главная галлерея оканчивалась подъ стѣной особой камерой, т.-е. помѣщеніемъ для закладки пороха. Теперь рабочіе, сидя въ галлереѣ, передавали, какъ прежде землю, мѣшки съ порохомъ. Когда втиснули 72 пуда пороха, въ одинъ изъ мѣшковъ всунули горючій запалъ, отъ котораго проложили вдоль галлереи двѣ проволоки. Послѣ всего «забили» камеру, т.-е. заложили ее дерномъ, мѣшками съ землей, приперли щитами. Текинцы не имѣли понятія о подземной войнѣ и хотя догадывались, что русскіе идутъ подкопомъ, но думали, что этимъ путемъ они хотятъ попасть прямо въ середину крѣпости. Текинцы съ нетерпѣніемъ ожидали, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь начнутъ показываться головы урусовъ: они же будутъ только стоять да рубить ихъ.

Когда донесли Скобелеву, что мина будетъ готова на 11 число, онъ назначилъ штурмъ на 12, Татьянинъ день. Въ разныхъ мѣстахъ осадныхъ работъ были приготовлены лѣстницы, туры, пучки фашинъ, мѣшки, назначены мѣста для помощи раненымъ и наконецъ распредѣленіе отряда между штурмовыми колоннами.

Полковнику Куропаткину съ 11 ротами и 6 орудіями при-

казано овладѣть большимъ обваломъ, который сдѣлаетъ мина; полковнику Козелкову, съ 8 ротами при 3 орудіяхъ, идти на артиллерійскую брешь; подполковнику Гайдарову съ $4^1/_2$ ротами наступать лѣвѣе осадныхъ работъ, чтобы оттянуть на себя часть непріятеля и тѣмъ облегчить дѣйствіе остальныхъ колоннъ; резервъ изъ 21 роты и 18 орудій генералъ принялъ подъ свое начальство. Наканунѣ штурма шелъ небольшой дождикъ и всѣ боялись, чтобы онъ не затянулся, иначе трудно будетъ взбираться на обвалъ. Подъ этотъ дождикъ всѣ войска Ахалъ-текинскаго отряда построились къ молебну. Огонь съ крѣпости не утихалъ, но на него никто не обращалъ вниманія. Солдаты горячо молились, чувствуя приближеніе той минуты, когда наступаетъ рѣшеніе—кому жить, кому помереть; одному вернуться со славою и честью на родину, другому сложить свои косточки въ безвѣстной чужбинѣ.... Послѣ молебна генералъ держалъ рѣчь: «Братцы—товарищи!—говорилъ онъ.—Ждать дальше нельзя. Мы подошли траншеями почти подъ самую крѣпость, отступить теперь срамъ, да и невозможно. У насъ подохли всѣ верблюды, перебита большая часть лошадей. Если отступить—должны бросить жестокому непріятелю нашихъ раненыхъ, нашу артиллерію и наши обозы. На такое дѣло не пойдетъ русскій солдатъ. Знайте, что намъ только два выхода: побѣдить или умереть. Такъ, побѣдимъ же, братцы, или съ честью ляжемъ здѣсь всѣ за Царя и нашу родину! Ура! ура!»

— Побѣдимъ! Ур-р-ра! Ур-р-ра!—кричали солдаты неудержимо, точно воспрянувъ отъ долгаго сна.

Призывный кличъ любимаго полководца поднимаетъ духъ подчиненныхъ: воинъ какъ-бы вырастаетъ; онъ предчувствуетъ, что будетъ праздновать побѣду. И смерть ему не кажется страшной: приди она сейчасъ, онъ встрѣтитъ ее спокойно, даже радостно, если только знаетъ, что его товарищи тамъ, гдѣ-нибудь на верху водружаютъ знамя побѣды.... И только въ ночной тишинѣ, наканунѣ битвы, солдатъ вспомнитъ свою далекую родину, покинутую имъ семью — отца, мать, братьевъ, сестеръ.

Онъ мысленно благословитъ своихъ дѣтей, если они у него есть, затѣмъ начнетъ точить штыкъ или шашку, послѣ всего вынетъ чистую рубаху и, одѣвшись въ бой, точно на праздникъ, станетъ прислушиваться не слыхать ли команды: «вставай! становись къ разсчету!» Онъ принадлежитъ весь Государю, пославшему его исполнить свой долгъ.—Такъ провели ночь и войска текинскаго отряда наканунѣ кроваваго штурма.

Въ три часа войска начали расходиться по своимъ мѣстамъ. Текинцы замѣтили это передвиженіе и участили пальбу. Наступило утро, ясное, слегка морозное. Въ 7 час. утра колонна Гайдарова перешла въ наступленіе, взяла штурмомъ Мельничную калу и, приспособивъ ее къ оборонѣ, начала обстрѣливать текинцевъ, скопившихся на валу. Они думали, что отсюда будутъ штурмовать и крѣпость. 30 орудій уже $1^1/_2$ часа съ остервенѣніемъ рвали землю, уширяя брешь для колонны Козелкова. Не смотря на адскій огонь, текинцы самоотверженно исправляли поврежденія и почти всѣ тамъ же погибали. Въ $10^1/_2$ час. дали знать генералу, что мина готова. Тогда всѣ орудія праваго фланга осадныхъ работъ начали усиленное обстрѣливаніе того угла крѣпости, гдѣ надо ждать обвала; въ свою очередь мортиры засыпали разрывными снарядами внутренность крѣпости. Несмолкаемый гулъ орудій, залпы пѣхоты, занимавшей передовыя траншеи, не устрашили текинцевъ: они высыпали на стѣну и все время до роковой минуты поддерживали живую перестрѣлку. Отрядъ Куропаткина давно въ сборѣ, ждетъ только взрыва, чтобы броситься къ обвалу; колонна Козелкова, скрытая въ траншеѣ, также налицо.

— Поручикъ Чернякъ,—крикнулъ капитанъ Масловъ, глядя на часы.—Приготовьтесь: 30 секундъ осталось ждать....

Поручикъ Чернякъ держитъ въ рукахъ концы проволокъ; возлѣ него У. О. Шульга, гальванеръ.

— «Взрывайте!»

Текинцы ничего не подозрѣвали: на стѣнѣ противъ этого мѣста у нихъ было тихо. Прошло нѣсколько секундъ, пока Чер-

някъ соединилъ проволоки. Черная туча съ легкимъ шумомъ поднялась вверхъ надъ стѣной; дрогнула земля и раздался подземный гулъ: большія глыбы съ грохотомъ, точно каменный фонтанъ, посыпались на землю; мелкими камнями и землею засыпало нашихъ солдатъ. Стѣна рухнула на 9 саженей—стоявшіе тамъ текинцы всѣ погибли. Грозное «ура!» пронеслось отъ праваго фланга до лѣваго, отозвалось въ резервѣ и подъ его могучіе раскаты ширванцы съ уральцами полѣзли на свѣжій обвалъ, еще покрытый облаками пыли. Текинцы сначала ошалѣли отъ взрыва; имъ въ первый разъ пришлось видѣть или, лучше сказать, испытать это страшное средство. Однако они скоро опомнились и схватились за ружья; самые удалые бросились навстрѣчу ширванцамъ. Они поняли, что на этомъ бугрѣ изрытой земли рѣшается ихъ судьба. Въ жестокой рукопашной схваткѣ погибали ширванцы, палъ отважный сотникъ Кулаковскій и бывшій съ нимъ во рву казакъ Тетиковъ, но, вотъ, появилась въ тылу текинцевъ рота туркестанцевъ изъ колонны Козелкова: они наступали стройно, грозно, съ опущенными штыками—и текинцы не выдержали: кто бросился внизъ, тотъ расшибъ голову, кто остался на мѣстѣ — тутъ же погибъ. Ширванцы развернули свое знамя...

— «Туровъ сюда подавай. Орудіе, орудіе сюда!»—кричали солдаты сверху. Саперы протискались впередъ, расчистили въѣздъ для орудія, поставили, какъ первое прикрытіе, туры и набросали мѣшковъ съ землей. Это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Артиллеристы потащили туда пушки и, какъ только ихъ поставили, обвалъ считался занятымъ. Защитники, незнакомые съ правилами осадной войны, не позаботились заранѣе приготовить сильные резервы.

Съ высоты обвала наши увидѣли внутренность крѣпости. За стѣной тянулся небольшой внутренній ровъ, а за нимъ цѣлое море кибитокъ и врытыхъ землянокъ, одна возлѣ другой. Между кибитками шла кривая и широкая улица къ холму, о которомъ упоминалось раньше. Между дальними кибитками тѣс-

нились въ яркихъ халатахъ толпы текинцевъ, ихъ испуганныя семьи, верблюды, бараны, телята. Перекатная трескотня ружей, взрывы лопавшихся гранатъ, замиравшіе крики текинцевъ, вопли женщинъ, плачъ дѣтей и побѣдные возгласы русскихъ солдатъ— вотъ что представляла изъ себя въ тѣ минуты крѣпость, окутанная густымъ дымомъ, пропитаннымъ гарью, съ противнымъ запахомъ тлѣвшаго войлока.—Послѣ нѣсколькихъ залповъ сверху, отрядъ Куропаткина спустился внизъ и пошелъ дальше въ трехъ маленькихъ колоннахъ, подъ музыку, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ, пролагая путь къ кургану. Охотникамъ-апшеронцамъ удалось по пути отбить захваченное во время вылазки знамя своего полка; въ то же время послѣ рукопашной схватки маленькая колонна Фока отняла наши 2 орудія.

Такъ-же успѣшно было занятіе бреши. Въ передовой колоннѣ графа Орлова-Денисова, гдѣ находилось четыре роты апшеронцевъ, первымъ поднялся наверхъ поручикъ Поповъ, но раненый скатился внизъ. Текинцы громко кричали: «Алла! Магома!» рубили шашками, кололи длинными пиками, швыряли камнями. Орловъ-Денисовъ былъ смертельно раненъ. Потребовалась помощь. Козелковъ подвелъ три роты ставропольцевъ съ 2 горными пушками: и тѣ не могли сломить текинцевъ. Тогда генералъ хотѣлъ самъ вести 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, но его не допустили. Баталіонъ повелъ сѣдой кавказецъ подполковникъ Поповъ. Одинъ изъ его сыновей скончался отъ раны прежде, теперь мимо старика провели подъ руки другого сына. Обнялъ его сѣдой воинъ и пошелъ дальше. Съ приближеніемъ свѣжихъ силъ, передовые бойцы вскочили на ноги и всѣ вмѣстѣ дружно бросились на вершину бреши; подошедшій 3-й баталіонъ самурцевъ уже безъ всякаго приказанія поднялся по лѣстницамъ въ промежуткѣ между обоими обвалами, такъ что сдавленные со всѣхъ сторонъ текинцы стали кидаться въ разныя стороны, все еще въ надеждѣ удержать русскихъ; но все было тщетно: они наступали теперь сомкнутымъ строемъ, сломить который

могли только такіе же стройные ряды. Текинцы бѣжали толпами въ разныя стороны; вся окрестность покрылась бѣглецами. Только самые отважные продолжали собираться въ кучки вокругъ своихъ батырей и знаменосцевъ. Для этихъ свобода была дороже жизни, и всѣ они погибли смертью храбрыхъ.

Текинцы такъ были увѣрены въ неприступности своей крѣпости, что на этомъ кускѣ голой земли, примѣрно около 100 десятинъ, собрали всѣ свои семьи, часть скота, весь домашній скарбъ и богатства. Много накопили они золота и серебра, добытаго наѣздами въ Хиву, Бухару или же на персидскую границу: все это было скрыто въ крѣпости.

Въ каждой кибиткѣ солдаты находили большіе расшитые мѣшки съ мукой или зерномъ, женскія прялки, лопаты, чугунные котлы и таганы, овчины, кожи, превосходные ковры, шелковые халаты, женскіе уборы изъ серебра и бирюзы, сердоликовъ, коралловъ или крупныхъ монетъ. Мѣшки съ деньгами текинцы припрятали въ землю незадолго до штурма. Кромѣ фуража и хлѣба, солдаты получили разрѣшеніе брать, что хотятъ.

Съ колонной Гайдарова, которая поднялась по лѣстницамъ противъ Мельничной калы, уже болѣе 20 ротъ вошло въ крѣпость, и чѣмъ ближе подвигались войска къ кургану, тѣмъ тѣснѣе и тѣснѣе стояли кибитки. По временамъ оттуда раздавались одиночные выстрѣлы послѣднихъ защитниковъ. Солдаты разбивались на кучки, розыскивали виновныхъ: они были озлоблены противъ текинцевъ, что всегда бываетъ послѣ долгой или упорной обороны. Блѣдныя, заплаканныя текинки, съ кучами дѣтей, метались въ разныя стороны, не зная гдѣ пріютиться. Онѣ бросались на колѣни, жалобно взывая къ офицерамъ: «Аманъ-ага! «Аманъ-ага!» (пощади, господинъ). Конечно, ихъ не трогали.—Вотъ, наконецъ, и высокій курганъ «Денгиль-тепе.» Съ одной стороны маіоръ Сивинисъ, съ другой шт. кап. Мельницкій, обстрѣлявъ ближайшія кибитки, быстро поднялись на холмъ и въ часъ пополудни на вершинѣ его развивалось

знамя Апшеронскаго полка; моряки втащили картечницы, которыя очистили послѣднее убѣжище текинцевъ. Отсюда Куропаткинъ послалъ генералу записку: «Поздравляю съ полной побѣдой. Вся крѣпость наша, оба орудія и знамя отбилъ назадъ. Перехожу въ наступленіе, желательна помощь кавалеріи». Тогда самъ Скобелевъ, во главѣ двухъ эскадроновъ драгунъ и Полтавской сотни, провелъ ихъ черезъ крѣпость и пустился въ погоню; рубили и гнали верстъ 15, насколько позволяли силы отощавшихъ отъ безкормицы лошадей.

Когда стали дѣлать подсчетъ, то оказалось, что у насъ убыль изъ строя до 400 ч., въ томъ числѣ убитыхъ 59; текинцы же заплатили за оборону дорого, болѣе чѣмъ 6 т. потеряли; во многихъ кибиткахъ находили по 15 тѣлъ. Послѣ оказалось, что всѣ богачи, подъ предлогомъ отвезти семейства, ушли раньше штурма и уже не возвращались въ крѣпость. Тыкма-сардаръ, остальные ханы, ишаны—всѣ бѣжали, кто куда гдядѣлъ. Кромѣ своихъ пушекъ и знамени апшеронскаго полка побѣдителямъ досталось мѣдное орудіе, 2 маленькія чугунныя пушечки (зембуреки), 5 значковъ да разнаго имущества приблизительно на 6 милліоновъ. Но зато на рукахъ русскихъ осталось 5 т. покинутыхъ, обезумѣвшихъ отъ страха текинокъ съ ихъ дѣтишками. Это человѣколюбивое дѣло было поручено особому чиновнику. Ихъ помѣстили въ отдѣльномъ лагерѣ, выдавали провизію, подъ больныхъ и раненыхъ отвели особый лазаретъ. Текинки сначала не хотѣли идти получать провизію: «На что намъ все это, коли скоро снимутъ наши головы.» Однако, на другой, на третій день нельзя было узнать робкое запуганное стадо: женщины занялись хозяйствомъ, разыскивали свое добро, а шустрые ребятишки скакали и бѣгали взапуски.

Когда стало извѣстно, что бѣжавшіе текинцы, скрываясь въ пескахъ, не знаютъ, что имъ дѣлать, Скобелевъ разослалъ съ надежными джигитами воззваніе, въ которомъ приглашалъ весь ахалъ-текинскій народъ повергнуть свою судьбу на милосердіе

Государя Императора; онъ обѣщалъ имъ неприкосновенность жизни и уцѣлѣвшаго имущества; кто же окажетъ сопротивленіе, тому грозилъ полнымъ истребленіемъ. Вслѣдъ за воззваніемъ былъ направленъ полковникъ Куропаткинъ съ довольно сильнымъ отрядомъ для занятія Асхабада да и всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для водворенія текинцевъ на указанныхъ мѣстахъ, но уже подъ надзоромъ русской власти. Во время отсутствія Куропаткина было отдано въ приказѣ по отряду Царское спасибо. Въ Бозѣ почившій Государь, получивъ извѣстіе о взятіи крѣпости, прислалъ Великому Князю Главнокомандующему кавказской арміей слѣдующую депешу: «Благодарю Бога за дарованную намъ полную побѣду. Ты поймешь мою радость. Спасибо за всѣ твои распоряженія. Передай мое сердечное спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ: они вполнѣ оправдали мои надежды. Генералъ-адъютанта Скобелева произвожу въ полные генералы и даю Георгія 3-й степени. Прикажи поспѣшить представленіемъ къ наградамъ.»

Къ кибиткѣ Скобелева собрались всѣ офицеры отряда; выстроился 3-й батальонъ ставропольцевъ, которымъ командовалъ Скобелевъ передъ хивинскимъ походомъ, еще въ бытность подполковникомъ. Подали водку. Козелковъ, командиръ Ставропольскаго полка, поднялъ чарку два раза: въ первый разъ за здоровье подполковника Скобелева, а второй разъ за здоровье генералъ-отъ-инфантеріи.—«Вашей грудью, вашей кровью я заработалъ эти награды»,—сказалъ разстроганнымъ голосомъ молодой генералъ. Его слова подхватили солдаты, офицеры, и долго не смолкало задушевное «ура!» Скобелевъ всѣхъ обошелъ, каждаго благодарилъ, а бывшему своему батальону пожертвовалъ тысячу рублей на семьи убитыхъ и раненыхъ товарищей. Сестры милосердія Стрякова и графиня Милютина, дочь военнаго министра, получили серебряныя медали съ надписью «за храбрость». Обѣ сестры выдержали всю осаду, а Стрякова была даже контужена въ грудь.

Въ недавней борьбѣ текинцы потеряли своихъ храбрѣйшихъ

батырей, истощили запасы пороха, лишились оружія, а, между прочимъ, приближалось время посѣвовъ. Ждать помощи они не могли, потому что друзей не имѣли, наживая до сихъ поръ лишь враговъ. Даже муллы, ишаны—главные подстрекатели—пустили въ народѣ молву, что русскимъ присуждено теперь Аллахомъ завоевать на время весь край. Они говорили, что послѣ овладѣнія «неприступной, Богомъ хранимой крѣпости» ничто не можетъ остановить солдатъ Бѣлаго Царя. Но настанетъ время, когда во имя Пророка сплотятся всѣ туркмены и выгонятъ гяуровъ изъ святой земли... Такъ говорили муллы, а сбудется ли ихъ предсказаніе, извѣстно лишь одному Богу.

По окончаніи мирнаго похода, Куропаткинъ повелъ своихъ туркестанцевъ обратно, черезъ ту же пустыню, въ Петро-Александровское укрѣпленіе. За 8 верстъ отъ Хивы отрядъ былъ встрѣченъ самимъ ханомъ со всей его свитой; ночлегъ былъ приготовленъ въ его лѣтнемъ дворцѣ. За 4 мѣсяца похода и стоянки подъ Геокъ-тепе туркестанцы сдѣлали 2 т. верстъ. Скобелевъ прощался съ ними такъ же, какъ и встрѣтилъ, по-отечески: «Разставаясь нынѣ съ дорогими сердцу туркестанскими войсками, благословляю ихъ въ далекій и не безопасный путь. Увѣренъ, что и грозная пустыня имъ опять будетъ по плечу. Благодарю всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за исполненіе долга и присяги службы. Благодарю въ особенности полковника Куропаткина. Съ нимъ судьба породнила меня боевымъ братствомъ со второго штурма Андижана, въ траншеяхъ Плевны, на вершинахъ Балканскихъ и нынѣ во дни тяжелыхъ боевъ подъ Геокъ-Тепе».

Умиротвореніе края продолжалъ князь Эристовъ. Только Тыкма-сардаръ держалъ въ страхѣ около 2 т. бѣглецовъ, осѣвшихъ на р. Тедженѣ. Онъ говорилъ, что русскіе зарѣжутъ тѣхъ, которые возвратятся въ оазисъ. Даже мервцы прислали узнать, не сердится ли на нихъ Бѣлый Царь. Скобелевъ отвѣчалъ: «Бѣлый Царь когда гнѣвается, то гнѣвъ его слышенъ какъ рыканіе льва. Пушки не грохочутъ, значитъ, Бѣлый Царь

не сердится; не желаю этого ни вамъ, ни женамъ, ни дѣтямъ вашимъ, ибо въ тотъ день кровь потечетъ рѣкой и не спасутъ васъ ни англичане, ни кто другой, какъ не спаслись ахалъ-текинцы». Тыкма-сардаръ бросился къ мервцамъ съ предложеніемъ помощи. Мервцы осмѣяли его: «Ты убѣжалъ отъ русскихъ и хочешь защищать Мервъ? Если ты еще смѣешь называться храбрецомъ, то послѣ этого нѣтъ на свѣтѣ трусовъ. Ты трусъ, потому что убѣжалъ, а храбрые всѣ погибли подъ Геокъ-Тепе».—Тогда Тыкма-сардаръ увидѣлъ, что его пѣсенка спѣта и въ концѣ марта явился въ Асхабадъ, вручилъ Скобелеву свою саблю, которую и получилъ обратно, послѣ того, какъ поклялся вѣрно служить Государю.

Прошло 3 года, вновь завоеванный край получилъ названіе Закаспійской области, съ главнымъ городомъ Асхабадомъ, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе и командующій войсками генералъ Комаровъ. Сюда уже была проведена желѣзная дорога, продолженная нынѣ до Самарканда въ одну сторону и до Ташкента въ другую. Когда стало въ Асхабадѣ извѣстно, что и мервцы не прочь поступить въ русское подданство, Комаровъ двинулся съ отрядомъ на р. Тедженъ, откуда послалъ въ Мервъ Алиханова и Махмутъ-Кули-хана для переговоровъ. Старшины собрались на совѣтъ и послѣ недолгаго совѣщанія согласились признать власть Бѣлаго Царя. Тогда Комаровъ приказалъ имъ объявить, что они не иначе могутъ войти въ нашу державу, какъ отпустивши рабовъ и возвративъ персіянамъ все ограбленное у нихъ имущество. Мервцы не прекословили: сняли съ плѣнниковъ оковы, отогнали табуны лошадей и стада скота въ сосѣднія страны. Несчастные плѣнники плакали отъ радости, при чемъ славили во всеуслышаніе русскаго Царя. Повидимому, и мервцы были довольны переходомъ къ новой жизни. Въ концѣ января 1884 г. прибыли въ Асхабадъ 4 хана и 60 почетныхъ жителей Мерва. Все это были сѣдобородые старики, за исклю-

ченіемъ Юсуфа, молодого туркмена, мать котораго пользовалась большимъ уваженіемъ среди соплеменниковъ; тутъ же находились два знаменитыхъ аламанщика, побывавшихъ со своими шайками подъ стѣнами Тегерана. Депутаты подали Комарову прошеніе на Высочайшее имя, написанное по-татарски, въ которомъ мервцы обѣщали служить вѣрно, честно, оставить грабежи и разбои. Послѣ торжественной присяги на коранѣ, генералъ поздравилъ мервцевъ подданными великой державы, подъ покровительствомъ которой они всегда найдутъ себѣ защиту, послѣ чего объявилъ отъ имени Государя полное прощеніе за всѣ старыя провинности. Такъ состоялось присоединеніе Мервской области, изъ которой выкроено два округа—Мервскій и Теджентскій.

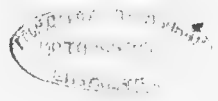
Англичане не могли безъ злобы и зависти смотрѣть на мирное безкровное расширеніе русскихъ предѣловъ. Когда ихъ уговоры и подстрекательства потерпѣли неудачу въ Мервѣ, они подстрекнули нашего сосѣда авганскаго эмира Абдурахмана захватить оазисъ Пенде, населенный сарыками, которые не задолго до того также приняли русское подданство; среди сарыковъ и ихъ родичей салоровъ уже было введено русское управленіе. Англичанамъ удалось нанять 4 тыс. авганцевъ, которые захватили Пенде, потомъ перешли р. Мургабъ и заняли сильную позицію при Ташъ-кепри. Наши новые подданные заволновались; надо было или поступиться, или принять вызовъ. Какъ ни былъ миролюбивъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Ш, однако не могъ простить такой дерзости. Въ первыхъ числахъ марта 1885 г. отрядъ изъ 8 ротъ, 4 сотенъ при 4 орудіяхъ, собрался подъ начальствомъ Комарова на рѣкѣ Мургабъ, а 13 марта приблизился къ позиціи авганцевъ, но версты за 4 отъ Ташъ-кепри остановился, какъ бы желая показать, что избѣгаетъ столкновенія. Въ то время, когда англійскій офицеръ началъ переговоры, авганскіе посты продвинулись впередъ и стали заходить кругомъ нашего отряда. Это вынудило генерала Комарова дать авганцамъ урокъ. Утромъ 18 марта

онъ подошелъ къ рѣчкѣ Кушкъ, но все-таки не начиналъ дѣла, пока авганцы сами не открыли огонь. Тогда Комаровъ атаковалъ авганцевъ, и, послѣ довольно горячей схватки, разбилъ ихъ на голову. Авганцы потеряли 8 орудій, 2 знамени, весь лагерь, 500 убитыхъ и раненыхъ; у насъ убыло 42 чел. На другой же день послѣ разгрома авганцевъ явились аксакалы отъ эрсаринцевъ и до того независимыхъ сарыковъ, съ просьбой принять ихъ въ русское подданство. Просьба эта была, конечно, уважена: изъ ихнихъ земель составился новый округъ Педжентскій.

Съ того времени началось мирное завоеваніе того края. Надо было связать во-едино враждебныя туркменскія племена, пріучить ихъ къ новой жизни, мирной, трудовой, что выпало на долю новаго начальника Закаспійской области, генерала Куропаткина. Онъ насаждалъ здѣсь то же, что Кауфманъ въ остальной части нынѣшняго Туркестана, Абрамовъ—собственно въ Ферганѣ, Ивановъ—въ бывшихъ владѣніяхъ хивинцевъ и той же Ферганѣ. И если любознательный путникъ захочетъ теперь проникнуть въ кочевья туркменъ, онъ можетъ проѣхать по желѣзной дорогѣ тамъ, гдѣ войска утопали въ пескѣ; кромѣ кибитокъ или мазанокъ, онъ увидитъ русскіе города и поселки, встрѣтитъ памятники былыхъ подвиговъ, услышитъ русскую рѣчь. Такое завоеваніе прочно и болѣе выгодно для мирной державы.

Англичане почему-то приняли разгромъ авганцевъ за нарушеніе мира; они даже ожидали, что на мѣсто Комарова будетъ назначенъ другой генералъ, а Государь Императоръ не только его не смѣстилъ, а пожаловалъ ему въ награду золотое оружіе. Тогда англичане всполошились и заговорили о войнѣ, и тутъ покойный Государь не поступился: сдѣлалъ необходимыя распоряженія на случай открытія военныхъ дѣйствій. Англичане притихли и съ тѣхъ поръ уже стали хлопотать, какъ бы уладить дѣло миромъ. Въ этомъ отказа не было. Съ обѣихъ сторонъ выслали особыхъ уполномоченныхъ для полюбовнаго размежеванія спорныхъ земель, и установленная ими государ-

ственная граница существуетъ понынѣ. Такимъ образомъ, своею твердостью Государь Императоръ, давъ хорошій урокъ англичанамъ, поддержалъ честь и достоинство дорогой ему Россій. Этотъ подвигъ Царя-Миротворца русскіе люди никогда не забудутъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Первые походы въ Хиву. 1. Походъ князя Бековича-Черкасскаго. Съ картой Туркестанскаго края 1

2. Зимній походъ графа Перовскаго въ 1839—1840 гг. Съ 3 рисунками. 22

Киргизская степь. Съ 3 рисунками и портретомъ Г. А. Колпаковскаго. 44

Туркестанскій край и попутные города. Съ 3 рисунками и портретомъ М. Г. Черняёва 66

Занятіе Ташкента. Съ 2 рисунками и портретомъ А. К. Абрамова . 90

Зарявшанъ, или Златоносная долина. Съ 2 рисунками и портретомъ бухарскаго эмира 103

Война съ бухарцами. Съ 3 рисунками 118

Наступленіе въ долину Зарявшана. Съ 3 рисунками 135

Оборона Самарканда и усмиреніе Шехрисябза. Съ рисункомъ . . 157

Хивинскій походъ 1873-го года. Съ 10 рисунками, портретомъ Машъ-Мурада-Диванъ-Беги и картой Средней Азіи 173

Желтая земля (Фергана). Съ 5 рисунками и портретами К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева и А. Н. Куропаткина 214

Война съ текинцами. Съ 4 рисунками, портретомъ Тыкма-сардаря, картой Туркменіи и планомъ Денгиль-тепе 252

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
12	1 снизу	изъ котораго	изъ которыхъ
51	1 сверху	киргизы-землевладѣльцы	киргизы-земледѣльцы
113	11 „	При теперешнемъ	При тогдашнемъ
177	5 „	крупные холмы	крутые холмы
212	10 „	во кружокъ	въ кружокъ
234	10 „	принадлежетъ	принадлежатъ
238	3 снизу	Во усѣянной	Въ усѣянной